

**ПАЛІТЫЧНЫЯ РЭПРЭСІІ
НА БЕЛАРУСІ
Ў XX СТАГОДДЗІ**

Беларускі Хельсінскі камітэт
Беларуская Асацыяцыя ахвяр палітычных
рэпрэсій

ПАЛІТЫЧНЫЯ РЭПРЭСІІ НА БЕЛАРУСІ Ў XX СТАГОДДЗІ

Матэрыялы
навукова-практычнай канферэнцыі
(Мінск, 27--28 лютага 1998 г.)

2-е выданне

Мінск 1998

УДК 947,6 "193" + 32,64 (476) (091)

ББК 81.2Р-4

А

Складальнік і навуковы рэдактар:
Н.І. Стужынская, канд. гіст. навук

Рэцэнзенты:

Н. Васілеўская, канд. гіст. навук,
І. Кузняцоў, канд. гіст. навук

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі:
Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск,
27--28 лютага 1998 г.) -- Мн., 1998. -- 278 стар., 2 іл. - 2-е
выд., выпр., дап.

У зборніку прадстаўлены даклады ўдзельнікаў канферэнцыі, якая прысвечана трагічным падзеям ў гісторыі Беларусі XX стагоддзя, ахвярам таталітарнай палітычнай сістэмы. Матэрыялы адлюстроўваюць лёс палітычнай апазіцыі і масавага знішчэння людзей у 1937--1938 гг., поспехі карнай палітыкі савецкай улады, тэналогію тэрору і ўсеагульнага палітычнага кантролю. Высвятляюцца лёсы вядомых дзеячоў і простых людзей, асобных мяцінаў і сем'яў, называюцца імёны ахвяраў і катаў.

Зборнік разлічаны на навукоўцаў, студэнтаў і шырокага кола чытачоў.

Малюнак на вокладцы зроблены А. Квяткоўскім.

Выдана пры падтрымцы NED

ВВК

ISBN 5-866617-059-2

© Калектыў аўтараў, 1998

ЗМЕСТ

Т. Протыко (<i>Мінск, Беларусь</i>) Політычныя рэпрэсіі ў Беларусі. Історыя і сучаснасць.	5
РЭПРЭСІІ: ПАДЗЕІ І ЛЮДЗІ	
В. Астрога (<i>Мінск, Беларусь</i>) Палітычныя рэпрэсіі беларускіх даследчыкаў новай і найноўшай гісторыі (1920—30-ыя гады)	17
Н. Васілеўская (<i>Мінск, Беларусь</i>) Масавыя рэпрэсіі інтэлігенцыі	26
А. Гесь (<i>Мінск, Беларусь</i>) “Выслаць за межы Беларусі...”	35
А. Дзярновіч (<i>Мінск, Беларусь</i>) Да дэмаграфічнага вызначэння масавых рэпрэсіяў камуністычнага рэжыму. <i>Тэзы.</i>	44
І. Канапацкі (<i>Мінск, Беларусь</i>) Справа № 35137 паўнамоцнага прадстаўніка АДПУ БССР аб кантррэвалюцыйнай татарскай арганізацыі ў Мінску	46
І. Кашкин (<i>Гомель, Беларусь</i>) О трагическом прошлом	57
І. Кузнецов (<i>Мінск, Беларусь</i>) Технология террора	67
В. Лебедзева (<i>Гомель, Беларусь</i>) Старонка мартыралогу: Палута Бадунова	89
А.М. Литвин (<i>Мінск, Беларусь</i>) К вопросу о политических репрессиях на Беларуси в годы второй мировой войны	96
Л. Лыч (<i>Мінск, Беларусь</i>) Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі	109
У. Навіцкі, У. Завальнюк (<i>Мінск, Беларусь</i>) Рэпрэсіі духавенства рымска-каталіцкай царквы ў БССР (20—30-ыя гг.)	122
Н. Рымарев (<i>Мінск, Беларусь</i>) Как уничтожали мою деревню	131
В. Скалабан (<i>Мінск, Беларусь</i>) Удзел ва Ўсебеларускім з’ездзе 1917 г. як падстава для рэпрэсій	136
Н. Стужынская (<i>Мінск, Беларусь</i>) Антыбальшавіцкі рух у Беларусі і палітычныя рэпрэсіі. 20-я гады XX ст.	141
Н. Токарев (<i>Мінск, Беларусь</i>) Учёные Академии наук — жертвы политических репрессий 30—40-х годов	147

А. Урублеўскі (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў у 1917—1940 гг.	153
М. Чарняўскі (<i>Менск., Беларусь</i>)	
Да гісторыі мядзельска-смаргонскага вучнёўскага падполля	162
А. Штеменко (<i>Гомель, Беларусь</i>)	
Тайны Шекотовскага леса	167
А. Юршэвіч (<i>Мёры, Беларусь</i>)	
Спякотны чэрвень сорак сёмага.	176
М.М. Blombergowa (<i>Łódź, Polska</i>)	
Archeologiczny aspekt badań w Katyniu, Miednoje i Charkowie	179
К. Gomołka (<i>Gdańsk, Polska</i>)	
Polityka rządów wobec białorusinów w II Rzeczypospolitej	188
R. Lindner (<i>Gerlingen, Deutschland</i>)	
Wissenschaft im Stalinismus: Das Institut für Geschichte der AN BSSR	203
Р. Ліндэр (<i>Герлінгер, Нямеччына</i>)	
Навука пры сталінізме: Інстытут гісторыі АН БССР <i>Резюме.</i>	215
 РЭПРЭСІІ І СУЧАСНАСЦЬ	
Л. Волчок (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Белорусская асацыяцыя жывых палітычных рэпрэсій: целі, праблемы	218
Н. Илькевич (<i>Смоленск, Россия</i>)	
Совместное использование в научных целях уголовных дел снятого фонда оперативных архивов территориальных органов Федеральной службы безопасности России	221
В. Карбалевіч (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Политические репрессии 90-х гг.: тенденции и особенности	232
А. Киштымов (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Права чалавека як частка еўрапейскай безапазнасці	244
Г. Климович (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Рэпрэсіі і жывыя рэпрэсій	246
В. Костка (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Спецслужбы ў сістэме дзяржаўнага кіравання	250
М. Крывальцэвіч (<i>Мінск, Беларусь</i>)	
Курапаты як помнік гісторыі і аб’ект палітыкі	252
А. Лукашук (<i>Прага, Чэхія</i>)	
Сакрэтныя архівы ў посткамуністычнай Еўропе: заканадаўства і грамадская практыка	258
Т. Малевіч (<i>Гродно, Беларусь</i>)	
Коммунистические репрессии и современность	275

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В БЕЛАРУСИ.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Темой доклада является рассмотрение основных этапов истории политических репрессий в нашей стране. Но прежде всего мне хотелось бы остановиться на определении самого понятия — политические репрессии. Готовясь к выступлению, я специально просмотрела толковые словари, энциклопедические справочники, изданные уже в 70—80-е годы в СССР и БССР. К моему удивлению, такие солидные издания, как Большая Советская Энциклопедия чрезвычайно лаконичны: «Репрессия — от позднелатинского *repressio* — подавление — карательная мера, наказание». Наиболее распространенное определение репрессий в Белорусской Советской Энциклопедии 1973 г. — это карательная мера, наказание, применяемое государственными органами в судебном или несудебном порядке. Но, чтобы никто ничего не подумал, тут же добавлено: в империалистических странах главное средство защиты интересов господствующих классов. Что же определяют собой репрессии в так называемых социалистических странах, об этом умолчала даже историческая энциклопедия.

Политические репрессии — это карательная мера, наказание, применяемое государством в судебном и несудебном порядке в борьбе с инакомыслием. Раньше жертв репрессий называли политическими заключенными. Время внесло свои коррективы в определение жертв репрессий, и сегодня мы разделяем их на узников совести — лиц, преследуемых за политические убеждения и просто неправомерно преследуемых и осужденных.

В нашей стране политические репрессии стали объектом только одной научной дисциплины — истории. Философы, социологи стыдливо отмалчиваются, не желая, как и раньше, вступать в открытый конфликт с властью. Потому что осуждение репрессий — это осуждение действий прежде всего власти. Исторические исследования, осуществленные по государственным программам, не очень результативны. С 1990 г. по февраль 1996 г. действовала в Институте истории Академии наук группа по изучению политических репрессий, но не подготовила никакого труда и была расформирована. Изучение репрессий являлось одно время модной проблемой: намечались темы кандидатских, докторских диссертаций, однако мода прошла, и присуждение степеней не состоялось. Исследование репрессий как драматических и героических страниц нашей истории ведется в основном энтузиастами, людьми с высокими

нравственнымными категориями. Многие из них — участники нашей конференции.

Источниковая база для изучения репрессий достаточно сложна. Основные материалы хранятся в архивах Комитета Госбезопасности РБ и ФСБ, как в центральном, так и областных. Получить туда доступ для систематической работы практически невозможно. Единицам исследователей посчастливилось листать пожелтевшие страницы уголовных дел, полных цинизма власти и страдания людей. Уголовные дела помогают нам узнать судьбу отдельных носителей инакомыслия, жертв репрессивной машины.

Материалы следственных дел, однако, очень коварный источник. Трудно отличить, где правда, а где желание следователя видеть «преступника» именно таким. Очень поучительны уголовные дела, заведенные на тех, кто осуществлял репрессии, их жалобы в партийные органы, где они рассказывают, что, как и почему делали. Однако эти ценнейшие источники, находящиеся в центральных архивах КГБ РБ, ФСБ РФ, областных архивах КГБ РБ практически недоступны для исследователей. Есть возможность пользоваться ранее секретными материалами бывших партийных архивов, но эти документы разрознены, их еще надо найти.

Важным источником являются воспоминания тех, кто был репрессирован. Издать любую книгу сейчас непросто, но книги, статьи, выступления очевидцев репрессий необходимы обществу и как память, и как предостережение.

Изучение репрессий имеет как бы два объекта. Первый — это способы борьбы, которыми пользовалось государство для уничтожения инакомыслия, государственные учреждения, осуществлявшие репрессии, законодательная база и лица, эти репрессии осуществлявшие. Второй — формы инакомыслия, его масштабы, содержание, судьбы инакомыслящих. Как первый, так и второй объекты изучены в разной степени. Благодаря работе архивной группы Комитета госбезопасности РБ (начальник Лев Пименов) мы знаем краткие биографии всех руководителей карательных органов, их структуру. Изучены биографии репрессированных писателей (Лидия Савик), некоторые наиболее громкие процессы 30-х годов — СВБ, БНГ, БНЦ (Владимир Михнюк). Гораздо менее изучено сопротивление населения, оказываемое тоталитарному государству. Многие годы в официальных средствах массовой информации писалось (и пишется сейчас) о поддержке и любви белорусов к руководителям страны. В реальной жизни все было по-другому. Люди критически относились и

Т. Протьюко. Политические репрессии в Беларуси.

относятся к действиям власти. В демократическом государстве это абсолютно нормальное явление: оппозиционно настроенные граждане имеют возможность публично высказать свое отношение к власти разными способами — в СМИ, на митингах, собраниях, образуя политические организации. В нашей стране многие люди также хотят иметь возможность выразить свое отношение к тому, что происходит в государстве. И именно за это их сегодня наказывают особенно жестоко.

Вообще, в истории репрессий в Беларуси и сегодняшних событиях много общих параллелей. Как в 30-е годы с «политическими» расправляются с помощью заведения уголовных дел, как например, было с В. Лабковичем и А. Шидловским, также периодически «чищают» высшую чиновничью иерархию (вспомним дело В. Леонова), иногда для острастки посадят друзей и ставленников казалось бы всесильных сподвижников вождя. Так же, как раньше, раскручиваются целые системы вредителей в «народном хозяйстве».

В течение XX в. Беларусь входила в состав двух федеративных государств — Российской империи (как Северо-Западный край), СССР (как БССР), с июля 1990 г. является суверенным государством.

Степень изученности истории репрессий на территории Беларуси разная. Наиболее хорошо изучены сталинские репрессии. Некоторые категории репрессированных этого периода уже реабилитированы. Реабилитация находится в прямой зависимости от формальной причины применения репрессии: оправданы те, кто был осужден за антисоветскую деятельность. Многочисленные шпионы, вредители, пособники, кулаки не реабилитированы, имена многих из них позабыты даже родственниками. Могилы тех, кто приговорен к высшей мере репрессии — смерти, неизвестны. Более того, нельзя сегодня точно определить количество репрессированных. В первую очередь из-за того, что не изучены остальные формы репрессий, кроме расстрелов и высылки в лагерь — это исключение из учебных заведений, лишение работы, высылка из республики, публичное осуждение, клеймение — эти и другие меры репрессий калечили человеческие судьбы не меньше. Особенно важны эти «тихие» формы репрессий сегодня: штрафы воспринимаются населением более болезненно, чем кратковременное лишение свободы.

Выскажу свою точку зрения о масштабах репрессий в советской Беларуси. Нет ни одного рода, в котором не было репрессированных в той или иной степени. Мы и сейчас мыслим или масштабами цивилизации, или отдельной человеческой жизни. Поэтому сразу не становится страшно от фразы — государством наказан каждый род. Многие роды были вовсе

истреблены, уничтожена родовая память. И если, как любят повторять некоторые священники, всякая власть от Бога, тогда за что был так жестоко наказан наш Народ?

Мы определили репрессии как борьбу власти с инакомыслием. Однако для нашей истории характерна борьба не только с реальным, как-то проявленным инакомыслием, но и с потенциальным. Уничтожались и изолировались наиболее, с точки зрения власти, опасные слои населения. Первыми из таких акций были репрессии против представителей враждебных классов.

К враждебным классам относились помещики, дворяне, крупное чиновничество, духовенство. Люди из этих социальных групп подлежали физическому уничтожению. Первоначально они — для перевоспитания — изолировались в лагеря принудительных работ или, как их тогда называли, концентрационные лагеря. Эти лагеря образовывались согласно постановлению ВЦИК от 11 апреля 1919 г. во всех губернских городах. В Минске такой лагерь начал свою работу в августе 1920 г. Лагеря включали не менее 300 заключенных. Сохранились архивы первых месяцев Минского концентрационного лагеря. Представителей враждебных классов в первую очередь брали в заложники, им не выдавали продовольственные карточки, не принимали на работу в государственные учреждения. Как правило, чтобы проверить выполнение нормативных актов по изоляции враждебных классов, в учреждениях проводились так называемые «чистки». Выявленные в процессе чистки дворяне или бывшие помещики подлежали помещению в лагерь. Наиболее массовые репрессии этого типа были в 1917—1920, 1926, 1931, 1937 годах.

Особенно следует отметить репрессии против духовенства. Уничтожить эту социальную группу не удавалось — вместо репрессированных священников, ксендзов принимали посвящение и начинали службу в приходе новые. Власть заставляла священников сотрудничать со спецслужбами, доносить на верующих и духовенство. Разглашение сотрудничества рассматривалось как нарушение гостайны и каралось помещением в лагерь. В конце 20-х годов около 80% ксендзов, обслуживающих приходы Минской, Витебской и Могилевской областей были осведомителями ОГПУ. Чтобы как-то уменьшить зло от всеобщего доноительства, ксендзы во время исповеди рассказывали друг другу об информации, переданной в ОГПУ. Однако это не спасало. Во время осуществления операции по уничтожению придуманной ОГПУ—НКВД организации в Беларуси Польской Организации Войсковой многие ксендзы были расстреляны. Для православного духовенства также были

Т. Протьюко. Политические репрессии в Беларуси.

придуманы организации — Истинно-православная Церковь (ИПЦ), Белорусская Автокефальная Церковь (БАПЦ), раскрытые и уничтоженные в 30-е годы. Репрессии против духовенства в 50—60-е годы изучены совсем недостаточно. Архивы КГБ, могущие пролить свет на эти события, закрыты для исследователей. Следует отметить, что к враждебным классам применяли все меры наказания — и когда митрополита Минского и Белорусского Мелхиседека заставляли кормить свиней в лагерях, это было более жестокое наказание, чем просто тюремное заключение.

Именно в борьбе с враждебными классами была выработана изощренная система унижающих человеческое достоинство пыток и наказаний. Следует обратить внимание на то, что следователям приходилось «раскрывать» десятки и сотни антисоветских организаций. Это было связано с тем, что согласно с существовавшими в то время (да и в наше тоже!) юридическими нормами, индивидуальное инакомыслие ненаказуемо. Другое дело — антигосударственные организации — членство в них наказывается максимально сурово. Осудить членов такой организации проще простого. Если наше государство не изменится, мы с вами еще не раз будем свидетелями раскрытия различных заговоров.

Вторыми потенциальными носителями инакомыслия считались представители национальных меньшинств. Особенно тех, нации которых образовали независимые буржуазные государства. В Беларуси это поляки, латыши, литовцы, немцы, евреи. Именно эти национальности подвергались этническим чисткам. Наиболее масштабны репрессии против граждан Беларуси польской национальности, поскольку поляки до сегодняшнего дня остаются третьей по величине (после белорусов и русских) национальной группой.

Польских «шпионов» массово отлавливали в 1933—1934 и 1937 — первой половине 1938-го года. Только за последний из перечисленных периодов с августа 1937 по август 1938 года арестовано 15741 человек, из которых расстреляно 14034 человека. Раскрыто 522 повстанческие группы, входящие в 11 организаций. Конвейер смерти работал настолько интенсивно, что на обвиняемых не успевали заводить уголовные дела — их, колхозников, рабочих, служащих, расстреливали по так называемым «альбомным спискам». Трагедия повторилась после воссоединения с Западной Белоруссией. В сорокаградусный мороз вывозили полураздетых детей, стариков, женщин — осадников и лесников — в Сибирь. Зимой 1942 г. поляков, находящихся в составе партизанских отрядов приказано было разоружить, а тех, кто сопротивлялся, — расстреливать на месте. После войны — поиск кулаков в западных областях, аресты и расстрелы

ксендзов за участие в «Акули католической» — религиозной католической организации, которая почему-то была признана антисоветской, расстрелы и ссылки членов Армии Краевой. У белорусских и русских спецслужб богатый опыт борьбы с польскими «шпионами». Отголоском этого опыта звучат сегодняшние сообщения «о заговоре» в Белостоке, о «подготовке террористов» в Польше и т.д.

Гораздо менее известны немецкая и латышская операции. По немецкой арестовано 563 человека, по латышской — 1459 человек. А ведь каждая жизнь — невосполнимая потеря для человечества... В 1937—1938 гг. в колхозе «Гайсма» («Свет») 2-го Грудиновского сельсовета Быховского района из 70 латышских семей 69 потеряли кормильцев. Людей просто увезли, даже не сообщив родным, где и за что их будут судить. Латышей привезли в Минск, 46 приговорили к расстрелу, 16 — к 10 годам, 2-х — к 8 годам, 2 человека освободили и 2 умерло в тюрьме. В мае 1939 г. жены 56 латышей написали письмо тогдашнему первому секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко с просьбой разъяснить, что стало с их мужьями. В это время происходила очередная «оттепель» — массовые репрессии всегда сопровождалась своеобразным «разбором полетов»: те, кто особенно отличился, уничтожались. И письмо стало предметом обсуждения на закрытом бюро ЦК КП(б)Б. Следователь Радзивилловский А., который вел дело латышей, на допросе показал:

«Здесь же я спросил Ежова, как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей, он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа ВКП(б) и выбить из них необходимые показания.

С этой публикацией не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и другие, состоящие в ВКП(б) — шпионы и диверсанты».

«Выполняя это указание Ежова, я и другие начальники УНКВД сделали одно из самых черных дел — огульно уничтожив каждого из латышей, поляков и других национальностей, входящих в ВКП(б). Все показания якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном, так и периферийных аппаратах НКВД».

«Фримовский рекомендовал мне в тех случаях, если не удается получить признания от арестованных, приговаривать их к расстрелу даже на основании косвенных показаний или просто непроверенных агентурных материалов».

Т. Протьюко. Политические репрессии в Беларуси.

Латыши были расстреляны в Минске, большинство в феврале 1938 г.

Сейчас вновь поднимается вопрос о Куропатах, о якобы расстрелянных там немцами австрийских и чешских евреях. Но несравненно большую вероятность того, что здесь в братской могиле покоятся Цируль Карп Михайлович, рабочий стеклозавода, Рейнгольц Эдуард Иванович, колхозник, Лусс Роберт Кресторович и многие другие расстрелянные только за то, что родились поляками, латышами, немцами...

Рассматривая репрессии по «национальному признаку», нельзя не рассказать о разгромах, которым подверглась белорусская национальная интеллигенция.

Оценка белорусского национализма дана была Л. Цанава в 40-е годы после Второй мировой войны. Репрессии 30-х годов стимулировали коллаборационизм в Беларуси, лишили наш народ интеллектуального богатства тех, кто любил Беларусь, но не мог здесь жить и вынужден был уехать.

Установление в Беларуси президентской формы правления стало началом перехода нашей страны к авторитарному режиму со многими элементами тоталитарных структур. Особенно этот процесс усилился после так называемого ноябрьского референдума 1996 года. Для осуществления репрессий созданы благоприятные условия. Сегодня в республике практически не действует Конституция, подзаконные акты имеют большую силу, чем закон. Не только фактически, но и юридически наш суд не является независимым. Число учреждений, практически осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, постоянно увеличивается, права спецслужб расширяются. Достаточно сказать, что согласно закону о КГБ, предложенному президентом, сотрудники этого учреждения имеют право:

«— входить беспрепятственно, при необходимости с повреждением запирающих устройств, в любое время суток в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, в помещения и на территорию предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности и осматривать их при наличии достаточных оснований полагать, что там совершается или совершено преступление;

— вносить в государственные органы, на предприятия, в учреждения и организации, а также в общественные объединения обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз государственной безопасности Республики Беларусь...»

Генеральным прокурором РБ Бажелко введено новое понятие —

предварительное обвинение. На практике это означает, что любого гражданина в любой момент можно посадить в следственный изолятор, обвинив его в любом преступлении и полтора года вести следствие — авось какое-либо правонарушение в жизни человека найдется. Естественно, в первую очередь такие репрессии осуществляются против политически и социально активной оппозиционной к власти части населения.

По масштабам, характеру, формам осуществления репрессии в Беларуси во второй половине 90-х годов подобны на то, что происходило здесь во второй половине 30-х. Однако есть и отличия. В чем они заключаются?

Характер репрессий — устрашающий в обоих периодах. В 1935—1938 гг. для устрашения использовались массовые митинги, собрания коллективов трудящихся, газеты, радио, публичность судов. Запугивалось население: с одной стороны, описанием злодеяний инакомыслящих, с другой, быстрой и четкой реакцией власти на любое, высказанное даже в частной беседе инакомыслие. Созданная мощная осведомительная сеть, хорошо разрекламированная, вынуждала людей доносить о случаях инакомыслия даже среди родных и знакомых. Власти старались придать репрессиям вид абсолютно законных актов. Все незаконные или сомнительные моменты тщательно скрывались (отсюда ночные аресты, тайные избияния, расстрелы).

Репрессии сегодня также имеют устрашающий характер. Достигается он, в отличие от 30-х годов, открытыми публичными, жестокими избияниями инакомыслящих, унижающих человеческое достоинство условиями содержания в местах лишения свободы. За весну 1996—1997 годов тысячи людей, обвиненных в административных правонарушениях, сумели в этом убедиться лично, рассказать об этом своим друзьям, знакомым. Так называемые «зачистки» опасных, с точки зрения спецслужб, районов городов, публичные задержания, осуществляемые без предъявления каких-либо документов лицами, иногда в масках, их подчеркнутая безнаказанность, конечно, подействовали устрашающе. Какой-то период профилактика инакомыслия «страхом» оказалась успешной. Но только на очень небольшой период. Возникли новые массовые формы выражения инакомыслия. Стали традиционными митинги, шествия, собрания протеста, сформировалась оппозиционная политическая элита, имеющая свою, пусть и не очень обширную, но устойчивую сеть средств массового воздействия — газет, радио, телевизионных каналов. Если в 30-е годы увеличение репрессий сокращало

Т. Протьюко. Политические репрессии в Беларуси.

инакомыслие, то сейчас наоборот, инакомыслящими становятся уже целые социальные группы. Борьба с ними требует новой эскалации репрессий, что мы, к сожалению, наблюдаем. Действительно, в середине 90-х годов главным носителем инакомыслия являлась сравнительно небольшая (в масштабах республики) группа людей, преимущественно гуманитарной интеллигенции, объединенной в движение и партию Белорусского Народного Фронта (БНФ). Именно в отношении БНФ репрессии были особенно массовыми. В знак протеста первоначально лояльные к власти политические и общественные организации перешли в оппозицию. В борьбе с репрессивной политикой власти возникло не имеющее мировых аналогов объединение политических партий и движений, профессиональных союзов, общественных организаций — Белорусская Правозащитная Конвенция, которая сегодня насчитывает 208 организаций-членов разной численности во всех областях страны.

В 30-е годы главными были репрессии, направленные против формирования национального самосознания белорусов, «капитализации» экономических отношений, политического инакомыслия в самой КП(б)Б. И сегодня они являются основными. Только борьба с вредительством называется борьбой с коррупцией, вчерашние нацдемы — это националисты БНФ, троцкисты, бухаринцы и т.д. — ничто иное, как политическая оппозиция в виде партий, Национального исполнительного комитета, оппозиционного к президенту Верховного Совета 13-го созыва. Однако время все-таки другое, другая международная ситуация.

Широкомасштабные «чистки» отраслей сельского хозяйства (вредительство в системе ветеринарии («Трактороцентр», дело «ТКП»), в спичечной промышленности, лесном хозяйстве, органах управления народным хозяйством (вредительство в системе Госплана), борьба с нацдемами (процессы Белорусская Народная Грамада, Саюз вызвалення Беларусі, Белорусский Народный Центр), различными кулацкими организациями и, наконец, целым антисоветским подпольем — операции, проведенные белорусскими чекистами в 30-е годы — это прошлое. По признанию Б. Бермана, народного комиссара внутренних дел БССР в 1937—1938 гг., только при ликвидации «антисоветского подполья» репрессировано 60 тыс. человек. Сегодня масштабы пока гораздо скромнее. И не потому, что КГБ, МВД, Служба безопасности президента слабее НКВД. Нет, сегодня репрессивный аппарат в стране более мощный, лучше снаряженный, чем в 30-е годы. Наши милиционеры одеты в камуфляжную форму, их мы много раз в день встречаем на улицах, каждый

раз как бы получая предупреждение «знай, кто в стране хозяин».

Как и раньше, делаются попытки спрятать от наказания виновников репрессий — судьи выносят приговор не за политическое инакомыслие, а за уголовные преступления и административные нарушения. И неважно, что другой раз, как это было со мной в д. Мышковичи, вся вина инакомыслящего заключается в вопросе «Законны ли действия милиции?» Сегодня вас могут лишиться свободы за то, что вы идете по проезжей части улицы, а не по тротуару, за то, что рисуете на стенах зданий или на заборах, за критику президента и государственных чиновников. Вас могут безнаказанно избить, нанести увечье, если вы инакомыслящий; следственные органы, как правило, не находят виновных. Причины того, что у нас пока массово не сажают в тюрьмы, не в слабости репрессивных органов. Они — в расширяющемся массовом сопротивлении. Невозможно избить, унижить весь народ. И очень популярные в государственных СМИ утверждения о любви к президенту, хвалебные песни и стихи отдельных поэтов и композиторов, как и в 30-е годы скрывают ядовитые и насмешливые анекдоты, частушки, всеобщее неодобрение репрессивной политики. Кроме того, те, кто призван осуществлять репрессии, также поражены страхом и понимают, что в тоталитарной стране они сами одни из «частей» репрессивной машины. В 1997 году издательство «Беларуская Энциклапедыя» выпустило книгу тиражом в 2000 экз., где приводятся биографии всех руководителей госбезопасности Беларуси. Из довоенных наркомов, а их было 15, никто не умер естественной смертью.

Следует еще раз напомнить власти об исторической бесперспективности политических репрессий. Это, однако, может быть и в далекой исторической перспективе. А пока мы вынуждены констатировать увеличение числа репрессированных инакомыслящих граждан из различных социальных групп (молодежи, в первую очередь учащихся-школьников, студентов, предпринимателей, государственных и политических деятелей, журналистов). Меры репрессий самые разные: кратковременные и длительные сроки тюремного заключения, штрафы, иногда равные почти годовому заработку, увольнения с должностей, практический запрет на профессию. Последнее особенно тяжело воспринимается интеллигенцией. Сужение, а в последнее время и уничтожение институтов частной собственности неизбежно повлечет за собой сужение демократии и увеличение репрессий. Третьего не дано.

Политические ветры, которые периодически пронесаются над Беларусью с востока и запада, оставляют разные следы в общественном

Т. Протько. Политические репрессии в Беларуси.

мнении и государственной политике. Сторонники современных демократических норм, принятых цивилизованным сообществом, категорически отвергают репрессии как форму взаимодействия государства и личности. Целый ряд международных документов, главный из них — Декларация прав человека (50-летие которой отмечалось в этом году) существенно ограничивают любые попытки со стороны государства использовать силу власти против свобод человека. Эти международные документы — конвенции, билли, пакты — подписала и Беларусь. Но это ветер с запада. Восточный ветер, чрезвычайно популярный у определенной части белорусских историков, государственных деятелей, творческой интеллигенции, менее определен. Ищутся различные оправдания красному террору, сталинским репрессиям, борьбе с так называемым Белорусским национализмом. «Народная(!) газета» в октябре 1997 года опубликовала большую, в нескольких номерах, статью доктора исторических наук А.И. Залесского «Массовые репрессии в сравнительно-историческом освещении», где целый раздел называется «Вполне юридически обоснованные и исторически обусловленные репрессии в Советском государстве».

Газета публиковала отклики на эту публикацию. И не может оставить равнодушным высказывание о том, что «минское научное объединение «Исторические знания», в составе которого свыше тридцати академиков, членов-корреспондентов академии, докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, обсудила и одобрила статью А. Залесского. Автор вполне убедительно доказал, что в истории Советского государства, кроме необоснованных репрессий, имели место политические репрессии, обоснованные юридически тем временем, т.е. исторически неизбежные». Что же, для сегодняшних репрессий создано историческое обоснование, учителя готовят достойных учеников: школьника и студента осуждают к лишению свободы за надписи на стенах, называя позорное судилище исторической необходимостью. На пресс-конференции для приморских журналистов наш президент сказал, что у нас все равны перед законом. Репрессии же — только проявление этого равенства. Это ложь. Надругательство над государственным флагом (Иван Иванович Титенков писал не на заборе, а на полотнище разорванного им государственного флага) было названо генеральной прокуратурой невинным словом — утилизация. А может ли «Молодой фронт» подать в суд на гражданина Лукашенко за то, что он публично оскорбил малодофронтовцев, назвав их фашистской организацией? Конечно, нет. Никогда, ни в 20-е, ни в 30-е, ни в 40-е, ни в 50-е, ни в 90-е годы, жертвы не могли защитить себя от

репрессий. Зло торжествует и остается безнаказанным. К сожалению.

И мы уже не удивляемся и не возмущаемся, когда первым актом в борьбе с различными льготами для госчиновников становится циничная отмена льгот жертвам политических репрессий, когда известные в стране и в мире белорусские граждане получают удары дубинкой, огромные штрафы за реализацию конституционного права на свободу выражения своего мнения. Для нас привычны случаи, когда люди с точки зрения закона невиновные, ибо только суд может установить виновность человека, по полгода, по году заживо сгнивают в наших далеко не комфортабельных следственных изоляторах.

Политические репрессии укрепляют в обществе страх, цинизм, безнравственность власти. Как мы видим на примере нашей истории, не одно поколение расплачивалось, расплачивается и будет расплачиваться за это. Если в обществе действует не сила закона, а закон силы, то тогда каждый сильный может действовать, как ему захочется — убивать, насиловать, грабить.

В упоминавшейся уже книжке «Руководители органов государственной безопасности Беларуси» нынешний председатель КГБ РБ В. Мацкевич пишет: «В новых исторических условиях важно не забыть все то положительное, что было достигнуто чекистами предшествующих поколений. Важно создать необходимые условия для передачи молодым сотрудникам КГБ Республики Беларусь богатого профессионального опыта ветеранов органов госбезопасности в деле служения отечеству». И когда органы, которые должны обеспечивать суверенитет, экономические и политические интересы белорусского государства, торжественно отмечают 80-летие ВЧК, своим праздником считая рождение первых карательных органов России, следует задать вопрос: «Что же имел в виду товарищ Председатель КГБ?» К сожалению, последние события в Республике — аресты и суды над Шереметом, Лабковичем, Шидловским, аресты Старовойтова, его детей и зятьев, Леонова, Климова, многих других, менее известных в республике людей, не позволяют мне ответить на этот вопрос с оптимизмом.

Репрессии оставили незаживающую кровавую рану в памяти нашего народа. Но официальные наши органы — как власти, так и науки, не спешат расставить необходимые акценты. Государство даже лишило жертв политических репрессий тех мизерных льгот, которые обязано предоставить. Мы все в долгу перед теми людьми, которые имели мужество противостоять системе насилия, перед теми, кто сегодня не склоняет головы.

РЭПРЭСІІ: ПАДЗЕЙ І ЛЮДЗІ

В. АСТРОГА (Мінск, Беларусь)

ПАЛІТЫЧНЫЯ РЭПРЭСІІ БЕЛАРУСКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ НОВАЙ І НАЙНОЎШАЙ ГІСТОРЫІ (1920—30-ыя гады)

З моманту і пачатку дзейнасці першых беларускіх навуковых цэнтраў (БДУ, Інбелкульт) і амаль да канца 20-х гадоў гісторыкі шлённа працавалі і не імкнуліся звяртаць асаблівай увагі на палітычныя погляды сваіх калегаў. Напрыклад, за ўвесь перыяд існавання Інбелкульту (ІБК) (1922—1929 гг.) там не было партыйнай ці камсамольскай арганізацыі¹. Галоўнай мэтай навукоўцаў было, па магчымасці, усестаронняе і аб'ектыўнае вывучэнне гістарычных падзей і працэсаў, а не барацьба за “чысціню марксісцкай тэорыі”. У гэты час нават партыйныя органы, якія ў прынцыпе імкнуліся ўзяць навуку пад свой поўны кантроль, дзейнічалі больш метадам пераканання, чым дырэктывамі.

Аднак з канца 20-х гадоў улады, кіруючыся высунутым Сталіным палажэннем аб абвастрэнні ў СССР класовай барацьбы па меры руху па шляху сацыялістычнага будаўніцтва, пачалі прадпрымаць шырокамасштабныя дзеянні, накіраваныя на жорсткае прыцясненне ўсялякага іншадумства. У СССР пачынае ўсталёўвацца таталітарны рэжым улады. Інтэлігенцыя стала адной з першых, па кім быў нанесены ўдар. На X з'ездзе КП(б)Б (1927 г.) адзін з дэлегатаў заявіў: “Яна (інтэлігенцыя — В.А.) павінна быць не больш і не менш як служкаю, яна павінна служыць пануючаму класу. Раней служыла яна буржуазіі, а зараз, будзь ласка, — службы пралетарыяту”².

Такім чынам, эпоха адноснага палітычнага лібералізму скончылася. З розных трыбун пачалі гучаць заклікі да класовай пільнасці, да класовай барацьбы. Падазронасць пачала праяўляцца, ў першую чаргу, да “непралетарскай праслойкі” грамадства. У справаздачы XII з'езду КП(б)Б (1929 г.) адзначалася: “У сувязі з абвастрэннем класовай барацьбы назіраецца дыферэнцыяцыя сярод інтэлігенцыі. У той час, калі большая частка інтэлігенцыі, разам з рабочым класам часна і шчыра аддае свае сілы і веды сацыялістычнаму будаўніцтву, іншая нешматлікая група буржуазнай і варожай пралетарыяту інтэлігенцыі становіцца на бок класавага ворага і вядзе барацьбу, адкрытую і схаваную, супраць рабочага класа...”³. У тым жа годзе загадчык Агітпропа ЦК КП(б)Б, выступаючы ў Акадэміі Навук, заявіў: “... Былі ў нас такія ўмовы, калі мы паддабрываліся да спецыялістаў. Зараз мы ставім пытанне гэтак: яны з намі ці супраць нас. Вам трэба было крыху раней ударыць па варожай інтэлігенцыі. Пра чыстку трэба казаць, што гэтае пытанне не вельмі складанае, вычысціць мы павінны тых, якія для нас непрыдатныя,

варо-жыя, шкодныя, якія нам нічога не даюць.”⁴ У выніку гэтага сярод навукоўцаў распальваліся справакаваныя “дыскусіі”, далёкія ад сапраўдных навуковых спрэчак. Высновы з іх былі часта адназначныя і бескампрамісныя, паўсюль і ва ўсім адпаведныя палітычнаму рэжыму захады. У хуткім часе пануючы рэжым перайшоў да больш жорсткіх крокаў.

13 верасня 1930 года незаконна арыштаваны, а 6 снежня таго ж года пазбаўлены звання акадэміка вядомы гісторык-славіст — У.І. Пічэта.⁵ Абвінавачанне фармулявалася наступным чынам: “У сувязі з выяўленнем варожай кантрэвалюцыйнай дзейнасці групы акадэмікаў Беларускай Акадэміі навук”⁶. Вядомы ў свой час гісторык, “выкрывацель ворагаў народа сярод навукоўцаў” — В.К. Шчарбакоў у адным са сваіх артыкулаў адзначыў: “... Масы навуковых работнікаў і нават частка камуністаў яшчэ не авалодалі адзінай навуковай марксісцкай метадалогіяй, не ўмеюць прыстасаваць яе ў асобных галінах тэарэтычнай навукі. Гэта вядзе да таго, што частка навуковых не даюць прадукцыі са страху: як бы не зрабіць вялікіх метадалагічных і гістарычных памылак”⁷. Хутка хмары згусціліся над вядомым у той час спецыялістам па гісторыі германскай сацыял-дэмакратыі — прафесарам Е.І. Рыўліным. Таленавіты навуковец, чалавек з цвёрдымі перакананнямі, ён ужо даўно знаходзіўся пад назіраннем уладаў. За належнасць да “тракцісцкай апазіцыі” са студзеня па жнівень 1928 года быў выключаны з шэрагаў КП(б)Б⁸. Канешне, гэтакі чалавек з’яўляўся патэнцыяльным “ворагам народа”. З дапамогай архіўных дакументаў з’явілася магчымасць аднавіць асобныя фрагменты перадгісторыі ягонага арышту, што можа паслужыць характэрным прыкладам дзейнасці механізма палітычных рэпрэсій.

Практычна з пачатку 1932 года Рыўлін спакойна, калі можна так казаць аб працы гісторыкаў у той час, працаваў на ўсіх сваіх адказных пасадах у ЦК КП(б)Б, БАН, БДУ, займаўся навуковай дзейнасцю. Але ў вясну 1932 г. ён быў раптоўна выведзены са складу апарату Культпропа ЦК, дзе з 1931 г. працаваў загадчыкам Сектара навукі і культуры. Праз нейкі час, 11 ліпеня 1932 г. у ЦК КП(б)Б прыйшла дакладная запіска ад супрацоўніка Інстытута гісторыі БАН, навуковага сакратара Інстытута В. Карніенкі, які пісаў, што на гістарычным фронце Беларусі існуе вялікая колькасць праблем і цяжкасцей, і для “азда-раўлення трэба прыняць шэраг аздараўленчых мерапрыемстваў”⁹. У прыватнасці ён прапаноўваў пазбавіць навуку ад ворагаў, якія акапаліся ў ёй, маючы на ўвазе ў першую чаргу “тракцістаў-бундаўцаў” — Гесэна і Стальнога.

Далей ён адзначыў, што іх “падтрымліваюць: Рыўлін, Засценкер, Сярбента, Поташ, Вальфсон, Сурта”¹⁰.

У снежні таго ж года Карніенка быў выкліканы ў Культпроп і, як пісаў пісаў пазней у сваім дакладзе ад 11.ХІ. супрацоўнік гэтага аддзела Ягораў, на пытанне, “Што робіцца на вашай пляцоўцы?” — адказаў: “Сурта мае адносіны з Рыўліным, Поташам, Засценкерам і іншымі”. Да таго яшчэ дадаў, што існуе група, якая збіраецца па квартэрах беспартыйных і абмяркоўвае партыйныя рашэнні. У гэтых сходах удзельнічаюць Рыўлін, Поташ і іншыя, іх падтрымлівае Сурта”. Потым Карніенка паведаў “гісторыю”, як яго завербавалі Рыўлін і Засценкер за выпіўкай...”. “Пасля таго, — піша далей Ягораў, — я зразумеў, што тут справа ідзе аб кантрэвалюцыйнасці і прапанаваў т. Карніенку на наступны дзень прыйсці і назваць дакладную колькасць асоб, якія збіраліся, дзе і калі і г.д... Штодзённа выклікаю Карніенку, ён не з’яўляецца і не з’явіўся сёння”¹¹.

Праз некалькі дзён, 14.ХІІ. сакратару ЦК КП(б)Б — Гікала прыйшла дакладная запіска ад дырэктара Гістпарта П.В. Саевіча, у ёй гаварылася аб “кантрэвалюцыйнай дзейнасці трацкістаў”, якая мела месца яшчэ з 1930 года ў выглядзе “аб’ядання сяброў”, дзе “Стальны, Арацюнянц, Гесен, Рыўлін — ядро”¹².

У той самай запісцы у прыватнасці маецца характарыстыка Рыўліна: “Усім вядомы як актыўны трацкіст і па ягонай “лініі” ў культпропе ЦК, вельмі папулярны сярод большай часткі аспірантуры АНБ і ўлюбенец як лектар. Больш шчыры з беспартыйнымі, чым з камуністамі”. Далей Саевіч характарызуе крымінальны, з ягонага пункту гледжання, змест дзейнасці “аб’яднання”: “абмеркаванне тэарэтычных і палітычных пытанняў, вызначэнне “прагнозаў”, якія маюць быць рашэнні ЦК КП(б)Б па таму ці іншаму пытанню і якая “расстаноўка” адбудзецца з гэтага рашэння”¹³.

У заключэнні дырэктар адзначае, што “ў святле абвастрыўшайся класовай барацьбы на тэарэтычным фронце гэта “аб’яднанне” і асабліва роля Рыўліна заслугоўваюць увагі”¹⁴.

У канцы снежня Рыўліна па распараджэнню ЦК накіроўваюць у водпуск. Праз нейкі час, 3 студзеня 1933 г., па “ініцыятыве” члена Цэнтральнага Бюро Саюза Навуковых работнікаў БССР (ЦБ) акадэміка С.Я. Вальфсона, які атрымаў незадоўга да гэтага неафіцыйныя ўказанні з ЦК, была склікана камфракцыя ЦБ. Пазней Вальфсон пісаў: “Я ўнёс прапанову зняць Рыўліна з пасады старшыні ЦБ і вывесці яго са складу ЦБ, як трацкіста, які не раззброіўся, прасіць ЦК зацвердзіць гэтае

палажэнне. Мая прапанова была аднагалосна прынята фракцыяй”¹⁵.

б сакавіка Е.І. Рыўлін быў арыштаваны. Пастановай Асобай нарады ад 9 ліпеня 1933 г. ён быў асуджаны на 3 гады турэмнага зняволення па арт. 58 п. 10 УК РСФСР (прапаганда і агітацыя, якая змяшчае заклік да звяржэння, падрыву ці аслаблення Савецкай улады). У тым жа годзе турэмнае зняволенне было яму заменена высылкаю ў Алма-Ату на той жа тэрмін¹⁶. Астатнія гісторыкі, члены гэтага “аб’яднання” ў той момант не паплаціліся за вольнадумства, гэта здарылася пазней, у 1937—38 гадах. Але, у рэшце рэшт, усе яны як удзельнікі, так і спачу-ваючыя, былі пакараны. Напрыклад, аспірант БАН, які спецыялізаваўся па гісторыі Захаду, Шалом Гольдберг “меў вымову ў сакавіку 1933 за праяву пасіўнасці пры барацьбе партгрупы гісторыкаў з трацкістам Рыўліным”, аспірантка гісторыі Захада Дора Турбовіч “удзельнічала ў трацкісткай групойцы Рыўліна, за што была выключана з партыі”¹⁷.

Хутка настала чарга В.А. Сярбенты. У сярэдзіне 1933 г. выйшла пастанова ЦК КП(б)Б, згодна якой ён, “кіраўнік гістарычнага фронту Беларусі”, які да нядаўняга часу быў дырэктарам Гістпарта, абвінавачваўся ў “прамым і злачынным патуранні... Гістарычная пляцоўка тэарэтычнага фронту падверглася адкрытай атацы з боку контррэвалюцыйных груп і груповак: трацкістаў (Югаў, Рыўлін), вялікадзяржаўнікаў (Пічэта, Доўнар-Запольскі), нацдэмаў (Ігнатоўскі, Жылуновіч і інш.), бундаўцаў (Чарняўскі, Сосіс), якія імкнуліся з розных бакоў і рознымі метадамі захапіць камандныя вышыні гістарычнай навукі... Уся гэта зграя вяла разлагальную, класавую варожую партыі і пралетарыяту падрыўную работу на адной з важнейшых пляцовак тэарэтычнага фронту — гісторыі”¹⁸. Далей падкрэслівалася, — “КП(б)Б, пад кіраўніцтвам ЦК ВКП(б) на чале з т. Сталіным, у барацьбе за чысціню марксісцка-ленінскай тэорыі, нанесла рашучы ўдар усім спробам выкарыстаць гістарычны фронт у сваіх кантррэвалюцыйных мэтах. Аднак... гісторыкі-камуністы яўна не справіліся з пастаўленымі перад імі задачамі і не выканалі важнейшых дырэктыв ЦК КП(б)Б”¹⁹.

У гэты час у партарганізацыях БАН пачалі праводзіцца шырокія чысткі. Захаваўся пратакол пасяджэння камфракцыі Прэзідыума Акадэміі ад 10.XII. 1933 г. Адно з заслуханых пытанняў датычыла чысткі, яе вынікаў. Пад час яго разгляду фігуравалі прозвішчы — Сярбента і Турбовіч. У выніку пасяджэння пастанавіла:

“Сярбента — пытанне пакінуць адкрытым.

Турбовіч — выключыць з ліку працаўнікаў Акадэміі, як не ўяўляючую навуковай каштоўнасці”²⁰.

В.Астрога. Палітычныя рэпрэсіі беларускіх даследчыкаў..

Палітычныя рэпрэсіі закрунулі і вельмі вядомага ў той час спецыяліста па новай гісторыі — прафесара У.М. Перцава. У дасланай у снежні 1932 г. дакладной запісцы сакратару ЦК КП(б)Б згадваецца Перцаў, “прафесар гісторыі Захаду, у мінулым кадэт, праходзіць зараз па зводках ДПУ, як АСЭ (антысавецкі элемент — В.А.)”. Акрамя таго адзін з грамадскіх дзеячаў Заходняй Беларусі ў сваёй кнізе адзначаў, што ў 1933 г. Перцаў і Стальны былі звольнены з Беларускага навуковага Інстытута²².

У той час было арыштавана яшчэ шмат іншых навукоўцаў, якія займаліся пытаннямі замежнай гісторыі. 28 ліпеня арыштаваны прафесар Я.А. Віткоўскі²³. Са жніўня па кастрычнік была арыштавана большасць супрацоўнікаў Камісіі па вывучэнню Заходняй Беларусі БАН: Мятла П.В., Бабровіч Л.А., Бабровіч Я.С., Сталевіч А. і іншыя. Сталевіч у гэты момант ужо перайшоў на працу ў Заходні Сектар Гістпарта і працаваў таксама выкладчыкам сакрэтнай партшколы КПЗБ.

Як бы трыумфуючы “перамогу пралетарыята” над раздушанымі “класавымі ворагамі” і заклікаючы ўсяляк працягваць барацьбу з імі, з пачатку 30-х гадоў пачалі выходзіць розныя артыкулы і кнігі адпаведнага зместу. Яскравым прыкладам можа служыць кніга Шпілеўскага Г.Ф. і Бабровіча Л.А. — “Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки”, якая выйшла ў пачатку 1933 г. У адказ Беларускае Навуковае таварыства ў Вільні, у тым жа годзе, дало рэцэнзію гэтай працы. Яе аўтары падкрэслівалі, што гэтая кніжка “аб тым, з якім поспехам ідзе знішчэнне беларускіх нацыяналістаў...” Далей яны са здзіўленнем канстатавалі: “Галоўны вораг БелАН — беларускі нацыяналізм, гэта ў нацыянальнай АН!”²⁴

Паступова ўсё больш выразна пачынаюць выяўляцца з боку партыйнай савецкай улады тэндэнцыі пагардлівых адносін да навуковых работнікаў, асабліва да кадраў старой прафесуры, неразуменне спецыфікі навуковай творчасці. Гэта выяўлялася ў ігнараванні навуковых планаў і перспектыв, навязванні кан’юктурных тэм для даследаванняў. Гістарычная навука стала, як нярэдка казалі ў той час “адным з вастрыжных відаў зброі класавай барацьбы пралетарыату” і апынулася ўжо ў гэты час у жорсткім падпарадкаванні парторганам, кіраўнікі якіх часта з’яўляліся людзьмі з нізкім культурна-адукацыйным узроўнем, але “сацыяльна-чыстымі”, паслухмянымі праваднікамі палітычнай лініі, якая выпрацоўвалася ў Маскве. У гэтых умовах “полюмя класавай барацьбы” не магло загаснуць. Заўсёды знаходзіліся тыя, хто, вобразна кажучы, падліваў алею ў полюмя. У 1934 годзе была

выдадзена манаграфія віцэ-прэзідэнта БАН, дырэктара Інстытута гісторыі В.К. Шчарбакова — “Классовая борьба и историческая наука в Белоруссии”. У ёй чорнай фарбай былі “запэцканы” імёны шмат якіх беларускіх даследчыкаў. Сучасны беларускі гісторык А. Мяснікоў назваў гэтую кніжку палітычным даносам. Ён піша, што, выкарыстоўваючы па 3—4 разы у кожным абзацы гэтага даследавання выразы тыпу “варожы нам гісторыкі”, “весці рашучую барацьбу з імі” і гэтак далей, акадэмік Шчарбакоў з гонарам выканаў даручэнне тагачасных “паляўнічых на вядзьмярак” з вышэйшых інстанцый.²⁵ Дзеля справядлівасці неабходна адзначыць, што сам акадэмік быў арыштаваны ў 1937 годзе, як “зраднік Радзімы, антысаветчык і тэрарыст” і праз год расстраляны²⁶.

Хваля рэпрэсій 1937—38 гадоў была асабліва моцнай, шмат гісторыкаў і даследчыкаў былі арыштаваны фактычна без ніякіх абвінавачванняў. Першыя ахвяры пачалі з’яўляцца яшчэ ў 1936 г. У жніўні была арыштавана нібыта за заклік да звяржэння Савецкай улады спецыяліст па гісторыі Захаду, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі АН БССР А.С. Лібман²⁷. У снежні арыштаваны Т.Ф. Домбаль, член ЦК КП(б)Б, ЦВК БССР, віцэ-прэзідэнт АН, спецыяліст у галіне міжнароднага сялянскага руху. Ён абвінавачваўся ў шпіянажы на карысць Польшчы²⁸. Масавыя арышты сеялі страшэнную паніку. Людзі не ведалі, калі і дзе па іх прыдуць. Чакаць арышту маглі ўсе. Нават “за ўтойванне сацыяльнага паходжання” звальнялі з працы. Такіх разглядалі як “класава-чужыя элементы” з усімі выніковымі наступствамі. Але часта і рабоча-сялянскае паходжанне не ратавала.

2 сакавіка 1937 года арыштавана гісторык Захаду, супрацоўнік АН Д.Р. Турбовіч²⁹. На наступны дзень — Ш.М. Гольдберг з Інстытута гісторыі³⁰. Адна з прычын арышту гэтых людзей — іх “трацкіскае мінулае”. 4 красавіка арыштаваны вядомы дзяржаўны дзеяч, даследчык польскай гісторыі С.Л. Гельтман³¹.

Рэпрэсіі набывалі ўсё больш маштабны характар. 13 мая адбылося пасяджэнне Прэзідыума АН БССР. На ім было вынесена рашэнне ліквідаваць секцыю Заходняй Беларусі Інстытута Гісторыі і “у сувязі з гэтым вызваліць ад працы ў Акадэміі т.т. Рубінштэйна, Гартмана, Ляўковіча, Крымскую, Шнэйдэра і Майскую”³².

22 мая быў арыштаваны акадэмік В.А. Сярбента³³. Пытанне, якое засталася адкрытым з 1933 года, закрылася. 23 жніўня ў мурах НКУС апынуліся былы прэзідэнт АН БССР, гісторык П.В. Горын (Каляда)³⁴. Яго абвінавачалі ў “зрадзе Радзіме, падрыве прамысловасці, анты-

В.Астрога. Палітычныя рэпрэсіі беларускіх даследчыкаў...

саветызме і тэрарызме”.

Жах ахапіў людзей. Былы студэнт літаратурна-лінгвістычнага факультэта МВШ Ф.І. Вялічкевіч успамінаў аб падзеях 1937 года: “У гэты час у нашым пакоі інтэрната жыву навуковы супрацоўнік, таленавіты вучань прафесара Перцава... Ліўшыц. Бядак штодзённа знаходзіўся ў чаканні арышту, таму што бралі з ліку прафесарска-выкладчыцкага складу”³⁵.

17 снежня быў арыштаваны акадэмік С.Ю. Матулайціс за “шпіянаж, аказанне дапамогі міжнароднай буржуазіі, антысаветызм”³⁶. Гэта адбылося праз чатыры месяцы пасля арышту дачкі, таксама гісторыка. Некаторыя не маглі нават вытрымаць псіхалагічнага ўціску чакання арышта. Так, у 1937 годзе ў сваім працоўным кабінце павесіўся В. Фрышман. У наступным годзе арышты працягваліся. 22 лютага ўзяты пад варту старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі — М.Ф. Лябовіч³⁷.

Усяго, па ўласных падліках аўтара, колькасць ахвяр беззаконнасці сярод даследчыкаў новай і навейшай гісторыі складае 80—85% (з паўтары сотні чалавек), асабліва даследчыкаў польскай і заходне-беларускай тэматыкі. Дакументам, які сцвярджае вялізарную колькасць ахвяр, можа быць даведка УДБ НКУС БССР “Вынікі разгрома антысавецкага падполля ў БССР”. У ёй адзначаецца, што “арыштавана і выкрыта: акадэмікаў і навуковых супрацоўнікаў АН — 25, выкладчыкаў ВУ — 41”³⁸.

У сваю чаргу ЦК КП(б)Б пад час “спецмерапрыемстваў” праводзіў серыю абследаванняў дзейнасці навуковых устаноў і ВУ. У студзені 1938 года былі абагульнены вынікі па Акадэміі Навук, дзе падкрэслівалася, што “Акадэмія Навук БССР на працягу шэрагу гадоў і да апошняга часу з’яўлялася цэнтрам шпіёнска-разведвальнай і шкодніцкай працы ворагаў народа... пад выглядам навуковай працы займаліся зборам шпіёнскіх звестак для фашысцкіх дзяржаў... Усе 15 інстытутаў займаліся зборам шпіёнскіх звестак”³⁹. (!!! -- В.А.)

Характэрная рыса таталітарнай дзяржавы — усеахопны кантроль над свядомасцю людзей. З гэтай мэтай у СССР, на працягу 20—30-х гадоў стваралася цэлае войска цэнзараў-палітрэдактараў, якія павінны былі пільна стаяць на варце бальшавіцкай ідэалогіі і пры неабходнасці забараняць выхад у свет кніжак і артыкулаў. Яскравым прыкладам можа служыць гісторыя выдання, дакладней спробы выдання зборніка “Материалы об участии поляков в Октябрьской революции и социалистическом строительстве” пад рэдакцыяй супрацоўнікаў

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

Польадзела ІБК Бабінскага, Краснага і Гельтмана. Ён павінен быў выйсці ў свет да 10-х угодкаў рэвалюцыі, у 1927 годзе. Аднак быў абвешчаны “антыпартыйным” таму, што “шэраг аўтараў былі актыўнымі трацкісцкімі апазіцыянерамі”, а Бабінскі, у прыватнасці, “раней выступаў з антыленінскімі выказваннямі і падтрымліваў апазіцыянераў”⁴⁰. Непажаданыя кніжкі падлягалі арышту і траплялі ў Галоўлітаўскі “Сводный список изданий подлежащих изъятию в обязательном порядке из библиотек общего пользования и книготорговой сети”. Выключалася з ужытку агромністая колькасць “непрыхільнай” навуковай літаратуры. Гэта прыводзіла да літаральнага спусташэння бібліятэк, у якіх невялічкая колькасць “ва-рожай” літаратуры засталася толькі ў “спецсховішчах”. Напрыклад, у адным з партыйных дакументаў канца 30-х гадоў адзначалася: “Прадукцыя існаваўшага да 1936 года Інстытута польскай пралетарскай культуры... Камісіі па вывучэнню Заходняй Беларусі адабрана як кантррэвалюцыйная”⁴¹.

У заключэнне неабходна заўважыць, што ўсе абвінавачванні ў адносінах да гісторыкаў не мелі падстаў і былі сфабрыкаваны НКУС, а прызнанні ў арыштаваных часта вырываўліся катаваннямі. Аўтар не мае магчымасці дакументальна пацвердзіць гэта меркаванне. Але існуе ўскосны доказ. Па дадзеных беларускага гісторыка І. Кузняцова — 96% зняволеных, якіх арыштавалі па палітычных артыкулах Крымінальнага Кодэксу, рэабілітаваны, а над астатнімі 4% вісіць знак пыталніка (ці сапраўды яны вінаваты?). У выніку масавых арыштаў склаўся катастрафічны недахоп спецыялістаў. Так, напрыклад, у 1938 годзе спыніліся даследаванні па польскай тэматыцы. Цяжка сказаць ці пакутавалі гісторыкі больш за іншых навукоўцаў, але адно можна сказаць з упэўненасцю: заняткі гісторыяй, як ніякай іншай навукай, павялічылі рызык зрабіць метадалагічную памылку і трапіць у лік ворагаў народа. Акрамя таго гісторыкі звычайна актыўна займаліся грамадскай працай, як вынік -- былі ва ўсіх на вачах. Безумоўна, масавыя рэпрэсіі сталі сапраўдным тормазам для гістарычнай навукі Беларусі і адкінулі яе далёка назад у параўнанні з іншымі краінамі.

¹ Шпілеўскі Г.Ф., Бабровіч Л.А. Беларуская Акадэмія навук на парозе другой п'яцігодкі. Мн., 1933, с. 9.

² Інстытут Беларускае культуры. Мн., 1993, с. 24.

³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), ф. 4, воп. 2, спр. 63, арк. 137.

- ⁴ Шпілеўскі Г.Ф., Бабровіч Л.А.Пак. твор, с. 48.
- ⁵ Возвращенные имена. Мн., 1992, с. 87.
- ⁶ Там сама, с. 8—9.
- ⁷ Шчарбакоў В. Праблема навуковых кадраў у БССР// Савецкая краіна. 1931. № 1. С. 38.
- ⁸ НАРБ, ф. 4, воп. 14, спр. 2, арк. 360.
- ⁹ Карніенка. Класавая барацьба на гістарычным фронце Беларусі. Мн., 1932, с. 8.
- ¹⁰ НАРБ, ф. 4, воп. 21, спр. 362, арк. 842.
- ¹¹ Там сама, арк. 842.
- ¹² Там сама, арк. 54.
- ¹³ Там сама, арк. 55.
- ¹⁴ Там сама, арк. 56.
- ¹⁵ Там сама, арк. 50.
- ¹⁶ Возвращенные имена..., с. 93—94.
- ¹⁷ НАРБ, ф. 4, воп. 14, спр. 142, арк. 172.
- ¹⁸ Там сама.
- ¹⁹ Там сама, арк. 183.
- ²⁰ НАРБ, ф. 4, воп. 21, спр. 396, арк. 12.
- ²² Okinczyc F. Jak Komintern organizował ruch Białoruski. Wilno, 1938, s. 26.
- ²³ Возвращенные имена, с. 27.
- ²⁴ БДАМЛіМ, ф. 3, воп. 1, спр. 11, арк. 1.
- ²⁵ Мяснікоў А. Нацдэмы. Мн., Беларусь, 1993, с. 64.
- ²⁶ Возвращенные имена, с. 119.
- ²⁷ Там сама, с. 67.
- ²⁸ Там сама, с. 44.
- ²⁹ Там сама, с. 108.
- ³⁰ Там сама, с. 30.
- ³¹ Там сама, с. 29.
- ³² НАРБ, ф. 4, воп. 26, спр. 106, арк. 357.
- ³³ Возвращенные имена, с. 97.
- ³⁴ Там сама, с. 36.
- ³⁵ Музей МДГУ, НВ 844.
- ³⁶ Возвращенные имена, с. 78.
- ³⁷ Там сама, с. 66.
- ³⁸ Антонович Т., Лапеч П., Протьюко Т. В поисках утраченного времени. // Коммунист Белоруссии. 1990. № 1. С. 66.
- ³⁹ НАРБ, ф. 4, воп. 3, спр. 174, арк. 160—161.
- ⁴⁰ НАРБ, ф. 4, воп. 3, спр. 22, арк. 721.
- ⁴¹ НАРБ, ф. 4, воп. 3, спр. 606, арк. 164.

МАСАВЫЯ РЭПРЭСІІ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ

У шэрагу вялікіх бедстваў, якія напаткалі беларускі народ за гады існавання савецкай улады, найбольш цяжкімі з'яўляюцца палітычныя рэпрэсіі, згубіўшыя сотні жыццяў рабочых, сялян, інтэлігенцыі.

Асабліва балюча яны адбіліся на беларускай інтэлігенцыі, шэрагі якой і так з'яўляліся даволі малалікімі. Рэпрэсіі супраць яе пачаліся адразу пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі і датычылі тых, хто не прыняў савецкую ўладу, выступаў супраць яе, а таксама і тых, хто па сацыяльнаму паходжанню быў занесены ў лік варожых элементаў. Пільны кантроль усталяваўся і за інтэлігенцыяй, якая супрацоўнічала з савецкай уладай і нават раздзяляла яе ідэалогію.

У сваёй палітыцы да інтэлігенцыі ўлада, з аднаго боку, абвясчала аб яе вялікай ролі ў пабудове новага жыцця, неабходнасці прыцягнення ўсіх яе прафесійных атрадаў да ўдзелу ў гэтай справе, а з другога — ужо ў рэзалюцыі XII Усерасійскай канферэнцыі РКП(б) 4—7 жніўня 1922 г. гаварылася аб тым, што нельга адмаўляцца ад прымянення рэпрэсій не толькі ў адносінах да меншавікоў і эсэраў, але і паліты-канстувуючай вярхушкі мнімабеспартыйнай буржуазна-дэмакратычнай інтэлігенцыі. Працягам рэпрэсіўных мер з'яўлялася прынятае ў жніўні 1922 г. УЦВК рашэнне “Аб адміністрацыйнай высылцы асоб, прызнаных сацыяльна-небяспечнымі”, па якому асобая камісія пры НКУС атрымала права без суда высялаць за мяжу абвінавачаных у гэтым асоб, альбо заключаць іх у лагеры. Подобныя акты дзейнічалі і ў БССР. Ужо ў канцы лета па буйных гарадах рэспублікі былі праведзены арышты некаторых прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі, якія адмоўна ставіліся да савецкай улады, не згаджаліся з яе палітыкай і не ўтойвалі сваіх поглядаў. У Мінску і Віцебску пад арыштамі апынуліся некалькі інжынераў, фінансавых і эканамічных працаўнікоў і настаўнікаў.

Кантроль за інтэлігенцыяй, асабліва яе дарэвалюцыйнай часткай, не зменшыўся і ў далейшым. Пачынаючы з 1924 г., праходзілі перыядычныя чысткі навучальных і іншых устаноў, прадпрыемстваў ад так званых чужых, а потым варожых элементаў. Была створана дастаткова шырокая сістэма сыску, даносаў, назіранняў, у выніку якой амаль на кожнага прадстаўніка інтэлігенцыі складаліся асобныя характарыстыкі. У іх адзначаўся не толькі жыццёвы шлях, але і палітычныя погляды, адносіны да савецкай улады, размовы аб яе палітыцы з сябрамі і супрацоўнікамі. Па гэтых характарыстыках звальнялі з працы, рабілі чысткі, разбіралі на

Н. Васілеўская. Масавыя рэпрэсіі інтэлігенцыі...

сходах тых, хто меў з пункту гледжання ўлады якія-небудзь памылкі. Адзін з такіх дакументаў, падрыхтаваных для ЦК КП(б)Б па матэрыялах сакрэтнага аддзелу АДПУ БССР у кастрычніку 1925 г. утрымліваў прозвішчы шмат каго з беларускай інтэлігенцыі разам са скажонамі характарыстыкамі іх палітычных поглядаў і навешанымі ярлыкамі — “шавіністы”, “нацыяналісты” і інш. У ліку трапіўшых у дакумент — актыўныя будаўнікі беларускай культуры М. Азбукін, А. Баліцкі, Я. Колас, Я. Лёсік, А. Смоліч, А. Цвікевіч і іншыя¹. Яны ўяўлялі неясную набіраючай моц партыйнай дыктатуры ўжо тым, што былі адукаванымі, сацыяльна актыўнымі асобамі, мелі свае погляды на развіццё некаторых гістарычных падзей, таму яна імкнулася пазбавіцца ад магчымых апанентаў з боку інтэлігенцыі, як пазбавілася ад усіх апазіцыйных партый. Каб зрабіць гэта, у тых умовах дастаткова было абвінаваціць няўгодных уладзе інтэлігентаў у варожых да яе адносінах.

Формай абвінавачвання паслужыў нацыянал-дэмакратызм, да якога партыйнае кіраўніцтва на працягу другой паловы 20-х гадоў падыходзіла ўсё больш неспрымірыма, пакуль не ахарактарызавала яго контррэвалюцыйным. Носьбітамі нацыянал-дэмакратызму былі названы прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі: У. Ігнатоўскі, А. Баліцкі, А. Смоліч, З. Жылуновіч, З. Прышчэпаў, В. Ластоўскі і шмат іншых.

Ужо XII з’езд КП(б)Б (люты 1929 г.) прапанаваў весці рашучую барацьбу супраць варожых нацыянальна-дэмакратычных элементаў, а канчатковую кропку ў неабходнасці больш жорсткіх да іх адносін паставіў у сваім дакладзе на бюро ЦК КП(б)Б 27 чэрвеня 1929 г. У.П. Затонскі, кіраўнік маскоўскай камісіі па абследаванню нацыянальнай работы ў БССР. Ён патрабаваў ад ЦК КП(б)Б не рабіць “уступак нацыяналістам” ні ў тэорыі, ні ў практыцы, “рашуча спыніць занадта зацягнуўшуюся палітыку заігрывання з вярхушкай інтэлігенцыі”². Характарызуючы шмат каго з беларускай інтэлігенцыі з яўнай непавагай да іх працы, зрываючыся на здзеклівы тон, Затонскі рабіў свайго роду мініданосы на Б. Эпімах-Шыпілу, У. Ігнатоўскага, А. Баліцкага, М. Зарэцкага, Я. Лёсіка і іншых.

Даклад змяшчаў пагібелны для беларускай інтэлігенцыі вывад: “вялікая колькасць інтэлігенцкай вярхушкі, нягледзячы на тую ўвагу, якая ёй надаецца і нягледзячы на розныя арыентацыі — Усход альбо Захад, — у рашучы момант створыць адзіны антысавецкі фронт...”³. У тых умовах гэта вызначала неабходнасць ізаляцыі інтэлігенцыі, на якую ўжо меўся кампрамат, а потым і той, на якую ён пакуль яшчэ збіраўся.

Ужо ў 1929 г. значная частка беларускай інтэлігенцыі была

абвінавачана ў прыхільнасці да нацыянал-дэмакратызму і знята з займаемых пасадаў. У іх ліку нарком асветы А. Баліцкі, нарком земляробства Д. Прышчэпаў, дырэктар Дзяржаўнага музея В. Ластоўскі, многія выкладчыкі БДУ і тэхнікумаў, сельскагаспадарчай Акадэміі. Газеты, часопісы разгарнулі сапраўднае цкаванне тых, каго АДПУ у хуткім часе сабрала пад так званай справай “Саюза вызвалення Беларусі”. У 1930 г. пачаліся арышты яе “членаў”. Толькі ў ноч з 18 на 19 ліпеня ў Мінску яму падвергіліся больш 25 чалавек, у тым ліку Я. Дыла, Ф. Ждановіч, М. Гарэцкі, У. Савіч, А. Прышчэпчык, А. Адзінец, Ч. Радзевіч, У. Пракулевіч.

Усяго па справе СВБ праходзілі 108 чалавек, і сярод іх акадэмікі Беларускай Акадэміі навук В. Ластоўскі, Я. Лёсік, С. Некрашэвіч, прафесар А. Смоліч, нарком асветы А. Баліцкі, нарком земляробства Д. Прышчэпаў, пісьменнікі М. Гарэцкі, Ул. Дубоўка, Я. Пушча, шмат хто з навукоўцаў. Усе арыштаваныя абвінавачваліся ў тым, што “з’яўляліся членамі контррэвалюцыйнай нацыяналістычнай арганізацыі... “Саюз вызвалення Беларусі,” ажыццяўлялі арганізава-нае шкодніцтва на культурным, ідэалагічным і іншых участках сацыялістычнага будаўніцтва, праводзілі антысавецкую нацыяналістычную агітацыю, накіраваную на запавольванне тэмпаў развіцця Беларусі на сацыялістычным шляху, ставячы канчатковай мэтай адарванне Беларусі ў этнаграфічных межах ад Савецкага Саюза, стварэнне так званай Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР)”⁴.

Нягледзячы на маральны ціск, які прымянялі да арыштаваных следчыя, а да некаторых і фізічныя меры ўздзеяння, на папярэднім следстве поўнасцю вінаватымі прызналі сябе толькі 25 чалавек, больш за 40 поўнасцю адмовілі сваю віну і каля 25 прызналіся часткова. У працэсе следства 18 чалавек былі прызнаны невінаватымі і вызвалены з турмы. Сярод іх Б. Эпімах-Шыпіла, П. Бузук, М. Байкоў, М. Бурштын, Л. Дашкевіч, А. Дайлідовіч і іншыя. Амаль усе яны зноў арыштаваны і асуджаны ў 1936—1937 гг.

Па сфальсіфікаванай справе СВБ 90 прадстаўнікоў інтэлігенцыі атрымалі розныя тэрміны зняволення, з іх 89 беларусаў і 1 рускі. А. Адмовіч, А. Баліцкі, П. Ільючонак, Д. Прышчэпаў, справа якіх у снежні 1930 г. выдзелена ў асобную — па 10 гадоў зняволення ў канцлагерах, 8 чалавек па 5 гадоў — М. Адзярыха, Я. Бядрыцкі, А. Дарашэвіч, П. Жаўрыд, Ф. Ждановіч, М. Каспяровіч, А. Сак, І. Цвікевіч, І. Біндзюк — на 3 гады. Астатнія — да 5 гадоў высылкі з Беларусі ў розныя аддаленыя раёны СССР. Сярод іх М. Азбукін, М. Гарэцкі, А. Гурло, М. Гурскі, М.

Н.Васілеўская. Масавыя рэпрэсіі інтэлігенцыі.

Грамыка, У. Дубоўка, В. Ластоўскі, Я. Лёсік, С. Некрашэвіч, П. Трамповіч, А. Смоліч, А. Цвікевіч, М. Шчакаціхін і шмат іншых вядомых грамадскіх дзячоў навукі і культуры. Гэта быў непапраўны ўдар для Беларусі, яе навукі, культуры і гаспадаркі. Лепшыя прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі гвалтоўна пазбаўляліся магчымасці не толькі займацца творчай працай на карысць сваёй Радзіме, але і наогул — пачалавечы жыць. Толькі адзінкам з іх праз дзесяцігоддзі ўдалося вярнуцца на Беларусь, астатнія па адбыцці тэрміна зняволення атрымалі новыя абвінавачванні і былі асуджаны да вышэйшай меры пакарання, альбо да новых гадоў зняволення ў канцлагерах. Як адзначае даследчык палітычных рэпрэсій на Беларусі У. Адамушка, “з 826 чалавек, якія праходзілі па спісе ўдзельнікаў беларускага нацыянальнага руху 1917—1924 гг. (а гэта ў абсалютнай большасці прадстаўнікі інтэлігенцыі — Н.В.) рэпрэсаваны ўсе, хто застаўся пражываць на тэрыторыі СССР”.⁵

Справа СВБ з’яўлялася першай масавай хваляй тэрору супраць беларускай інтэлігенцыі і адчыніла вялікі пералік розных спраў 30-х гадоў, зрабіўшых жудасную чыстку сярод інтэлігенцыі рэспублікі. У маі 1931 г. АДПУ сфальсіфікавала і “выкрыла” справу “Працоўнай сялянскай партыі”, па якой асуджана на розныя тэрміны зняволення і высылкі 59 чалавек, па беларускаму філіялу “Прампартыі” пастановай калегіі АДПУ Беларусі ад 12 верасня 1931 г. рэпрэсавана 30 чалавек⁶ і г.д.

У шэрагу іх — значная частка беларускай інтэлігенцыі. Нешматлікія яе шэрагі, з вялікай цяжкасцю сабраныя ў 20-я гады У. Ігнатоўскім, А. Баліцкім, С. Некрашэвічам і інш., былі спустошаны ўжо ў пачатку 30-х гадоў. У лютым 1931 г. першы сакратар ЦК КП(б)Б К.В. Гей і загадчык культпропа ЦК КП(б)Б А.А. Чарнушэвіч прасілі Маскву “неадкладна прыслаць у БССР навуковых работнікаў па эканамічных дысцыплінах” для выкладчыцкай і навуковай працы. Прычына гэтага — арышты “у сувязі з выяўленнем контррэвалюцыйных шкодніцкіх арганізацый, значнай групы асоб, працаваўшых у Дзяржплане, ВСНГ і іншых установах. У сувязі з гэтым шэраг вузаў, і ў першую чаргу БДУ, апынуліся “у катастрофічным стане і стаялі перад зрывам заняткаў і нават поўным закрыццём шэрагу аддзяленняў”.

У 1931—1932 гг. пракацілася хваля арыштаў сярод працаўнікоў сельскай гаспадаркі, а таксама ўстаноў, якія займаліся распрацоўкай яе розных пытанняў. Узніклі справы “Беларускага філіяла працоўнай сялянскай партыі”, “Белтрактарацэнтра”, “Ветэрынарных урачоў”. Толькі па ім было арыштавана і асуджана звыш 800 чалавек. Шмат хто з

працаўнікоў Народнага камісарыята земляробства БССР, Навукова-даследчага Інстытута сельскай гаспадаркі, Віцебскага ветэрынарнага інстытута трапілі ў турмы. Сярод іх Р.А. Бонч-Асмалоўскі — старшыня сельскагаспадарчай секцыі Дзяржплана, кваліфікаваныя спецыялісты па аграноміі, землеўпарадкаванню, статыстыкі НК земляробства — Б. Хоцкі, А. Міхайлаў, В. Ліудт, А. Папялышка, дырэктар Навукова-даследчага інстытута сельскай гаспадаркі Г. Гарэцкі, акадэмік А. Дубах, прафесар Віцебскага ветэрынарнага інстытута В. Макавейскі і інш. Але ж самыя масавыя арышты з гэтых спраў ішлі па Белтрактарацэнтры, па гэтаму аб'яднанню рэпрэсіям падверглася 546 чалавек. Па сутнасці амаль паўнасцю знішчаліся тыя невялікія кваліфікаваныя кадры, якія працавалі ў цэнтральных кіруючых органах сельскай гаспадаркі і на месцах, бо адначасна шло выкрыццё “ворагаў народа” па раёнах. У верасні 1932 г. АДПУ БССР ліквідавала ў Мазырскім раёне так званую контррэвалюцыйную арганізацыю “Сялянскіх саюзаў”. У яе кіраўніцтве абвінавачалі сельскагаспадарчых спецыялістаў з дарэвалюцыйнай інтэлігенцыі. Па гэтай справе толькі ў адным раёне праходзіла звыш 70 чалавек.⁷

У 1933 г. НКУС БССР ўзбудзіла справу па дзейнасці яшчэ адной контррэвалюцыйнай арганізацыі “Беларускага нацыянальнага цэнтра”. Следчымі адзначалася, што гэтая арганізацыя нібы рас-паўсюджвала сваю дзейнасць на значную частку тэрыторыі Беларусі:

“а) на культурным фронце: БАН, НКасветы, Дзяржаўную бібліятэку, Саюз савецкіх пісьменнікаў, Белта, Радыёцэнтр, рэдакцыю газеты “Звязда” і інш.;

б) ВНУ — Горацкую сельскагаспадарчую акадэмію, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Энергетычны Інстытут, навукова-даследчыя інстытуты і інш.

в) Савецкі апарат — Дзяржплан, НК аховы здароўя, НК асветы, Наркамгас, Наркамсвязь і інш.;

г) грамадскія арганізацыі — ЦК МОПРа, партыйныя арганізацыі, Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б, прадстаўніцтва КПЗБ і інш.;

д) РСКА — разведупраўленне штаба БВО, гарнізоны г. Барысава і інш.;

е) буйныя гарады БССР, 25 раёнаў БССР.”

Толькі адзін пералік устаноў, намечаных для выяўлення шкоднікаў, паказвае, што расправа ішла з інтэлігенцыяй. Следчыя органы зрабілі ўсё, каб сфальсіфікаваць наяўнасць нібы шырокай сеткі арганізацый, якія дзейнічалі па ўказцы БНЦ, і налічылі 59 паўстанцкіх ячэек, 19

дыверсійных груп, 4 тэрарыстычныя групы, 20 шпіёнскіх ячэек і рэзідэнтур⁸.

Па справе БНЦ у якасці абвінавачваемых было прыцягнута 97 чалавек і сярод іх значная частка інтэлігенцыі, якая ўнесла немалы ўклад ў справу беларускага нацыянальнага адраджэння на тэрыторыі савецкай і Заходняй Беларусі. Тым не менш, 26 з іх рашэннем судовай калегіі АДПУ ад 9 студзеня 1934 г. былі прыгавораны да вышэйшай меры пакарання, 16 — да ВМП з заменай яе на 10 гадоў папраўча-працоўных лагераў (пасля паўторнага асуджэння ў 1937 г. усе яны былі расстраляны), 17 — да 10 год, 5 — да 8 год папраўча-працоўных лагераў, а астатнія — да розных мер пакарання. Пад прымусам фізічным і маральным “прызналіся” у прыналежасці да гэтай арганізацыі 77 чалавек. Следчыя “знайшлі” і кіраўнікоў БНЦ — найбольш вядомых беларускіх дзеячоў — С. Рак-Міхайлоўскага, П. Мятлу, І. Гаўрыліка, І. Дварчаніна, М. Бурсевіча, Ф. Валынца, П. Валашына.

Бясконцыя праверкі і чысткі рыхтавалі новых асоб для рэпрэсій. Асабліва ўвага надавалася ўстановам культуры. Гэта пацвярджае дакумент, накіраваны сакратару ЦК КП(б)Б М. Гікалу 24 лютага 1933 г. У ім адзначаецца, што пасля разгляду ЦК КП(б)Б пытання аб прарывах на ідэалагічным фронце зроблена наступнае:

“1. Праверан сумесна з ЦК РСІ склад работнікаў НК асветы. Вычышчана 16 чалавек, падлягаюць замене 3 чал. 15 чал. павінны быць правераны праз АДПУ.

2. Праверан склад працаўнікоў Дзяржаўнага выдавецтва Беларусі. вычышчана 21 чал., 6 — падлягаюць замене, 10 будуць правераны праз АДПУ.

3. Вядзецца распрацоўка антыпартыйнай групы ЦКК — Рыўлін, Засценкер, Саевіч, Гесен, Карніенка і іншыя.

4. Ідзе праверка “Бальшавіка Беларусі” з 1931 па 1933 гг.

5. Ідзе праверка склада працаўнікоў радыёвяшчання. Адзін выключан з партыі, 3 — зняты з працы як нацдэмы, неабходна зняць яшчэ 3.

6. Па ўсёй Беларусі ідзе праверка бібліятэчных працаўнікоў, якая закончыцца ў сакавіку.

7. Ідзе праверка ўсіх навукова-даследчых устаноў, выкладчыцкага персаналу.

8. Ідзе чыстка нацдэмаўскіх і іншых элементаў у АНБ. Вычышчана 50 чалавек.

9. Перагледжан увесь склад палітрэдакцый і непрыгодныя заменены.

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
Прагледжваецца ўвесь склад цэнтральных газет”⁹.

Немагчыма ўявіць, у якім цяжкім маральным стане знаходзілася пазбаўленая спакойнай працы інтэлігенцыя, вымушаная жыць пад жахам новых чыстак і арыштаў.

Прозвішчы тых, каго вычышчалі, на каго наклеівалі ярлыкі нацдэмаў, як правіла, змяшчаліся на старонках перыядычнага друку, аб іх гаварылася на ўсіх партыйных сходах, ім прыходзілася пісаць тлумачальныя запіскі аб сваіх паводзінах, палітычных поглядах, прынародна каяцца ў ідэалагічных памылках. Прымаліся нават спецыяльныя пастановы, якія патрабавалі прынароднага пакаяння ад тых, хто на погляд партыі меў перад ёй грахі. 26 снежня 1932 г. такую пастанову прыняла партыячэйка ВПШ, патрабаваўшы ад выкладчыка Гесена “у самым хуткім часе разгарнуць крытыку сваіх памылак перад шырокай грамадскасцю студэнтства і навуковых працаўнікоў у друку.”¹⁰

Пакаяльныя лісты, надрукаваныя ў газетах, сталі звычайнай з’явай. У памылках каяліся Д. Жылуновіч, У. Ігнатоўскі, С. Вальфсон, вымушаны пад прымусам пісаць лісты Я. Колас і Я. Купала. Не ўсе маглі вытрымаць палітычнае цкаванне, пакончылі жыццё самагубствам У. Ігнатоўскі, А. Чарвякоў, спрабаваў гэта зрабіць Я. Купала.

Маральнаму зневажанню тых, хто пападаў у лік ворагаў, надавалася вялікае значэнне, бо стваралася ілюзія справядліваасці асуджэння, да таго ж следчыя органы мелі надзею пры арышце атрымаць чалавека ўжо псіхалагічна зламанага, гатовага на ўсе іх патрабаванні. І сапраўды, такіх было нямала, асабліва пасля катавання падследных.

Рэспрэсіі не абыходзілі нават студэнтаў, тых, каго савецкая ўлада ў хуткім часе бачыла ў шэрагах новай савецкай інтэлігенцыі. У 1935 г. па абвінавачванні ў прыналежнасці да контррэвалюцыйных арганізацый былі арыштаваны і асуджаны групы студэнтаў Інстытута народнай гаспадаркі, Медыцынскага і БДУ. На 2 сакавіка 1935 г. знаходзіліся пад следствам 14 мінскіх студэнтаў і на 31 меліся кампраметуючыя матэрыялы.

У 30-я гады набыла іншы накірунак і характарыстыка спраў, якія АДПУ групувала ўжо не па нацдэмаўскіх альбо трацкісцкіх арганізацыям, а шпіёнска-дыверсійных, фашысцкіх і інш. Расправа над тымі, хто праходзіў па гэтым арганізацыям, была бязлітаснай.

Пасля прыняцця сталінскай канстытуцыі СССР 1936 г. пачаўся новы віток рэпрэсій, самы масавы і жорсткі. 1937—1938 гады ўвайшлі ў гісторыю крывавымі адзнакамі знішчэння інтэлігенцыі, рабочых, сялянства. Менавіта ў гэтыя гады пачаліся паўторныя чысткі ўстаноў ад

ворагаў, узніклі новыя працэсы, а таксама паўторныя над тымі, хто ўжо адбыў пакаранне і чакаў вызвалення. Амаль усе асуджаныя па справе СВБ у 1930—1931 г. атрымалі новыя тэрміны зняволення, а многія вышэйшую меру пакарання, сярод іх А. Баліцкі, А. Адамовіч, Д. Прышчэпаў, В. Ластоўскі, Я. Лёсік і іншыя, хто адбыў да 1937 г. сваё заключэнне.

Контррэвалюцыянераў, шкоднікаў, дывэрсантаў зноў знаходзілі ў БДУ, Мінскім педагагічным інстытуце, Віцебскім ветэрынарным, Беларускам палітэхнічным і шмат іншых. У турмах апынуліся дырэктары Беларускага палітэхнічнага інстытута, Горацкага сельскагаспадарчага, Магілёўскага педагагічнага.

На тых, хто знаходзіліся пад назіраннем, але засталіся на працы, ішоў збор кампрамату. У Мінскім педагагічным інстытуце ў ліпені 1938 г. на 49 супрацоўнікаў з 83 меліся кампраметуючыя звесткі, па Барысаўскаму раёну кампрамат меўся на 41 выкладчыка, Гомелю і Гомельскаму раёну — на 98, Палескай вобласці — на 274 выкладчыка. Вядома, што ўсе яны неўзабаве былі аднесены да сфабрыкаваных органамі НКУС контррэвалюцыйных арганізацый.

Праходзілі арышты тых, хто яшчэ ўцалеў у Беларускай Акадэміі навук. У дакладной запісцы наркома ўнутраных спраў БССР А.А. Наседкіна “Аб шкодніцтве ў Беларускай Акадэміі навук” адзначалася, што ў 1937—1938 г. органамі НКУС БССР арыштавана 57 чалавек агентаў з іншаземных разведак, трацкістаў і іншых, і пакуль што працуюць “распрацаваныя намі 22 удзельнікі антысавецкага падполля, 80 блізкіх сваякоў рэпрасаваных і 40 навуковых супрацоўнікаў урадженцаў замежных краін”.¹¹ Амаль усе яны неўзабаве былі зняты з працы або арыштаваны. У 1937—1938 г. загінулі прэзідэнты Беларускай Акадэміі навук П. Горын, І. Сурта, акадэмікі Я. Афанасьеў, Т. Домбаль, П. Панкевіч і іншыя. Знішчаліся людзі з актыўнымі жыццёвымі пазіцыямі, таленавітыя даследчыкі і арганізатары навуковай працы. Фактычна ў гэтыя гады навуковыя кадры Беларускай Акадэміі навук аказаліся разгромленымі, спыніліся распрацоўкі шмат якіх праблемных напрамкаў, асабліва гуманітарнага профілю.

Больш за 100 беларускіх пісьменнікаў прайшлі праз турэмныя катаванні і шмат хто з іх атрымаў вышэйшую меру пакарання — П. Галавач, М. Гарэцкі, М. Зарэцкі, М. Чарот, А. Дудар, Л. Калюга і іншыя.

Рэпрэсіі не абмінулі рэжысёраў М. Рафальскага, У. Галубка, Ф. Ждановіча, кампазітара У. Тэраўскага і шмат іншых дзеячаў беларускай культуры. Па сутнасці шло знішчэнне тых здабыткаў, якія набыла

беларуская культура ў 20-ыя гады, бо забараняліся, вычышчаліся з бібліятэк, музеяў, сховішчаў і творы рэпрэсаваных, значная частка іх ліквідавана і назаўжды страчана для патомкаў.

Рэпрэсіі закранулі ўсе прафесійныя катэгорыі беларускай інтэлігенцыі. Па матэрыялах “Вынікаў разгрома антысавецкага падполля ў БССР” за 1937—1938 гады арыштавана 2570 чалавек, і сярод іх 23 працавалі ў цэнтральных кіруючых савецкіх і партыйных установах, ЦВК і Саўнаркоме — 16, наркомамі і іх намеснікамі — 40, кіруючымі работнікамі савецкага і гаспадарчага апарату — 179, акадэмікамі і навуковымі супрацоўнікамі Акадэміі навук — 20 чалавек¹² і г.д. Нават па гэтаму далёка няпоўнаму пераліку магчыма ўбачыць, якія маштабы мелі рэпрэсіі гэтых двух гадоў і якія шырокія прафесійныя колы інтэлігенцыі яны ахоплівалі.

Не пазбеглі рэпрэсій і самыя высокія па пасадах партыйныя дзеячы. Вышэйшую меру пакарання атрымалі сакратары ЦК КП(б)Б Я. Гамарнік, М. Гікала, В. Шаранговіч, А. Крыніцкі і іншыя, рэпрэсаваны старшыні ЦВК і СНК, амаль усе наркомы, шмат хто з прафсаюзных і камсамольскіх дзеячоў, кіраўнікоў народнай гаспадаркі, якія працавалі ў 20-я — другой палове 30-х гадоў. Большасць з іх загінулі. Толькі па Народнаму камісарыяту асветы БССР былі знішчаны ўсе наркомы, пачынаючы з першага — У. Ігнатоўскага (які скончыў жыццё самагубствам), паслядоўна займаючыя гэтую пасаду ў наступныя гады — А. Баліцкі, А. Платун, А. Чарнушэвіч, У. Півавараў і інш.

У другой палове 30-х гадоў рэпрэсіі амаль знішчылі вопытны камандны састаў Чырвонай Арміі, якая ў цэлым за 1936—1941 гг. страціла каля 45 тыс. камандзіраў. За тэрмін з 1 студзеня па 1 лістапада 1937 г. толькі ў Беларускай ваеннай акрузе было арыштавана 279 камандзіраў¹³, і гэта ў той час, калі вайна стаяла амаль каля самага парога СССР.

Трагічным вынікам масавых рэпрэсій у БССР з’явілася амаль поўнае знішчэнне дарэвалюцыйнай інтэлігенцыі і значнай часткі новай, савецкай, падрыхтаванай за 20-30-я гады спецыяльнымі навучальнымі ўстановамі. Трэба падкрэсліць, што яны былі рэпрэсаваны бязвінна і што пацвярджае іх рэабілітацыя па матэрыялах адказных дзяржаўных камісій у складзе юрыстаў, прававедаў і інш., працаваўшых пад кантролем дзяржаўных і судовых органаў.

Масавы тэрор супраць беларускай інтэлігенцыі адгукнуўся вялікімі стратамі ва ўсіх галінах жыцця рэспублікі, згортваннем нацыянальна-культурнага будаўніцтва, навуковых даследаванняў, вытворчых працовак. Была перарвана сувязь пакаленняў, страчаны духоўныя

каштоўнасці і прыгнечана нацыянальная самасвядомасць народа, неабходныя для яго далейшага ўсебаковага развіцця.

¹ Расціслаў Платонаў. Палітыкі. Ідзі. Лёсы. Мн., 1996, с. 64—77.

² Там жа, с. 143.

³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), ф. 4, в. 21, спр. 350, а. 132.

⁴ У. Міхнюк. Захоўваць вечно: справа 20951 // Маладосць, 1991, № 6, с. 111.

⁵ У. Адамушка. Палітычныя рэпрэсіі 20-х— 50-х гадоў на Беларусі. Мн., 1994, с. 42.

⁶ Там жа.

⁷ НАРБ, ф. 4, в. 21, с. 331, а. 83, 86; с. 340, а. 73.

⁸ Адамушка. Справа № 233771 // Беларуская мінуўшчына. 1993, № 3—4, с. 46, 47.

⁹ НАРБ, ф. 4, воп. 21, с. 501, а. 106.

¹⁰ НАРБ, ф. 4, в. 21, с. 365, а. 60.

¹¹ НАРБ, ф. 4, в. 21, с. 1400. а. 17.

¹² Р. Платонаў, М. Сташкевіч. Дзве аперацыі супраць “ворагаў народа”// Беларускі гістарычны часопіс, 1993, № 1, с. 75.

¹³ Беларусістыка. Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры. Мн., 1995, с. 202.

А. ГЕСЬ (*Мінск, Беларусь*)

“ВЫСЛАЦЬ ЗА МЕЖЫ БЕЛАРУСІ...”

“Выслаць за межы Беларусі”, — так неаднойчы гучалі пастановы ЦБ (ЦК) КП(б)Б і прысуды ЧК—ГПУ. Яны закралі лёсы розных людзей, жыццё якіх было цесна звязана з Бацькаўшчынай. На падставе дакументаў Нацыянальнага архіва Беларусі паспрабуем разгледзець гэтае пытанне больш падрабязна.

Першая спроба партыі, што прышла да ўлады, утрымаць яе не палітычнымі, прававымі спосабамі, а з дапамогай сілы, была зроблена ў снежні 1917-га, калі бальшавікі разагналі Усебеларускі з’езд. Далейшае ўсталяванне Савецкай улады, гэтак званае яе “трыумфальнае шэсце”, звязана з барацьбой супраць “інакомыслящих”, са знішчэннем палітычных апанентаў. Гэтая барацьба вялася на працягу многіх гадоў. Правячая партыя найперш скарыстоўвала метады прымусу, падтрымліваючы цеснае супрацоўніцтва з надзвычайным органам улады, які па ўзору Масквы быў створаны і ў Мінску — ЧК.

Уздым нацыянальна-вызваленчага руху на Беларусі, абвясчэнне 25 сакавіка 1918 г. Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) і дзейнасць яе кіруючых органаў падштурхнулі бальшавіцкі ўрад у Маскве да фармальнага прызнання права беларускага народа на самавызначэнне

і нацыянальную дзяржаўнасць. Пасля ліквідацыі войскамі Чырвонай Арміі БНР у снежні 1918 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне пра ўтварэнне БССР. Партыйная канферэнцыя ўзяла на сябе функцыі ўстаноўчага сходу і парламента Беларусі. Гэта была вялікая параза нацыянальна-дэмакратычнага руху ў Беларусі. Найбольш крыўдным з’яўлялася тое, што гэты манеўр маскоўскіх уладаў падтрымалі беларусы-камуністы, нядаўнія ўдзельнікі Беларускага Веча ў снежні 1917 г., прадстаўнікі яе левай плыні, якія ўвайшлі ў Часовы рабоча-сялянскі саветскі ўрад Беларусі на чале з Жылуновічам. Сярод іх былі: Восіп Лявонцэвіч Дыла — камісар працы, Усевалад Сцяпанавіч Фальскі — камісар замежных спраў, Фабіян Гіляравіч Шантыр — камісар па нацыянальных справах.

Але пасля Першага Усебеларускага з’езда Саветаў, які адбыўся на пачатку лютага 1919 г., наступіла жорсткае расчараванне: ні адзін з вышэйназваных у склад новастворанага ЦВК Беларусі не ўвайшоў. Больш таго, усе тры былі арыштаваны. Сустрэча з сумнавядомым па Усебеларускагаму з’езду Крывашэіным адбылася зноў. Што ж здарылася? Для высвятлення гэтага прачытаем напісаную 15 лютага 1919 г. заяву арыштаваных у ЦБ КП(б)Б (на мове арыгінала): “8—10 февраля нижеподписавшиеся члены РК партии (большевиков), бывшие члены Временного Правительства Белоруссии, были арестованы комендантом города и заключены в тюремный замок. На вопрос, по чьему распоряжению производится арест, давались уклончивые ответы, но в общем можно было понять, что арест произведен будто бы по распоряжению Правительства. На третий день (11-го) в тюрьму к нам явился комендант города со следователем ЧК, который словесно объявил, что нам инкриминируется следующее обвинение: 1) что мы-де “борьбой” со старыми партийными товарищами старались подорвать их авторитет и 2) что желая якобы организовать независимую белорусскую ком. партию, мы тем самым подрывали советскую власть на Белоруссии. В дальнейшем до 13-го февраля мы не подвергались никакому допросу; 13-го же следователь местной ЧК, не снимая допроса, отобрал от нас подписки с указанием места, кто бы из нас куда хотел выехать за пределы территории Республики Белоруссии, если бы таковой отъезд из Минска был от нас потребован, причем заявил, что окончательного решения нашего дела можно ожидать к вечеру того же числа. Несмотря на все изложенное, мы продолжаем томиться в тюрьме до сего времени, без всякого следствия и результата. Так как предъявленное нам обвинение по своему существу является чисто партийным, мы вправе были ожидать, что дело это всецело подлежит

А. Гесь. “Выслаць за межы Беларусі”

компетенции партийного суда и будет передано последнему; для нас до сих пор остается непонятным, почему дело это, без рассмотрения его партией, находится у общегражданских властей. Отсутствие до сих пор точно сформулированного обвинения, неопределенность самого следствия, лишаящая нас возможности установить возведенное на нас обвинение, продолжающаяся недопустимая по отношению партийных людей затяжка в разрешении вопроса при самосознании полной своей невиновности — все это вместе взятое заставляет нас полагать, что мы, являясь жертвами доноса и криво-толков, подвергаемся ничем неоправдываемому произволу, без ведома авторитетной Советской власти. Вследствие изложенного мы просим ЦБ как высший партийный орган края принять самые энергичные меры к немедленному и справедливому разрешению нашего дела...”¹.

А цяпер паслухаем, што сказала “авторитетная Советская власть”, на літасць якой спадзяваліся вязні. Вось як пісаў пазней, у лістападзе 1920 г., пра тыя падзеі былы сакратар ЦБ КП(б)Б А.Мяснікоў, абараняючыся ад нападак за свае паводзіны ў Мінску ў 1919 г.: “ЧК Беларусіі считалася адной из лучших ЧК России. Ее председатель — т. Яркин — в свое время заслужил полное доверие и уважение ВЧК в лице т.Дзержинского. Все постановления ЧК выносились с ведома и согласия Цебе—ЦИК и под неослабным наблюдением центра. Никто никаких репрессий не применял помимо ЧК, в первую очередь Цебе и ЦИК. Коллегиальность и демократичность в нашей работе в Белоруссии соблюдались в полной мере...”². Цынізм кіраўніка ЦБ уражвае: “коллегиальность и демократичность”. А паводзіны былых сяброў урада “тов. Мясников” ацэньвае па-іншаму: “По сообщениям ЦК Белоруссии, некоторые члены быв. правительства вели контрреволюционную агитацию. Положение в Минске было тревожное. К ряду мер, принятых для установления твердой власти, относится и арест, кажется, трех бывших членов правительства; они были арестованы... ЧК с согласия и разрешения Цебе партии и Президиума ЦИК Белоруссии... Кстати сказать, один из них недавно был расстрелян, кажется, ревтрибом Западного фронта... Арестованные, по миновании опасности момента, были освобождены по инициативе Цебе и ЦИК Белоруссии и высланы ...”³. Вось такі будзённы лексікон: “высланы”, “расстрелян”.

Расстралялі, як вядома, Ф.Шантыра. У.Фальскі быў членам КП(б)Б з верасня 1918 г. да красавіка 1919 г. “Выбыў аўтаматычна з-за нязгоды па нацыянальным пытанні”⁴, — напіша ён у 1925 г. Сустрэцца з “Чекабел”

яму прышлося зноў у верасні 1921 г. Разам з У.Тэраўскім, знаным кіраўніком Беларускага хору, ён быў асуджаны да расстрэлу, які быў заменены на 5 гадоў Смаленскай катаржнай турмы. Пасля вызвалення са Смаленскай турмы апынуўся ў Кіеве. Ні дазволу на вяртанне, ні рэабілітацыі Ус. Фальскі не змог дамагчыся. Рэабілітаваны ён толькі пасмяротна ў жніўні 1996 г.⁵ Прайшоўшы праз пекла турмы і высылкі, Ус. Фальскі яшчэ спадзяваўся на справядлівасць і, апраўдваючыся, выказваў вельмі слушныя думкі: “Ставіць у віну падсуднаму тое, што ён гаворыць не так, як бы гэтага хацелася тым, хто яго судзіць, — не вытрымлівае з юрыдычнага пункту гледжання ніякае крытыкі і магло мець мейсца толькі пры ўмовах поўнага занядання гэтых юрыдычных нормаў...”⁶. Ён хацеў вярнуцца на Беларусь, весці працу, якая была мэтай жыцця. Выказваючы просьбу аб вяртанні, Фальскі не мог зразумець, чаму яму забараняюць гэта зрабіць: “... Я нават не ведаю, на сколькі часу я пазбаўлены гэтага права — на ўсё жыццё чы на пэўны час, якое становішча ізноў не адпавядае юрыдычным нормам”⁷.

Больш шчаслівым аказаўся В.Дыла, які ўжо ў 1921 г. вярнуўся ў Мінск, працаваў на карысць беларускай культуры. Адтэрміноўка скончылася ў 1930 г., калі ён быў арыштаваны па справе СвБ і зноў асланы. На Беларусь не вярнуўся. Памёр у 1973 г.

Падзеі 1920, 1921 гадоў маглі б даць многа прыкладаў бясконцага змагання з палітычнымі праціўнікамі. Мы спынімся на 1922 годзе. Прэзідыум ЦБ КПБ 7 верасня разгледзеў на сваім пасяджэнні пытанне “О выселении профессоров и общественников из пределов Белоруссии”. Вынікі абмеркавання, як бачым, былі загадзя прадвызначаны ўжо фармулёўкай павесткі дня. Была прынята наступная пастанова: “а) Прызнаць неабходным высласць з г. Мінска гр. Я.А.Гурвіч. б) Назначыць да высялення: Ярашэвіча, Скандракова, Міцкевіча, Жывіна, Савіча, Фядзюшына, Маслакавец, Каравайчыка і Рабіновіча. в) Даручыць ГПУБ устанавіць нагляд за гр. Сіроткіным, Вазнясенскім і Якуніным. г) Даручыць т.Ігнатоўскаму і Кацэнбогену падшукаць, кі замясціць Якуніна, пасля чаго Якуніна высласць...”⁸.

Усё становіцца зразумелым, калі прачытаць наступны дакумент - тэлеграму, накіраваную з Масквы ў Мінск, у “Белгуботдел ГПУ” 10 жніўня 1922 г. за подпісам Уншліхта: “В целях полнейшего разгрома организации правых эсеров ГПУ предлагает: 1) получением настоящего немедленно произвести ликвидацию всех активных эсеров Вашего района, 2) на коих будут иметься достаточные обвинения их активности передать в Ревтрибуналы, остальных подготовить к ссылке, на что

запросить разрешение МОГПУ, 3) ликвидации не производить лишь по тем агентурным делам, кои в интересах разработок ликвидации подлежат не должны, на отсрочку ликвидации спрашивать разрешение СО ГПУ, 4) вместо подлежащих изъятию через губкомы и губисполкомы подготовить соответствующих заместителей, дабы не создать осложнений работе совучреждений, 5) в случаях установленной активности эсеров — рабочих физического труда ликвидацию производить с согласия губкомов, 6) дела арестованных закончить в 2-х недельный срок, 7) на третий день после ликвидации нарочным прислать в СО ГПУ списки арестованных по единой системе, 8) настоя-щее принять к неуклонному исполнению...»⁹. 5 верасня 1922 г. у ГПУ Беларусі была атрымана дадатковая поштатэлеграма, у якой прапаноўвалася вясці сістэматычную і неаслабную барацьбу супраць эсэраў, аперацыі праводзіць кожныя 2—3 тыдні аж да канца 1922 г., узмацніць агіткампанію супраць эсэраў, улічваючы па гэтым пытанні кірунак цэнтральнай прэсы, а “особо важныя данныя, годныя для использования печати нарочными направлять СО ГПУ”¹⁰. І калі ў маі 1922 г. ЦБ яшчэ прымала рашэнні аб скліканні сходаў і кампаніях адчыне-нага суда з дапушчэннем дыскусій, то ў жніўні—верасні характар рашэнняў змяняецца.

Да пасяджэння Прэзідыума ЦБ КПБ быў падрыхтаваны грунтоўны дакумент, які з’явіўся падставай для прыняцця рашэння. Гэта “Спіс антысавецкай прафесуры, узятая на ўлік Галоўпалітупраўленнем на 1 верасня 1922 г., згодна тэлеграмы ПП па Захкраі”¹¹. Перачытаем гэты спіс. Вось якія звесткі даюцца ў ім аб кожным: прозвішча, адукацыя, савецкая служба і пасада, сацыяльнае паходжанне, партыйны стаж, грамадскае становішча, ці быў арыштаваны, кім і калі, характа-рыстыка. Змест адной графы ва ўсіх “антысавецчыкаў” супадае. Гэта звесткі пра сацыяльнае паходжанне. Ва ўсіх запісана — інтэлігент.

Ярашэвіч Ніканор Казіміравіч, 35 гадоў, адукацыя вышэйшая, рэктар Беларускага сельскагаспадарчага інстытута, правы эсэр, член партыі з 1918 г., старшыня Вольна-эканамічнага таварыства, член Агранамічнай калегіі, Старшыня Мінскай губземуправы. Быў арыштаваны Чэкабел у 1921 г. па тэлеграме “Совчека, подозр. связи с границей”. У апошняй графе даецца характарыстыка-кампрамат: “Карыстаецца ўплывам сярод студэнтаў Інстытута, па звестках, вядзе эсэраўскую работу сярод студэнтаў”. У апошняй графе -запіс ад рукі: “Подлежит высылке из пределов Белоруссии на восток”¹².

Скандракоў Сяргей Вячаслававіч, 45 гадоў, адукацыя вышэйшая,

вучоны аграном, выкладчык сельскагаспадарчага Інстытута, заг. навукова-даследчага аддзела Наркамзема Беларусі, інтэлігент, беспартыйны, з кадэцка-эсэраўскім мінулым, быў членам Беларускай грамады ў 1907 г., член праўлення Агранамічнай калегіі Наркамзема. У цяперашні час арыштаваны па падазрэнні ў прыналежнасці да партыі правых эсэраў. Характарыстыка: антысавецкі настроены, веў адкрытую агітацыю сярод сяцоў і працаўнікоў Наркамзема, аб сваёй нязгодзе з тактыкай Савецкай улады адкрыта заяўляў наркамзему Беларусі т. Славінскаму. Прысуд той самы. Праўда, за Скандракова заступіўся наркамзем А.Славінскі, і ЦБ КП(б)Б 11 верасня рашыла хадайніцтва задаволіць: пакінуць Скандракова ў НКЗ “под личную ответственность Славинского, о чем сообщить в ГПУ”¹³.

Гурвіч Яўгенія Адольфаўна, 62 гады, адукацыя вышэйшая гісторыка-філалагічная, выкладчыца Белдзяржуніверсітэта, член арганізацыі Бунда С-Д з моманту арганізацыі, з 1898 г., загадчыца Пушкінскай бібліятэкі, член Навуковага таварыства пры Белдзяржуніверсітэце, 2 ліпеня пры ліквідацыі Мінскай арганізацыі Бунда С-Д арыштавана, пастановай ГПУ 5 жніўня вызвалена пад нагляд ГПУБел. Карыстаецца ўплывам сярод студэнтаў і настаўнікаў. Вядзе актыўную меншавіцкую работу. Фармулёўка прысуду крыху іншая: “Считать необходимым выселить из пределов Белоруссии”¹⁴.

Міцкевіч Адам Юр’евіч, 34 гады, адукацыя вышэйшая — вучоны аграном, фізіка-метэаролаг, загадчык і выкладчык Мар’іна-Горскага сельскагаспадарчага тэхнікума, беспартыйны, але быў цесна звязаны з эсэраўскімі коламі з 1905 г. У графе “Грамадская праца” адзначана, што працуе толькі ў Сельскагаспадарчым тэхнікуме. Арыштаваны па аперацыі ад 24 жніўня па тэлеграме “С.ГПУ” аб правых эсэрах. У цяперашні час знаходзіцца пад арыштам. Характарыстыка: “Карыстаецца ўплывам сярод студэнтаў сельгастэхнікума. Вядзе сярод іх антысавецкую эсэраўскую агітацыю і работу”. Да гэтай інфармацыі трэба дадаць, што Міцкевіч А.Ю. пераехаў у Мінск: выкладаў у Белпедтэхнікуме, на курсах беларусазнаўства, затым у БДУ. Пазней быў арыштаваны па справе СВБ і высланы.

Жыван Васіль Пятровіч, 35 гадоў, адукацыя вышэйшая — вучоны аграном, выкладчык Мар’іна-Горскага сельскагаспадарчага тэхнікума, эсэр з 1904 г. У цяперашні час знаходзіцца пад арыштам. Арыштаваны па апошняй аперацыі як правы эсэр. Веў актыўную эсэраўскую работу сярод студэнтаў тэхнікума і навакольных сялян, у раёне, дзе жыве Жыван, сяляне маюць антысавецкія настроі. І для Міцкевіча, і для Жывана

агульная рэзалюцыя: “Подлежат высылке”¹⁵.

На жаль, у архіўнай справе знойдзена толькі палова спіса “антысавецкай прафесуры”, другая — адсутнічае. Але не менш цікавымі з’яўляюцца жыццяпісы і астатніх “антысавецкаў”, пералічаных у пастанове. Усе яны Асобы.

Вельмі цікавым чалавекам быў Каравайчык Павел Гіляравіч, беларускі грамадскі дзеяч, пісьменнік. Працуючы ў Белбюро НКА РСФСР, затым у газеце “Савецкая Беларусь”, пісаў артыкулы пра беларускую культурную працу ва Усходняй Беларусі. У 1925 г. пасля сканчэння медфака БДУ застаўся там працаваць. Быў членам медычнай секцыі Інбелкульту. У асабовай справе ёсць такі запіс: “Вядомы секцыі як асоба, добра ведаючая чужаземныя мовы, добра знаёмая з медычнай літаратурай і адзначаная высокай працаздольнасцю грамадскай працы”¹⁶. У 1930 г. арыштаваны па справе СВБ, высланы, паўторна асуджаны ў 1937 г. да ВМП.

Не пазбег высылкі Савіч Аляксандр Антонавіч, урадженец Гродзеншчыны, выпускнік Маскоўскага ўніверсітэта. Выкладчык расійскай гісторыі Педфака БДУ, член архіўнай камісіі Акадэміцэнтра Наркамсветы БССР. Савіч у 1925 г. ужо быў прафесарам Пермскага ўніверсітэта¹⁷. Яго малодшы брат Мікалай, студэнт Медфака, быў выключаны з БДУ Камісіяй па чыстцы¹⁸.

Відаць, не ўдалося знайсці замену Якуніну Віктару Васільевічу, выкладчыку гісторыі народнай гаспадаркі факультэта грамадскіх навук (затым права і гаспадаркі). Ён прадаўжаў працаваць, хоць і страціў прафесарскае званне, якое атрымаў у 1917 г. у Маскоўскім археалагічным інстытуце, дзе ён вучыўся і працаваў. У 1928 г. ён падаў заяву аб аднаўленні яго ў званні, а пасля атрымання адмоўнага адказу, у 47 гадоў, выйшаў на пенсію¹⁹.

У той жа пастанове ЦБ ад 7 верасня ёсць яшчэ такі пункт: “д) лічыць мэтазгодным падняць у прэсе кампанію супраць антысавецкіх беларусаў — грамадскіх дзеячоў з тым разлікам, каб праз месяц выслаць гр. Лёсіка”²⁰. “Антысавецкасць” беларусаў была найперш у іх беларускасці. Змаганне з беларускімі працаўнікамі асабліва актыўна пачало праводзіцца з лютага 1921 г., калі ДПУ са згоды ЦБ КП(б)Б арыштавала 860 чалавек (па некаторых звестках — 1500). Большасць з іх былі сябрамі БПСР (Беларускай партыі эсэраў), некаторыя змагаліся за беларускую дзяржаўнасць, уваходзячы ў Радз БНР. Арыштоўвалі ўсіх працаўнікаў беларускіх культасветустаноў. Гэта мог быць настаўнік, артыст, кіраўнік хору, інспектар аддзела народнай адукацыі, бібліятэкар,

студэнт. Іх правіннасць была ў тым, што вучылі беларусаў “людзьмі звацца”. Сярод ваяўнічых барацьбітоў супраць беларушчыны, “у сувязі з кампаніяй супраць дробнабуржуазных уплываў і нацыянальных ухілаў”, быў загадчык агітацыйна-прапагандысцкага аддзела (АПО) ЦБ КП(б)Б Якаў Беркавіч Быкін (з 11 мая 1922 г. ён яшчэ ўваходзіў і ў склад Прэзідыума ЦБ). ЦБ у канцы верасня, абмеркаваўшы рашэнне ЦК РКП аб адкліканні Быкіна з Беларусі, запісала, што “адкліканне з’яўляецца палітычнай памылкай і будзе вытлумачана як аслабленне барацьбы супраць шавіністычна-нацыяналістычнай інтэлігенцыі розных нацыянальнасцяў...”²¹

Я.Лёсік, безумоўна, быў арыштаваны. На выратаванне яго кінуўся У.Ігнатоўскі, які 11 лістапада 1922 г. адрасаваў ліст у ЦБ КП(б)Б. “Арышт Лёсіка лічу вялікай памылкай...”²², — пісаў ён. Але хадайніцтва Ігнатоўскага поспеху не мела. 14 лістапада ЦБ пацвердзіла, што “пастанова па даным пытанні не падлягае перагляду”²³. Аўтар “Беларускай граматыкі” любіў сваю Бацькаўшчыну і сваёй руплівай працай спрыяў нацыянальнаму абуджэнню беларусаў. А для ўладароў-небеларусаў гэта было найвялікшым крыміналам. За час знаходжання яго ў зняволенні ўлады, мабыць, добра вывучылі “тип Лёсіка” — Вялікага Беларуса, бо пазней, вызначаючы “палітфізіяномію” другога адраджэнца, А.Смоліча, параўноўвалі з ім. Між тым час ішоў. Невядома, чым займаўся Лёсік у вязніцы, пра што ён думаў, ці ўспамінаў сваю шматгадовую высылку пры царскай уладзе. Як і невядома, хто ўсё ж дапамог яму выйсці на волю. Магчыма, нарком унутраных спраў Язэп Адамовіч, а магчыма нехта іншы. У ЦБ КП(б)Б аб гэтым даведаліся 6 студзеня 1923 г. Быў суботні дзень, але ЦБ тэрмінова сабралася, каб выслухаць сакрэтную заяву прадстаўніка рэвізійнай камісіі Буніна. Пастанавілі зрабіць запыт у ДПУ з просьбай “сообщить мотивы освобождения гр. Лёсіка”²⁴. Адказ СА ДПУ быў дасланы 20 студзеня 1923 г.: “ДПУ Беларусі паведамляе, што ў адносінах да гр-на Я.Ю. Лёсіка зменена мера абмежавання вызваленнем яго з-пад варты з прычыны дадзенай ім падпіскі аб адмаўленні ад усялякай антысавецкай дзейнасці. Пастанова аб высылцы гр-на Лёсіка, якая санкцыянавана калегіяй ДПУ РСФСР, застаецца ў сіле”²⁵.

Такім чынам, рашэнне “заставалася ў сіле”. Было рэалізавана яно ў 1931 г. І не толькі адносна Лёсіка, але і многіх іншых. Некаторыя з высланых ужо ніколі не вярнуліся на Бацькаўшчыну, што было для іх вышэйшай карай.

Як бачым, пастановы аб высяленні санкцыянаваліся ўстановай чужой дзяржавы. Нават і не Саюза ССР, які яшчэ толькі ствараўся. Змаганне з палітычнымі праціўнікамі ішло па камандзе з Масквы і ў цеснай звязцы КПБ—ДПУ.

¹ НАРБ, ф. 4, воп. 1, спр. 12, л. 165.

² Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 55, л. 1.

³ Там сама.

⁴ Тры лісты Усевалода Фальскага. Публікацыя В.Селяменева, В.Скалабана // Тэатральная творчасць. 1996. № 6. С. 44.

⁵ Там сама.

⁶ Там сама. С. 45.

⁷ Там сама. С. 46.

⁸ НАРБ, ф. 4, воп. 1, спр. 396, л. 63.

⁹ Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 489, л. 86.

¹⁰ Там сама.

¹¹ Там сама, л. 75.

¹² Там сама..

¹³ Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 396, л. 63.

¹⁴ Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 489, л. 75.

¹⁵ Там сама.

¹⁶ Там сама, ф. 205, воп. 3, спр. 3517, л. 2.

¹⁷ Там сама, спр. 7305.

¹⁸ Там сама, спр. 839.

¹⁹ Там сама, спр. 9666.

²⁰ Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 396, л. 63.

²¹ Там сама, спр. 474, л. 58.

²² Там сама, ф. 60, воп. 3, спр. 506, л. 8—10.

²³ Там сама, ф. 4, воп. 1, спр. 474, л. 66.

²⁴ Там сама., спр. 405, л. 133.

²⁵ Там сама, л. 145.

ДА ДЭМАГРАФІЧНАГА ВЫЗНАЧЭННЯ МАСАВЫХ
РЭПРЭСІЯЎ КАМУНІСТЫЧНАГА РЭЖЫМУ

Тэзы.

Аналізуючы тэму масавых рэпрэсіяў 1917—1953 гадоў, часам прыходзіцца задавацца пытаннем — чаму тэрор быў такім усе-ахопным, чаму ахвярамі камуністычнага рэжыму станавілася не толькі ягонья яўныя ворагі, але і лаяльныя да ўладаў грамадзяне. Сапраўдныя маштабы карнай дзейнасці бальшавікоў ня высвятленыя да канца і дакладная лічба ахвяраў невядома ў тым ліку і таму, што колькасць гэтых ахвяраў велізарная. Паводле «мінімальнага ацэнак, якія патрабуюць далейшага ўдакладнення», як сказана ў апошнім еўрапейскім бэстсэлеры «Чорная кніга камунізму. Злачынствы, тэрор, рэпрэсіі» у СССР непасрэднымі ахвярамі сталіся 20 мільёнаў чалавек. У такім разе, пра тэму масавых рэпрэсіяў варта разважаць у дэмаграфічных катэгорыях, бо мы маем справу з грандыёзным прымусовым рухам народанасельніцтва.

Можна сцвярджаць, што ў Беларусі тэрор скіроўваўся супраць канкрэтных сацыяльных альбо нацыянальных групаў насельніцтва. Большасць гэтых групаў насельніцтва ва ўмовах Беларусі адначасова былі і нацыянальнымі, і сацыяльнымі групамі. Менавіта такімі былі сяляне (у абсалютнай большасці сваёй — беларусы) і беларуская інтэлігенцыя. Рэпрэсаваныя пасля 1939 года асаднікі былі пераважна палякамі. Паводле нацыянальных прыкметаў падпадалі пад рэпрэсіі палякі і латышы. Паводле сацыяльнай ролі і значнасці ліквідоўваліся цэлыя сацыяльныя страты — прадпрыемальнікі, святарства, лясь-нічыя. Арышты паводле нацыянальных і сацыяльных прыкметаў праводзіліся лінейна. Доказам віны былі толькі прыналежнасць да той ці іншай групы.

Пад час камуністычнай дыктатуры (у пэрыяд да 1953 года) было рэпрэсавана 238 беларускіх літаратараў, жывымі з лагераў вярнуліся толькі 20 чалавек. Толькі за травень 1930 году ў БССР было раскулачана 15626 сялянскіх гаспадарак — каля паловы іх агульнай колькасці (ацэнкі Таццяны Процькі). Паводле ацэначных звестак у Беларусі ў 20—40-я гады было раскулачана ня менш за 350 тысячаў чалавек, а за контррэвалюцыйныя злачынствы ў 1935—1940 г. было прыцягнута да крымінальнай адказнасці больш за 300 тысячаў чалавек (звесткі Ігара Кузьняцова).

Выразная прыкмета рэпрэсіяў — гэта іхняя плянаваць і скаардынаванасць. У толькі што выдадзеным Архівам Найноўшае Гісторыі і «Нашай Нівай» зборніку дакументаў «Канвэер сьмерці»,

А. Дзярновіч. Да дэмаграфічнага вызначэння масавых рэпрэсіяў...

падрыхтаваным Ігарам Кузьняцовым, прыводзіцца ўнікальны дакумэнт — Апэратыўны загад народнага камісара ўнутраных справаў СССР № 00447 «Аб апэрацыі па рэпрэсаванні былых кулакоў, крымінальнікаў і інш. антысавецкіх элементаў» ад 30 ліпеня 1937 году (дакумэнт у зборніку № 16). Гэтым загадам была зацьверджаная колькасць рэпрэсуемых. Па БССР пад першую катэгорыю рэпрэсіяў падпадала 2000 чалавек, пад другую катэгорыю — 10000 чалавек. Лёс гэтых людзей быў ужо вызначаны: «Да першай катэгорыі належаць усе найбольш варожыя з пералічаных вышэй элементы. Яны пад-падаюць пад неадкладны арышт і, пасля разгляду справы на тройках — РАССТРЭЛУ... Да другой катэгорыі належаць усе астатнія, менш актыўныя, але ж варожыя элементы. Яны падпадаюць пад арышт і заключэньне ў лагеры на тэрмін ад 8 да 10 гадоў... Зьмяншэньне лічбыў ... не дазваляецца. Нават колькасць расстрэльных справаў вызначалася на канкрэтны пэрыяд загадзя.

Яшчэ адзін спосаб плянаваньня рэпрэсіяў — гэта сыстэматычныя палітычныя кампаніі. У Беларусі яркія прыклады такіх кампаніяў зьвязаныя з пастановай ЦК ВКП(б) «Аб рабоце ЦК КП(б) Беларусі» (студзень 1947 г.), пасля якой рэпрэсіі зноў скіраваліся супраць беларускіх літаратараў, а таксама разгляд бюро ЦК КП(б)Б пытання «Аб мерапрыемствах па ўкараненьню мічурынскай аграбіялёгіі ў БССР» (14 верасьня 1948 г.), пасля чаго пачаўся пагром навукі ў Беларусі.

Калі звесці прыклады масавых рэпрэсіяў да відаў практыкі, то пад час аналізу мы будзем мець справу з дзейнасьцю, накіраваную на зьнішчэньне цалкам альбо часткова якой-небыць нацыянальнай, сацыяльнай альбо рэлігійнай групы, у тым ліку забойства прадстаўнікоў такой групы, нанясьне ім цяжкіх цялесных пашкоджаньняў; наўмыснае стварэньне невыносных для жыцьця умоваў, разлічанае на поўнае альбо частковае зьнішчэньне, прымусовую перадачу дзяцей з адной чалавечай групы ў іншую (дзіцячыя дамы, высяленьні ў Сібір), эксплуатацыя працы прадстаўнікоў групы, выкарыстаньне іх прымусовай працы, перасьлед арганізацыяў і асобаў за выступы супраць дыскрымінацыйнай палітыкі. У сферы нацыянальнай і культурнай мы бачым дзеяньні, накіраваныя на зьнішчэньне мовы (і — моваў), рэлігіі, культуры, нацыянальных і рэлігійных групаў, у тым ліку абмежаваньні карыстацца роднаю мовай ў сістэме адукацыі і ў сферы друку, зьнішчэньне помнікаў, бібліятэкаў, музеяў, культавых аб'ектаў.

Сістэма названых дзеяньняў трапляе пад характарыстыкі міжнароднай Канвенцыі 1948 году «Пра прадухіленьне злачынства

генацыду і пакаранні за яго», дзе юрыдычна вызначаецца як генацыд. Такім чынам, у агульнай тэорыі народанасельніцтва той прымусовы рух народанасельніцтва, а гэта значыць змена тых ці іншых колькасных і якасных характарыстыкаў народанасельніцтва, які адбываўся ў пэрыяд камуністычнага панавання ў Беларусі, вызначаецца як ГЕНАЦЫД.

Уся гэтая палітыка была накіраваная супраць полімоўнага і політэхнічнага грамадства Беларусі, найперш — супраць беларускай нацыі, у адносінах да якой ўладамі СССР праводзілася палітыка ЭТНАЦЫДУ.

І.КАНАПАЦКІ (Мінск, Беларусь)

СПРАВА № 35137 ПАЎНАМОЦНАГА ПРАДСТАЎНІКА
АДПУ БССР АБ КАНТРРЭВАЛЮЦЫЙНАЙ ТАТАРСКАЙ
АРГАНІЗАЦЫІ Ў МІНСКУ¹

У сакавіку 1933 г. у Мінску органамі АДПУ была арыштавана група высакапастаўленых татарскіх і беларускіх інтэлегентаў, якія абвінавачваліся па сумнавядомых артыкулах 72 і 76 крмінальнага кодэксу БССР (антысавецкая агітацыя і прапаганда, удзел у кантррэвалюцыйных органах). У сфабрыкаваным абвінаваўчым заключэнні па справе Гембіцкага І. К., Мурза-Мурзіча І. Х., Рызвановіча Х. І. і Дашкевіча І. С. гаварылася, што ў «сакавіку гэтага года (г. зн. 1933 — І. К.) Асобым аддзелам ПП АДПУ БССР ліквідавана кантррэвалюцыйная нацыяналістычная татарская групоўка, якой кіраваў быўшы падпалкоўнік царскай арміі Гембіцкі Іван Кан-станцінавіч (Ях'я Хасенавіч). У склад групоўкі ўваходзілі Мурза-Мурзіч Ібрагім Халільевіч, былы банкаўскі работнік г. Кіева, які працаваў на той час кантралёрам Мінскай канторы Дзяржбанка, Рызвановіч Хасень Іосіфавіч, былы судовы следчы, працаваўшы супрацоўнікам Галоўміліцыі БССР, Дашкевіч Іосіф Сямёнавіч, былы чыноўнік, які працаваў галоўным бухгалтарам Соцзембанка, Даўгяла Дзмітрый Іванавіч, навуковы работнік, Мухля Ібрагім Александравіч, бухгалтар аб'яднання татарскіх органаў, у мінулым чыноўнік казённой палаты (у момант арыштаў яму ўдалося выехаць у г. Кіеў)»².

У чым жа абвінавачваліся згаданыя намі татарскія і беларускія дзеячы? Пра гэта ў сфабрыкаваным адпэзушнікам абвінаваўчым заключэнні гаварылася наступнае: «Кантррэвалюцыйная татарская групоўка развівала арганізацыйную дзейнасць па стварэнню кантррэвалюцыйнай арганізацыі за кошт татарскага рэлігійнага насельніцтва, варожа настроенага супраць Савецкай улады,

распаўсюджваючы свой уплыў і на працоўных татар». Пра гэта сведка Хацяновіч С. М. (былы мазырскі іспраўнік, які высылася раней органамі АДПУ у адміністрацыйную высылку «за шпіянаж на карысць Польшчы» і на той момант працаваў у мінскім клінічным гарадку чарнарабочым, даводзіў у органы АДПУ (данос прыводжу на мове арыгінала): «Желая быть совершенно откровенным перед органами ОГПУ, я абсолютно честно показываю, что мне известно благодаря систематическому общению с рядом лиц о существовании в г. Минске контрреволюционной организации в своём большинстве состоящей из татарских дворян. О лицах входивших в организацию мне известны: Мурза-Мурзич Ибрагим Халильевич, татарский дворянин, окончил юридический факультет университета, служил до революции в Киевском банке. В настоящее время бухгалтер Госбанка: Гембицкий Иван Константинович, бывший подполковник артиллерийских частей, со слов его знаю, что имеет диплом об окончании Белорусского университета, в данное время бухгалтер Госбанка; Бицютко Сулейман Яковлевич, бывший подполковник генерального штаба, отец его помещик, одновременно служил в губернском акцизном управлении; Богданович Степан, в прошлом чиновник окружного суда, сейчас служит в качестве начальника пожарного отряда при обойной фабрике, родственник Мурза-Мурзича; Дашкевич Иосиф Семёнович, бывший чиновник казённой палаты, ныне бухгалтер одного из минских банков; Рызванович Хасень Иосифович, бывший судебный следователь, сын чиновника царской службы, в данное время служит в минской милиции. Является родственником Бицютко; Мухля Ибрагим Александрович, бухгалтер объединения татарских органов, в прошлом чиновник казённой палаты, собирался уехать в Киев. Перечисленные мною лица являются основным ядром организации, остальные участники организации мне неизвестны, так как являются татарами из числа мелких служащих в прошлом и настоящем. Указанная группа лиц систематически собирались в квартирах друг друга под предлогом игры в винт (карточная гульня — І. К.), где вели собеседования на контрреволюционные темы. Из этих разговоров мне стало известным, что организация всю свою работу строит на религиозной подстилке, под прикрытием чего расширяется за счёт религиозных татар даже из среды татар-трудящихся. Я неоднократно был свидетелем бесед Мурза-Мурзича, Гембицкого, Рызвановича, Мухля по национальному вопросу, когда эти лица единодушно приходили к заключению о необходимости поддержки мечети в смысле её дальнейшего существования с

той целью, дабы вокруг мечети сгруппировать религиозных татар и настроенных враждебно против Советской власти. Для этого Мурза-Мурзич в присутствии меня у собиравшихся для игры в винт собирал деньги в результате чего получалась солидная сумма денег. Куда направлялись эти деньги я указать не могу, так как в это посвящён не был.

При беседах на политические темы, в частности по вопросу о форме правления, строе после свержения Советской власти, в частности Гембицкий И. К. был сторонником установления республиканско-демократического строя. С его доводами остальные вполне согласились. В беседах по вопросу о свержении Советской власти тот же Гембицкий и остальные высказывали точку зрения, что оставшиеся идеи троцкизма и неугасшие идеи Бухарина и его группы произведут раскол внутри партии, за которым последует падение Советской власти. Также говорилось и о возрастающем недовольстве придавленного крестьянства, которое озлоблено против Советской власти и которое явится в недалёком будущем могильщиком советов. Не помню какого числа, но приблизительно в конце 1932 года Гембицкий на квартире Мурза-Мурзича, в присутствии Рызвановича, Мухля, Бицют-ко, Богдановича произнёс речь сводящуюся к следующему: «На Дальнем Востоке события разворачиваются с каждым днём не в пользу Советского Союза, генерал Дитерикс и атаман Семёнов сумели организовать крупные белоэмигрантские силы и недалёк момент, когда этот мощный кулак придушит Советскую власть при единовременной поддержке Польши». Заканчивалась речь Гембицкого словами: «Мы, Магометане, честны и храбры, на нас обращает своё внимание Европа, мы должны собой представить мощный кулак для уничтожения поработителей народа». Влияние Мурза-Мурзича, Гембицкого и других слишком широко распространено на всю татарскую колонию татарский колхоз и «огороды», среди которых имеются приближённые к ним лица, вполне разделяющие их контрреволюционные убеждения. Этих лиц я назвать затрудняюсь, но большинство в лицо знаю. Попытаюсь установить их фамилии и сообщить ОГПУ. Как факт этого влияния могу сослаться на то обстоятельство, что татары, групп-пирующиеся вокруг них, приносят свои собственные сбережения на хранение Мурза-Мурзичу и без его совета, ни по одному вопросу, даже бытового характера, не могут принять решение. Кроме того, со слов Мурза-Мурзича приблизительно в конце 1932 года, мне известно, что из Польши (Вильно) нелегально должен приехать в Киев Якубовский, родственник Якубовской Айши, откуда заедет и в Минск. О целях приезда

І. Канапацкі. Справа № 35137 паўнамоцнага прадстаўніка...

Якубовскаго в СССР Мурза-Мурзич мне не сказал, а обещал в момент приезда его пригласить к себе и меня. Степан Михайлович Хотенович»³.

На падставе гэтага даноса і была сфабрыкавана справа. Пачаліся допыты, катаванні. Мужна трымаліся на допытах Ях'я Гембіцкі, Сюлейман Біцютка, Іосіф Дашкевіч, браты Аляксандр і Якаў Багдановічы, Пётр Касперскі і Дзмітрый Даўгяля. Але некаторыя арыштаваныя не вытрымалі катаванняў, агаварылі сябе і сваіх таварышаў. Не будзем іх судзіць строга. Няхай Аллах міласэрны і літасцівы будзе ім суддзёю. Прывяду толькі некаторыя вытрымкі з пратаколаў допытаў Ібрагіма Мурза-Мурзіча і Хасяня Рызвановіча. З паказанняў Мурза-Мурзіча Ібрагіма Халільевіча ад 20 сакавіка 1933 г. (падаюцца на мове арыгінала, г. зн. на расійскай):

«Желая искупить свою вину перед советской властью я, Мурза-Мурзич Ибрагим Халильевич, раскаиваюсь в совершённых мною преступлениях, чистосердечно показываю: признаю, что в Минске существовала группа татар, состоявшая в прошлом из бывших офицеров, чиновников и тому подобно контрреволюционно настроенных, в которую входил и я.

Персонально группа состояла: 1) Я (Мурза-Мурзич Ибрагим Халильевич — І. К.); 2) Гембицкий Иван Константинович — бывший артиллерийский офицер, служит в Госбанке; 3) Рызванович Константин Иосифович — бывший мировой судья, служит в милиции архивариусом; 4) Мухля Ибрагим Александрович — в прошлом железнодорожный служащий, в настоящее время проживает в Киеве по Большой Дорогожицкой, теперь улица имени Мельникова, д. № 41; 5) Дашкевич Иосиф Семёнович. В прошлом банковский чиновник, в настоящее время главный бухгалтер Соцзембанка. Инициатором сборищ указанных лиц был я. Собирались мы на квартире друг друга для игры в винт. Во время этих встреч мы от бесед частного порядка перешли на обсуждение вопросов политического характера и поскольку все мы являемся в прошлом людьми из привилегированного общества, то, естественно, что эти беседы сводились к разговорам антисоветского толка. В дальнейшем эти, т. е. антисоветские разговоры в группе сводились в основном к неминуемому падению Советской власти. Больше всех говорил на антисоветские темы Гембицкий. Его разговоры сводились к тому, что колхозы кругом разваливаются, потому, что крестьянство не согласно с коллективной обработкой земли, при том же крестьянство целиком настроено против Советской власти и, что такое положение в результате приведёт к гибели существующего строя.

Рызванович, Мухля и я с доводами Гембицкого соглашались полностью. Таким образом, Гембицкий в период наших сборищ являлся застрельщиком антисоветских бесед и надо сказать, являлся возглавляющим нашу группировку. С отъездом Мухли в нашу группу влился через моё посредство Бантыш Николай Митофанович, в прошлом акцизный чиновник, сейчас служит в Наркомземе инспектором и живёт у меня на квартире. Бандыш приехал в 1926 г. из Киева, откуда привёз мне письмо от Ясинского Дмитрия Ивановича, в прошлом учителя гимназии. В этом письме Ясинский и Чернов просили устроить Бантыша на службу. Бандыш мне рассказывал, что он в Киеве арестовывался, за что, я у него не спрашивал. Бандыша я ранее устроил на службу в Госстрах посредством Кейля Василия, в прошлом акцизного чиновника. Кейль из Минска уехал. Где он живёт сейчас, я не знаю. Бантыш присутствовал при сборищах нашей группы и антисоветских разговорах, полностью разделял нашу точку зрения. Систематически посещал меня Хотянович Степан Михайлович (даносчык — І. К.), в прошлом исправник Мозырского уезда, служит в клиническом городке сторожем. Брат Хотяновича в Минске имеет собственный дом и служит по лесной части»⁴.

22 сакавіка 1933 г. на допыце Мурза-Мурзіч С. Х. даводзіў наступнае: «В Минск я приехал в 1921 году из Киева, где проживал по Бибииковскому бульвару. В 1924 году приехал из Москвы Гембицкий Иван Константинович вместе со старшей сестрой Эмилией Константиновной Гембицкой. Э. К. Гембицкая ещё раньше была знакома с моей женой. Возобновив общение с Гембицким, я, Рызванович и они собрались у меня для игры в винт, разговоров на политические темы не вели. Несколько позже приехал в Минск из Киева Мухля Ибрагим Халильевич, влившийся в нашу группу для игры в винт. С приездом Мухля и участием его в наших товарищеских встречах, возникали беседы на политические темы. Сначала мы критиковали работу кооперации, возмущались её деятельностью, подбором работников в ней, а затем перешли и к вопросу о кадрах в учреждениях, высказывали ту точку зрения, что эти кадры простонародные, безусловно, с такой сложной работой, как кооперативная, справиться не могут и не смогут. Вспоминаю, что этот вопрос обсуждался с пеной у рта, несмотря на то, что проводился НЭП, когда всякого рода продуктов было вдоволь. Гораздо уже позже, приблизительно в 1927 году в нашу компанию влился Дашкевич Иосиф Семёнович, бывший банковский работник в Киеве, в настоящее время служит бухгалтером в Соцзембанке и профессор Довгяло. Первого ввёл

І.Канапацкі. Справа № 35137 паўнамоцнага прадстаўніка...

в нашу групу я, так как с ним знаком ещё по Киеву, а второго Гембицкий И. К. Ещё должен сказать, что в этот же период времени наша группа пополнилась Бантышем, которого ввёл Хотянович, о них я показал в предыдущих показаниях. При посещениях Дашкевича и профессора Довгяло критика работы кооперации перешла к антисоветским высказываниям, особо яро выраженным Дашкевичем, Гембицким и Довгяло. В 1930—1931 гг., в момент проведения коллективизации наши беседы приняли оживлённый характер и высказывания в группе отражали уверенность абсолютно всех собравшихся в том, что проводимая политика не верна в части проводимых репрессий крестьянства, под этим я понимаю выселение в Сибирь зажиточной части крестьянства и, что такая линия Советской власти закончится бунтом крестьян для свержения Советов. Об этом весьма ярко говорили и доказывали Дашкевич и Гембицкий. Остальные их поддерживали. Хочу отметить, что группа целиком разделяла точку зрения правой оппозиции, так как видела в их линии политики единственный выход восстановления хозяйственной мощи страны и даже «prosperiti» — наподобие американского процветания. Уход Бухарина, Томского и Рыкова как для меня, так и для остальных членов нашей группы был большим ударом. Это мероприятие советской власти мы находили для неё губительным и считали, что никакой борьбы с советской властью не надо изыскивать, ибо происходящая борьба внутри партии сама решит гибель Советской власти и установление в стране республиканско-демократического строя. Кроме подобного рода бесед, изложенных выше и в предыдущих показаниях, мы разговоров об изыскании методов борьбы с советской властью не вели, так как считали это в данное время невозможным, а только расширяли группу за счёт единомышленников из числа знакомых. Дополнительно показываю, что за границей у меня проживают следующие родственники: брат — Александр Халильевич Мурзич, живёт в Новогрудке. Сын Александра — Семён, около 27 лет, служит следователем окружного суда в Вильно. Племянник — Константин Адамович Мурза-Мурзич (сын покойного брата), около 30 лет, товарищ прокурора в г. Пинске. С перечисленными выше родственниками переписки непосредственно не имею, но о них информацию получаю от родственников жены, также проживающих в Польше: брат жены — Богданович Авраам Степанович, кассир нотариуса в Вильно. Брат жены — Богданович Яков Степанович, бывший полковник царской армии, служил в Гродненском магистрате чиновником, теперь в отставке. Сестра жены — Соболевская Айша

Степановна, вдова. Муж её, бывший офицер умер, она живёт на иждивении брата Авраама. Переписываюсь с Авраамом Степановичем и Айшой Степановной, которые мне присылают периодически доллары. В 1928 году из Польши приезжал легально в СССР Базаревский, который проездом из Польши в Москву останавливался в Минске и посетил меня по поручению моего брата Адама. Базаревского до встречи с ним я не знал и принял его, поскольку он вручил мне письмо от брата. Последний просил продать его дом в Минске. Базаревский мне рассказал, что разъезжал по всем городам Польши и в данное время хочет попытаться устроиться на службу в Москве, так как имеет к одному из влиятельных лиц, проживающих в Москве, рекомендательное письмо. С тех пор я Базаревского не встречал, но слышал (от кого не помню), что якобы Базаревский был арестован»⁵.

З паказанняў Рызвановіча Хасяня Іосіфавіча⁶ ад 21 сакавіка 1933г.: «Отец мой татарин-дворянин, работал в Минской мужской гимназии. Я окончил юридический факультет Московского университета в 1902 году. С 1902 г. служил, исполняя должность следователя в с. Мстиж. Через год был освобождён от этой должности и отозван в Минский окружной суд, где состоял кандидатом на судебную должность. В 1904 г. занимал должность следователя в г. Новогрудке. В 1906 г. в Мозыре занимал должность городского судьи. В том же году получил назначение в Барановичи, исполняя дело следователя в Барановичах. В этой должности служил до империалистической войны, во время которой был отозван в Минск и занимал должность следователя по Минскому уезду. При немецкой оккупации Минска также занимал должность по Минскому уезду. С восстановлением Советской власти занимал должность следователя, работая в прокуратуре, милиции. Сейчас занимаю должность архивариуса Главмилиции БССР. Не желая скрывать от Советской власти совершённые мною преступления, я с полным признанием хочу искупить свою вину и показываю, что на протяжении ряда лет я общался с лицами, занимающими привилегированное положение в прошлом (царском строе), бывшими офицерами, по национальности татарами, контрреволюционно убеждёнными, благодаря чему находясь под их влиянием на почве знакомств и общения ещё в дореволюционное время, я разделял их контрреволюционные убеждения.

С 1932 года, со времени приезда в Минск из Киева Мухли Ибрагима Александровича, я, Мурза-Мурзич И. Х., Гембицкий И. К., Дашкевич И. С., профессор Довгяло Д. И. и Бантыш-Каменский систематически

собирались в квартирах Мурза-Мурзича, Гембицкого и моей для игры в винт. Все эти лица без исключения, как я указывал выше, настроены контрреволюционно и в период этих сборищ вели разговоры о скором и неминуемом падении Советской власти. Наиболее ярко выразили свою ненависть к Советской власти — профессор Довгяло, Гембицкий и Мурза-Мурзич. Детализацию всех разговоров произведу дополнительными разговорами»⁶.

На пратаколе допыту Рызвановіча Х. І. маецца цікавая рэзалюцыя начальніка асабавага аддзела паўнамоцнага прадстаўніцтва АДПУ Залпетэра начальніку II-га аддзела ААПД АДПУ Сыраежкіну, якая пралівае святло на «працэдурныя» пытанні вядзення следства:

«Т. Сыроежкіну. Надо его окончательно размотать, У них была оформленная организация связанная с Польшей. Это сквозит по всем показаниям обвиняемого. 25. 03. 1933. Залпетер»⁷.

І разматвалі. З пратаколу допыту Рызвановіча Х. І. ад 27.03.1933г.:

«В дополнение к моему признанию, изложенному в моих предыдущих показаниях, дополнительно показываю: благодаря общению с Мурза-Мурзичем И. Х., с которым жил по соседству (Большая Татарская 23, кв. 3 — І. К.), я через посредство Мурза-Мурзича начал общаться с группой лиц, в большинстве своём татар-дворян, в прошлом занимавших привилегированное положение. До общения с указанной группой лиц я был настроен вполне лояльно по отношению к Советской власти, никогда и нигде антисоветских настроений не высказывал, ибо вполне был удовлетворён своим положением как служебным, так и материальным. С момента общения с этими лицами я, выслушивая их антисоветские разговоры, вылившиеся в дальнейшем в горячие и ярые антисоветские высказывания, разжигаемые на националистической почве, безусловно воспринимал и разделял их точку зрения. В последний период времени от разговоров о развале колхозов, кооперации, о голоде, нищете, группа перешла к определённо контрреволюционным беседам с цитированием отдельных статей из советской прессы, которые под видом критики извращались для контрреволюционных бесед. Я лично признаю себя виноватым в том, что общаясь с перечисленной мною группой лиц — дворян, контрреволюционно настроенных, подпал под их влияние, благодаря чему разделял их убеждения и несмотря на то, что при Советской власти я занимал ряд ответственных постов и, **особенно в её карательных органах** (падкрэслена намі — І.К.), как человек вполне сознававший всю ответственность за это преступление, не донёс о существовании

контррэволюционной группы татар органам Советской власти. Вспоминая отдельные беседы группы, которые детализирую ниже, я поясняю, что лично я инициатором их никогда не был, а только выслушивал их и соглашался с ними. Так, например, не помню точно какого числа в квартире Мурза-Мурзича собрались я, Гембицкий, Дашкевич и Мурза-Мурзич для игры в винт. В перерыве возникла беседа на политическую тему «Кто инициатор революции 1917 г. — рабочий класс или интеллигенция?» Мурза-Мурзич рьяно доказывал, что революция в феврале 1917 г. была произведена интеллигенцией, которая в результате отдельных промахов и измены перешла в лагерь большевиков и в настоящее время вынуждена гнить и быть угнетаемой поработителями России. Тут же Мурза-Мурзич особо популяризировал Пуришкевича, отдавая ему преимущество как первому революционеру. Затем беседа перешла на обсуждение роли интеллигенции в период гражданской войны. Говоривший долго по этому вопросу Дашкевич сообщил, что он в период гражданской войны принимал активное участие в петлюровском движении, а затем где-то (не помню) состоял в петлюровской организации. После высказывания в подобном тоне со стороны Дашкевича, Гембицкий высказался о непригодности Красной Армии в будущей войне, подчёркивая, что Красная Армия держится только благодаря пропаганде. Рассказывая о дальневосточных событиях и о роли в этих событиях Красной Армии, Гембицкий сказал, что генерал Дитерикс и атаман Семёнов сконцентрировали на Дальнем Востоке значительные силы для нападения на Советский Союз и смятение большевизма в этом крае не за горами, после чего, а может одновременно, выступит Польша. Эта, я бы сказал речь Гембицкого, которую целиком воспроизвести не могу, закончена была следующими словами: «Мы все дворяне и нам этого никогда не надо забывать. Не надо забывать того, что мы магометане. Что Европа к магометанам теперь обращается с призывом быть готовыми, так как они, т. е. магометане, честны и храбры»⁸.

Приблизительно в 1928—1929 гг. Мурза-Мурзич И. Х. сообщил мне, что из Польши приезжал некий Базаревский, который привёз от брата Мурза-Мурзича письмо. Базаревского я ранее знал по Минску. В этот период я неоднократно встречал Базаревского на улицах Минска, при этих встречах я с ним разговаривал, а о чём, сейчас не помню. О появлении Базаревского в Минске и приезде его из Польши я, как служивший тогда инспектором уголовного розыска, сообщил одному из агентов, фамилию которого не помню. Непосредственно начальству

об этом не доносилось⁹.

Арыштаваныя Мурза-Мурзіч І. Х. і Рызвановіч Х. І. вінаватымі сябе па 72 і 76 артыкулах Крымінальнага кодэкса БССР (антысавецкая агітацыя і прапаганда, удзел у контррэвалюцыйных арганізацыях) прызналі цалкам. Абвінавачваемыя Гембіцкі І. К. і Дашкевіч І. С. па гэтых артыкулах вінаватымі сябе не прызналі, але, як сказана ў абвінаваўчым заключэнні, «достаточно изобличаются показаниями Мурза-Мурзича И. Х., Рызвановича Х. И. и свидетелем Хотяновичем С. М., целиком подтвердившим показания Мурза-Мурзича и Рызвановича». У адносінах да прафесара Даўгяла Дз. І. матэрыял крымінальнай спра-вы быў накіраваны ў Кіеўскі абласны аддзел АДПУ. 11 мая 1933 г. усім арыштаваным было даведзена абвінаваўчае заключэнне. Паводле гэтага дакумента абвінавачваліся Гембіцкі І. К., Мурза-Мурзіч І. Х., Рызвановіч Х. І. і Дашкевіч І. С., у ім гаварылася:

«Гембицкий Иван Константинович, 1883 года рождения, бывший дворянин, бывший подполковник артиллерийских частей царской армии, уроженец г. Лида. Окончил кадетский корпус в г. Полоцке, Михайловское военное училище и Белорусский государственный университет, беспартийный, несудимый, имеющий брата — белогвардейского офицера, эмигрировавшего во Францию, женатый, гражданин БССР, по национальности татарин, консультант Госбанка, и Мурза-Мурзич Ибрагим Халильевич, 1868 года рождения, бывший дворянин, бывший банковский чиновник, окончил Киевский университет, уроженец г. Новогрудка, беспартийный, женат, несудимый, татарин, гражданин БССР, старший бухгалтер Госбанка, обвиняются в том, что путём систематической контрреволюционной агитации создали контрреволюционную националистическую татарскую группировку с последующим распространением своего влияния на татарскую колонию г. Минска. Для создания контрреволюционной националистической организации ставя своей целью свержение Советской власти и установление республиканско-демократического строя, т. е. в преступлении предусмотренном 72 и 76 ст.ст. УК БССР. Рызванович Хасень Иосифович, 1873 г. рождения, дворянин, бывший судебный следователь, окончил Московский университет, татарин, женат, несудимый, уроженец г. Минска, гражданин БССР, сотрудник Главмилиции БССР, и Дашкевич Иосиф Семёнович, уроженец д. Сова Горецкого уезда Могилёвской губернии, бывший банковский чиновник, окончил Киевский университет, беспартийный, белорус, гражданин БССР, женатый, главный бухгалтер Соцзембанка, обвиняются в том,

что состояли в контрреволюционной националистической татарской группировке, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление республиканско-демократического строя, т. е. в преступлении, предусмотренном 72 и 76 ст.ст. УК БССР. Настоящее дело № 35137 по обвинению перечисленных лиц подлежит направлению для внесудебного рассмотрения Тройкой ПП ОГПУ БССР с предварительной санкции прокурора Республики по делам ГПУ Беларуси. Составлено 11 мая 1933 г. Оперуполномоченный 2 отделением ОО ПП ОГПУ Лещинский.

Согласен: начальник 2 отдела ОО ПП ОГПУ Сыроежкин.

Утверждаю: зам. Начальника особого отдела ПП ОГПУ БССР Шапиро.

Согласен: помощник прокурора при ПП ОГПУ Белоруссии — подпись неразборчивая, 13 мая 1933 г.»¹⁰.

І вось фінал. Чытаем выпіску з пратакола паседжання Тройкі ПП АДПУ па БССР ад 13 мая 1933 г.:

«Слушали: Дело № 35137 ООПП по обвинению граждан Гембицкого И. К. и других в числе 4-х человек по 72 и 76 ст.ст. УК БССР (58-10 и 58-11 ст. УК РСФСР). Постановили: 1. Гембицкого Ивана Константиновича; 2. Мурза-Мурзича Ибрагима Халильевича; 3. Рызвановича Хасеня Иосифовича; 4. Дашкевича Иосифа Семёновича выслать через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на 3 года, считая срок первому и второму с 15. 03. 1933 г., третьему — с 21. 03. 1933 г., четвёртому — с 28 марта 1933 г.»

Далейшы лёс асуджаных нам невядомы. Вядома толькі, што ніхто з іх дадому з месцаў высылкі не вярнуўся. 10 кастрычніка 1989 г. рашэннем пракуратуры БССР Гембіцкі І. К., Рызвановіч Х. І., Дашкевіч І. С., Мурза-Мурзіч І. Х. былі рэабілітаваны¹¹.

¹ Архіў Камітэта дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь (далей Архіў КДБ), справа 31371-е

² Былі затрыманы таксама Біцютка Сулейман Якаўлевіч, былы палкоўнік царскай арміі, браты Багдановічы — Якуб Анзельмавіч і Аляксандр Анзельмавіч. Але ў ходзе следства яны былі апраўданы і адпушчаны на волю.

³ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, аа. 63-69.

⁴ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, аа. 44-47.

⁵ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, аа. 52-56.

⁶ Рызвановіч Х. І. даводзіўся братам жонкі палкоўніка Біцюткі С.

⁶ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, а. 49.

И. Кашкин. О трагическом прошлом

⁷ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, а. 49.

⁸ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, а. 49.

⁹ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, а. 49.

¹⁰ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, аа. 126—129.

¹¹ Архіў КДБ РБ, спр. 31371-е, аа. 126—129.

И. КАШКИН (*Гомель, Беларусь*)

О ТРАГИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

Я один из немногих, чудом выживших узников ГУЛАГа, свидетель массовых, сталинских репрессий. Хочу рассказать о том страшном времени, когда именем закона творились вопиющие беззакония.

В 1938 г. я, девятнадцатилетний сын почтового служащего, был репрессирован за переписанные у одного из школьных товарищей стихи, дающие достойную оценку власти Сталина. В тот период только незрячий, глухонемой не мог не знать и не понимать всей лживости и деспотизма существующей системы в государстве.

Я хорошо помню март 1929 г., когда из села Святки, где мы тогда жили, отправлялся многосемейный обоз с так называемыми раскулаченными. Эти, в одну ночь ограбленные и униженные властью труженики села, как особо опасные преступники, конвоировались чекистами в Новозыбковскую тюрьму.

В этом же г., в мае моего отца перевели работать на почту г. Клинцы, где мы долгие годы жили на частных квартирах. В те 30-е годы на служащего по карточке выдавалось по 300 грамм хлеба на день, а на мать и на нас, иждивенцев, по 150 грамм.

В 1935 г. я окончил 7 классов. Учитывая материальные трудности, я решил вопреки желанию родителей пойти работать и одновременно учиться на рабфаке, куда принимали только работающих.

Сначала три месяца был почтальоном, затем меня приняли в бухгалтерию управления всех городских детских яслей-садики в качестве ученика счетовода с окладом 84 р. 50 коп. .

В 1937 г., когда пошли массовые аресты «врагов народа», были арестованы две заведующие яслями, у пяти заведующих яслями (из 15-ти) были арестованы мужья. В это время были репрессированы отцы моих школьных товарищей Марченко, Непши, Федорова и Максименко. «Компетентным» органам этого показалось мало, и были арестованы мои друзья Яша Марченко и Костя Непша, которых продержали по 3 месяца в битком набитых людьми душных камерах.

Приходя к друзьям, лишенным отцов, я видел слезы и страдания их

матерей, а такжэ цяжелае матэрыяльнае становішча, у якім яны зналіся. Я іскренне сочуваваў ім, переживав яны гора. Яны былі чэсныя працоўныя сям'і. Гнеў і боль іскалі выхад. Спасабны і паэзіі Якаў Марчэнка стаў пісаць сціхі. Мне гэтыя сціхі наравіліся, і я іх перапісываў сабе.

Случылася так, што друг сям'і Федаравых, 40-гадовы Андрэй Семе́навіч Шэлакоў, заінтэрасаваны гэтымі сціхамі, стаў іх вдахнавателем. Яго ацэнка і погляды на ўсё праісходзячае савападалі са нашымі. Аднажды он задумаў сціхі перапечатать на машынке. Машынка нашлася, но эта затея оказалась роковой. После перепечатки один экземпляр был по неосторожности оставлен и попал в нежелательные руки.

Андрэй Шэлакоў быў арэставан першым. Затым Марчэнка, Федарав і я. Велось дело следователем Холиным И.П. Яго послушнымі подручнымі рабавалі следавателі Лейзерав, Локціонов, Столярав, Прохоров, Наумовец... Последний участвовал в моем аресте. В то время начальником Клинцовского РОНКВД был некто Пономарев.

Первые пять дней меня содержали в специальной пыточной комнате с решетками в здании райотдела НКВД. Мне была назначена пятнадцатидневная стойка на ногах без права садиться и ложиться. На 4-е сутки я стоять уже не мог и падал, ноги распухли. Дежурившие поочередно милиционеры меня поднимали, а я опять падал. Винаватым у контррэвалюцыйнага анцісавецкага дэятэльнасці я сабе не прызнаў. Мы нікакага агітацыі сярод населення не праводзілі. Чтэніе лічылі лічным дэлом. Пэрапісаныя сціхі я дамой не прыносіў, і мой родіталі о них нічога не зналі. Яны былі спрытаны Костей Нэпша ў яго кватэры, как я позжэ узнаў, пад паловіцамі ў корыдаре. І вдруг арэстываваюць Костю і Васю Максіменку.

Я доўга ўсё атрыцаў, так как мне прэдыъявляліся на опазнанне якія-то незнакомыя сціхі, напісаныя карявым почэрком. В кабінэце следаватэля Холіна, куда мяня прыводзілі ў поздняе врэмя, был выключен свет, мяня сажалі пасрэды кабінэта на табурэт. Двое чэкістаў дэражалі за рукі, а трэці, упершыню наганом ў затылок, лічыў да трэх, уговарываю прызнацца. Я молчал, за што получал сільны ўдар і падал. Включался свет, мне внову прэдыъявлялі тэ жэ незнакомыя сціхі. Я чустваваў сабе, к моему удівленню, уверэнна і дажэ набірался смеласці на іх грубасць атвечать грубасцю, но это еще больше зліло моих мучіталей.

В ноябрь 1938 г. Нэпша не выдэражал і выдал мэсто, гдэ спрытал

И. Кашкин. О трагическом прошлом

стихи. Это был большой удар для меня и товарищей. Это стало основанием для предъявления обвинения в подготовке в городе вооруженного восстания, террористических актов, в ведении массовой агитации

На очной ставке с Непшой следователь Холин, показывая мне стихи, спросил: «Твой почерк?». Я ответил: «Мой». «Вот теперь ты прочти вслух, что ты переписал с тетради Марченко».

Я прочел:

«Проклятье Сталину тирану,
Вождю кровавых палачей,
Компартии убившей миллионы
Особым совещанием властей.»

После чтения следователь обозвал меня агентом Гитлера и активным членом антисоветской организации, именуемой Обществом Защиты Русского Народа (ОЗРН). Это сулило мне и моим товарищам самое худшее.

Следствие по нашему делу затянулось на 6 месяцев. За долгий период следствия было так много допросов, что вспомнить каждый невозможно, как невозможно вспомнить все психологическое давление, принуждения подписывать то, что и во сне не могло присниться. В апреле 1939 г. после завершения дела я насчитал 56 официально зарегистрированных допросов.

В июне месяце Клинцовскую тюрьму расформировали. Она становилась пересыльной, всех перевозили в тюрьму г. Новозыбкова. Меня и секретаря горкома партии М.В. Малкова, как особых преступников конвоировали отдельно на полуторке.

Новозыбковская тюрьма — старое трехэтажное здание, окруженное высокими каменными стенами. Я попал в угловую камеру на 3-м этаже, со мной были инженер-строитель старик Гинзбург Моисей Соломонович, бухгалтер Верколаб Миша и почтовый работник Шевцов Петр Еремеевич. Они тоже считались политическими преступниками. Прошло 10 месяцев тюремной жизни.

29 июля 1939 г., в первый день суда, было солнечное утро. Андрея Щелокова, Юру Федорова и меня под усиленным конвоем вывели за ворота тюрьмы. Минут 15 мы шли по улицам города на суд в клуб НКВД. Затем привели Марченко, Непшу и Максименко. Суд был закрытым без прокурора и защиты. На сцене — Военный трибунал в лице судьи Мальцева и заседателей Сороки и Баранова. У окон и дверей много милиции.

Мы обвинялись в подготовке вооруженного восстания, террористических актов, в ведении активной антисоветской агитации среди населения, участие в организации, ставившей целью свержение существующего строя, то есть по ст. 58 ч. 1, п.п. 2, 8—9, 10, 11 УК РСФСР. Первые два пункта, 2 и 8, при подтверждении обвинения предусматривали высшую меру — расстрел. К счастью, эти пункты были признаны недоказанными.

В результате суд признал нас виновными по 58-1 статье п.п. 10 и 11 и приговорил меня и Андрея Щелокова к 10-ти годам тюремного заключения каждого и 5-ти годам лишения политических прав. Марченко Яков и Федоров Георгий получили по 10 лет ИТЛ, Непша Константин 8 лет и Максименко Василий 5 лет лишения свободы. Отцы этих ребят в 1937 г. были арестованы и по сталинской разнарядке расстреляны.

Впереди меня ожидали камеры тюрем Брянска и Орла. Вначале меня и Федорова перевели в Брянскую тюрьму, а после месячного «гостевания» в «Красном корпусе» Брянской, меня приняла 40-я камера 3-го этажа Орловской тюрьмы № 2 с турами по углам. В ней находилось 20—25 человек политических. Среди этих серо-желтых лиц выделялся средних лет мужчина, однорукий Борис Алексеевич Городков, имевший 20-летний срок лишения свободы в ИТЛ. Здесь же рядом с ним на полу располагались двое его бывших подчиненных инженеров, Колбасников и Стахурский. Они выглядели глубокими стариками. Далее располагались татарин Ильясов, механик Елецкой электростанции, молодой Павлик Лавришев из Ефремова. Примерно через неделю после нашего нахождения в 40-й камере меня и Юру Федорова перевели в цокольный этаж этой тюрьмы. Полная тишина, узкие двери со сводчатыми потолками и кормушками на окнах. В маленькой камере находился единственный узник, представившийся Бобровым Николаем Николаевичем, бухгалтером Орловского аэродрома со сроком 10 лет ИТЛ. Его вопросы насторожили нас и показались провокационными. После вызова он возвращался с папиросами и дешевой магазинной передачей. Когда нас вернули в 40-ю камеру, мы узнали, что он тюремный стукач. Через 27 месяцев нам было объявлено о замене тюремного заключения на 10 лет лагерей. Опять предстоял путь в обратном направлении в уже знакомую Брянскую тюрьму и в Клинцовскую пересылку.

В октябре 1940 г. меня и Андрея Щелокова в «черном вороне» перевезли в Орловский централ. Было ощущение, что я попал живым в могильный серый склеп, где завершится мой жизненный путь в 20 с

И. Кашкин. О трагическом прошлом

небольшим лет. Обыск, приседание, открытие рта и отпечатки пальцев завершили ритуал приемки на это кладбище.

Я и Андрей попали на 2-й этаж в небольшую камеру с нарами и туалетными «удобствами». Мы мало были вместе, его убрали, а мне подсунили, к счастью, ненадолго, как я и предполагал, стукача. Потом я сидел один. При обходе всегда просил бумагу и чернила с ручкой. Просил о смягчении приговора, так как не считал себя преступником. Ждал и надеялся на положительный ответ. Только прогулка и получение книг, которые я с жадностью прочитывал, были моим утешением, отвлечением от плохих мыслей. Больше всего угнетало одиночество, мысли о родителях. Мое нахождение им было неизвестно.

Под Новый, 1941 год, большую массу голодных, исхудавших людей поставили рядами по 5 человек на колени на улице у стен тюрьмы и много раз пересчитывали. Потом полутысячная колонна пешим строем двинулась по улицам города. На станции ожидал эшелон вагонов-телятников красно-коричневого цвета. В наш вагон было помещено 32 человека.

Отправили нас на Кольский полуостров, в 3-зонный 25-тысячный Мончегорский лагерь «Малое кумужье», размещенный у сопок, поросших невысокими и хилыми елями. Это был уже старый обжитый лагерь с теплыми бараками, с двухярусными нарами. На территории лагеря были столовая, баня, сушилки, поликлиника. Территория обнесена высоким деревянным забором с колючей проволокой и вышками с охраной. В лагпункте находилось 10 тысяч человек.

Мне повезло попасть в дружную бригаду маляров-белорусов, которую возглавлял Григорий Ефимович Марков. Все мы побригадно, строем, по оцепленной стрелками дороге ходили работать в цеха и на строительство никелевого комбината.

Война все изменила, и позднее мончегорский лагерь вспоминался добрым словом. Началась эвакуация техники и продукции комбината. Несколько дней никуда не выпускали. В июле нас большими партиями, в окружении охраны и собак, как стадо скота погнали в порт Кандалакшу. То и дело в хвосте колонны раздавались выстрелы и лай собак.

Снабженные пайком хлеба и селедки, мы разместились в трюме большого морского судна. Путь по Белому морю до Архангельска, вспоминается как мучительный путь, было тесно, хотелось пить. Не менее тягостным был путь на баржах, по узкоколейной железной дороге до места назначения — Заполярной тундры, в 21-е отделение Печерского лагеря, с его палочной дисциплиной и большой смертностью от

непосильного труда, болезней и истощения.

Обширный квадрат голой кочковатой тундры с колышками по углам стал нашей лагерной зоной. Выход за полосу между колышками считался побегом и карался расстрелом.

Каждое раннее утро удары по куску подвешенного металла извещали время подъема, получение пайки хлеба, баланды и затем безоговорочный выход на работу. Бесперывная в течение 5-ти дообеденных часов погрузка балласта лопатой на бортовые автомашины до предела изматывала силы. Кратковременный обед на месте, в карьере, состоящий из черпака баланды, при норме полагаемых 2-х граммов растительного масла и куска соленой трески, нисколько не утолял голод и тем более не восстанавливали затраченные силы. С работы шли зачастую промокшие от дождя. Одних несли, других вели под руки до этого проклятого лагерного квадрата.

Наконец с началом снегопадов привезли столбы, доски, рейки, огромные куски брезента с дырками. Началось установление брезентовых, без полов барачных со стенами, которые обкладывались до половины земляным дерном. Появились сплошные двухъярусные нары с плохо обструганными досками. Посреди этих «зданий» поставили железные бочки с вытянутыми керамическими трубами. Этот отапливаемый углем «агрегат» был доступен только избранным, неработающим убийцам и прочим рецидивистам. Пришедшим с работы в промокшей одежде, лил больным все подступы к теплу были перекрыты. Оставалось довольствоваться только холодными голыми нарами. Те, кто пытался приблизиться к «агрегату», окруженному матерыми уголовниками, получал пинка. О бане и не мечтали. Почти каждую ночь, а случалось и днем, в лагере умирали люди.

Я видел, как меняется психология у этих несчастных, потерявших надежду людей, которые порой решаются на безрассудные поступки, чтобы выжить до конца срока. Появились частные случаи так называемого членовредительства, то есть умышленное отрубание пальцев рук и ног, ожоги, искусственные раны (по лагерному — мастырки), обмораживание и т.п. За это строго наказывали на длительный срок в БУРе (барак усиленного режима), добавляли срок и даже расстреливали.

Я решил спастись от смерти иначе.

После завтрака, перед выходом на работу, лег на свое место на нарах рядом с трупом соседа, умершего ночью, и укрывшись с головой лоскутом обгорелого шинельного одеяла, кулаком разбил себе нос и

И. Кашкин. О трагическом прошлом

кровью измазал лицо.

Теперь я мог уверенно и спокойно лежать, ожидая послеразводного прихода в барак грозного вышибалы (бытовика) с палкой в руке. Уловка удалась. После медосмотра меня привели в госпиталь 21-го отделения Печерлага. Это был обнесенный колючей проволокой, охраняемый поселок, состоящий из уже упомянутых полуземляных барачков со сплошными двухэтажными нарами, такими же обогревательными агрегатами, но с дощатым полом и ярким электросветом. При этом же лечебном поселке находился и оперчекистский отдел, где судили и расстреливали людей. Все больные были в белом нательном белье. Нары не вмещали всех больных, и часть их расположили на полу. Более двух месяцев меня лечили заключенные лекари-чехи.

Каждый вечер из госпиталя передавалась (по селектору) сводка о количестве умерших (они именовались черными). Эта цифра колебалась от 20—30.

После очередного осмотра меня выписали с пометкой в формуляре ТФТ. Это значило, что мне назначен тяжелый физический труд. В лагерном пункте «Хоновей» мне пришлось работать на очень тяжелой работе, на морозе, где основными инструментами были клин, кувалда, лом и кирка. Мы дробили пласты гранита и куски выносили на возвышенность берега, складывая их кубометрами. Эта работа превратила меня в доходягу.

В конце января 1942 г. внезапно меня вместе с 11 заключенными вывели из зоны и с усиленной охраной и с собаками повели в неизвестном для нас направлении. Было еще совсем темно. Вскоре приказали остановиться недалеко от темнеющей насыпи, которая оказалась подготовленной могилой. Меня и еще шестерых отвели в сторону и приказали стать спиной к насыпи. Пятерых обреченных на смерть с заранее связанными назад руками подвели к насыпи и расстреляли. После этого уже с меньшей охраной нас привели в лагпункт особо строгого режима. Здесь были люди разных национальностей, русские и белорусы в меньшинстве. Это связывали с якобы имевшим место (в ноябре—декабре 1941 года) восстанием поляков в лагпункте южной части Печорлага.

Меня определили в бригаду легкого физического труда, на расчистку ж.д. пути от снега. Однако в этой бригаде я проработал не более недели.

Во время развода у проходной меня опознал один из попутчиков по прошлому этапу из Орловской тюрьмы в Мончегорский лагерь. Он сразу отозвал меня из строя, спросил, как я попал в этот лагпункт и

согласовав вопрос с начальником и бригадиром, повел меня в избенку, именуемую лагерной кухней пищеблока, где познакомил меня с двумя поварами, которым был нужен рабочий по кухне. Это были простые, еще молодые мужчины Вася Приходченко и Гриша Сенчук, осужденные на 5 лет лишения свободы, каждый по статье СВПБС, означающей «Сдача в плен без сопротивления» в финскую войну. Представив меня, воспитатель сказал: «Этот парень будет у вас подсобником, я за него ручаюсь».

На этом спасительном «теплом» месте я проработал только три месяца. Затем меня перевели на работу дневального и поручили выполнять художественные работы и вести учет проводимых воспитателем мероприятий. С этим я вполне справлялся, но и эта работа оказалась недолгой.

28 декабря 1943 года по распоряжению начальника лагпункта и прораба мне было дано задание поехать без конвоя в Воркуту, которая находилась в 8 километрах от нашей зоны, получить на технической базе керосин, гвозди, болты и скобы. Туда с тарой и маленькими саночками я доехал в порожнем вагоне товарного поезда. Обратное предстояло возвращаться пешком.

Было совсем темно, дул сильный встречный ветер с обильной пургой. Я тянул саночки между рельсами, часто оглядываясь, но не заметил, как сзади на меня надвигалась шедшая без света на большой скорости громадина товарного поезда. Мгновенно, невероятным рывком, я выдернул саночки на обочину, но сам не успел отскочить на безопасное расстояние, был сбит боковой стороной паровоза. Видимо, я был какое-то время без сознания. Когда очнулся, услышал гудок состава, приближающегося к разъезду «ненец». Я сделал попытку стать на колени, но упал. Правая нога меня не слушалась. Обследовав ее, я понял, что у меня перелом бедра правой ноги.

В таком беспомощном состоянии я оказался в безлюдной тундре, на полпути — в 4-х километрах от Воркуты и от ожидавшей меня зоны. Через полчаса или более меня, полузанесенного снегом, увидел шедший с фонарем путевой обходчик. Он сразу побежал за помощью. К счастью, минут через 20 в Воркуту мчался вагон-дрезина с ярким светом. Меня увидели и подобрали. Так я очутился в госпитале.

Только через 4 1/2 месяца, 15 мая 1944 года, меня, с укороченной на 3 см и заметно деформированной ногой выписали из госпиталя, передав в строительный ОЛП Печерлага на окраине Воркуты. Увечье спасло мне жизнь, так как общие работы уже не грозили.

И. Кашкин. О трагическом прошлом

Я стал лагерным художником. В мои обязанности входило создавать стенды и вести доску показателей работы бригад и выполнять задания по оформлению стенгазет, критикующих недостатки быта и отдельных лиц уголовного мира. Эта критика касалась больше тех, кто нарушал трудовую дисциплину, проигрывал в карты вещдовольствие и т.п. Это была опасная работа в первую очередь для воспитателя, в чем я убеждался не один раз.

27 февраля 1948 года меня освободили без права выезда из Воркуты до конца срока. Так завершилось мое десятилетнее незаслуженное наказание.

Прошли десятки лет, но тяжелые земляные работы, голодный паек, грязные холодные нары, вшивая лагерная одежда, обувь из автопокрышек, распухшие от цинги ноги, трупы умерших до сих пор вспоминаются как кошмарный сон. Этого никогда нельзя забыть и простить.

Возвратился в свой родной город Клинцы, с уверенной надеждой свободно жить, обзавестись семьей и позабыть пережитое. Состоялась долгожданная, радостная встреча с матерью, отцом и братом — инвалидом ВОВ. Сейчас их нет в живых. Отец умер в 1952 году, не дождавшись моего повторного возвращения из ссылки. Я сразу пытался устроиться на работу, но везде получал один и тот же ответ: «Вы нам не подходите».

Недолго мне пришлось побыть на свободе. Утром 24 декабря 1948 года я был арестован приехавшими за мной сотрудниками НКВД капитаном Быковских и в штатском — Порошиным. 25 декабря, часов в 11 утра, находясь в подвальной одиночке Брянской внутренней тюрьмы, был вызван на первый допрос, а спустя две недели — в кабинет другого следователя, старшего лейтенанта Павлюкова. В протоколе были записаны мои короткие ответы: когда, по какой статье судим, на сколько, где отбывал срок и когда освободился. Когда эта формальность была окончена, я спросил, по какой причине меня арестовали. Он ответил: «Известно, вы никакого преступления после возвращения из заключения не совершили, но есть указание (в это время он многозначительно указал пальцем на потолок) свыше таких, как вы, изолировать. Больше я вас вызывать не буду. Ждите решения».

Ждать пришлось недолго. Решение пришло, когда меня перевели в красный корпус уже знакомой по 1939 году тюрьмы, где теперь находился с такими же повторно арестованными. В тюремной брянской конторе мне и еще шестерым клинчанам была объявлена ссылка в

Сибирь. Причем это постановление мне зачитывал майор Локтионов, который в 1938 году работал следователем в Клинцовском РОНКВД.

Этап в ссылку был с остановками в Бутырской, Куйбышевской и Новосибирской тюрьмах. В то время казалось, что я никогда не избавлюсь от зданий с окнами в клеточку. Настал день, когда около 40 узников Новосибирской тюрьмы были выведены из камер на тюремный двор. Нам объявили, что дальнейший путь будет без конвоя. Единственный сопровождающий, в портфеле которого находились наши формуляры, знал адрес и место нашего печального финиша. Автобусом прибыли на Новосибирский вокзал, погрузились в общий вагон и поехали до станции Татарская. Только отсюда я смог послать письмо родителям в Клинцы, чтобы успокоить их. Дальнейший путь проходил на грузовых автомашинах до районного центра Усть-Тарка. Тут же нас распределили кого в МТС, кого в колхоз или совхоз. Мне выпала «честь» вместе с несколькими попутчиками из Новосибирских камер отбывать ссылку в Дубровинском животноводческом совхозе № 257. Сейчас он называется поселок Октябрьский. Мое проживание началось в семье местных сибиряков по фамилии Павленко. В этой же квартире жили еще двое работников животноводства. Им большое спасибо, что первое время помогли мне в питании.

Администрация совхоза, узнав, что я до первого ареста работал счетоводом, дала работу учетчика, с которой я хорошо справлялся. Жил на полевом стане, потом перевели жить и работать на центральную усадьбу. Зарплата была мизерная, но в ссылке, как и в лагере, работу не выбираешь, а делаешь, что прикажут. Например: сильный, старый опытный московский врач-терапевт Игорь Владимирович Саблин, постоянно вместе с молодыми ссыльным немцем Вальтером Яшей отвозили на быках навоз и скирдовали в поле. Они же ездили в лес за дровами зимой и летом, управляя непослушными быками. Ссылная — бывшая экскурсовод Петербургского Эрмитажа Гуковская Татьяна Николаевна, знавшая иностранные языки, работала санитаркой в небольшой совхозной больнице. Таких примеров много.

Находясь под гласным надзором коменданта (работника РОНКВД), мы были обязаны по первому вызову являться к нему в контору и ежемесячно расписываться в заведенном журнале для ссыльных.

В 1950 г. я, как и многие другие ссыльные, за предложенную ссуду в сумме 4000 рублей купил, перевез и построил себе домик, который простоял в соседней деревне не один десяток лет. В строительстве мне много помогали добродушные, трудолюбивые сибиряки. Это были

честные, прямые люди.

6 января 1952 г. среди ночи я был разбужен посыльным коменданта из конторы. В кабинете директора совхоза присутствовали комендант, майор и один в штатском. Здесь же под роспись мне объявили постановление Особого Совещания НКВД СССР о том, что я приговорен к вечной, пожизненной ссылке в данном районе. Таким подарком в эту ночь были «награждены» все политические ссыльные совхоза.

В 1953 г. я женился на местной девушке-сибирячке. Внимательная, трудолюбивая, хозяйственная жена сразу создала уют и удобство в доме. В 1954 г. у нас родился сын Александр. В конце этого же года ссылка была отменена, жилье продано. Мы приехали на временное жительство в Клинцы. Под Новый 1955 год мы переехали в Гомель. Так завершилось мое 16-тилетнее существование под сапогом чудовищного режима Сталина.

И. КУЗНЕЦОВ (*Минск, Беларусь*)

ТЕХНОЛОГИЯ ТЕРРОРА

О массовых репрессиях 30-х годов написано немало. Особый интерес к этим трагическим страницам истории объясняется прежде всего стремлением разоблачить тоталитаризм в прошлом и настоящем, не допустить его повторения. Приоткрылись архивы, постепенно увеличивается список исследовательских работ по этой проблеме, и все больше появляется искушение заявить: “Все ясно!”, “Все известно!” Но это далеко не так...

В связи с этим прежде всего необходимо осмыслить место этого исторического периода в перспективе всего последующего общественного развития. Это крайне важно, ибо авторитарно-деспотический режим выступал в качестве главного средства поддержания необъятной личной власти Сталина, давал ему и его окружению возможность осуществлять непрерывные репрессии, направленные на сокрушение не столько реальных, сколько мнимых противников и еще больше — на поддержание атмосферы всеобщего страха. Деспотический режим позволял тем, кто стоял у руководства, творить любые беззакония и любой произвол, избегая ответственности за совершаемое. Репрессии, стоившие жизни миллионам людей и исковеркавшие судьбы десятков миллионов, явились наиболее страшным выражением политической сущности сталинизма.

Имеющиеся факты позволяют оспорить упрощающие прошлое стереотипы, уточнить некоторые оценки, а значит, яснее представить

один из самых сложных и трагических периодов нашей многотрадной истории...

Если принять во внимание, что кадры юристов прежнего строя в большинстве своем были отстранены от исполнения обязанностей и правосудие чаще всего совершали, руководствуясь социалистическим “правосознанием”, то такой суд во многих случаях превращался в произвол и беззаконие. Метод принуждения и насилия характерен для большинства актов законодательной и исполнительной власти в этот период. Что до законодательства Белорусской ССР, то оно дублировало правовые акты РСФСР, а в дальнейшем — Союза ССР.

Характерно, что термин “враг народа” стал широко применять в официальных документах с первых дней после Октябрьского переворота. Так, 28 ноября 1917 года В.И. Ленин подписал декрет “Об аресте вождей гражданской войны против революции”, в котором говорилось: “Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов”¹.

1 июня 1922 года был принят Уголовный Кодекс Российской Федерации. Этим Кодексом и его редакцией 1926 года до 1928 года пользовались в Белоруссии. Широко известна печально знаменитая статья 58 этого Кодекса - “Контрреволюционные преступления”. Она имела 14 пунктов, по 13 из них предусматривалась высшая мера наказания — расстрел. Наиболее часто в 30-е годы обвинения предъявлялись именно по статье 58: пункту 1 (измена Родине), п. 6 (шпионаж), п. 7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, кооперации), п. 8 (совершение террористических актов), п. 10 (контрреволюционная/антисоветская/пропаганда и агитация), п. 11 (участие в контрреволюционной организации). До половины всех обвиняемых в 30-е годы были осуждены по ст. 58-10, которая предусматривала уголовную ответственность вплоть до применения высшей меры наказания в случаях: клеветнических высказываний в адрес руководителей партии и правительства; дискредитации внешней политики СССР; ведения религиозной пропаганды; высказывания пораженческих настроений; попыток дискредитации РККА; высказываний об экономическом положении трудящихся в СССР и восхвалении капитализма; контрреволюционных выпадов по отношению к коммунистам; систематический отказ от работы в лагерях НКВД и других.

Уголовный кодекс Белорусской ССР был утвержден на 3 сессии VIII

созыва 23 сентября 1928 года.

В соответствии с этим кодексом уголовные преступления разделялись на две категории: направленные против советского строя и все остальные. За преступления первой категории устанавливался только низший (минимальный) предел, ниже которого суд не мог назначить наказание или, как в кодексе говорилось, меру социальной защиты. За преступления второй категории был установлен только высший предел. По кодексу 1928 года лишение свободы не могло превышать 10 лет, однако в последующие годы срок лишения свободы был доведен до 25 лет.

Обращает внимание очень широкий состав уголовных преступлений, за которые суды могли назначить высшую меру наказания. По многим составам уголовных преступлений, в том числе и не представляющим большой общественной опасности (отказ от внесения налогов, убой скота и др.) была предусмотрена конфискация всего имущества.

Почти все составы контрреволюционных преступлений предусматривали такие меры социальной защиты, как: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства БССР или иной союзной республики и тем самым гражданства СССР; полное или частичное лишение прав; удаление из Союза ССР на определенный срок; запрещение проживать в тех или иных местностях.

Важно отметить, что при лишении судом подсудимого прав последний лишался не только политических прав, но и элементарных условий своего материального существования, так как, например, в этом случае человеку не только запрещалось занимать те или иные должности, он лишался права на пенсию, на пособие по безработице, а также родительских прав.

Изучение архивно-следственных дел на необоснованно репрессированных показывает, что наиболее распространенным было незаконное обвинение людей в измене Родине (ст. 63 УК БССР), т.е. действиях, совершенных гражданином СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, бегство или перелет за границу. Суровое наказание ожидало и родственников виновного. Если совершеннолетние родственники знали о намерении бежать, но не доложили или способствовали готовящейся или совершенной измене, они карались лишением свободы от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. Другие совершеннолетние члены семьи

изменника, совместно с ним проживающие, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Так в самом законе была заложена возможность репрессий в отношении лиц, не совершавших никаких преступлений.

В 30-е годы четкое функционирование репрессивной системы обеспечивали карательные органы. С созданием Союза ССР руководство органами безопасности было отнесено к компетенции СССР, и в 1923 году создается единый общесоюзный орган — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.² Система его органов состояла из ОГПУ СССР, ГПУ союзных республик, политотделов при исполкомах Советов и особых отделов в Красной Армии и на транспорте.

В декабре 1930 года НКВД союзных республик упраздняются, а их функции стали выполнять созданные при СНК республик управления милиции и угрозыска. В СССР по-прежнему действовало ОГПУ СССР, а для руководства органами милиции союзных республик и для проведения в СССР паспортной системы в 1932 году было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР.

В этот период проводятся и другие реорганизации. В 1934 г. образуется НКВД СССР.³ Вместо ОГПУ в системе НКВД СССР создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В НКВД кроме репрессивной функции были сосредоточены функции охраны границ, управления шоссейными и грунтовыми дорогами, руководство геосъемкой и картографией, лесной и пожарной охраной. В его ведении находились вопросы переселенцев, ЗАГСа; органы НКВД осуществляли тотальный контроль за всеми сферами жизни советского общества.

В целях проведения массовых репрессивных акций в конце 20-х — начале 30-х годов в СССР была создана хорошо отлаженная и материально обеспеченная система судебных и несудебных органов.

Система судебных органов была представлена Военной коллегией Верховного суда СССР, Верховным судом БССР, областными судами, судом Белорусской железной дороги, военными трибуналами Белорусского военного округа и различных войсковых формирований, в том числе НКВД.

Наряду с судебными органами существовала целая система несудебных органов. Эта система в СССР и БССР начала формироваться еще в 1923 году. 15 февраля 1923 года постановлением ЦИК СССР была учреждена судебная коллегия ОГПУ. Она имела право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, вредительстве и других

преступлениях, а также применения всех мер наказания.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года при Народном комиссариате внутренних дел было образовано Особое совещание. Этому органу первоначально было предоставлено право применять “к лицам, признаваемым общественно-опасными” ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком на 5 лет, затем его права были значительно расширены вплоть до применения высшей меры наказания. В состав Особого совещания входили: народный комиссар внутренних дел, заместитель народного комиссара внутренних дел, начальник Главного управления милиции. Одновременно в 1934 году был создан еще один несудебный орган — комиссия СССР и Прокурора СССР по следственным делам (“двойка”).

Среди карательных органов особо зловещую роль в развертывании массовых репрессий сыграли Особое совещание и тройки ОГПУ—НКВД. Циркулярами ОГПУ от 29 октября 1929 года и 8 апреля 1931 года в центральном аппарате НКВД были образованы “тройки” для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего их доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания. В их состав входили руководители оперативных управлений — отделов ОГПУ и полномочного представительства (ПП) ОГПУ.⁴

Циркуляром 1931 года предусматривалось обязательное участие в заседаниях “троек” представителя прокуратуры ОГПУ. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 года ОГПУ было предоставлено право на время проведения кампании по “ликвидации кулачества” передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в республиках, краях и областях с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел проводилось с участием представителей облисполкомов и прокуратуры.

В 1929 году острое репрессивной машины было направлено в основном против крестьянства, которое составляло основную массу населения страны, в том числе и Беларуси. К политическим репрессиям с полным основанием можно отнести массовое и трагическое по своим последствиям раскулачивание. С конца 1929 года до середины 1930 года в СССР было “раскулачено” свыше 320 тысяч семей (не менее 2 миллионов человек), конфисковано имущества стоимостью свыше 400 миллионов рублей⁵. По оценочным данным, в Беларуси в 20—40-е годы было “раскулачено” не менее 350 тысяч человек.

Массовое выселение партийные и советские органы объясняли обычно обострением классовой борьбы в деревне, причем всю вину

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

за него партыйное кіраванне возлагало толькі на кулакаў. Класавая барацьба ў вёсках сапраўды стала абострацца ўжо ў 1928 годзе, але гэта было звязана пераважна з ужываннем надзвычайных мераў з боку дзяржаўных органаў, з масавымі акцыямі мястных уладаў. Абостралася класавая барацьба ў выніку перагібаванняў, звяржэнняў у калхозным будаўніцтве, якія былі допушчаны ў 1929—1930-ыя гады, і там самым было породжана неадольнасць асноўнай масы сярэднякаў.

Тэрор быў абрушаны і на значныя масы зажиточных сярэднякаў, якія толькі эпізодычна прымянялі наёмны труд ці не прымянялі яго ўвогуле. К маю 1930 года ў рэспубліцы было раскулачана 15 626 крэстьянскіх гаспадарстваў — каля паловы іх агульнай колькасці. Пры гэтым, як вымушаны былі прызнаць самі арганізатары раскулачвання на XIII съездзе КП(б)Б, 2395 з іх ці 15,3 працента — неабасновааны⁶. Мажу тае, слова “кулак” на доўгія гады стала сінанімам слова “враг”. Оправданымі па адношэнню да раскулачаным лічыліся любыя беззаконня з боку органаў НКВД.

Форсіраванне калектывізацыі толкала да максімальна жорсткім методам насілля, што не магло не вызываць адпаведнага супрацівлення. Яно носіла стихійны, неарганізаваны характар і было, скорее, пасіўнай формай пратэста. Па крайняй меры, аб арганізаваных масавых выступленнях на тэрыторыі Беларусі да сённяшніх дзён амаль нічога не вядома. Хоця некаторыя выпадкі спонтаных выступленняў вядомы ў Копыльскім, Лепельскім і іншых раёнах рэспублікі. Усе яны былі разгромлены з ужываннем рэгулярных частаў Чырвонай Арміі, а ўсе іх удзельнікі былі залічаны ў разрад ворагаў народа .

У спецперасяленчыя пасёлкі прызначаліся комендатурам упалнаважаныя ці пасёлковыя коменданты. Ім даваліся права сельскага Савета. У 1933 годзе ОГПУ была разрабавана інструкцыя “О мерах въздзействія за самовольныя адлучкі з работ, пасёлкаў і пубега з месцаў рассялення”⁷. Самовольны ўход з работ ці з пасёлка без дазвання, прадаўжаўшыся да аднаго суткаў, разрабавалася як адлучка, вышэ аднаго суткаў — як пубег з месца высылкі. Самовольная адлучка, совершанная пубторна, разрабавалася як пубег. За пубега, сістэматычныя адлучкі възбуджалася ўголовнае праследаванне. Матэрыялам, дастаточным для възбуджэння ўголовнаго дэла, яўляўся рапарт коменданта ці упалнаважанаго, які прадставяўся ў адміністрацыйнае ўпраўленне. Сугласна гэтай інструкцыі, пасле

вынесения судебного решения, все осужденные по данной категории снимались с работ и направлялись этапным порядком на дальний север - Туруханский край (Игарка). Практика выселения людей из родных мест продолжалась и в последующие годы. В период массовой коллективизации по поста-новлениям полномочного представительства ОГПУ по БССР, судов, решениями поселковых советов десятки тысяч жителей Беларуси были причислены к “контрреволюционному кулацкому активу” и были вы-сланы за пределы своей исторической Родины. Часть из них осталась на севере нынешней Томской области. Другая — в многочисленных лагерях Сиблага НКВД, разбросанных на территории Новосибирской, Кемеровской областей, а также Красноярского и Алтайского края. В результате только этой акции в северные края в период 1929--1932 годов было сослано свыше 100 тысяч белорусских крестьян. Одни из них погибли, особенно в первые годы ссылки, других настиг 1937 год, часть сбежала и сумела где-то устроиться, но немало было поймано и отправлено на Колыму, в Игарку и другие места заключения.

Кого же еще было выселять в 1933 году, когда, казалось, “кулачество” было ликвидировано? Предполагалось наказывать (за срыв и саботаж хлебозаготовок и других кампаний) городских жителей, отка-завшихся в связи с паспортизацией 1932—1933 годов выезжать из Москвы, Минска и Ленинграда; бежавших из деревень; снятых с промышленного производства кулаков, а также высланных в 1933 году в порядке “очистки” государственных границ, осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно.

Трижды руководители Сиблага ОГПУ в 1933 года составляли дислокацию расселения нового контингента ссыльных. В первый раз указывалось, что прибудут 340 тысяч человек, во второй — 281 тысяча, а 21 июня 1933 года краевому земельному управлению была послана дислокация расселения на 248 тысяч человек.⁸ В Александровский, Чаинский, Бакчарский, Колыванский, Тервизский, Тарский районы Западного-Сибирского края было отправлено около 80 тысяч спецпереселенцев—выходцев из районов РСФСР, Украины, БССР. В районах Нарымского края предназначалось разместить около 150 тысяч человек.

Когда массовые репрессии против крестьянства превзошли все разнарядки центра, 8 мая 1933 года вышла инструкция “Всем партийно-советским работникам ОГПУ, суда и прокуратуры”⁹, подписанная Сталиным и Молотовым. В ней констатировалось, что беспорядочные массовые аресты в деревне в 1933 году все еще продолжались. В ряде

районов, в том числе и БССР, аресты производили председатели колхозов, председатели сельсоветов и секретари партийных ячеек.

“Не удивительно, что в этой вакханалии арестов, — отмечалось на Пленуме Верховного суда СССР 14 апреля 1933 года, — органы, действительно наделенные правами арестовывать, в том числе и органы ОГПУ и особенно милиции, теряют всякое чувство умеренности и часто совершают необоснованные аресты, действуя по правилу: “Сперва арестуй, а потом веди расследование”¹⁰.

В речах, статьях и заявлениях Сталина начала 30-х годов можно найти немало призывов к всемерной работе со старой, “буржуазной” интеллигенцией. Однако дела Сталина решительно расходились с его словами. Во-первых, репрессии нередко обрушивались на людей за их некоммунистические или немарксистские взгляды, даже за революционную деятельность, хотя большинство из них вообще не занималось политикой. Во-вторых, стремясь возложить на “буржуазных спецов” ответственность за все просчеты в индустриализации и планировании, Сталин и некоторые из его ближайшего окружения начали кампанию компрометации и разгрома значительной части беспартийных специалистов, которые вполне лояльно относились к Советской власти и приносили ей немалую пользу своими знаниями и опытом.

Сталин неуклонно шел к тоталитарному террору, но ему, человеку злого, хитрого ума, были необходимы и оправдательные аргументы — перед партией, народом, историей. Этих аргументов у него не было. Он их фальсифицировал, в частности, с помощью политических процессов. К врагам партии и государства руководство ВКП(б) отнесло многих вернувшихся на родину эмигрантов, немало зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне и его организациях. Сюда же попадали и те, кто когда-то был исключен из партии, “обижен” Советской властью, кто когда-либо выражал политические сомнения.

Большую группу составляли чекисты. Некоторые из них уничтожались потому, что пытались хотя бы косвенно саботировать преступные замыслы, а иные, наоборот, сами попадали в разряд врагов, как, например, Ягода, Фриновский, Берман и многие другие за то, что слишком много знали... На таких людей Сталин впоследствии списывал все “перегибы”, извращения, “вредительство в органах НКВД”.

Еще одной особенностью этих процессов было стремление Сталина не просто физически уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но предварительно вывалить их в грязи аморализма, “измены”, “предательства”. Все процессы являют собой

беспрецедентный пример самоунижения, самооговоров, самоосуждений.

Моральной и физическое уничтожение практически всех, кто пытался противодействовать произволу, безграничная вера в необходимость осуществления репрессивных актов, исключили возможность реального противодействия беззакониям 30-х годов. Это подтверждается, в частности, тем, что в архивных материалах этого периода обнаруживаются наиболее типичные формы неприятия репрессий, сопротивления им.

Встречались отдельные случаи оказания помощи в попытках уклониться от ареста, разного рода содействия семье арестованного, содействия самому заключенному в каких-либо жизненно важных обстоятельствах, факты обеспечения каких-то благоприятных условий для самого заключенного со стороны отдельных работников ОГПУ—НКВД и даже случаи создания видимости сурового допроса и т.д. и т.п. Нельзя, конечно, утверждать, что все эти формы поведения были продиктованы вполне сознательным неприятием репрессий. Очень часто они диктовались нравственным чувством, в ряде случаев личной симпатией к преследуемому. Но во всех случаях это было действие против официальных указаний, против официальных идеологических установок.

Крайне редко встречались факты прямого (и даже официального) осуждения репрессивной политики (в том числе и со стороны партийных и советских работников, сотрудников НКВД, прокуратуры и т.д.). Однако такие формы осуждения репрессий кончались почти всегда одинаково, причем весьма быстро: собственной гибелью сочувствующего. Поэтому не удивительно, что таких людей было ничтожно мало. Размышления о причинах относительно слабого сопротивления сталинизму со стороны политически активных групп в партии носят, конечно, предварительный и больше предположительный характер. Для окончательных суждений нужен специальный исторический поиск. Однако, судя по общему знанию об эпохе, этот поиск вряд ли поколеблет уверенность в основном, что важно для понимания природы репрессий 30-х годов. Среди нескольких миллионов людей, которых смяла в это время волна террора, те, кого репрессировали впоследствии за попытки противодействия тоталитарному режиму, были исключением, а не правилом.

Беларусь тоже не была исключением в общем потоке репрессий. Конец 20-х—начало 30-х годов в республике “ознаменованы” делами о

вредительстве “контрреволюционных и диверсионно-шпионских организаций” и их белорусских филиалов — “Промпартии”, “Союзного бюро РСДРП (меньшевиков)” и других.

Еще больше он возрос с весны 1936 года, что подтверждают документы. В частности, нарком внутренних дел Г.Г.Ягода 31 марта 1936 года направил всем начальникам республиканских и областных НКВД оперативную директиву, в которой говорилось: “Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников”¹¹. 20 мая 1936 года опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление, которое подписал И.В.Сталин. В нем указывалось, что ввиду непрекращавшейся контрреволюционной активности троцкистов НКВД СССР предлагается направить находившихся в ссылке и режимных пунктах исключенных из ВКП(б), проявлявших враждебную активность и проживавших в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах Советского Союза троцкистов в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет. Всех арестованных предлагалось судить Военной коллегией Верховного суда СССР с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

Одна из довольно широко распространенных среди ряда бывших партийных руководителей периода 30-х годов версий о “необходимости” репрессий в стране состояла в следующем. Сталин хорошо знал людей, которых он обрек на смерть, и что они не были шпионами и вредителями. Эти обвинения были сфабрикованы для оправдания репрессий. Конечно, с точки зрения моральных или правовых норм действия Сталина были незаконны. И все же они были, по их мнению, необходимы для дальнейшего развития революции в стране. Люди, которых устранял Сталин, имели большую власть и были популярны. И, безусловно, ответственность за их истребление несет отнюдь не он один, так как не бывает культа без массы бездумных, на все готовых широких масс людей.

Несостоятельными являются до сих пор появляющиеся в печати объяснения массовых репрессий исключительной мстительностью И.В.Сталина, сведением личных счетов его, В.М. Молотова, Л.П.Берия, К.Е. Ворошилова, Л.М.Кагановича, Г.М.Маленкова и других с одним, другим, третьим...

Так можно было уничтожить (физически или политически) десятки,

сотни, тысячи, но не миллионы людей. Конечно, уничтожение в таких масштабах имело прежде всего явно выраженную политическую направленность. Репрессии носили не узколичностный и отнюдь не бессистемный, а именно политический характер. Сталин был убежден, что для него идея классовой борьбы является основополагающей. Когда были уничтожены классы помещиков и капиталистов, он нашел еще один класс, который нужно было ликвидировать, — кулачество. Наконец, ликвидировав его, и оставшийся без явных врагов, Сталин изобрел теорию, по которой они должны были существовать всегда.

“Это не только гнилая теория, но и опасная теория, — говорил он, — ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью. Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных”.

Для эффективного проведения репрессивных акций необходимо было создать соответствующее “общественное мнение” широких народных масс. Ведь масса должна верить (и в значительной степени верила) чудовищным обвинениям 1937 года. Сталин расширил понятие “враг народа”. “Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности”.¹²

Причины этого умонастроения масс, поверивших во “врагов народа”, можно объяснить наложением нескольких факторов. Прежде всего, действовало культовое отношение к “вождю”. Существенное значение имел комплекс антиинтеллигентских настроений, и без того достаточно распространенный в СССР, где интеллигенты отождествлялись с дворянами, помещиками и т.п. Но эти настроения еще и подогревались высказываниями И.В.Сталина, фальсифицированными процессами против “вредителей” и т.п.

Действовал и вполне реальный комплекс капиталистического окружения: отсюда делался вывод, что кругом враги и “внутри” полно

их агентуры. Конечно, был вполне реальный шпионаж капиталистических государств. Сохранялась возможность действий со стороны представителей контрреволюционных политических групп и группировок в основном бывших эмигрантов, действовавших во Франции, Германии, Турции и ряде других государств. Поэтому утверждения органов НКВД о существовании контрреволюционного подполья в СССР могли казаться правдоподобными.

В этих условиях фактически была создана (и во многом руками будущих жертв) такая политическая обстановка, когда потенциальная возможность массовых политических репрессий — исключения из партии, предания суду, а при необходимости (или желания) и расстрела — “висела в воздухе”. Потенциальная возможность репрессий становилась действительностью. Произвольно “обострив” классовую борьбу, Сталин вызвал потоки клеветы, перед которыми общество оказалось беззащитным. Ложь органов НКВД, вранье печати, бесчисленные речи в поддержку “справедливых приговоров” создали ситуацию: узнать, где причины вакханалии, — негде; обратиться за помощью — не к кому; обличить явных негодяев - никто не позволит. Именно поэтому сотни тысяч коммунистов и беспартийных в 1937—1938 годах голосовали за исключение “врагов народа” из партии и привлечение их к уголовной ответственности. Миллионы людей на митингах и демонстрациях требовали суровой расправы с “врагами народа”.

После таких обвинений органы НКВД успешно находили новых врагов народа. При этом на суд и расправу многие выдавали нередко и своих вчерашних друзей и сослуживцев. Конечно, большинство верило Сталину и органам НКВД. Были, естественно, и сомневающиеся, чаще всего, если речь шла о каких-то конкретных случаях, но и они молчали, облегчая тем самым расправу над другими. Даже испытывая колебания и сомнения, эти люди не хотели считать себя соучастниками преступлений. И они заставляли себя поверить в Сталина, который якобы все знает и не может ошибаться. Культ Сталина помогал им успокоить свою совесть.

Особенно активизировалась деятельность НКВД БССР и областных “троек” с июля 1937 года, когда, согласно указанию “сверху”, на местах были составлены списки на весь “контр-революционный” элемент. Вслед за этим в Беларуси, Западно-Сибирском крае и других регионах страны начались массовые операции по осуществлению арестов и фальсификации “контр-революционных дел”. Смысл этих акций

сводился к “созданию” так называемых “всесоюзных контрреволюционных организаций”; контрреволюционно-диверсионной, антисоветской повстанческо-террористической; эсеровской шпионской, контрреволюционной националистической фашистской; “Польской организации войсковой” и многих других.

“Следствием по делу вскрытой и ликвидированной контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации “Польской организации войсковой” установлено, что в деятельности повстанческой организации принимали участие...”, — такие слова из постановлений на арест были вписаны в дела многих тысяч поляков и белорусов, репрессированных в 1934—1938 годах не только на территории Беларуси, но и в Москве, Пятигорске, Новосибирске, Томске, Красноярске и многих других больших и малых населенных пунктах всего бывшего Советского Союза. Практически всех их обвиняли тогда в организованном заговоре против Советской власти. Организационной формой этого заговора, по мнению работников НКВД, должна была быть некая подпольная контрреволюционная организация, под непосредственным руководством которой и по ее прямому указанию должны были действовать враги народа с польскими и белорусскими фамилиями. И совсем неважно, что такой организации в природе не существовало: она была “создана” в недрах НКВД.

Дело на “Польскую организацию войсковую — одно из самых массовых после “Российского общевойскового союза” и “Союза спасения России” и яркий пример линейных арестов — арестов по национальному признаку. Филиалы организации “создавались” органами НКВД в абсолютном большинстве не только в центральных районах страны, но и в Западно-Сибирском крае, Восточной Сибири, на Урале. Тем более, что сложностей это не вызывало — процент проживающих там поляков и белорусов (они в первую очередь включались в “расстрельные списки”) был достаточно высок, сказалось их переселение в Сибирь в конце прошлого и начале нынешнего столетия.

Пreamбула обвинительного заключения всегда оставалась неизменной, менялись лишь фамилии, названия населенных пунктов, “факты” и “примеры” враждебной деятельности.

“При допросах выясняли, где работал до ареста обвиняемый, чем занимался, были ли какие-либо факты пожаров, отравления скота и так далее. Выяснив эти вопросы, искусственно приписывали в показания обвиняемых совершение тех или иных актов вредительской или

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
диверсионной деятельности...” (Из показаний от 27 августа 1957 года бывшего сотрудника Новосибирского управления НКВД уроженца Минской губернии Филиповича С.Ф.). И еще одно. У дел на “Польскую организацию войсковую” была особенность, отличающая эти дела от других — почти все они были групповыми. Вспомним хотя бы судьбу жителей деревни Белосток Кривошеинского района Западно-Сибирского края, где за одну ночь в декабре 1937 года были арестованы все мужчины в возрасте от 16 до 70 лет. Вернулось же из них всего несколько человек.

И, может быть, не стоило говорить об этих мифических центрах и комитетах несуществовавшей “Польской организации войсковой”, если бы за ними не было реальных человеческих судеб. Судьбы людей с разными убеждениями, взглядами, прожитыми жизнями, но одинаковым ее завершением: подвалами НКВД и пулей в затылок. С архивно-следственными делами некоторых “членов” этой организации удалось познакомиться и таким образом более подробно изучить историю их жизненного пути.

Сыну потомственного дворянина Гродненской губернии Александру Сосенко судьба уготовила военную карьеру еще до рождения: военным был его дед; отец на службе у русского царя дошел до чина полковника и, выйдя в отставку, жил в городе Замостье Люблинской губернии.

К началу первой мировой войны Александру исполнилось семнадцать лет, и он не мыслил себя вне поля брани, мечтал умереть смертью храбрых за отечество. Получив благословение родителей, поступил вольноопределяющимся в 99-й Ивангородский пехотный полк и был направлен на фронт. Затем революция, огненные дороги гражданской войны. В начале 20-х годов Александр начал служить в частях польской армии, расположенных в Барановичах и Бресте, но ранения и контузия постоянно о себе напоминали. Пришлось в 1923 году из армии демобилизоваться. Жена Лидия, россиянка по происхождению, постоянно тосковала о родных, оставшихся в Советской России. После долгих колебаний решились вернуться в Россию к родственникам жены.

При переходе границы А.Сосенко был арестован и комитетом ОГПУ БССР был осужден по статье 66 к трем годам концлагерей. После отбытия этих трех лет на Соловках в 1927 году его отправили в ссылку в Нарымский округ Западно-Сибирского края. Проживал он в поселке Каргасок, на плотбище леспромхоза в тайге, а с 1932 года — в городе

Колпашево, где работал механиком-мотористом на местной электростанции.

“Как установлено следствием, Сибирский комитет “Польской организации войсковой” получил соответствующее задание от 2-го отдела польского главного штаба, развернул в Сибири широкую вербовочную работу и приступил к организации повстанческих легионов и к непосредственной подготовке вооруженного восстания. Членом “Сибирского комитета” Сосенко был разработан план вооруженного восстания, которым предусматривалось следующее... легионы начинают выступление одновременно в момент военного нападения на СССР со стороны Польши, Германии и Японии; в момент восстания повстанческие отряды легионеров должны разгромить партийно-советские организации, разоружить милицию, охрану предприятий, партийно-советский актив, обратив отобранное оружие на вооружение повстанческих отрядов...”

Наряду с активной подготовкой к вооруженному восстанию, участники “ПОВ” на территории Нарымского округа занимались шпионско-диверсионной деятельностью, систематически собирали сведения шпионского характера, которые сосредоточивались в руках агента польского главного штаба Сосенко, и последним передавались польским разведывательным органам...”¹³ (Из обвинительного заключения от 3 октября 1937 года по делу № 7138 на 19 участников ПОВ.)

Арестовали его 11 августа 1937 года. После предварительного допроса в Колпашево отправили в Новосибирск. Основательно “обработанный” специалистами своего дела А.Сосенко на допросе у начальника УНКВД по Запсибкраю майора госбезопасности В.Горбача признался в том, что в 1924 году был нелегально перебросен в СССР со специальными заданиями польских разведорганов.

В чем только ни “признался” Сосенко своим следователям на допросах, протоколы которых насчитывали не менее двадцати страниц печатного текста. Вот только подписи подследственного отсутствуют, а без них, как известно, протокол не считается документом. И все же, несмотря на такую “оплошность следствия”, копии протоколов допросов Сосенко Александра были приобщены в качестве улик к делам сотен и тысяч сибирских поляков и белорусов, в том числе и жителей села Белосток, хотя в них нет даже упоминания о селе или каком-то из его жителей. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 20 октября 1937 года он был приговорен к высшей мере наказания и 5 ноября расстрелян.

Для востaнoвлення пpaвды o сyдзьбaх ypoжeнцeв Бeлapycи мнoгo сдeлaл нaш зeмляк — cибирский иccлeдoвaтeль Вaсильи Хaнeвич. Рeзyльтaтoм eгo мнoгoлeтнeй пoиcкoвoй дeятeльнoсти явилcя выxoд в cвeт в дeкaбpe 1993 гoдa в издaтeльcтвe “Тoмcкий вecтник” книги “Бeлocтoкcкaя тpaгeдия”. В нeй пpивoдятcя вocпoминaния yчacтникoв и cвидeтeлeй тeх тpaгичecких coбытий, рacкaзывaeтcя o cудьбaх нe тoлькo рeпpeccирoвaнныx ypoжeнцeв Гpoднeнcкoй гyбepнии, нo и их пaлaчeй.

Кoнвeйeр двигaлcя иcпpaвнo. Кoгдa кoнчaлocь “cырьe”, дocтaвляли нoвыe eгo пaртии. Бyдтo гигaнтcкaя мяcoрyбкa пepeмaльчeвaлa жизни тыcяч лyдeй. “Вpaгoв нaрoдa” cзaдaвaли иccycтвeннo. A кoгдa их чиcлo тaялo, нaчинaлcя тaк нaзывaeмыe “мaскиpyющиe” рeпpeccии. Глaвным oбpaзoм oни пpишлиcь нa втopyю пoлoвину 1937 и нaчaлo 1938 гoдa. Нa мecтax aрecтoвывaлиcь и тaм жe рacтpeливaлиcь в пepвyю oчepeдь пpeдcтaвитeли нeкoрeннoй нaциoнaльнoсти и выxoдцы из дpyгиx рeгиoнoв. Тaк пoддepживaлcя миф o вceoбщeм рacпpocтpaнeнии вpaжecкoй дeятeльнoсти.

Oблacтныe и гoрoдcкиe yпpaвлeния НКВД пoлyчaли рaзнapядки нa выявлeниe зaдaннoгo чиcлa “вpaгoв нaрoдa”. Рaзными пyтями, в тoм чиcлe c иcпoльзoвaниeм зaблaгoвpeмeннo нaкoплeнныx дoнocoв cекpeтныx oсвeдoмитeлeй и oбщecтвeнныx “пoмoщникoв”, срoчнo пoлyчeнныx нoвыx “пpизнaтeльныx” пoкaзaний рaнee aрecтoвaнныx и т.п., cocтaвлялиcь cпиcки yжe кoнкpeтныx лyдeй пoд “рaзнapядкy”. Зaтeм oни aрecтoвывaлиcь.

A нaчинaлocь вce oбычнo тaк. Цeнтp дaвaл рaзнapядкy нa выявлeниe oпpeдeлeннoгo чиcлa “вpaгoв нaрoдa”. Нa oснoвaнии этoгo, cкaжeм, УНКВД пo Зaпaднo-Сибирcкoмy кpae дaвaлo cooтвeтcтвyющиe “зaдaния” пo рaйoнaм и ждaлo нa oчepeднoй мeсяц или квapтaл нoвыx “кoнкpeтныx” цифp. Нaпpимep, Тoмcкий гoрoтдeл НКВД oт УНКВД пo Зaпaднo-Сибирcкoмy кpae eжeмeсячнo пoлyчaл кoнтpoльныe цифpы нa 3—5 тыcяч чeлoвeк. Из них нe мeнee 60 пpoцeнтoв пpeдлaгaлocь ocyдить пo пepвoй кaтeгopии, тo eсть рacтpeлять.

“Пaртия и пpaвитeльcтвo пpoдлилo cpoк рaбoты тpoек дo 1 янвapя 1938 гoдa. Зa двa—тpи дня, чтo oстaлocь дo выбoрoв в Вepxoвный Coвeт CCCP, вы дoлжны пpoвecти пoдгoтoвкy к oпepaции, a 13 дeкaбpя — пocлe выбoрoв, нaчaть зaгoтoвкy. Дaю вaм тpи дня нa зaгoтoвкy, a зaтeм вы дoлжны нaжaть и быcтpo зaкoнчить дeлa...

Вoзpaстным cocтaвoм aрecтoвaнныx я вac нe oгpaничивaю — дaвaйтe cтapикoв. Нaм нyжнo нaжaть, т.к. нaши yрaльcкиe coceди нac cильнo

поджимают. По РОВСу вы должны дать до 1 января 1938 года не менее 1100 человек, по полякам, латышам и др. не менее 600 человек в день, но в общей сложности я уверен, что за эти дни вы догоните до 2000 человек. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7-10 дел в день -- это немного, т.к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске дают по 12-15 дел в день... Учтите, что ряд горотделов — Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский — нас могут опередить. Они взяли на себя обязательства выше, чем я вам сейчас предложил...”¹⁴ (Из выступления 10 декабря 1937 года начальника УНКВД по Запсиб-краю И.А.Мальцева на совещании оперативного состава в г. Новосибирске.).

Существовали специальные бланки отчетности. Все там по графам: сколько, из каких слоев “изъять”, каких национальностей, отдельно военных, служителей культа и т.д. Дело доходило до того, что в общую численность обозначенных в разрядке лиц, которых необходимо было арестовывать, сразу включалось уже число и те, кто должен быть расстрелян. Перевыполнять “норму” разрешалось, но за невыполнение следовало встречное наказание — вплоть до высшей меры “социальной защиты”. Поэтому широко бытовала практика, когда арестованных тут же в “подходящем” месте — в лесу, в овраге, на кладбище расстреливали, а потом, уже задним числом, оформляли дела с “признательными” показаниями.

“В августе 1937 года начальник Томского горотдела НКВД И. В. Овчинников вызвал меня к себе в кабинет и спросил, сколько дел я и мои следователи закончили. Я ответил, что пока еще ни одного дела не закончено, потому что условий для следственной работы не создано, да и времени еще недостаточно (прошло 7—10 дней).

Овчинников дал мне срок 5 дней и предупредил, чтобы в течение этого срока от вас поступили ряд дел. В течение 5 суток один или двое следователей получили признательные показания, кажется, двух обвиняемых об их антисоветской деятельности. Но полностью закончить опять-таки ни одного дела не удалось. О чем я доложил Овчинникову.

Выслушав меня, Овчинников выругался нецензурно, назвал меня оппортунистом и пообещал расправиться со мной, если я буду саботировать мероприятия партии и правительства. Тогда он заявил мне примерно так: “Ты оппортунист, ты не желаешь вести борьбу с контрреволюцией. Я распишу тебя так в характеристике, разделаю как бог черепаху, что тебе на земле места не будет. У нас в горотделе один следователь дает по 10 дел в сутки, а от тебя и твоих следователей в течение 10 дней не поступило ни одного дела. Если так будешь

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
продолжать и дальше, то я поставлю о тебе вопрос перед начальником УНКВД...”¹⁵ (Из показаний бывшего начальника Кожевниковского райотдела НКВД Д.К.Салтымакова 24 сентября 1956 года.)

Для активизации этой работы между городскими и районными отделами НКВД было развернуто “социалистическое соревнование” по принципу: кто больше арестует “врагов народа” по указанным категориям. По итогам 1937 года среди горотделов НКВД Западно-Сибирского края победителем оказался Томский горотдел, за что его начальник капитан госбезопасности И.В. Овчинников был представлен к награждению орденом Ленина. Среди горотделов НКВД БССР первое место занял Слуцкий во главе с лейтенантом госбезопасности Таракановым.

Целью репрессий были, конечно, не только изоляция или уничтожение неугодных. Надо было с помощью пыток и истязаний сломить их волю, заставить дать ложные показания в совершении “контрреволюционных преступлений”, назвать себя врагами народа. При соблюдении законных методов и форм следствия это было невозможно. Поэтому И. В.Сталин от имени ЦК ВКП(б) санкционировал применение физических методов воздействия, о чем свидетельствовала шифрованная телеграмма, направленная 10 января 1939 года секретарям обкомов, крайкомов, начальникам управлений НКВД. В ней, в частности, утверждалось: “ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь...”¹⁶

Разумеется, пытки и истязания не сразу вошли в практику НКВД. Это был постепенный и последовательный процесс. Избиения заключенных, следственный “конвейер”, лишение сна, пытки жарой и холодом, голодом и жаждой, — все эти методы достаточно широко применялись еще в годы гражданской войны. Менее жестоко обращались, однако, органы ОГПУ—НКВД с арестованными коммунистами. До весны 1937 года особо подобранные следователи пытали и истязали только отдельных из них. Пытки и истязания, конечно, являлись наиболее несовершенным методом ведения следствия, который, как правило, вел не к выяснению, а к искажению истины, к оговору, к согласию обвиняемого на любые показания, лишь бы прекратились издевательства и унижения со стороны следователей. Это хорошо понимали сотрудники НКВД, вынуждая свои жертвы давать самые невероятные показания.

Благодаря многочисленному аппарату НКВД машина террора работала безотказно. Люди, которые служили там, были разные и несут неодинаковую ответственность за преступления, совершенные тоталитарным режимом. Одни из них, сознавая, что перед ними не враги, а люди, невинно пострадавшие, пытались хоть чем-то помочь арестованным, но сами становились жертвами произвола. Другие понимали, кому они служили, против кого боролись, и старались выбивать нужные признания любой ценой.

Что превращало абсолютное большинство работников НКВД в садистов? Что заставляло их преступить все законы и нормы человечности? Главная причина -- страх оказаться в положении заключенного. Этот страх подавлял все иные чувства. Кроме того, в органы НКВД шел особый отбор. Более гуманных отсеивали, самых жестоких и невежественных — оставляли. Например, уроженец Минской губернии начальник Ямальского окротдела НКВД А.И.Божданкевич во время приведения приговоров в исполнение организовывал пьянки сотрудников за счет средств, изымаемых у осужденных к расстрелу; другую часть этих же средств использовал на оплату осведомителей; держал арестованных на допросе по несколько часов подряд по стойке “смирно”; арестованным женам, в присутствии мужей, заставлял выдергивать волосы с половых органов; применял длительный конвейерный допрос в течение нескольких суток; садил заключенных на ребро ножек табуретки; применял к подсудимым гонку “гусиным шагом” до потери сознания; производил корректировку протоколов допросов путем предварительного написания их на черновиках, потом исправлял (шпионаж, диверсия) перепечатывал на машинке и заставлял, угрожая пистолетом, подписывать, применял при допросах пытку с использованием специально сделанной бумажной трубки для крика в уши подсудимого до тех пор, пока он не терял рассудок...

За совершенные преступления А.И.Божданкевич в 1938 году был осужден Военным трибуналом войск НКВД к 5 годам лишения свободы, а в 1940 году был освобожден. Это только один из примеров применения тех методов, которые активно использовали в своей “деятельности” сотрудники органов НКВД от Бреста до Владивостока.

В деятельности по разгрому руководящих кадров всех уровней органами НКВД применялось преимущественно два метода.

Первый — “сверху вниз”: в ряде районов и городов на основании сфабрикованный в Минске или даже в Москве показаний врагов народа” в течение 2—3 дней репрессировали руководство

республіканскага або абласнага маштаба. Затым арыштоўвалі работнікаў ісполкамаў. Лічылася сама сабой разуема, што “вагі народа” і “шпіоны”, вазглаўляючыя республіканскія, абласныя і раённыя арганізацыі, сумелі вездзе “насадзіць” сваю “агентуру”.

Второй — “снizu вверху”: работнікі НКВД па сагласаванню с першым сакратарем ЦК або абкома КП(б)Б арыштоўвалі вначале нескількі рядовых камуністаў і беспартыйных, а затым ужо праз іх “выходзілі” на рукаводзячы састав. Любыя спробы рукаводзіцеляў даказаць, што іх падчіненыя не вагі, расценіваліся ўжо не проста як потеря бдільнасці, но і як пакрыцельства вагам народа.

Вознікае аднако вопрос: какім абразом арганам НКВД удавалася заставяць абвіняемых публічна клеветаць на сябе і на многіх другіх, прыдумываць несуществуючыя арганізацыі і сзнавацца в несовершенных прастоупленнях? Конечно, пыткамі і другімі срдствамі незаконнага давленья на арыштоўваных. Подтверждения этого -- практически во всех показаниях работнікаў НКВД, которые сами попадали впоследствии под следствие.

Как показывае анализ, большинство арыштоўваных в 1937—1938 гадах все-таки сдалось на допросах і подпісало сфальсифіцыраваныя пратокалы, “прызналось” во всякого рода прастоупленнях, которые они никогда не совершали. Некоторые причины этого объяснимы:

а) сразу же после ареста начиналось активное воздействие на арыштоўваннаго. Сначала словесная обработка с соблюдением некоторой доли вежливости, потом крик, ругань, унижения и оскорбления. Затем следовало закрепление полученных достижений. Арыштоўваннаму внушали, что теперь поворот невозможен, что спасти себя он может только “чистосердечным” раскаянием;

б) если подследственный должен был предстать перед судом, а многие, как правило, осуждались заочно различными несудебными органами, то с ними проводилась дополнительная работа, своеобразная репетиция суда;

в) арыштоўваннаго обрабатывали постоянно, в камере, кабинете следователя и т.д. Одного брали на испуг, другого на уговоры, третьего на посулы, к четвертому применяли сочетание разных методов. Но главное — заключенного сразу лишали всякой возможности защищаться;

г) атмосфера внутритюремно-следственного террора создавала безнадежные настроения. Многие арыштоўванные считали, что

сопротивление бесполезно и защита невозможна, а поэтому сразу же подписывали все, что им подсовывали. При этом возникало неслыханное в следственной практике явление: стороны мирно договаривались и о “преступлениях”, и о “мере наказания”.

Материалы архивно-следственных дел, воспоминания репрессированных позволяют утверждать, что для получения нужных показаний у подсудимых работники НКВД наиболее широко применяли в следственной практике: систему конвейерного допроса до 7—8 суток; ночные допросы и многократные вызовы к следователю; использование родственников в качестве заложников; удары психологическим контрастом; направление в глаза мощной электролампы; применение методов “ножниц” и “стула”; помещение арестованных стоя в нишу; угрозы оружием; плевок в рот... Предела изобретательности работников НКВД в организации системы допросов с использованием самых изощренных способов физического и морального воздействия не было.

По трафарету в период 1937—1938 годов были сфабрикованы дела на десятки тысяч жителей республики и других регионов страны. Когда массовые репрессии приняли угрожающие масштабы, по личному указанию И.В.Сталина в конце 1938 года руководство НКВД СССР и ряд начальников НКВД республик и областей были обвинены в массовых арестах и нарушениях социалистической законности. Под непосредственным руководством вновь назначенного наркома НКВД Л.П.Берия в центре и на местах для создания видимости “восстановления законности” были произведены аресты “врагов народа”, пробравшихся в органы НКВД. С этой целью в 1939 году было сфабриковано дело о так называемой “антисоветской заговорческой организации”, действовавшей в системе НКВД. В руководящий “центр” этой организации был поставлен нарком внутренних дел Украины А.И.Успенский. Члены этой “организации” были обвинены в том, что они якобы укрывали от разоблачения и разгромов правотроцкистские и другие антисоветские кадры, производили массовые аресты ни в чем не повинных граждан, фальсифицировали материалы и добивались применения к арестованным репрессий.

В общей сложности к уголовной ответственности в период 1938—1939 годов было привлечено не более одного процента работников НКВД республиканского и областного масштаба. Несмотря на это, нынешние чекисты не забывают подчеркнуть, что более 20 тысяч сотрудников органов НКВД пали жертвами необоснованных репрессий

“в борьбе против нарушений социалистической законности”. Правда, не уточняется, что до того, как были репрессированы, и они тоже исправно крутили колесо репрессивной машины и несут ответственность за кровавые преступления.

В те годы активно арестовывались родственники осужденных. В связи с этим народный комиссар юстиции СССР 16 января 1938 года подписал приказ “О недопустимости увольнения с работы лиц по мотивам родственной связи с арестованными за контрреволюционные преступления” и уже на 1 января 1939 года были пересмотрены дела в отношении 1175998 человек, осужденных в 1936—1937 годах.¹⁷ Установить точное количество таких лиц не представляется возможным. До 1942 года данная категория осужденных в судебной статистике не учитывалась. Исходя из анализа данных Верховного суда СССР, Военной коллегии Верховного суда СССР за период 1937—1939 годов эта цифра по СССР превышала миллион, а по БССР составила не менее 90 тысяч человек.

Волна массовых репрессий 1937 года пошла на спад со второй половины 1938 года. Поступление дел о контрреволюционных преступлениях уменьшилось (в частности, по БССР в среднем на 30—40 процентов) после того, как НКВД СССР дал указание о приостановке массовых акций по изъятию “врагов народа”.

С сентября 1939 года “работы” у органов НКВД Беларуси снова резко прибавилось. Потянулись на Восток эшелоны с депортированными жителями западных областей республики. В этом потоке только в Сибири оказалось более 60 тысяч белорусов, поляков, евреев, представителей других национальностей. С учетом граждан, репрессированных несудебными и судебными органами в административном порядке, эта цифра превышает 85 тысяч человек. Изучение архивных документов и материалов органов госбезопасности, МВД, судов и прокуратуры Российской Федерации позволяет сделать предварительный вывод, что на территории Западно-Сибирского края (ныне Новосибирская, Кемеровская и Томская области) в период 30-х годов только судебными органами повторно было репрессировано не менее 25—30 тысяч уроженцев Беларуси.

Автору довелось анализировать данные на уроженцев Беларуси, репрессированных в 30-е годы на территории Томской области. Картина получается такая: главный удар был направлен против крестьян и рабочих (до 64 процентов); основные мотивы ареста — девять человек из десяти — совершение “контрреволюционных преступлений”; до 70

процентов было осуждено в 1937—1938 годы; каждые восемь из десяти осужденных были расстреляны; по минимуму — пять лет — получили не более двух процентов арестованных.

Массовые репрессии на территории СССР и Беларуси в 30-е годы носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством ВКП(б) в крайне жестокой и бесчеловечной форме в отношении ни в чем не виновных граждан.

¹ Сборник узаконений РСФСР. 1919. № 4. С. 25.

² Там же. 1924. № 12. С. 105.

³ Собрание законов СССР. 1934. № 36. С. 283.

⁴ Сборник законодательных актов и документов. М., 1989. С. 12.

⁵ Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 9.

⁶ Польша. 1995. № 1. С. 141.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО), ф. 1072, оп. 1, д. 254, л. 115.

⁸ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 397, л. 93.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 9492, оп. 1, д. 1, л. 47.

¹⁰ ГАРФ, ф. 9498, оп. 1, д. 64, л. 82.

¹¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 35—36.

¹² Там же. 1989. № 3. С. 132.

¹³ Боль людская. Томск, 1990. С. 124.

¹⁴ Репрессии 30—40-х гг. в Томском крае. Томск, 1991. С. 82.

¹⁵ Государственный архив Томской области, ф. 582, оп. 2, д. 112, л. 105—106.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

¹⁷ ГАРФ, ф. 9492, оп. 1, д. 1002, л. 258.

В. ЛЕБЕДЗЕВА (*Гомель, Беларусь*)

СТАРОНКА Ў МАРТЫРАЛОГУ: ПАЛУТА БАДУНОВА

Палута Бадунова — адзін з лідэраў барацьбы за нацыянальна-дзяржаўнае вызначэнне Беларусі, на працягу 1917--1921 гг. уваходзіла ва ўсе кіруючыя структуры беларускага руху: ЦК БСГ, Цэнтральную і Вялікую Беларускаю Раду, з'яўлялася міністрам урадаў БНР, сакратаром Партыі беларускіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў, арганізатарам антыпольскага партызанскага змагання ў 1919--1920 гг. Пад час сталінскіх рэпрэсій яе напаткаў лёс усіх нацыянальных дзеячоў, што апынуліся ў Савецкай Беларусі: рашэннем Асобых троек у 1937--1938 гг. была асуджана спачатку да 10 год ГУЛАГу, а потым і да вышэйшай меры

пакарання. Жыццяпіс Бадуновай — не толькі адна з многіх старонак у мартыралогі беларускай справы XX ст., ён таксама яркая ілюструе ролю рэпрэсіўных метадаў як сродка палітычнай барацьбы, эвалюцыю іх стылю.

Палітычная біяграфія Бадуновай сведчыць, што менавіта рэпрэсіі былі адказам антынацыянальных сіл на кожную самастойную і дзейную акцыю беларускага руху, здольную прынесці практычна-палітычны вынік. Ёй давялося асабіста спазнаць ужо першае выпрабаванне гэтага сродка бальшавікамі, калі разгон Усебеларускага з'езда ў снежні 1917 вымусіў разам з іншымі сябрамі Выканаўчага камітэта перайсці на нелегальнае становішча. Гэтую ж заканамернасць пацвярджае і дзейнасць Бадуновай як аднаго з найбольш актыўных лідэраў БПСР.

Партыя засведчыла сябе рэальнай сілай у барацьбе за самавызначэнне Беларусі. Спалучэнне ў яе праграме дзяржаўна-незалежніцкіх і сялянска-сацыялістычных арыентацый з тактыкай «апоры на ўласныя сілы беларускага працоўнага народа» і лозунгі «барацьбы супраць любых акупантаў» забяспечылі ёй істотны ўплыў. Ва ўмовах нямецкай, а затым польскай акупацыі эсэры пачалі фарміраванне партызанскай «Беларускай сялянскай сувязі» для абароны краю. Актыўнасць эсэраў выклікала занепакоенасць як польскіх, так і савецкіх улад. З вясны 1919 г. партыя вымушана была перайсці на нелегальнае становішча. На савецкай тэрыторыі арышты эсэраў пачаліся восенню таго ж года, а актывістаў партыі Карача, Барташа і Забродскага каля года пратрымалі ў маскоўскай Бутырцы. Вясной 1920 г. серыю арыштаў правялі польскія ўлады. Быў арыштаваны і больш за паўгода правёў у польскіх турмах і канцлагерах ідэйны лідэр партыі Тамаш Грыб.

Не пазбегла арышту і П.Бадунова. З красавіка 1920 г. яе кінулі ў адзіночную камеру спачатку жаночай, а затым адміністрацыйнай мінскіх турам. Аб рэжыме зняволення Палута ўспамінала, што ледзь выжыла «пасля страшэнных умоў холаду, ад якога я замярзала смертэльна, і пагрозы тыфусу, ад якога намерла палова арыштаваных»¹. Праз месяц яна была вызвалена пад нагляд жандармерыі, пазбегнуўшы якога, праз некалькі дзён ёй удалася пакінуць акупіраваны Мінск.

Праз лінію фронту і разліў Бярэзіны ўброд яна перабіраецца ў Смаленск для вядзення перамоў з прадстаўнікамі Кампартыі Літвы і Беларусі. Усведамляючы эсэраўскі ўплыў на Беларусі, бальшавіцкае кіраўніцтва замест адкрытых рэпрэсій абірае больш тонкую тактыку яго нейтралізацыі. Са снежня 1919 г. быў распачаты эсэраўска-

большавіцкі дыялог, вынікам якога стаў ваенна-палітычны саюз і сумеснае абмеркаванне планаў дзяржаўнага ўладкавання Беларусі.

Адчуваючы няшчырасць і несамастойнасць пазіцый КПЛіБ, Бадунова праз Смаленск накіроўваецца ў Маскву для выдзення перамоў з вышэйшым большавіцкім кіраўніцтвам. Сталіну і Крэсцінскаму былі прадстаўлены патрабаванні БПСР у аднаўленні Беларускай рэспублікі на прынцыпах суверэнітэту, непадзельнасці тэрыторыі, кааліцыі палітычных сіл у сацыялістычных пераўтварэннях, а таксама пратэст супраць большавіцкай антысялянскай аграрнай палітыкі на Беларусі². Дзякуючы прынцыповасці і настойлівасці Бадуновай выключна цяжкія перамовы скончыліся пацверджаннем ваеннага саюзніцтва і абяцаннем вярнуцца да палітычных пытанняў пасля поўнага вызвалення Беларусі. Гэтыя перамовы сталіся адзіным фактам афіцыйнага кантакта расійскага большавіцкага кіраўніцтва з беларускім нацыянальным рухам небольшавіцкага накірунку. Асоба Бадуновай і партыя, якую яна прадстаўляла, не засталіся незаўважанымі ў Маскве.

Дзейнасць БПСР была пастаўлена над чэкіскай кантроль, пільнасць якога ўзмацнялася па меры набліжэння да падпісання Рыжскага міру. У дакладзе ЧК Беларусі ў Цэнтральнае Бюро КПБ у лютым 1921 г. паведамлялася, што эсэры вядуць двойную палітыку — «разам з дэманстрацыяй лаяльнасці да савецкай улады нелегальна прымаюць рэзалюцыі аб яе антынародным і антыбеларускім характары, «ставяць у галоў вугла нацыянальнае пытанне і ў першую чаргу пашырэнне тэрыторыі Беларусі за кошт РСФСР» (мелася на ўвазе вяртанне Віцебскай, Смаленскай і Гомельскай губерняў). ЧК даводзіў « што партыя БПСР вядзе яскравую контррэвалюцыйную палітыку, што дапусціць надалей яе легальнае існаванне — гэта азначала б праявіць палітычную недальнабачнасць, таму што такое існаванне пагражае для Рэспублікі бедствамі»³.

У ноч з 16 на 17 лютага 1921 г. ЧК правяла акцыю «ліквідацыі БПСР». Былі арыштаваны 860 сяброў партыі, у т.л. поўны склад ЦК і Мінскага камітэта. Сканфіскаваныя дакументы сведчылі і супраць П.Бадуновай асабіста: менавіта яна ўзначальвала правую, колькасна большую плынь партыі, якая настойвала на размежаванні з большавікамі, праз яе падтрымліваліся цесныя сувязі з расійскімі левымі эсэрамі, падпольнымі арганізацыямі ў Віцебскай, Смаленскай і Гомельскай губернях, за дэмаркацыйнай лініяй савецка-польскага фронту⁴.

Рэпрэсіўныя захады супраць эсэраў былі выбраны дыферэнцыравана. Асноўная большасць была вызвалена пасля двух

тыдняў зняволення з папярэджаннем аб небяспечнасці вядзення антысавецкай дзейнасці і нават без прад'яўлення абвінавачання.

Справа членаў ЦК БПСР П.Бадуновой і Я.Мамонькі была разгледжана на пасяджэнні Бюро КПБ. Было пастаноўлена накіраваць іх па запатрабаванні ВЧК у Маскву. Пры гэтым выявіліся і ўласныя планы бальшавіцка-чэкісцкага кіраўніцтва Беларусі, якія выклаў наркам унутраных спраў і член калегіі ЧК БССР Я.Мэртэнс: «Прымаючы да ўвагі, што пакідаючы Бадунову і Мамоньку ў Мінску, можна больш удала працягваць агентурную работу, і што арганізацыя (у адносінах масы членаў) б.с.р. разладжана апошнімі падзеямі (арыштамі), і што Бадунова не можа мець ніякага дачынення да савінкаўскага адцення, а з гэтага не можа прынесці (рэальна) шкоды нашай рабоце, лічу неабходным Бадунову і Мамоньку з-пад арышту вызваліць і пакінуць у Мінску (з чэкісцкіх меркаванняў)». Прапанову падтрымаў і Старшыня ЦВК БССР А.Чарвякоў, паабяцаўшы звярнуцца ў ВЧК з дакладам і вызваліць эсэраўскіх лідэраў пад сваё паручыцельства⁵. Аднак беларускае кіраўніцтва не мела магчымасцей для самастойнага вырашэння гэтага пытання. 12 сакавіка 1921 г. па ордэру ВЧК П.Бадунову змяшчаюць у Навінскую турму (Я.Мамонька быў адпраўлены ў Лефортава).

Звестак аб тым, як разгортвалася яе справа, у нашым карыстанні мала. Але ж з хадайніцтва ў Маскоўскі Палітычны Чырвоны Крыж папличніцы Палуты па мінскаму школьніцтву С.Шышовай зразумела, што і праз месяц — 13 красавіка — абвінавачванне ёй прад'яўлена не было і не быў праведзены ніводзін допыт. Як бачна, рэпрэсіўны механізм гэтага перыяду яшчэ дазваляў грамадскасці атрымліваць звесткі аб зняволеных і нават аказваць сваё ўздзеянне. У Мінску стала вядома і аб рэзкім пагаршэнні стану здароўя Бадуновой у выніку абвастрэння хвароб і дзвюх галадовак пратэсту⁶. Нягледзячы на імкненні ЧК ігнараваць грамадскія звароты, распачынаецца нялёгкая барацьба за вызваленне Бадуновой. Праз тры месяцы, 15 ліпеня, Маскоўскі камі-тэт Чырвонага Крыжа зноў звяртаецца ў ВЧК з дакладам аб крытычным стане здароўя зняволенай і зноў безвынікова⁷.

Настроі ў абарону Бадуновой вымусілі да больш настойлівых захадаў і кіраўніцтва БССР, якое, аднак, мела і палітычныя аргументы. 4 жніўня А.Чарвякоў звяртаецца да Паўнамоцнага прадстаўніка БССР у РСФСР М.Мароза з наступным даручэннем: «У ліку арыштаваных у Мінску беларускіх эсэраў была П.Бадунова, якая была пераслана ў Маскву і якая ў цяперашні час утрымліваецца ў Навінскай турме і знаходзіцца ў

скрайне хваравітым стане. Лічу, што ўтрыманне яе пад вартай бессэнсоўна і яна падлягае вызваленню. Самае вялікае, што можна выкарыстаць адносна Бадуновай — гэта забарона (часовая) вяртаньня ў Беларусь, але і гэта пры поўнай ліквідацыі бел. с.-р. наўрад ці дасягне мэты, ствараючы толькі вакол яе імя арэал пакутніцтва. Прашу Вас таму ўвайсці ў хадайніцтва ў ВЧК аб вызваленні П.Бадуновай і настойваць на гэтым вызваленні. Бадунова мае шмат заслуг перад рабочымі і сялянамі Беларусі»⁸. Выконваючы даручэнне, М.Мароз звяртаецца да старшыні ВЧК Уншліхта ад імя ураду БССР з патрабаваннем перагляду справы і патрабаваннем вызвалення П.Бадуновай. У дадатак ён паведамляе ў Народны Камісарыят Замежных Спраў РСФСР, што зняволеная ўжо шосты дзень як абвясціла новую галадоўку і знаходзіцца ў крайне цяжкім стане⁹. Да гэтага патрабавання далучаецца і Палітычны Чырвоны Крыж, паведамляючы ў прэзідыум ЧК, што Бадунова знаходзіцца ў маскоўскай турэмнай бальніцы на мяжы смерці¹⁰. Хадайніцтва аб вызваленні сястры на імя У. Леніна дасылае праз Палітычны Чырвоны Крыж Марыя Бадунова.

Урэшце аб'яднанне намаганняў дзяржаўных і грамадскіх структур, а таксама барацьба на мяжы жыцця і смерці самой зняволенай здолелі перамагчы тагачасную рэпрэсіўную машыну — у канцы жніўня 1921 г. П.Бадунова вяртаецца ў Мінск. Але ва ўмовах палітычнай ізаляцыі і пільнага чэкіскага нагляду яна не бачыла магчымасцей для дзейнасці. У пач. 1923г. яна нелегальна пераходзіць мяжу з Польшчай і праз пэўны час перабіраецца ў Прагу.

Выпрабаванні барацьбы, нястачы, разлад сярод паплечнікаў самым цяжкім чынам адбіліся на здароўі Бадуновай. Акрамя абвастрэння старых фізічных хвароб праяўляецца і псіхічнае расстройство. Стан здароўя стаў галоўнай прычынай вяртання яе на Беларусь пасля рэабілітацыі ўрадам БССР дзеячоў беларускага руху ў 1925 г.

Да 1930 г. П.Бадунова жыла ў Мінску на ўтрыманні сястры Марыі, яе бліжэйшай памочніцы і «ангела-храніцеля» з 1918 г. Здароўе аднаўлялася цяжка. Арышты па справе Саюза Вызвалення Беларусі абмінулі яе, можна меркаваць, менавіта па гэтай прычыне, хоць большасць паплечнікаў па БПСР былі арыштаваныя. Але сёстры з перасцярогі пакідаюць Мінск: Марыя накіроўваецца ў Маскву, а Палута — у родны Гомель да брата Аляксандра.

У Гомелі Бадунова вяла даволі непрыкметнае жыццё прыватнай асобы, вызначалася, аднак, неасцярожнымі выказваннямі і крытыкай савецкай палітыкі. Гэта і стала падставай для яе арышту 3 верасня 1937г.

3 лета таго году НКУС БССР распачаў буйнамаштабную аперацыю па выкрыццю «польскай, нямецкай і латвійскай агентуры». Толькі па катэгорыі польскай, пад якую падпадала і Бадунова, з 24.8.1937 па 1.1.1938 гг. было арыштавана больш 21 тыс. чалавек¹¹. Следчая справа Бадуновай на гэты раз — яскравае сведчанне трансфармацыі карнай практыкі ў СССР напрыканцы 30-х гг. Дакументы яе складаюцца усяго з 18 старонак, 8 з якіх складаюць ордэр на арышт, пратакол вобыску, пералік сканфіскаваных дакументаў і анкета арыштаванай. Пратакол першага і апошняга допыту, што адбыўся толькі праз два з паловай месяцы зняволення, заняў 3 старонкі, паказанні двух сведак — яшчэ па старонцы¹². Следчых цікавілі ў асноўным факты палітычнай дзейнасці Бадуновай перыяду 1919—1924 гг., і тым не менш абвінавачвае заключэнне фармулюе наступную выснову: «Пражываючы ў СССР пасля вяртання з Чэхаславакіі, праводзіла антысавецкую агітацыю, праяўляла тэндэнцыю зноў вярнуцца ў Чэхаславакію, злобна выказвалася ў адносінах ВКП(б) і Савецкага ураду». Прысуд Асобай Тройкі НКУС БССР — 10 год папраўча-працоўных лагераў¹³.

Але гэты прысуд не быў выкананы. Замест ГУЛАГу П.Бадунову этапіруюць у Мінск ва ўнутраную турму НКУС. Гэта было звязана з пераходам вышэйадзначанай нкусаўскай аперацыі да другога этапа — выкрыцця шырокага «аб'яднанага антысавецкага падполля ў Беларусі», што нібыта склалася яшчэ ў 1930—31 гг. з «правых, трацкістаў, нацыянал-фашыстаў, эсэраў, бундаўска-сіянісцкіх арганізацый і царкоўнікаў»¹⁴. Адносна Бадуновай без усялякай сувязі з папярэднім прысудам было «выкрыта», што па вяртанні з эміграцыі яна разам з былымі аднапартыйцамі Чарнушэвічам (сакратар ЦВК БССР) і Панкевічам (віцэ-прэзідэнт АН БССР) узначаліла падпольны ЦК БПСР. Ніякіх дакументальных альбо фактычных доказаў прадстаўлена не было. «Царыцай доказу» у тагачаснай юрыспрудэнцыі ўжо афіцыйна лічылася ўласнае прызнанне падследнага. Аб сродках здабывання гэтых прызнанняў на сёння вядома дастаткова. Тым больш, што справу Бадуновай вёў досыць вядомы «прафесійным майстэрствам» намеснік начальніка 4-га аддзела Упраўлення дзяржбяспекі НКУС БССР Кунцэвіч, які праз нэўны час падпаде пад «чыстку» карных органаў «за фабрыкацыю крымінальных спраў і выкарыстанне незаконных метадаў следства»¹⁵. Не здзіўляюць таму і паказанні П.Бадуновай: «...ЦК быў звязаны з замежнымі цэнтрамі эсэраў... Яго платформа: адрыў Беларусі ад СССР пад лозунгам стварэння БНР з урадам, які ўзначалілі б беларускія эсэры, беларускія нацыяналісты і палякі. Праводзіць барацьбу ў СССР

у здзяйсненні гэтай ідэі ўсімі мерамі на захоп улады, уключаючы інтэрвенцыю, шпіянаж і тэрор»¹⁶.

Зрэшты, справа П.Бадуновай з'яўляецца досыць тыповай у шэрагу тысяч сабе падобных. Пры гэтым, на наш погляд, яна ўтрымлівае некалькі адметных рыс для характарыстыкі стылю рэпрэсіўнай практыкі канца 30-х гг. Па-першае, яна сведчыць аб асобым цынізме тагачаснага карнага механізму. Можна з вялікай доляй упэўненасці сцвярджаць, што факт псіхічнага нездароўя Бадуновай, на які паказвалі сведкі М.Асвятцімскі і А.Бараноўскі, а таксама спрабаваў скарыстаць як аргумент у яе абарону брат Аляксандр, уяўляў для следчых асобую цікавасць і быў выкарыстаны.

Па-другое, ужо маючы смяротны прысуд, П.Бадунова прыцягвалася як сведка ў абвінавачванні сваіх паплечнікаў, ў т.л. і роднай сястры Марыі. Ці не было гэта плагай за адтэрміноўку прысуду? Менавіта паказанні на вочнай стаўцы сталі адзіным фармальным доказам віны сястры. Гэты прыём быў накіраваны на хуткі маральна-псіхалагічны злом «свежай падследнай» — Марыі.

Па-трэцяе, дата смяротнага прысуду Палуты — 25 мая і прывядзення яго ў выкананне амаль праз паўгода — 29 лістапада (што было парушэннем уведзенага з верасня 1937 парадку аб неадкладным выкананні смяротных прысудаў) пацвярджае версію аб стварэнні ў Мінску тайных ад НКУС СССР калоній зняволеных-смяротнікаў, да якіх было магчыма прымяняць неабмежаваныя метады следства, бо юрыдычна гэтых людзей ужо не існавала. Калоніі былі знішчаны з пачаткам расследаванняў «яжоўскіх злоўжыванняў», у т.л. і на Беларусі. Апошнія даты жыцця П.Бадуновай сведчаць аб яе магчымым знаходжанні ў адной з такіх калоній.

¹ Т. Процька. «Я з'яўляюся першай настаўніцай Менска па арганізацыі працы ў беларускіх школах». // Настаўніцкая газета. 1994. 23 сакавіка.

² НАРБ. Ф.4, воп.1. спр. 44, арк. 75.

³НАРБ. Ф.4, воп.1. спр. 118, арк. 28.

⁴ Там жа.

⁵ НАРБ. Ф.4. воп.1, спр.158, арк. 29.

⁶ Архіў Маскоўскага УУС. Ф.8419, адз.зах. 189, арк. 103, 103 адв.

⁷ Там сама.

⁸ БДА, ф.15, воп.1, адз. зах. 24, арк. 93, 93 адв.

⁹ Там сама, арк. 84—86.

¹⁰ Архіў Маскоўскага УУС, ф. 8419, адз. зах. 1189, арк.108.

¹¹ Платонаў Р., Сташкевіч М. Дзве аперацыі супраць «ворагаў народа» //

Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С.78.

¹² Архіў УКДБ па Гомельскай вобл. Спр.130/74.

¹³ Там сама. С.17.

¹⁴ Платонаў Р., Сташкевіч М. Дзве аперацыі.....// Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С.76.

¹⁵ Архіў КДБ РБ. Спр.8482.

¹⁶ Платонаў Р., Сташкевіч М. Дзве аперацыі...// Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С.76—78.

А.М. ЛИТВИН (*Минск, Беларусь*)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ НА БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война — это особое состояние общества, позволяющее более четко видеть все его противоречия и трудности. Ни для кого не секрет, что те политические репрессии, которые проводились в 20-е — 30-е годы советскими властями против населения БССР в определенной мере вызывались и трактовались ими как необходимые, исходя из опасности будущей войны. В сознании миллионов советских людей был искусственно создан и закреплён многоликий образ “врага народа”, “врага советской власти”, “контрреволюционера” и т.д. Первыми, и самыми “злейшими врагами народа” были т.н. “белорусские буржуазные националисты”, или “нацдемы”. Под это определение подходили **все белорусские силы**, которые в той или иной мере находились или потенциально могли находиться в оппозиции существовавшему в СССР строю. Поэтому борьба с ними велась всеми возможными способами как в предвоенные, так и в годы войны.

Необходимо отметить, что политические репрессии против белорусского народа в 20—30-е годы осуществлялись не только советской властью, но и карательными органами Польши. Польские власти вели борьбу как со сторонниками Советской власти, так и белорусским национальным движением.

В силу ряда причин рассматриваемая ныне нами проблема не получила, да по существу и не могла получить, должного научного освещения в отечественной историографии. Главная из них в том, что история репрессий, предпринятых партийно-государственным аппаратом в отношении миллионов советских граждан — **бывших военнопленных, угнанных в Германию мирных жителей, а также тех, кто в годы войны проживал на временно оккупированной территории, особенно, в отношении тех, кто в разной степени “сотрудничал” с оккупантами (по своей воле или по принуждению работал на фабриках**

А. Литвин. К вопросу о политических репрессиях на Беларуси...
и заводах, в оккупационных органах и учреждениях, частных предприятиях, служил в местной полиции, военных и военно-вспомогательных службах и т.д.), относилась к важнейшим государственным секретам.

Однако и сегодня, по истечении 50-летнего периода изучения, когда мы имеем возможность посмотреть на эту проблему несколько другими глазами, дистанцируясь не только от времени, но и от идеологических штампов и наслоений бывшей советской историографии, на пути её научного освещения существует множество трудностей, связанных как с известной щепетильностью темы, усугубляемой несовершенством бывшего советского законодательства, наличием в обществе устойчивых стереотипов, так и отсутствием достаточной документальной базы, мемуарных и других материалов. По существу любая попытка объективного освещения этого явления воспринимается определенной частью населения как попытка обеления, реабилитации, реанимации и т.д. бывших коллаборантов, пособников гитлеровцев.

В годы второй мировой войны политические репрессии против белорусского народа осуществлялись немецко-фашистскими оккупантами, карательными органами СССР, в том числе советским партизанским движением, польским Сопротивлением (в основном функционерами Армии Крайовой), литовскими и украинскими националистами.

Разумеется, в одном выступлении невозможно осветить все вопросы политических репрессий на Беларуси в годы второй мировой войны, поэтому мы хотели обратить внимание лишь на вопросы, связанные с репрессиями против тех лиц, которые до войны находились в оппозиции (разумеется это условное название, никакой официальной оппозиции в государстве “диктатуры пролетариата” быть не могло) существовавшему строю, а в годы войны, в той или иной степени сотрудничали с оккупантами.

Часть этой категории лиц, в основном проживавшие в Польше, Германии, Прибалтике, Чехословакии белорусские национальные деятели, в обстановке приближавшейся германо-советской (а ее неизбежность явственно ощущалась всеми белорусскими политическими силами в конце 30-х годов, что видно из белорусской печати, издаваемой за пределами БССР)¹, возлагали надежды на перемены, которые произойдут в мире в результате войны. Из статей, которые были опубликованы в конце 30-х годов в еженедельнике “Беларускі фронт”, других изданиях, видно, что в определенных кругах

белорусской политической эмиграции широко пропагандировались основы белорусской государственности и независимости. Эти же силы, подобно большевикам в годы первой мировой войны, надеялись, что в условиях войны они могут не только поставить, но и решить свои задачи, сделав ставку на фашистскую Германию.

Нетрудно видеть, что это был весьма опасный путь. Вот что писал один из лидеров Белорусской христианской демократии (БХДП) ксёндз В. Годлевский после захвата Германией Чехословакии: “Присматриваясь внимательно ко всем этим делам, необходимо еще раз отметить, что первая проблема, которая выдвигается на повестку дня в европейской политике, это проблема национальная. Ее взялись решать расистская Германия, не из-за принципа, а из тактики: пользуясь запутанностью национальных проблем, Германия думает расширить свое господство на восток. Необходимо признать, что запутанность национальных проблем, а также желание Германии распутать эти проблемы — делает из Германии большую и грозную силу в глазах Советов и др. Только распутает ли Германия эти проблемы? Мы боимся, что она может запутать их еще больше”.²

Тем не менее, зная, о чем писал Гитлер в библии нацизма “Майн Кампф”, они смотрели на Германию через призму своих впечатлений от германской оккупации 1918 года, надеясь повторить опыт Белорусской народной республики (БНР). **Как показали дальнейшие события, надежды эти были обречены на провал. В сложившейся ситуации борьба за белорусское национальное возрождение, белорусскую государственность, белорусскую национальную армию объективно смыкалась с фашизмом.** Тем самым борьба против фашизма превращалась, как это ни парадоксально, в борьбу против белорусской национальной идеи, против белорусской государственности и армии, а лучшей раскладки для Москвы, для существующей системы придумать было трудно. То есть, у системы были развязаны руки по части репрессий в отношении сотен тысяч, миллионов людей. Разбив войска Германии, эта система, как она считала, окончательно разбила, похоронила, заклемила “позором” различных “пособников гитлеровцев” — “украинских, белорусских, литовских, латвийских, эстонских, власовских и прочих “буржуазных националистов”.

Тем самым она как бы подвела юридическое основание как под “старые” политические репрессии беззакония и геноцид, тайно и открыто проводившиеся на протяжении 20—30-х годов, так и под

А. Литвин. К вопросу о политических репрессиях на Беларуси...
новые — военные и послевоенные. Мол, смотрите, “отец народов” был прав, предупреждая об империалистической угрозе, об обострении классовой борьбы, о вражеской агентуре. Молодцы “чеки-сты”, сажали за дело... Здесь сработало также правило: “победителя не судят”. А последний, в свою очередь, не замедлил дать свое видение, свою трактовку Победы, тем более, что существовавшая до войны система, вопреки многим ожиданиям и прогнозам, за годы войны ни-чуть не изменилась, а наоборот, получила международное признание, невероятно укрепился авторитет диктатора. Она не только сполна “рассчиталась” со своими врагами, но и создала необходимые “мифы”.

В годы второй мировой войны целые партии, движения, хозяйственные организации, средства информации и пропаганда ряда стран (Норвегия, Франция, Дания, Чехословакия и т.д.) стали сотрудничать с гитлеровцами. Это явление в 1953 г. получило название коллабо-рация, от французского слова “Collaboration” — сотрудничество.

За послевоенные годы в западных странах по проблеме коллаборационизма создана обширная историография, свидетельствующая о том, что с коллаборационизмом пришлось столкнуться практически всем странам, территории которых подверглись оккупации со стороны Германии и её союзников. Вместе с тем, она показывает сложности и противоречия феномена коллаборационизма.³ Исходя из этого, значительная часть зарубежных исследователей, уделяя основное внимание военным и политическим аспектам сотрудничества советского населения с германскими военными и гражданскими властями, видит в нём не коллаборационизм, а движение за освобождение, движение против сталинизма, против советской власти, за создание национальных буржуазно-демократических государств, национальное возрождение и т.п.⁴ На таких позициях стоят также бывшие участники этого движения, ряд современных исследователей в республиках Прибалтики, на Украине, Беларуси и т.д.⁵

В свою очередь, советская историография до начала 90-х годов этим термином не пользовалась. Перед ней стояла задача всячески скрыть, принизить факт существования в годы войны оппозиционного движения против сталинизма, показывая его как частные случаи, не имевшие широкого социального звучания.⁶ В ходу были общеупотребительные определения — “кучка предателей”, “пособников”, “изменников”, “буржуазных националистов”, “власовцев”, “бандеровцев” и т.д.⁷

С другой стороны, система с первых дней войны поставила под подозрение **всех, кто был на оккупированной территории**. Под подозрение попали все военнослужащие и гражданские лица, оказавшиеся даже на короткое время за линией фронта. В измене и предательстве подозревались бойцы и командиры, которые, рискуя жизнью, пробивались на соединение с частями Красной Армии. Все проходили фильтрацию, а затем к ним применялись соответствующие статьи УК РСФСР. Миллионы стали “сомнительными лицами”. Отметим, что во всех кадровых анкетах до 1992 г. стоял вопрос: “Были ли Вы или Ваши родственники на оккупированной территории?” Практически **все они**, и особенно те, кто был в плену, или был вывезен на работы в Германию и освобожден союзниками, все время существования системы находились на особом учете.

Давно замечено, чем больше появляется запретов, тем сильнее возникает желание узнать, в чем тут дело. Так было с Белым движением, так было и с рядом проблем второй мировой войны, в том числе с проблемой сотрудничества. Рано или поздно, но интерес к тем, кто в годы войны поднял оружие против своих, должен быть утолен. В годы перестройки и после 1992 года в бывших республиках СССР появилось множество различных публикаций как документов рассекреченных архивов, так и публикаций, в которых авторы стремятся сказать свое слово по этой проблеме.

Бросается в глаза противоречивый спектр этих взглядов — от традиционно отрицательных до попыток сделать всех героями, борцами со сталинизмом. Преобладают среди них пока т.н. **разоблачительные тенденции**, когда авторы, ведя разговор о проблемах коллаборации, всячески пытаются уйти от ответа на главные вопросы, которые вызвали в таких масштабах это явление.⁸

Следует отметить, что в соответствии с международным правом допускается работа в оккупационных органах и структурах, если она не направлена против своего народа. Отличают добровольный и принудительный труд во время оккупации. Главный показатель коллаборации — это идеологическое единство, или общность групп, слоев, партий, отдельных граждан с национал - фашизмом.

Коллаборанты — местные национал - фашисты. Синонимом этого понятия служат “квислинговец”, “петэновец”, “власовец”, “бандеровец”.

Можно выделить три основных составляющих коллаборации на Беларуси:

1. Те белорусские силы, которые находились в оппозиции к большевизму (существовали на территории Беларуси, Польши, Германии, Прибалтики и других стран) и сделавшие ставку на гитлеровскую Германию, надеясь с ее помощью создать белорусское национальное государство. На правом фланге этих сил находилась немногочисленная Белорусская Национал - социалистическая партия (национал-фашисты) во главе с Ф. Акинчицем и В. Козловским. Она действовала с начала 30-х годов, имела свой печатный орган “Новый шлях”. Бело-русские фашисты не были популярны в народе, однако с первых дней оккупации они оказались наиболее рьяными проводниками фашист-ской идеологии и главным инструментариумом в проведении немецкой оккупационной политики.

Главным рупором этих сил являлась издаваемая с помощью немцев белорусско-язычная пресса — газета “Раніца”, “Менская газета” (“Беларуская газета”), журнал “Новы шлях” и др.

2. Те, кто до войны жил на территории БССР и, поверив немецкой пропаганде, сознательно пошел к ним на службу, преследуя различные цели.

3. Третья группа — это люди, которые обстоятельствами судьбы оказались в одной связке с первой и второй группами, либо оказались в рядах коллаборантов под принуждением. Стержнем коллаборации являлась первая группа. Хотя и она, невзирая на ее откровенный профашистский характер, не являлась единой.

По характеру деятельности коллаборацию условно можно разделить на три основные группы: политическую, военную и экономическую (хозяйственную). Некоторые исследователи выделяют также и культурную.

К политической относят всех, кто сотрудничал с нацистами в политической области. Уже в первые дни оккупации в Литве, Латвии и Эстонии была возобновлена структура государственной администрации, существовавшей перед установлением советской власти летом 1940 г. При поддержке Абвера в конце июня 1941 г. в Каунасе было сформировано так называемое временное правительство Литвы во главе с Юазисом Амбражевичюсом. Усилия в этом направлении начались также в Эстонии и Латвии, однако до создания правительств не дошло.

Националистические группы в Прибалтике шли на сотрудничество с немцами, преследуя при этом свои собственные политические цели, т.е. восстановление зависимых от Германии буржуазных государств

Литвы, Латвии и Эстонии. Созданный ими административный аппарат стал, однако, отличной опорой оккупационного режима. На Украине такую же попытку предприняла Организация Украинских националистов (ОУН), которая 30 июня 1941 г. во Львове объявила о создании “Украинского самостоятельного соборного государства” и создала правительство. Однако гитлеровцы в начале июля аннулировали этот акт, а в сентябре 1941 г. произвели массовые аресты и расстрелы оуновцев.

Определенные попытки по созданию белорусской государственности под протекторатом Германии предпринимались и в Беларуси. Инициаторами их являлись белорусские фашисты и ряд оппозиционно настроенных к советской власти белорусских национальных деятелей. Однако они не получили своего развития в силу того, что большинство местных советских специалистов были мобилизованы в Красную Армию, или эвакуированы, а те, кто остались, относились к сотрудничеству с оккупантами неохотно или враждебно. С трудом шло создание местной администрации и в Западной Беларуси, где немцы опирались в основном на довоенных польских служащих, что явилось поводом впоследствии для белорусско-польских конфликтов. К тому же, 14 июля 1941 г. Г. Розенберг запретил “признание” правительств литовского, латышского и белорусского”.⁹ Позднее гитлеровцы разрешили в Литве и Латвии институт генеральных советников, а в Эстонии краевых директоров, что дало возможность существования в Прибалтике двойной системы оккупационной администрации центрального звена. В Беларуси ситуация складывалась несколько иначе, на что влияли как условия с кадрами, так и особенности края, личные амбиции наместника Гитлера на Беларуси, генерального комиссара гауляйтера В. Кубе и др. Последний сделал ставку на активизацию сил белорусского национализма, надеясь держать их под своим контролем.

Под патронажем В. Кубе действовала созданная в октябре 1941 г. массовая организация Белорусская Народная Самопомощь (БНС), объединявшая сторонников создания белорусской государственности в рамках создаваемой фашистской пропагандой “Новой Европы”, деятельность которой строго регламентировалась и ограничивалась узкими функциями культурно-просветительской работы, охраны здоровья и социальной защиты.

БНС в свою очередь безуспешно пыталась получить административные и политические функции, создав белорусскую самооборону (БСА).

Под влиянием событий на фронтах, развития мощного партизанского движения, преемник В. Кубе на посту генерального комиссара генерального комиссариата Беларуси генерал-лейтенант полиции Курт фон Готтберг разрешил создание Белорусской Центральной Рады (БЦР) — вспомогательного совещательного органа белорусской краевой администрации во главе с профессором Р. Островским. Согласно объявленного статуса БЦР являлась представительством белорусского народа, а ее основным заданием должна была быть борьба с большевизмом. Даже с точки зрения формальной БЦР ни в коей мере не являлась самостоятельным органом. Тем не менее БЦР рекламировала себя как орган народа. Весной 1944 г. БЦР провела мобилизацию в Белорусскую Краевую Оборону (БКО), которую она объявила белорусским войском.

По замыслу К. Готтберга БКО должна была насчитывать около 10 тысяч человек и вместе с бригадой Б. Каминского, Казачьим Станом атамана С. Павлова, рядом восточных и белорусских батальонов составить 20-тысячное антипартизанское соединение (*Kampfgruppe von Gottberg*). Амбиции БЦР, в стремлении создать национальное войско, были гораздо большие, о чем свидетельствует факт, что на основании приказа о мобилизации от 10 марта 1944 г. на призывные комиссии явилось около 40 тыс. мужчин. Однако это не обрадовало Готтберга, так как возникла угроза функционированию хозяйственных органов. Поэтому, по рекламациях окружных комиссаров примерно половина мобилизованных была отправлена домой. Тем не менее, в конце марта 1944 г. в рядах БКО находилось около 25 тыс. человек. Из них к середине апреля было сформировано 39 батальонов пехоты и 6 батальонов саперов.¹⁰

Отметим, что мобилизация в БКО была проведена с разрешения Гитлера в принудительном порядке, что определенно в сознании населения воспринималось как освобождение мобилизованных от ответственности за последствия этой службы (в 1939 году была мобилизация в польскую армию, в 1940—1941 гг. — в Красную, а теперь в БКО). Тем не менее, многие из тех, кто получил повестки, сразу ушли в лес. В этом случае их семьям грозили репрессии со стороны немцев. Часть населения шла в БКО сознательно, полагая, что будет служить в белорусском войске при немцах, как до этого служили в польском при поляках, или советской армии при большевиках. В данном случае их семьи подвергались опасности репрессий со стороны партизан и советской власти.

Трэтыя шлі, чтобы получить оружие и уйти в партизаны. Только незначительная часть батальонов БКО принимала участие в боях против партизан и Красной Армии. До настоящего времени над всеми, кто был в БКО, висит печать врагов народа.

Летом 1943 г. гитлеровцы разрешили белорусскими националистами создать молодежную организацию — Союз Белорусской Молодежи (СБМ). Через эту организацию, а ее членами могли быть юноши и девушки от 10 до 20 лет, прошло более 100 тыс. человек.¹¹

К политическим коллаборантам, согласно советского законодательства, можно отнести также членов различных культурно-просветительных и профессиональных организаций — Белорусское научно-культурное товарищество, Белорусские профсоюзы и т.д., членов местного административного уровня (волости, районные и городские управы), работники судебных органов, учреждений пропаганды и агитации (газеты, радио), издательств и т.д. — все они впоследствии привлекались по соответствующим статьям советского законодательства.

Названная нами выше БКО, а также Белорусская Самооборона (БСО), местные полицейские и охранные батальоны (шутцманшафт), т.н. “восточные”, “кавказские” — роты, батальоны, полки, бригады, вспомогательные служащие немецких военных, строительных и других частей, вооруженные и невооруженные — “хиви”, сотрудники немецкой службы безопасности (СД) и секретной полевой полиции (ГФП) — словом те, кто носил оружие или числился в немецких военных и полицейских формированиях — **составляют военную коллаборацию**. Это наиболее большая по численности различных участников группа.

Наиболее трудной для изучения является третья группа — **экономическая или хозяйственная коллаборация**: руководство и служащие хозяйственных органов и организаций, функционировавших в годы войны, напрямую или косвенно работавшие на оккупантов. Сюда относятся также различные частные и кооперативные предприятия, созданные в годы войны с разрешения местных властей и т.д., руководство колхозов, сельскохозяйственных общин, банков, лесничеств и т.п.

Очень сложным является вопрос о количестве коллаборантов, предателей. Здесь необходимо принять во внимание ряд данных — данные оккупантов, движения сопротивления, данные военных и послевоенных судебных и внесудебных органов, данные исследователей.

Действительное число будет где-то посередине. Известно, что

антифашистское подполье, разведка партизан, разведка Главного разведуправления генштаба РККА (ГРУ ГШ), органов госбезопасности, органы СМЕРШа и других вели учет лиц, сотрудничавших с фашистами, агентов СД, конфидантов полиции и Абвера. В эти списки попадали и те, кто работал там по заданию подполья или по линии советской разведки. По нашим подсчетам, общее количество человек, причастных к коллаборации на территории Беларуси с учетом восточных и кавказских батальонов, полиции порядка и полицейских (украинских, литовских, белорусских и т.д.) батальонов, формирований БСО и БКО, составляет более 130 тыс. человек. По данным Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), за годы войны более 19 тыс. бывших полицейских, солдат “восточных” батальонов стали бойцами партизанских формирований Беларуси. Около полутора тысяч из них погибли в боях. Следует отметить, что эта категория людей до последнего времени не пользуется льготами, предусмотренными для партизан и подпольщиков. Им выдавалась справка об участии в партизанском движении с указанием, что такой-то прибыл из полиции или вражеского воинского формирования.

По данным того же БШПД за годы войны партизанами Беларуси убито, ранено и взято в плен около 60 тысяч полицейских, солдат “восточных” и других батальонов.¹² В числе 378 тыс. вывезенных на работу в Германию и около 80 тысяч эвакуированных беженцев было более 10 тыс. членов СБМ, свыше 20 тыс. бывших полицейских, солдат БКО, вспомогательных служащих немецких воинских частей.

В годы войны и после ее завершения в судебном порядке в измене Родине, сотрудничестве, пособничестве оккупантам были обвинены сотни тысяч человек. По мере освобождения территории Беларуси включался в работу репрессивный аппарат. На первом этапе работали внесудебные органы — тройки, состоявшие из представителей НКВД, НКГБ и “Смерш”, Особое совещание при НКВД. Они выносили приговоры о смертной казни, каторжных работах, длительных сроках заключения в тюрьме или лагерях Гулага, в отношении наиболее активных участников и руководителей. В отношении рядовых участников применялось направление в административном порядке на спецпоселение сроком на шесть лет, направление на принудительные работы в наркомат угольной промышленности. Все вернувшиеся из Германии проходили проверку на проверочно-фильтрационных и сборно-пересыльных пунктах, в запасных частях, что также являлось формой репрессий против населения. Направляемые на проверку и

фльтрацію садержалісь в зоне за колючей проволокой, они не имели права свободного передвижения, переписки с родными. Им, как и заключенным, планировалась определенная выработка, а значительная часть заработка изымалась в доход государства. Записи “Подвергался воздействию фашистской пропаганды” порою было достаточно для изоляции человека от общества.

Сколько было репрессировано судебными и внесудебными органами, сколько было уничтожено партизанами, подпольщиками, спецслужбами КГБ на оккупированной территории, самими немцами, сколько их оказалось за пределами Беларуси — все эти вопросы еще ждут своего исследователя.

По данным белорусского исследователя В.И. Адамушко в период с 1941 по 1945 год на Беларуси по политическим мотивам было репрессировано 55 тыс. человек, в период 1946—1953 гг. было репрессировано еще 50 тыс. человек. Среди них были лица с самыми различными обвинениями: измена, предательство, служба в немецкой полиции, военных формированиях, СД, ГФП, в немецких административно-хозяйственных органах, дезертирство, уклонение от призыва, саботаж, невыполнение планов госпоставок и т.д.¹³

Разумеется, многие из настоящих коллаборантов оказались за пределами Беларуси и ушли от наказания советского правосудия. Не вызывает сомнения и то, что среди 105 тыс. репрессированных имеется определенная часть людей, которые были осуждены необоснованно. В.И. Адамушко сделал компьютерный анализ 7 тыс. карточек на осужденных граждан — жителей г. Минска и Минской области, которые были реабилитированы в 1955—1993 гг. Из них только 483 человека, которые были осуждены в 1941—1945 гг. В республике реабилитировано 30% от общего количества репрессированных 30—50-х годов. Но и здесь имеется ряд трудностей. Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов”¹⁴ были отменены несудовые решения, вынесенные в период 30—40-х и начала 50-х годов “тройками” НКВД - УНКВД, комиссиями ОГПУ и “особыми совещаниями” НКВД - МГБ - МВД СССР. Все граждане, которые были репрессированы решениями этих органов, считались реабилитированными. Однако это правило не распространяется на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников национальных бандитских

формирований и их помощников.

Таким образом, вопрос остается открытым. Среди “изменников” остается много тех, кто принимал участие в подполье и партизанском движении. В качестве примера можно привести факт, что более 120 минских подпольщиков были репрессированы советскими органами. Причем многие из них прошли перед этим через тюремные застенки Минска, Освенцима, Бухенвальда и др.

Осенью 1942 г. за линию фронта вышла партизанская бригада Н.М. Никитина, в составе которой было много минских подпольщиков. Весь ее состав прошел спецпроверку и фильтрацию, командование бригады и многие бойцы были осуждены, или направлены в штрафные батальоны. Еще более незавидной была судьба легендарного партизанского вожака, бывшего командира Кличевского военно-оперативного центра полковника В.И. Нечипоровича, который был вызван Г.К. Жуковым в конце 1942 г. в штаб Западного фронта, получил назначение командовать корпусом, но затем был арестован органами НКВД и погиб через два года в Минской тюрьме. Подобные примеры можно продолжить.

На наш взгляд, уже давно назрела необходимость тщательного рассмотрения репрессий, которым были подвергнуты жители Беларуси, бывшие военнопленные и репатрианты, те, кто проживал и работал на оккупированной территории. В России в этом направлении проделана значительная работа. По итогам деятельности созданной при Президенте РФ Комиссии, возглавляемой А.Н. Яковлевым, 24 января 1995 г. был издан президентский Указ “О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период”.

Такая же работа должна быть проведена и в Беларуси. Ибо и здесь, как и в целом по стране, в отношении репатриантов, бывших военнопленных, “окруженцев”, определенной части местного населения в 40—50-е годы проводились массовые политические репрессии, которые противоречат основным гражданским правам.

Система полностью использовала фактор коллаборации для широкой борьбы с проявлениями национального самосознания, подавления национальной идеи и стремления к национально - государственной самостоятельности.

¹ См. еженедельник “Беларускі фронт” за 1938, 1939 гг. Вільня.

² Спадчына, 1993, №3, с. 68—69.

³ Azema J.P. La collaboration, 1940—1944. Paris, 1975; Виллер Ж. Странная война и предательство Виши. М., 1962; Греньё Ф. Герои Шатобриана. М., 1960; L. Littlejohn. The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe 1940—1945. L., 1972; Madajczyk Cz. Faszyzm i okupacje 1938—1945. Т. II. Poznań, 1984 и др.

⁴ Hoffman J. Die Gesshichte der Wlasow-Armee. Freiburg, 1986; Hoffman J. Deutsche und Kalmyken 1942—1945. Freiburg, 1974; Hoffman J. Die Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1981; Hoffman J. Kaukasien 1942/1943: Das Deutsche Heer und Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg, 1991; Frolich S. Вініцкі. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939—1951 гадах. Мінск, 1995; Другі ўсебеларускі кангрэс: Матэрыялы працэдуальных запісаў камісіяй Беларускай Цэнтральнай Рады пад рэдакцыяй праф. Р. Астроўскага. Мюнхен, 1954; Язэп Малецкі. Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976; Калубовіч А. Крокі гісторыі: Даследаванні, артыкулы, успаміны. Беласток - Вільня - Менск, 1993 и др.

⁶ Так, в изданном Институтом истории партии при ЦК КП Белоруссии в 1983—1985 гг. фундаментальном трехтомном труде “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны” практически нет упоминаний о деятельности местной полиции, литовских, эстонских, латышских, украинских, остмусульманских батальонов, казачьих и сформированной Русской освободительной армии (РОА).

⁷ Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. 2 изд., док. М., 1979; Буржуазные националисты на службе фашистских захватчиков // Война в тылу врага. Вып. 1. М., 1974; Белорусские националисты — злейшие враги белорусского народа // Цанавя Л.С. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Ч. II. Минск, 1951. С. 642—852; Раманоўскі В.Ф. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мн., 1964; Бажко А. Татальнае банкруцтва. Мн., 1982 и др.

⁸ См. публикации в “Военно-историческом журнале” за 1985—1995 гг., особенно публикации Л. Решина, В.С. Степанова, А.Ф. Катусевича, В.Г. Оппокова и др., а также С. Кудряшова (Свободная мысль, 1994, № 14), П.А. Пальчикова (Новая и новейшая история, 1993, № 2), Н.М. Романичева (Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995), К.М. Александрова (Новый часовой, 1995, № 3), А.М. Литвина (Неман, 1994, № 4; 1995, № 5) и др.

⁹ E. Turonek. Status Bialorusi w komisariacie Rzeszy Ostland // Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej. 1984. Т. XX. S. 176.

¹⁰ Туронок Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., 1993. С. 180—181.

¹¹ Там же. С. 186.

¹² Национальный архив Республики Беларусь, ф. 3500, оп. 3, д. 113, л. 32; В.

Л.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі

Гуленко. Автоинтервью, или война в тылу врага // Родник, 1991, №4, с.4.

¹³ Всего за пределы Беларуси (с восточной и западной частей) в 1939—1941 и послевоенные годы было выселено в административном порядке 87729 человек. См. Адамушко В.И. Палітычныя рэпрэсіі 20—50-х гадоў на Беларусі. Мн., 1994. С. 10.

¹⁴ Сборник нормативных документов по восстановлению прав граждан, пострадавших в ходе политических репрессий 20—50-х годов. Мн., 1991. С. 17—19, 28—40.

Л.ЛЫЧ (*Мінск, Беларусь*)

МАСАВЫЯ РЭПРЭСІІ 30-Х ГАДОЎ У ЛЁСЕ НАЦМЕНШАСЦЯЎ БЕЛАРУСІ

У час дзікага разгулу сталінскіх рэпрэсій на Беларусі галоўны ўдар накіроўваўся супроць элітарнага ядра інтэлігенцыі яе карэннай нацыянальнасці. Гэта быў зусім лагічны, заканамерны працяг той барацьбы, якая яшчэ ў канцы 20-х — пачатку 30-х гадоў вялася ў нас з г.зв. нацыянал-дэмакратызмам. У выніку яе актыўныя дзеячы на ніве Адраджэння апынуліся па-за межамі роднай Беларусі, пазбавіліся сваіх даволі прэстыжных і ўплывовых пасадак, не мелі магчымасці браць актыўнага ўдзелу ў нацыянальна-культурным руху. Гэта адна з прычын, што ўжо да сярэдзіны 30-х гадоў палітыка беларусізацыі практычна цалкам вычарпала сябе і сышла з гістарычнай сцэны. Моўная сітуацыя ў краі, у якой такую вялікую ролю адыгрываў беларускі фактар, цяпер пры актыўным удзеле партыйных і савецкіх органаў пачала выразна мяняцца на карысць рускай мовы. Супрабстаяць гэтаму ні палітыкі, ні прадстаўнікі інтэлігенцыі беларускага накірунку не адважваліся з-за вялікай верагоднасці панесці суровае пакаранне. Яшчэ больш інертна, пасіўна паводзілі сябе гэтыя асобы ў нацыянальна-культурным жыцці на пярэдадні і ў самы пік масавых рэпрэсій, якія на доўгія гады паклалаі канец светламу, як летні сонечны дзень, беларускаму Адраджэнню. Цяпер ужо не меў аніякага працягу даволі магутны і масавы рух за вяртанне беларускаму народу яго сапраўднай гісторыі, стварэнне ўмоваў, каб жыць у поўнай адпаведнасці са сваімі культурна-моўнымі традыцыямі, за што заўзята і ўпарта змагаліся шчырыя адраджэнцы нават у час панавання ў нашым краі антынародных самадзяржаўных парадкаў, кайзераўскіх войскаў і польскіх інтэрвентаў, задыхаўся ў пераадоленні эканамічнай разрухі. Беларуская ідэя захлынула, не паспеўшы як след праявіць сябе. Прыярытэт пачалі аддаваць уяўным сацыялістычным каштоўнасцям, у аснову якіх быў пакладзены прынцып інтэрнацыяналізму ў бальшавіцкім разуменні гэтага слова.

Адкрытае грэбаванне прынцыпамі гуманізму ў міжнацыянальных адносінах не мог не звакрануць інтарэсаў усіх этнічных груп Беларусі. Ім, за выключэннем мо толькі рускай нацменшасці, не даравалася занадта вялікая, як лічылася, прыхільнасць да сваёй уласнай гістарычнай і духоўнай спадчыны, імкненне да развіцця роднай культуры і мовы. Не заахвочваліся, а, наадварот, нават траплялі ў няміласць і тыя з прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў, хто пажадаў — а іх было ў той час нямала — прысвяціць свае веды і талент адданаму, шчыраму служэнню беларускай справе. Шмат каго з іх, як толькі пачалося цкаванне «нацдэмакратаў», зашугала полымя масавых рэпрэсій, залічылі ў лагер беларускіх нацыяналістаў і расправіліся як з закліатымі ворагамі савецкага народа.

З усіх нацыянальных меншасцяў Беларусі найбольшую страту ў асяроддзі інтэлігенцыі панеслі яўрэі. Не вырuchyла і тое, што шмат іх працавала на высокіх пасадах у партыйных і савецкіх органах, рэспубліканскім апарате НКУСа, у пракуратуры і судах. Менавіта ні хто іншы, як асобы яўрэйскай нацыянальнасці, узначальвалі НКУС БССР у перыяд яго самай актыўнай дзейнасці па вынішчэнню «ворагаў народа». Стаць як-небудзь у абарону сваіх супляменнікаў такім кіраўнікам не выпадала з-за іх вялікай адданасці бальшавіцкай ідэі, якая абавязвала ўсіх і кожнага з нкусаўцаў, а тым больш службоўцаў высокага рангу, сурова і бязлітасна караць тых, хто замахваўся на сацыялістычную, бальшавіцкую ідэю.

Надта ўжо шчырым прыхільнікам гэтай ідэі імкнуўся паказаць сябе Барыс Берман, які быў накіраваны з Масквы на пасаду наркома ўнутраных спраў БССР неўзабаве пасля сумнавядомага лютаўска-сакавіцкага (1937) пленума ЦК УсеКП(б). Ён, як і спадзяваліся ў Маскоўскім Крамлі, бездакорна, у самы сціслы тэрмін, выканаў ускладзеную на яго бальшавіцкай партыяй місію. Пад кіраўніцтвам гэтага заўзятага ката замучана і расстраляна ці прысуджана да іншых строгіх мераў пакарання каля 100 тыс. чалавек, сярод якіх вялікі працэнт падаў на самых вядомых у рэспубліцы палітычных, культурных дзеячоў і навукоўцаў, такіх як: старшыня ЦВК БССР Аляксандр Чарвякоў, Міхаіл Стакун, старшыні СНК БССР Мікалай Галадзед і Даніла Валковіч, першы сакратар ЦК КП(б)Б Васіль Шаранговіч (адзіны з беларусаў сярод тых, што выбраўся на такую пасаду на працягу ўсяго міжваеннага перыяду), камандуючы войскамі Беларускай ваеннай акругі Еранім Убарэвіч і інш.

Л.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі

Як і ўсе сваі папярэднікі, Б. Берман не меў літасці да асобаў, у жылах якіх цякла такая ж, як і ў яго, яўрэйская кроў. Прычым, як і ў дачыненні да беларускага народа, у ахвяру прыносіліся самыя вядомыя ў навуцы і культуры, грамадскім жыцці людзі. У выніку ў спісу ахвяр масавых рэпрэсій з ліку навукоўцаў і творчай інтэлігенцыі яўрэйскай нацыянальнасці знаходзім члена-карэспандэнта АН БССР Якава Бранштэйна, акадэміка АН БССР Цэлясціна Бурстына, старшага навуковага супрацоўніка Інстытута філасофіі і права АН БССР, прафесара Рувіма Выдру, выкладчыка Мінскага вышэйшага педагагічнага інстытута Уладзіміра Гесена, навуковага супрацоўніка яўрэйскага сектара АН БССР, пісьменніка, перкладчыка на яўрэйскую мову твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа Майсея Кульбаку, намесніка дырэктара Інстытута глебазнаўства і ўгнаенняў АН БССР Элізарыя Магорама, загадчыка яўрэйскага аддзела АН БССР Менахіма Агульніка, члена прэзідыума АН БССР, загадчыка аддзела падрыхтоўкі кадраў АН БССР, рэдактара яўрэйскай газеты «Октобэр» Іллю Ашаровіча, старшага навуковага супрацоўніка Інстытута эканомікі АН БССР Іосіфа Равуна, намесніка дырэктара Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б, прафесара Майсея Поташа, паэта, члена-карэспандэнта АН БССР Ісаака (Ізю) Харыка, старшыню Савета па вывучэнню прадукцыйных сіл БССР, кіраўніка сектара хімічнай тэхналогіі Інстытута хіміі АН БССР, доктара хімічных навук, прафесара, члена-карэспандэнта АН БССР Барыса Шпэцэра, намесніка наркома асветы БССР, рэдактара газет «Октобэр» і «Літаратура і мастацтва» (самы першы ў яе гісторыі), кіраўніка яўрэйскай секцыі Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР Хацкеля Дунца, дырэктара Дзяржаўнага яўрэйскага тэатра БССР Міхаіла Рафальскага і г.д.

Былі ахвяры і сярод рускай нацыянальнай нацменшасці Беларусі, але іх прадстаўнікоў, у адрозненне ад яўрэяў, абвінавачвалі не за перабольшванне ролі, прапаганду ўласнага нацыяналізма, а за тое, што актыўна падтрымлівалі беларускі ідэал, зусім заканамернае імкненне яе карэннага насельніцтва да нацыянальна-культурнага ажраджэння. Заўважу, што на такіх перадавых пазіцыях менш за ўсё стаяла прадстаўнікоў рускай нацменшасці, якія здаўна жылі ці мо нарадзіліся на Беларусі. Далёкімі ад нацыянальных інтарэсаў апошняй звычайна былі і тыя, каго сюды для заняцця высокіх з адказных партыйных і дзяржаўных пасадаў прыслала Масква. Жылі ж і самааданна працавалі на беларускую ідэю пераважна тыя, хто сам выбраў наш край месцам сваёй прафесійнай навуковай і культурнай дзейнасці.

Плённа працаваў аж да самага арышту на ніве беларускага Адраджэння рускі прафесар Іван Замоцін. Да прыезду на Беларусь у 1922 г. ён знаходзіўся на пасадзе прафесара кафедры рускай літаратуры Данскога універсітэта ў Растове-на-Доне. З дазволу Аджзела педагагічнай адукацыі РСФСР пераязджае ў Мінск і становіцца прафесарам заснаванага ў 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Акрамя даследаванняў розных пытанняў з рускага літаратуразнаўства у яго адразу ж сфармавалася жаданне да вывучэння беларускага прыгожага пісьменства. Не пакідаючы педагагічнай дзейнасці, у 1925 г. уладкоўваецца ў Інстытут беларускай культуры і актыўна ўключаецца ў ажыццяўленне самых актуальных праблем. А іх было нямала ў сувязі з палітыкай беларусізацыі. У снежні 1928 г. Іван Замоцін абіраецца акадэмікам Беларускай акадэміі навук, з красавіка 1934 г. узначальвае акадэмічны Інстытут літаратуры і мастацтва. Роўна праз сем гадоў яго такую паспяховую на Беларусі кар’еру навукоўца перапыняюць рэпрэсіўныя органы: пасля арышту і працяглых допытаў высылаюць у лагер, а затым дазваляюць пасяліцца ў горадзе Горкі, дзе ў 1942 г. і напаткала яго смерць на 68-м годзе жыцця.

З вялікай карысцю і жаданнем працаваў на беларускую нацыянальна-адраджэнскую ідэю ўраджэнец Масквы Мікалай Шчакаціхін, які з 1922 г. звязаў сваё творчае жыццё з Мінскам. Адметны след пакінуў ён на выкладчыцкай працы ў БДУ, даследчыцкай — у Інбелкульце і Беларускай акадэміі навук. Яго найбольш вядомыя творы: «Васіль Вашчанка — магілёўскі гравёр канца XVII — пачатку XVIII ст.», «Матэрыялы да гісторыі беларускага малярства XVIII ст.» у зб. «Віцебшчына», «Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны», «Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва». У гэтых творах выкладзена праўдзівая гісторыя самабытнага беларускага мастацтва, у якіх і сёння знаходзяць патрэбныя для сябе матэрыялы спецыялісты дадзенай галіны. М. Шчакаціхін выкарыстаў толькі нязначную частку свайго творчага патэнцыялу дзеля напісання капітальных прац па беларускім мастацтве. Перашкодзіла распачатая ідэалагічнымі службамі ЦК КП(б)Б барацьба з беларускімі «нацдэмамі». У лік іх беспадстаўна занеслі і гэтага рускага вучонага. Улетку 1930 г. яго нядоўга арыштоўваюць і высылаюць за межы Беларусі. Там М. Шчакаціхін вымушаны быў займацца зусім іншымі справамі, праўда, нядоўга, толькі да красавіка 1940 г. Пражыць яму давялося ўсяго 44 гады.

З ярлыком «беларускага нацыяналіста» трапіў пад арышт

Л.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі
таленавіты рускі вучоны, ураджэнец Саратаўскай губерні Якаў Афанасьёў. З Беларуссю ён звязаў сваё жыццё ў 1921 г., калі ўладкаваўся па працу прафесара і загадчыка кафедры Горацкага сельскагаспадарчага інстытута. Праз дзесяць гадоў быў абраны акадэмікам БАН і стаў кіраўніком Беларускага навукова-даследчага інстытута глебазнаўства і аграхіміі ў Мінску. Глыбокія тэарэтычныя веды дапамаглі яму правесці грунтоўныя даследаванні глебаў Беларусі, скласці першую глебавую карту яе. Да сярэдзіны 30-х гадоў ён паспеў выдаць у Мінску кнігі: «Глебавыя раёны БССР», «Як павысіць ураджайнасць на глебах БССР», «Аб мерах барацьбы са збытковай вільгацю і недахопам аэрацыі ў глебах БССР у сувязі з іх рэльефам і тыпам». Затое нічога вартага не ўдалося вучонаму зрабіць у больш познія гады, адзначаныя масавымі ганеннямі савецкага дыктатарскага рэжыму на творчую інтэлігенцыю. Не абмінулі яны і Якава Афанасьева: без усялякіх доказаў ён быў абвіначаны ў прыналежнасці да надуманай нацыяналістычнай контррэвалюцыйнай і тэрарыстычнай фашысцкай арганізацыі, у правядзенні варожай дзейнасці ў навукова-выкладчыцкай працы і ў жніўні 1937 г. засуджаны да расстрэлу з канфіскацыяй маёмасці.

Лік рускіх вучоных і прадстаўнікоў творчай інтэлігенцыі, якім не ўдалося ўхіліцца ад жорсткай і нясправедлівай кары савецкай Феміды, будзе няпоўным, калі не назваць яшчэ прафесара славістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, супрацоўніка Інбелкульта і Беларускай акадэміі навук, аднаго з першых яе правадзейных членаў Мікалая Дурнаво (нарадзіўся ў 1876 г. у Маскве), дырэктара Інстытута хіміі БАН (1933—1938) Мікалая Казлова, загадчыка лабараторыі калоіднай хіміі Інстытута хіміі АН БССР, прафесара Васіля Нікіфарова і шэрагу іншых вядомых дзеячаў навукі і культуры, якія пакінулі адметны след у навуцы нашай краіны.

Масавыя рэпрэсіі прывялі ледзь не да поўнага вымірання на Беларусі польскага нацыянальнага жыцця, прынамсі на яго прафесійных, афіцыйных дзялянках. А зусім жа нядаўна, падчас беларусізацыі, яно ўяўлялася даволі прыстойным. Гэтая нацыянальная меншасць карысталася неблагімі магчымасцямі для стварэння навучальных устаноў на роднай мове, арганізацыі сваіх тэатраў, народных дамоў, хатаў-чытальняў. Развівалася і польская навука, пераважна гуманітарнага профілю. Спачатку пра гэта клапаціўся створаны ў 1925 г. у складзе Інбелкульта польскі аддзел (сектар), затым (з 1931 г.) Інстытут польскай пралетарскай культуры (ППК) Беларускай акадэміі навук.

Своеасаблівым сведчаннем прызнання важнасці польскага фактару на Беларусі можна лічыць правядзенне 11 ліпеня 1933 г. (гэта дзень вызвалення Мінска ад белапалякаў у 1920 г.) у Мінску Усесаюзнага з'езда навуковых работнікаў па лініі польскай працы. Аднак плённай дзейнасці гэтага Інстытута ўвесь час перашкаджала няспынная барацьба з польскім шпіянажам, маштабы якога празмерна перабольшваліся. Часта ў ім абвінавачвалі і тых, хто ніякага дачынення не меў да яго. У такую няміласць трапіў ў 1933 г. і сам дырэктар ІППК Іван Віткоўскі. Пасля трохгадовага знаходжання ў сібірскай ссылцы і непрацяглай працы выкладчыка лацінскай мовы ў г. Баравічы Ленінградскай вобласці яму ўчыняюць дадатковае расследаванне, беспадстаўна абвінавачваюць у прыналежнасці да «Польскай вайсковай арганізацыі», этапуюць у Мінск і прысуджаюць да расстрэлу. Каб менш мець клопатаў з Інстытутам польскай пралетарскай культуры, гэтую ўстанову з 1935 г. уключаюць у якасці польскай секцыі ў склад Інстытута пралетарскай культуры нацыянальных меншасцяў БАН. Яшчэ да пачатку масавых рэпрэсій, а галоўным чынам падчас іх і трохі пазней, пачалі ў масавым парадку зачыняцца польскія агульнаадукацыйныя школы, спыніліся заняткі ў Польскім педагагічным вучылішчы, на польскім аддзяленні педагагічнага факультэта Вышэйшага педагагічнага інстытута ў Мінску. Усё гэта адбывалася адначасова з арыштамі і фізічнай расправай з найбольш актыўнымі дзеячамі польскай культуры, навукі і адукацыі. У лік такіх ахвяраў трапіў і адзін з супрацоўнікаў ІППК Тамаш Домбаль, які на працягу 1932—1935 гг. з'яўляўся віцэ-прэзідэнтам БАН і дырэктарам яе Інстытута эканомікі, у 1933 г. быў абраны акадэмікам БАН. Знаходзіўся ён таксама ў складзе ЦК КП(б)Б, Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта БССР. Але гэта не стала перашкодай для арышту ў снежні 1936 г. добра вядомага на Беларусі навукоўца-эканаміста і палітычнага дзеяча польскай нацыянальнасці, якога ў жніўні наступнага года Ваенная калегія Вярхоўнага суда СССР прыгаварыла да смяротнага пакарання. Такого ж пакарання не пазбег і навуковец ІППК Адам Славінскі (сапр. Качароўскі), які не раз выбіраўся членам самых высокіх дзяржаўных і партыйных органаў Беларусі.

Не знайшоў шчасця на нашай зямлі польскі пісьменнік Генрык Жарскі. Пачаў ён тут жыць і працаваць з 1932 г. Спачатку быў намеснікам дырэктара польскай газеты «Орка» («Ворыва»), пазней — яе рэдактарам. У 1935 г. у Мінску з'явілася яго першая ў нас кніжка апавяданняў для дзяцей «Парашок для чыхання». Праз пару гадоў падрыхтаваў для выдання яшчэ адзін зборнік, але свету ён не пабачыў з-

Л.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі

за арышту аўтара. Расстралялі 14 кастрыніка 1937 г.

Сур'ёзныя выпрабаванні і людскія страты зведалі пад час масавых рэпрэсій на Беларусі асобы ўкраінскай нацыянальнасці, якія плённа працавалі ў навуцы, культуры, адукацыі. Як дарагога і роднага сустрэлі ў 1925 г. у калектыве Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта колішняга выпускніка Адэскага гісторыка-філалагічнага інстытута, доктара філалагічных навук Пятра Бузук. На новым для сябе месцы ён веў некалькі філалагічных курсаў, а пазней быў запрошаны ў Мінскі вышэйшы педагагічны інстытут загадваць кафедрай мовазнаўства. Увесь гэты час вельмі плённа займаўся, асабліва пасля таго як у 1926 г. узначаліў дыялекталогічную камісію Інбелкульта, даследаваннем самых актуальных праблем беларускага мовазнаўства. Ужо да канца 20-х гадоў паспела выйсці з друку нямала яго прац, што не страцілі сваёй каштоўнасці і сёння: «Погляды акадэміка Шахматава на дагістарычныя лёсы славянства», «Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моваў», «Асноўныя пытанні мовазнаўства», «Узаемаадносіны паміж украінскай і беларускай мовамі», «Спраба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі» (дыялекталогічны слоўнік). Добра валодаючы беларускім мастацкім словам, П. Бузук стаў выступаць у друку з вершамі і апавяданнямі, падпісваючы іх псеўданімам П. Росіч. Гэты чалавек столькі карыснага зрабіў для беларускай справы, што заслугоўваў, каб яго партрэт у залатой рамцы вісеў у кабінетах першых дзяржаўных і партыйных асобаў рэспублікі. Але яны вельмі мала, калі не казаць зусім не лічылася з элітарнай часткай інтэлігенцыі Беларусі. У жніўні 1930 г. П. Бузук у ліку першых быў арыштаваны (праўда, на кароткі тэрмін) за прыхільнасць да беларускага «нацыянал-дэмакратызму» і ўдзел у дзейнасці выдуманых ідэалагічнымі і спецслужбамі варажых, антысавецкага «Саюза вызвалення Беларусі». У час паўторнага арышту ў 1934 г. да гэтых пунктаў абвінавачвання дабавіўся новы — удзел у «Расійскай нацыянальнай партыі». Гэтага аказалася дастаткова, каб быць сасланым на тры гады ў Волагду, а ў 1937 г. панесці найвышэйшую меру пакарання — расстрэл.

Не так, як заслугоўваў таго, склаўся на Беларусі лёс выпускніка Пецярбургскага ляснога інстытута (1911), выкладчыка Харкаўскага інстытута сельскай і лясной гаспадаркі Сцяпана Мельніка. Радзіма яго — славуная талентамі Палтаўшчына. У 1923 г. ён пакідае яе і ўладкоўваецца на працу прафесара Горацкага сельскагаспадарчага інстытута. Знаходзіўся на гэтай пасадзе нядоўга, бо ў 1926 г. прызначылі дырэктарам Цэнтральнай лясной доследнай станцыі БССР. Ён многае

зробіў па распрацоўцы «праграмы і інструкцыі па лесафеналагічных назіраннях... правёў тыпалагічнае вывучэнне лясоў БССР, даследаванне паркаў і іншых эндэралагічных аб'ектаў, даў класіфікацыю тыпаў лесу рэспублікі з улікам урадлівасці і вільготнасці глебы». Шмат карыснага для Беларусі С. Мельнік зрабіў, працуючы ў 1933—1938 гг. за дырэктара Батанічнага сада БАН, але ўсё гэта не было прынята пад увагу савецкай уладай. Вучонага такой мірнай цывільнай прафесіі судзіць у чэрвені 1938 г. не хто-небудзь, а сама Ваенная калегія Вярхоўнага суда СССР і іншай меры пакарання, як расстрэл, не знаходзіць, што і было выканана з зайдросным спакоем варашылаўскімі стралкамі савецкіх рэспрэсіўных органаў ужо ў канцы таго ж месяца ў Мінску.

Украінцам па матцы быў першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Пічэта (1921—1929). Яму няма роўных па ўкладзе ў стварэнне на Беларусі вышэйшай школы. У 1928 г. стаў акадэмікам БАН. Насіць жа гэтае высокае званне давялося толькі да 6 снежня 1930 г., бо ў верасні таго ж года быў арыштаваны. Будучы сасланым у 1931 г. у Вятку, на сваім уласным вопыце пазнаў, што значыць праца нарміроўшчыка, сакратара і эканаміста-планавіка ў кааператыве грамадскага харчавання. Можна гэта адзіны ў Еўропе тых часоў выпадак выкарыстання буйнога вучонага-гісторыка на такіх не надта высокай кваліфікацыі відах працы. У 1935 г. У. Пічэту датэрмінова вызвалілі з месца высылкі. На Беларусь ён не вярнуўся і, відаць, добра зрабіў, бо наперадзе яшчэ былі 1937—1938 гг. З 1937 г. стаў загадваць сектарам славяназнаўства Інстытута гісторыі АН СССР. Не выключана, што гэта з'явілася падставай вярнуць У. Пічэту ў 1940 г. званне акадэміка навук БССР.

З прычыны тых жа масавых рэпрэсій, якія зносілі галовы самым сумленным палітыкам, таленавітым навукоўцам, дзеячам культуры, педагогам, пад канец 30-х гадоў ледзь чуцён быў голас літоўскай нацменшасці на Беларусі. А быў жа час, што яна мела свае нацыянальныя школы, навуковыя падраздзяленні ў Інбелкульце і Беларускай акадэміі навук, клубы, газеты. У адной з літоўскіх газет «Раўдонасіс Артояс» («Чырвоны араты»), што выходзіла ў Мінску, працаваў загадчыкам культмасавага сектара Банавентура Паўлюкявічус. Яго газетныя нарысы найчасцей прысвячаліся жыццю літоўскіх калгасаў і школ Беларусі, адказвалі высокім мастацкім запатрабаванням, што дапамагло іх аўтару стаць у 1934 г. сябрам літоўскай секцыі Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР. Цікавіла таленавітага журналіста і навука, таму з 1933 г. ён паступае ў асірантуру БАН і працуе над дысертацыяй,

Л.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі
у якой разглядалася творчаць літоўскага паэта І. Біллонаса. Вучоба ў аспірантуры не паўплывала на зацікаўленасць Б. Паўлюквявічуса да публіцыстыкі. У газеце «Раўдонасіс артояс» даволі часта з'яўляліся яго артыкулы пра творчаць Я. Купалы, Я. Коласа і іншых беларускіх майстроў мастацкага слова. Аналізаваў і паэзію сваіх літоўскіх сяброў па пяру. Як і многія крытыкі і літаратуразнаўцы таго часу, падыходзіў да ацэнкі творчасці большасці пражыткаў і паэтаў з пазіцыі вульгарнага сацыялагізму, рашуча змагаўся з уяўным беларускім нацэмакратызмам. Займаўся таксама перакладамі з латышскай, нямецкай і рускай моваў. Пасля заканчэння ў 1936 г. аспірантуры ўжо і сам Б. Паўлюквявічус становіцца аб'ектам падазрэння для спецслужбаў. У яго дзеяннях бачаць праявы буржуазнага нацыяналізму, што паслужыла падставай для арышту ў 1938 г. і выянення смяротнага прысуду.

Заўчасна вымушаны быў адысці ад навуковай працы гісторыка добра вядомы вучоны літоўскага паходжання Стасіс Матулайціс. Неўзабаве пасля ліквідацыі ў Літве савецкай улады ён як гарачы прыхільнік ідэй бальшавізму пакідае радзіму і прысвячае сваё жыццё будаўніцтву сацыялізму. Гэта імпанавала бальшавіцкай партыі, якая спачатку пасадзейнічала С. Матулайцісу ўзначаліць у 1927 г. Літоўскі сектар Інбелкульта і Беларускай акадэміі навук, а з 1935 г. — Інстытут нацыянальных меншасцяў гэтай акадэміі. На апошняй пасадзе пратрымаўся нядоўга: у жніўні 1937 г. выключаюць з шэрагаў КП(б)Б, у снежні таго ж года арыштоўваюць, пазбаўляюць звання акадэміка АН БССР, якое было прысуджана яму ў 1928 г.

Вельмі блізкім да ўсяго апісанага вышэй быў лёс дачкі С. Матулайціса Кацярыны. Спачатку яна знаходзілася на пасадзе старшага навуковага супрацоўніка ў Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі БАН, а ў 1935—1937 гг. — у Інстытуце нацыянальных меншасцяў і Інстытуце гісторыі АН БССР. Арыштавана нават раней за бацьку — у жніўні 1937 г. Не дапамагло і тое, што яна некалі была жонкаю сакратара ЦК Компартыі Літвы К. Пожалы, прыгаворанага ў 1927 г. літоўскім судом да расстрэлу. Калі яе лёс у чымсьці і не нагадваў бацькоўскі, дык гэта, бадай, у тым, што ад заўчаснай смерці ёй не ўдалося выратавацца. Прышла яна ў 1945 г. (?), а бацька мужа вытрымаў суровыя выпрабаванні казахскай ссылкі і ў тым жа годзе вярнуўся на сваю гістарычную радзіму і некалькі гадоў працаваў у Інстытуце гісторыі Акадэміі навук Літоўскай ССР.

У той выклікты час, як у следчыя органы і суды цягалі С. Матулайціса

і яго дачку Кацярыну, спецслужбы дабраліся і да яшчэ адной адметнай на Беларусі асобы літоўскай нацыянальнасці, паэтэсы, празаіка і публіцыста Аляксандры Меркітэ (Меркіс). У наш край упершыню закінуў яе лёс у 1925 г. Пасля працы ў рэдакцыях газет паступіла ў 1933 г. у аспірантуру Інстытута літаратуры БАН, але на наступны год пакінула яе з прычыны хваробы. Відаць, даліся ў знакі гады, праведзеныя ў літоўскіх турмах, куды яе знявольвалі за рэвалюцыйную дзейнасць. У такога тыпу ўстановы трапіла яна і ў 1937 г., жывучы ў БССР. Толькі адсюль ужо не ўдалося ўцячы, як гэта было ў Літве. Расстралялі ў Мінску 14 верасня 1938 г.

За некалькі месяцаў да фізічнай расправы з А. Меркітэ была арыштавана яе сястра Ганна (па мужу Раманоўская). У Мінску яна жыла з 1928 г. Спачатку працавала ў рэдакцыі згаданай вышэй газеты «Раўдонасіс Артояс», аддзеле культпрапаганды ЦК КП(б)Б, затым у Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі і Інстытуце нацыянальных меншасцяў БАН. У жніўні 1939 г., калі ўжо трохі ўтаймаваліся з масавымі экзекуцыямі нявінных людзей, яе ўсё ж на тры гады знявольваюць у выпраўленча-працоўны лагер. Дзіву даешся, як толькі савецкаму суду ўдалося адшукаць штосьці такое ў паводзінах гэтай высока інтэлектуальнай асобы, каб яно заслугоўвала выпраўлення фізічнай працай?!

Рана адарвалі ад любімай працы кандыдата гістарычных навук беларускага літоўца Вікенція Скардзіса. Яго радзіма, паводле сучаснага падзелу, вёска Сафіск Чавускага раёна Магілёўскай вобласці. Як асобу літоўскай нацыянальнасці, В. Скардзіса натуральна цікавіла гісторыя, культура, побыт сваёй этнічнай супольнасці ў нашым краі. І дзеля вывучэння гэтых пытанняў удалося нямаля зрабіць у час працы ў Літоўскім сектары, Інстытуце нацыянальных меншасцяў, Інстытуце гісторыі БАН. Але са снежня 1937 г. працу вучонага-гісторыка па волі спецслужбаў давялося замяніць на пяцігадовую высылку ў далёкі Казахстан.

Не ўсцярогся ад рэспрэсій, праўда, не ў такой суровай форме, і добра вядомы ў 20—30-я гады на Беларусі грамадска-палітычны дзеяч (у 1925—1927 гг. намеснік загадчыка аддзела друку ЦК КП(б)Б, у 1926—1934 гг. старшыня Таварыства гісторыкаў-марксістаў Беларусі) і навуковец (у 1929—1932 гг. дырэктар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б, у 1932—1937 гг. загадчык сектара Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук), акадэмік літоўскай нацыянальнасці Віталь Сербента. Яго такую паспяховую навуковую кар’еру на доўгія гады перапынілі

Д.Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі
сібірскія катойні. Паўторна навуковай дзейнасцю ў сістэме АН БССР
змог заняцца толькі ў 1957 г.

Меншыя страты за літоўцаў панеслі беларускія латышы. З іх ліку
заслугоўвае ўпамінання гісторык, культурны дзеяч Карл Шкільтэр.
Праўда, для многіх на Беларусі ён не так быў вядомы як супрацоўнік
Латышкага сектара БАН, колькі дырэктар Дзяржаўнай бібліятэкі БССР
імя У. Леніна. Менавіта на гэтай пасадзе яго ў снежні 1937 г. арыштавалі,
а ў верасні 1940 г. этапавалі на пяць гадоў у выпраўленча-працоўны
лагер.

Барацьба з «нацдэмакратызмам», «ворагамі народа» з'явілася
прычынай практычна поўнага затухання ўсялякай канкрэтнай
дзейнасці па духоўным адраджэнні беларускіх татарараў, якое пачалося ў
нас з некаторым спазненнем у параўнанні з іншымі нацыянальнымі
меншасцямі. Калі б такога спазнення не было ў жыцці татарскай
абшчыны, яна хоць штосьці паспела б зрабіць па сваёй нацыянальна-
культурнай інтэграцыі да пачатку барацьбы за выкараненне на Беларусі
«нацдэмаўшчыны». Найбольш зручны час быў упущаны, а неўзабаве
пачаўся нястрымны шквал масавых рэпрэсій, які не прамінуў і татарараў.
Самую вялікую страту панесла іх рэлігійна-духоўная спадчына, на чым
акурат і трымалася ўсё жыццё гэтай этнічнай групы. Пад канец 30-х
гадоў практычна спынілася дзейнасць усіх мячэцяў, што меліся на
тэрыторыі БССР.

Зусім іншая сітуацыя склалася для татарараў у суседняй Польшчы (у
т.л. і на тэрыторыі Заходняй Беларусі), хаця ўсталяваны ў рэжым ніяк
нельга назваць дэмакратычным. Вось як характарызуе той час віцэ-
прэзідэнт Беларускага аб'яднання татарараў- мусульман «Аль-Кітаб»,
сябра муфціята ў Рэспубліцы Беларусь, навуковец Ібрагім Канапацкі:
«У Польшчы ў міжваенны перыяд (1918—1939 г.) вялася вялікая работа
па адраджэнні татарараў-мусульман. Быў створаны культурна-асветніцкі
саюз татарараў-мусульман. Ён выдаваў Татарскі штогоднік, часопісы
«Татарскае жыццё», «Ісламскі агляд», мусульманскія календары,
падручнікі па Ісламе для татарскіх дзяцей, паасобныя суры з Карана на
арабскай і польскай мовах. Былі надрукаваны шматлікія артыкулы пра
Іслам і татарараў у польскіх навуковых і навукова-папулярных выданнях». Татарам на Беларусі такога і не снілася, хаця тут іх было больш, чым у
Польшчы. Урад жа Беларусі не мог садзейнічаць адраджэнню татарскай
культуры на яе нацыянальнай, мусульманскай аснове, бо ў яго не было
паважлівага стаўлення і да прыродных духоўных традыцый самога
тытульнага народа — беларускага.

Не абышлі бокам масавыя рэпрэсіі аднаго—адзінага сярод вучоных Беларусі швейцарца Аляксандра Дубаха. Радзіма яго вёска Ботава Маскоўскай губерні. Адразу пасля заканчэння ў 1908 г. Маскоўскага сельскагаспадарчага інстытута ён уладкоўваецца на пасаду інжэнера-гідратэхніка па меліярацыі сельскагаспадарчых і лясных земляў у Мінскай і Магілёўскай губернях. З 1920 па 1927 гг. загадвае кафедрай сельскагаспадарчай меліярацыі Горацкага сельскагаспадарчага інстытута, з 1927 г. — аддзелам меліярацыі і культуры балот Беларускага навукова-даследчага інстытута сельскай гаспадаркі. Адначасова з гэтым вучоны выконвае функцыі старшыні Навукова-тэхнічнага савета пры Наркамземляробства БССР, кіруе кафедрай гідратэхнічнай меліярацыі лясных земляў Ленінградскай лесатэхнічнай акадэміі. Здавалася, савецкая ўлада павінна была б мець поўную задаволенасць такім размахам навуковай дзейнасці Аляксандра Дубаха. Падобнай пашанай ён не карыстаўся: 25 кастрычніка 1930 г. яго арыштоўваюць, а пастановай СНК БССР ад 6 снежня таго ж года пазбаўляюць звання акадэміка БАН. Хаця ў ліпені 1932 г. Аляксандра Дубаха рэабілітавалі, аднак паспраўднаму вольным чалавекам не адчуваў сябе. Апошнія гады жыцця прайшлі ў Свярдлоўску, дзе ён памёр у 1942 г.

Словам у той сатанінскі час не толькі беларусы як карэннае насельніцтва БССР, жылі ў страшэннай трывозе. Не ведалі супакою і прадстаўнікі ўсіх нацыянальных меншасцяў. І архітрагічна, што трапіўшы ў такую лютую няміласць, людзі былі вымушаны не шэптам, а на ўвесь голас хваліць савецкія парадкі, накітаваны такога радка з песні: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», хадзіць на дэманстрацыі пад сталінскімі лозунгамі і гучна крычаць «Ура!»

Масавыя рэпрэсіі мелі сваім непазбежным вынікам закрыццё Інстытута нацменшасцяў, які ўваходзіў у структуру навукова-даследчых падраздзяленняў Беларускай акадэміі навук. Ён складаўся з чатырох секцый — яўрэйскай, польскай, латышскай і літоўскай, з якіх самай шматлікай з'яўлялася першая. Яна ж была і самай плоднай. У яе працы актыўна ўдзельнічаў, да прыкладу, вядомы яўрэйскі і беларускі гісторык Самуіл Агурскі. З напісаных ім на ідыш твораў найбольш значныя — гэта «Яўрэйскія камісарыяты і яўрэйскія камуністычныя секцыі. 1919—1921 гг.», «На гістарычным фронце: Супраць іджалізацыі Бунда», «Барацьба супраць Бунда: Ад станаўлення «Скры» да III з'езда РСДРП». Аднак у сваім кар'ерысцкім жаданні прынесці як мага больш карысці бальшавіцкай партыі, выслужыцца перад ёю гэты вучоны ў ліку адных з першых стаў выкрываць «шкодніцкую дзейнасць» г.зв. беларускіх

Л. Лыч. Масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў у лёсе нацменшасцяў Беларусі
нацыянал-дэмакратаў, залічваючы да іх і такіх выдатных асобаў нашай
навуковай і творчай інтэлігенцыі, як Усевалада Ігнатоўскага, Зміцера
Жылуновіча. Як і многіх іншых, што актыўна ўключаліся ў барацьбу з
надуманым нацдэмакратызмам, КП(б)Б належным чынам адзначыла
заслугі С. Агурскага ў гэтым. Яму давалі высокія пасады ў навуковых
установах не толькі Мінска, але і Масквы. Адзін час быў намеснікам
Інстытута нацменшасцяў БАН, з 1936 — яе членам-карэспандэнтам.
Далейшае ўзыходжанне на навуковы Алімп было спынена ў перыяд
масавых рэпрэсій: арышт у сакавіку 1938 г. і высылка ў наступным
годзе ў Сібір тэрмінам на пяць гадоў. Для рэпрэсіўнай практыкі таго
часу гэта была вельмі мяккая мера пакарання.

З 1938/1939 н.г. спыніў сваю дзейнасць Мінскі настаўніцкі інстытут
нацыянальных меншасцяў, які рыхтаваў кадры для рускіх, яўрэйскіх і
польскіх школ. У апошнім годзе яго існавання тут на гістрычным,
літаратурным, фізіка-матэматычным і прыродазнаўча-геаграфічным
факультэтах навучалася 350 студэнтаў.

Нацыянальныя меншасці Беларусі зведалі і такую форму
дыскрымінацыі іх правоў на развіццё культуры, як арышт і вывадзненне з
вольнага ўжытку ў публічных бібліятэках вялікай колькасці літаратурных
твораў, у якіх нібыта ўтрымліваліся звесткі і факты, што зняслаўлялі
сацыялістычны лад, прычынялі шкоду будаўніцтву камуністычнага
гарамадства. У абавязковым парадку накладвалася забарона на кнігі,
аўтары якіх былі аб'яўлены шкоднікамі і ворагамі савецкага народа.
Так, у адпаведнасці з загадам Галоўліту БССР ад 3 чэрвеня 1937 г. чытач
пазбаўляўся магчымасці атрымаць у бібліятэках наступныя творы
яўрэйскіх аўтараў, ці кнігі, прысвечныя яўрэйскаму пытыню: Агурскі
С. Рэвалюцыйны рух на Беларусі. Выд. Гістпарта КП(б)Б. Мн., 1925;
Бядуля Змітрок. Жыды на Беларусі. Мн., 1918; Клейнбарт Л. Маладая
Беларусь. Мн., 1928; Майзель Л.Н. 1905—1907 гг. на Беларусі. Мн.,
1934; Навіна Ант. Жыдоўскае пытанне ў беларускай літаратуры. Вільня,
1921; Чарняўскі. Яўрэйскі рабочы на зары рэвалюцыйнага руху. Мн.,
1932; Зборнік № 2 афіцыйных дакументаў у дапамогу масаваму
настаўніку. Склалі Левін Н.І. і Хейфец А.Н. ДВБ. Мн., 1934. Што датычыла
кніг Розенблюма і беларускага пісьменніка яўрэйскага паходжання Юлія
Таўбіна, дык яны ўсе да адной сталі недаступнымі для чытача. У
адпаведнасці з вышэйпамянёным загадам забароне падлягалі кнігі:
«Дысцыплінарныя правілы кадраў для арміі» (пераклад з польскай),
Лодзь, 1920; Шчакаціхін Мікола. «Нарысы з гісторыі беларускага
мастацтва. Курганьня старажытнасці Беларусі».

Ніхто ніколі не падлічыць, наколькі больш багатым, разнастайным быў бы духоўны патэнцыял Беларусі, калі б засталіся ў жывых і мелі належныя ўмовы тварыць тые з прадстаўнікоў нацменшасцяў, што трапілі ў рукі крыважэрных рэпрэсіўных органаў. Дзякуючы іх «старанням», а таксама «клонатам» бальшавіцкіх ідэолагаў, Беларусь пад канец 30-х гадоў на прафесійным, дзяржаўным узроўні ўяўляла сабой рэгіён ледзь не для выключна беларуска-рускай культуры, прычым з лепшай перспектывай для развіцця апошняга складніка гэтай культуры — рускага, што якраз адпавядала мэтам пабудовы камуністычнага грамадства з яго адзінай культурна-моўнай асновай. Пасля стараннага прарэджвання, безлітаснага вынішчэння кадравага патэнцыялу беларускай культуры яна і на сваёй гістарычнай тэрыторыі стала слаба канкурэнтаздольнай у дачыненні з рускай, тым больш, што для яе дынамічнага развіцця на Беларусі існавалі ўсе неабходныя ўмовы. Масавыя рэпрэсіі з'явіліся прычынай новай чарговай хвалі культурна-моўнай асіміляцыі карэннага насельніцтва і ўсіх нацыянальных меншасцяў Беларусі за выключэннем толькі адной з іх — рускай.

У. НАВІЦКІ, У. ЗАВАЛЬНЮК (*Мінск, Беларусь*)
РЭПРЭСІІ ДУХАВЕНСТВА РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ ў
БССР (20—30-ыя гг.)

З першых дзён усталявання савецкай улады пачалася канфрантацыя дзяржавы з усімі канфесіямі, у тым ліку і з рымска-каталіцкай. Такая палітыка была звязана з тым, што марксізм-ленінізм разглядаў барацьбу з рэлігіяй як адзін з напрамкаў класавай барацьбы пралетарыяту з капіталам. “Рэлігія ёсць опіум для народа, — пісаў К. Маркс. — Ліквідаванне рэлігіі як ілюзорнага шчасця народа, ёсць патрабаванне яго сапраўднага шчасця”.¹ Будучы верным і стойкім марксістам, Уладзімір Ленін не пайшоў далей гэтых меркаванняў. Галоўны вывад у адносінах да рэлігіі, зроблены правадыром пралетарыяту, заключаўся ў наступным: “Усе сучасныя рэлігіі і цэрквы, усе і ўсялякія рэлігійныя арганізацыі марксізм разглядае заўсёды як органы буржуазнай рэакцыі, служачыя абароне эксплуатацыі і адурманьванню рабочага класа”.² У сувязі з гэтым Ленін падкрэсліваў неабходнасць жорсткіх адносін да рэлігійных вераванняў. “... Мы заснавалі свой саюз, РСДРП, між іншым, — пісаў ён, — менавіта для такой барацьбы супраць усялякага рэлігійнага абдурэння рабочых”.³

Негатыўным адносінам дзяржавы да рымска-каталіцкай царквы садзейнічала асуджэнне папам Бенедыктам XV Кастрычніцкай

рэвалюцыі. З вялікай незадаволенасцю Масква сустрэла мемарандум Папы ад 9 мая 1922 г., накіраваны Генуэзскай канферэнцыі, у якім гаварылася аб неабходнасці захавання свабоды веравызнання ў Расіі. “У гістарычны час, калі абмяркоўваецца пытанне аб тым, каб ізноў дапусціць Расію ў сям’ю цывілізаваных народаў, — адзначалася ў мемарандуме, — Святы Прастол выражае пажаданне аб ахоўванні інтарэсаў рэлігіі, якая з’яўляецца асновай усялякай цывілізацыі”.⁴ Ён прапанаваў унесці ў пагадненне паміж дзяржавамі тры ўмовы, якія тычыліся рэлігійных пытанняў у Расіі. Гэта гарантыя поўнай свабоды сумлення ўсім расійскім грамадзянам, як прыватнага, так і публічнага адіраўлення рэлігіі, вяртанне рэлігійным суполкам нерухамай маёмасці, якая ім належала да рэвалюцыі.⁵

Акрамя мер эканамічнага ўціску, набірала моц кампанія закрыцця касцёлаў, руйнавання рэлігійнага жыцця, рэпрэсіі каталіцкага духавенства. Яны шырока сталі прымяняцца пасля таго, як прадстаўнікі РКЦ выступілі супраць дэкрэта УЦВК СССР ад 23 лютага 1922 г. аб канфіскацыі царкоўных каштоўнасцяў у фонд галадаючым Паволжжа. Служыцелі культу разглядалі гэтую акцыю як самавольства і гвалтаванне ў адносінах да касцёла. У адказ пачаліся судовыя працэсы над прадстаўнікамі каталіцкага духавенства. 1 чэрвеня 1922 г. Рэвалюцыйны трыбунал прыгаварыў да трох гадоў турэмнага зняволення ксяндза Мінскага кафедральнага касцёла Яна Васілеўскага. 21—26 сакавіка 1923 г. у Маскве адбыўся судовы працэс па справе каталіцкага духавенства на чале з архібіскупам Янам Цяпляком, кіраўніком каталіцкай царквы ў СССР. Яго абвінавацілі ў тым, што яшчэ да абнародавання дэкрэта УЦВК аб канфіскацыі царкоўных каштоўнасцяў даваў указанне каталіцкаму духавенству “цвёрда стаяць на аснове кананічнага права”, не дапускаць стварэння пры касцёлах саветаў (“дваццатак”) і не падпісваць з уладамі пагадненняў аб касцёльнай уласнасці”. Сярод “кампраментуючых” дакументаў, далучаных да судовай справы, фігурыраваў знойдзены пры вобыску рукапіс: “Гістарычныя запіскі аб аддзяленні царквы ад дзяржавы ў бальшавіцкай Расіі”. Гэтага было дастаткова, каб абвінаваціць Цяпляка і іншых каталіцкіх свяшчэннаслужыцеляў у барацьбе супраць савецкай улады.

Ахібіскуп з годнасцю трымаўся на судовым працэсе, аргументавана адказваў на пастаўленыя пытанні, не ішоў ні на якія кампрамісы са святарскім сумленнем, рашуча абараняў інтарэсы вернікаў і касцёла. “Так плаўна і гладка мог гаварыць не раз’юшаны фанатык, дрыжачы над свяшчэннымі для яго канонамі, — адзначаў асвятляючы працэс

журналіст, — а хітры, пранырлівы інтрыган, добра спакушаны ў разнастайнай дыпламатыі”.⁶ За гатоўнасць аддаць сваё жыццё каталіцкай Царкве Ян Цепляк і яго генеральны вікарый Канстанцін Буткевіч былі прыгавораны да вышэйшай меры пакарання, астатнія ад трох да дзесяці годоў зняволення.

Вынікі суда вызвалі абурэнне ў многіх краінах свету. Адусюль на імя Наркамата замежных спраў паступалі тэлеграмы з пратэстамі і просьбай перагледзець прыгавор. У тэлеграме ад імя групы членаў англійскага парламента гаварылася: “ Жыццё чалавека дарагое, не вешайце епіскапа”.⁷ Голас сусветнай грамадскай мала хваляваў Маскву. Тым не менш прэзідыум УЦВК разгледзеў хадаініцтва асуджаных. Высокая інстанцыя замяніла смяротны прыгавор Я. Цяпляку на 10 гадоў турэмнага зняволення. У канцы 1923 г. ён быў датэрмінова вызвалены і выехаў у Польшчу. У ноч з 31 сакавіка на 1 красавіка 1923 г. К. Буткевіч быў расстраляны.

На месцах узмацняецца кантроль за дзейнасцю ксяндзоў, правяралася іх лаяльнасць да савецкай улады. 24 снежня 1924 г. намеснік паўнамоцнага прадстаўніка Аб’яднанага дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення (АДПУ) па Беларускай ваеннай акрузе Іосіф Апанскі (1897—1927) паведамляў у ЦК КП(б)Б, што, па інфармацыйных крыніцах у рэспубліцы налічвалася 36 служыцелей культаў, варожа настроеных супраць улады. Сярод іх 13 ксяндзоў палякаў і 12 беларусаў, антысавецкі настроеных, 3 — не ўстаноўленых у адносінах да іх нацыянальнай прыналежнасці, але варожых савецкай уладзе, 4 — літоўцы, 4 — беларусы, стаяўшыя на пазіцыях антыкефальнай царквы ў БССР. У сувязі з тым, што канкрэтных улік да таго ці іншага ксяндза не знайшлося, шэф АДПУ вымушаны быў зазначыць, што ў Магілёўскай і Слуцкай акругах служыцелі культа збіралі подпісы ад католікаў аб тым, што Беларусь не жадае быць савецкай, а хоча стаць польскай. Рымска-каталіцкае духавенства абвінавачвалася ў тым, што пад іх уплывам беларускае насельніцтва каталіцкага веравызнання адказваецца пасылаць сваіх дзяцей у беларускія школы і патрабавала адкрываць польскія.

“Ненадзейных” ксяндзоў арыштоўвалі і фактычна без суда накіроўвалі ў месцы зняволення. З некаторымі вялі перамовы на прадмет супрацоўніцтва з адпаведнымі ўстановамі. Сёння стала вядома, што агентурная і асведамляльная работа сярод духавенства знаходзілася ў цэнтры ўвагі чэкістаў. У дакладзе памочніка ўпаўнаважанага сакрэтнага аддзела Усерасійскай Надзвычайнай камісіі (УНК аб агентурнай і асведамляльнай рабоце сярод духавенства), зробленым

яшчэ ў 1921 г. ставілася задача гэту работу “расшавяліць і здзвінуць з месца”. Рэкамендавалася завярбоўваць асведамляльнікаў сярод духавенства пасля некаторага знаёмства з духоўным мірам і выясненнем падрабязных рысаў характара па кожнаму служыцелю культа паасобку. Рабіўся акцэнт на неабходнасці правядзення матэрыяльнай зацікаўленасці таго ці іншага асведамляльніка, “пры тым субсідыі грашовыя і натурай, без сумнення, яго будуць звязваць з намі і ў іншых адносінах, а менавіта ў тым, што ён стане вечным рабом ЧК, які будзе баяцца расканспіраваць сваю дзейнасць”.⁸ Прапаноўвалася прадаўжаць вярбоўку асведамляцеляў і праз запалоханне турмой, лагерам за спекуляцыю, парушэнне правілаў і распараджэнняў улад і г.д. “Праўда, спосаб даволі ненадзейны і можа быць карысным толькі ў тым выпадку, калі аб’ект для вярбоўкі слабахарактарны і бязвольны, — адзначалася ў дакладзе. — Галоўным чынам трэба звяртаць увагу на якасны стан асведамляцеля, а не колькасць.”⁹

Да канца не вывучылі чэкiсты валявыя якасці пробашча Камена-Губінскага касцёла Язэпа Барадзюлі (1893—1983), арыштаванага 29 снежня 1926 г. З Лепеля яго прывезлі ў Мінск, дзе пачаліся допыты. Ксёндз адвяргаў усялякія абвінавачванні ў свой адрас. Праз некаторы час арыштаванага даставілі ў кабiнет самога І. Апанскага. Ён сардэчна і прыветліва сустрэў ксяндза, прапанаваў цыгарэту і ў час гутаркі сказаў: “Мы ведаем, што вы наш чалавек, паходзіце з беднай беларускай сям’і, дзед ваш быў прыгонным. Дапамажыце нам. Вакол нас ворагі. Польская мяжа ад Менска — за 45 кіламетраў, кожную ноч ловім польскіх шпіёнаў. Вы будзеце ксяндзом у Менску, можа, нават біскупам, дадзім вам машыну, забяспечым матэрыяльна”.¹⁰ Барадзюля адмовіўся ад прапановы быць сакрэтным супрацоўнікам АДПУ. У адказ Апанскі гарантаваў высылку на Салаўкі, дзе ксёндз прабываў пяць гадоў. Летам 1933 г. Барадзюля прыехаў у Віцебск і атрымаў прызначэнне пробашча касцёлаў св. Антонія і св. Барбары. Але служба працягвалася ўсяго тры тыдні. Да жніўня 1946 г. былі высылкі, лагеры. 7 лістапада 1949 г. яго арыштавалі зноў і прыгаварылі да бестэрміновай высылкі ў Краснаярскі край. Толькі ў кастрычніку 1954 г. Барадзюля вярнуўся ў Рыгу. Але займацца душапастырскай дзейнасцю яму дазволілі толькі 13 сакавіка 1978 г., калі споўнілася 85 гадоў. Такім трагічным склаўся лёс ксяндза, чвэрць стагоддзя правёўшага ў няволі.

Варожасць уладаў да прадстаўнікоў каталіцкага духавенства расла па меры таго, як заходзілі ў тупік перамовы ў Берліне паміж савецкім урадам і прадстаўнікамі Ватыкана аб дыпламатычным прызнанні СССР,

якія пачаліся ў лютым 1925 г. Савецкі бок ставіў умову кантролю за дзейнасцю рымска-каталіцкай царквы ў СССР, у тым ліку і прызначэння яе кіраўніцтва, з чым не маглі пагадзіцца ватыканскія дыпламаты. Арышты ксяндзоў працягваліся, іх абвінавачвалі ў антысавецкай прапагандзе, шпіянажы на карысць Польшчы і Ватыкана. 17 верасня 1927 г. у падазрэнні па шпіянажы быў арыштаваны Магілёўскі архібіскуп Баляслаў Слосканс (1893—1981), прызначаны на гэту пасаду 14 верасня 1926 г. Яго прыгаварылі да трох гадоў канцлагераў без прымянення амністыі. Пасля адбыцця тэрміну на Салаўках, у кастрычніку 1930 г., архібіскуп вярнуўся ў Магілёў, каб заняцца душпастырскай дзейнасцю. Але праз тыдзень яго зноў арыштавалі і выслалі ва Ўсходнюю Сібір. 22 студзеня 1933 г. на выснове дагавора з Польшчай аб абмене 40 зняволенымі, у тым ліку 17 свяшчэннаслужыцелямі, Б. Слосканс выехаў у Латвію. У 1933—1941 гг. ён узначальваў Рыжскую духоўную семінарыю. У 1941 г. фашысцкае гестапа вывезла яго ў канцлагер у Германію. Усё астатняе жыццё Слосканс правёў за мяжой.

Фабрыкацыя “справы” Б. Слосканса пацягнула за сабой арышты іншых ксяндзоў. Гэта тычылася, ў першую чаргу, асоб блізка ведаўшых архібіскупа. Не мог не застацца па-за ўвагай чэкістаў генеральны вікарыі Магілёўскай і Мінскай дыяцэзіі Вітольд Пашкевіч, які служыў ў магілёўскім касцёле з 1906 г. Арыштаванаму інкрымінавалі арганізацыю выступленняў вернікаў за вызваленне архібіскупа, стварэнне контррэвалюцыйных гурткоў. Спачатку яго выпусцілі па падпісцы аб нявыездзе, а пазней прыгаварылі да 5, а затым 10 гадоў канцлагераў. Тэрмін пакарання адбываў на Салаўках. У верасні 1933 г. па абмене выехаў у Латвію. У 1941 г. перад адступленнем савецкіх войск быў расстраляны.

У 1927 г. падвергся арышту адзін са старэйшых каталіцкіх святароў на Беларусі пробашч касцёла ў Ленелі Паўла Карповіч. Такі ж лёс напаткаў Уладзіслава Жаўняровіча з Віцебска, прыговоранага да 5 гадоў канцлагераў, Іосіфа Лук’яніна з Чавусаў і інш. Гэта адбывалася ў той час, калі ў грамадстве назіраліся некаторыя дэмакратычныя свабоды, ажыццяўляўся працэс беларусізацыі. З аднаўленнем таталітарнага рэжыму рэпрэсіі ў грамадстве ўзмацніліся, што тычылася і каталіцкага духавенства.

Годам “вялікага пералому” становіцца 1929 год, калі канчаткова згортваецца НЭП, пачынаецца калектывізацыя. У грамадскую думку ўсё больш настойліва ўкараняецца “тэорыя” абвастрэння класавай барацьбы ў працэсе пабудовы сацыялізму. Прадстаўнікам усіх канфесій

адводзіцца месца актыўнай контррэвалюцыйнай сілы, выступаючай супраць мерапрыемстваў дзяржавы. Сталін патрабуе ўзмацнення антырэлігійнай прапаганды. У палітычнай справаздачы ЦК XV з'езду УКП(б), зробленай 3 снежня 1927 г., ён заявіў: “У нас маецца яшчэ такі мінус, як паслабленне антырэлігійнай работы”.¹¹ У сталінскім разуменні гэта азначала ўзмацненне эканамічнага ўціску, фізічнага тэрору, знішчэння як прадстаўнікоў духавенства, так і вернікаў.

З новай сілай разгортваюцца арышты каталіцкага духавенства. Гэта прывяло да таго, што 8 лютага 1930 г. глава рымска-каталіцкай Царквы Пій XI надрукаваў ліст да генеральнага вікарыя Рыма кардынала Базіліо Пампілі. Папа выступіў у абрану рэлігіі “патаптанай саветамі”, заклікаў увесць свет маліцца за ахвяры і за захаванне веры ў СССР. На папскае пасланне адгукнуліся ўсе іншыя канфесіі. Гэтая акцыя была расцэнена як паклёп на савецкую ўладу, як “крыжовы” паход імперыялістычных сіл, сусветнага капіталу супраць Савецкага Саюза.

У шырока разгорнутай прапагандысцкай кампаніі “даказвалася”, што ў рэспубліцы захоўваецца свабода веравызнання, няма праследаванняў каталіцкага духавенства і вернікаў, рэлігія ідзе ў заняпад з прычыны таго, што свядомыя рабочыя і сяляне боьш не вераць у рэлігійныя “байкі”, а храмы зачыняюцца таму, што ніхто туды не ходзіць. З прапагандысцкай мэтай друк змясціў інтэрв’ю з адміністратарам Мінска-Магілёўскай архіепархіі ксяндзом Пятром Аўглю, якое ён даў 15 сакавіка 1930 г. На запыт, ці вядомы яму факты праследавання каталіцкага духавенства за выкананне імі рэлігійных абрадаў, ксёндз адказаў: “Я павінен заявіць, што ніводнага такога выпадку не ведаю. Мне вядомы выпадкі арыштаў ксяндзоў, якія займаліся, на мой вялікі жаль, неадпавядаючай іх сану супрацьуродавай дзейнасцю або нават работай на карысць замежных дзяржаў”.¹² Нагадаем, што да гэтага часу П. Аўглю двойчы арыштоўваўся — у 1923 г. па справе Я. Цяпляка і ў 1927 г. па абвінавачванню ў шпіянажы і контррэвалюцыйнай дзейнасці. Пасля паўгадавага знаходжання ў турме быў выпушчаны на волю.

Царговы віток канфрантацыі з Ватыканам адазваўся масавымі арыштамі каталіцкага духавенства. Каб прыдаць бачнасць яго супраціўлення, органы ДПУ “выкрываюць” дзейнасць неіснаваўшых падпольных арганізацый. У 1933 г. была арыштавана вялікая група ксяндзоў, якія абвінавачваліся ў стварэнні контррэвалюцыйнай паўстанцкай арганізацыі “ПАВ” — польскай ваеннай арганізацыі. Яе мэтай быццам з’яўляўся шпіянаж на карысць Польшчы, нелегальны

пераход мяжы, агітацыя супраць савецкай улады. 5 жніўня 1933 г. быў арыштаваны пробашч касцёла г. Барысава Адольф Кржывіцкі. Яго прыгаварылі да 10 гадоў зняволення. Пасля арышта ксяндза касцёл быў закрыты. У тым жа годзе па групавой справе каталіцкага духавенства ўлады арыштавалі Яна Маціеўскага, былога пробашча касцёла м. Блонь Пухавіцкага раёна. Яшчэ ў 1929 г. ксёндз быў прыгавораны да вышэйшай меры пакарання. Але хутка расстрэл замянілі трыма гадамі канцлагераў. Пакаранне адбываў на Салаўках, адкуль у 1932 г. быў вызвалены на свабоду. Вярнуўшыся ў Беларусь, ён зноў папаў у капцюры ДПУ. Па “справе” былі таксама арыштаваны Францішак Вылежынскі, пробашч касцёла ў Бабруйску, Іосіф Пяткевіч, пробашч касцёла ў Слуцку, Адам Пучкар-Хмялеўскі, пробашч кафедральнага касцёла і інш.

Арышты ксяндзоў працягваліся ў наступныя гады. 28 чэрвеня 1934 г. быў арыштаваны пробашч касцёла Росіца Дрысенскага раёна Эдуард Вайцяховіч. 3 лютага 1935 г. пастановай Ваеннага Трыбунала Беларускай ваеннай акругі яго прыгаварылі да вышэйшай меры пакарання. У 1936 г. да 5 гадоў зняволення быў асуджаны ксёндз з Рагачова Уладзіслаў Кунда, пробашч лагойскага касцёла Аляксандр Прытула і інш.

Трагічным для беларускага народа з’явіўся 1937 г., які азнаменаваўся новай хваляй рэпрэсій. Яны праводзіліся пад лозунгам знішчэння на тэрыторыі БССР разгалінаванага і добра заканспіраванага антысавецкага падполля, якое, на думку аўтараў сцэнарыя, мела добрыя кантакты з суседняй Польшчай. У ліпені 1937 г. адбыўся пленум ЦК КП(б)Б, на якім верхаводзілі прыехаўшыя з Масквы загадчыкі арганізацыйнага і сельскагаспадарчага аддзелаў ЦК УКП(б) Г. Малянкоў і Я. Якаўлеў-Эпштэйн. Выступаючы на пленуме, апошні заявіў, што “работа па генеральнай чыстцы Беларусі ад усялякага гною, польскага бруду, ад розных шпіёнаў і дыверсантаў яшчэ не распачата належным чынам, яе давядзецца правесці па-сапраўднаму, як таго патрабуе ЦК партыі, як таго патрабуе т. Сталін”. І яна пачалася шырокавядомай аперацыяй па ліквідацыі польскай агентуры. Па загаду камісара ўнутарных спраў СССР М. Яжова прадугледжвалася арыштаваць не менш 7—8 тыс. польскіх “шпіёнаў”.

Важнае месца ў правядзенні аперацыі адводзілася канчатковаму знішчэнню застаўшыхся ў жывых ксяндзоў. З гэтай мэтай летам 1937 г. органы НКУС фабрыкуюць справу чарговай падпольнай паўстанцкай арганізацыі “ПАВ”. 13 чэрвеня ў Магілёве быў арыштаваны кіраўнік Мінскай і Магілёўскай дыяцэзіі Пятро Аўгло. У ліпені яму прад’яўляецца абвінавачванне ў кіраўніцтве арганізацыяй, стварэнні ў

БССР ячэк “ПАВ” для правядзення ўзброенай барацьбы з савецкай уладай, шпіянажу на карысць польскай разведкі. Па гэтай справе былі арыштаваны пробашч кафедральнага касцёла ў Мінску Ян Баравік і ксёндз Канстанцін Адрэкус, пробашч касцёла Св. Барбары ў Віцебску Станіслаў Райко, пробашч касцёла ў Шклове Пятро Януковіч і інш. Калегія НКУС БССР ад 25 жніўня 1937 г. прыгаварыла свяшчэнна-служыцеляў да вышэйшай меры пакарання. 27 жніўня 1937 г. яны былі расстраляны ў Мінскай турме.

Напярэдадні, 7 жніўня 1937 г., загадчык аддзела прапаганды і агітацыі ЦК КП(б)Б Л. Готфрыд дакладваў у ЦК УКП(б): “Што тычыцца ксяндзоў, — інфарміравалі з Мінска, — абсалютная большасць іх за апошні час арыштавана, так як выкрыта ў вядзенні шпіёнскай работы”.

Улічваючы, што “гнёздамі” шпіянажу з’яўляліся касцёлы, 18 жніўня 1937 г. было ЦК КП(б)Б разгледзела пытанне “Аб мерах па закрыццю польскіх касцёлаў”.¹³ Бюро даручыла старшыні ЦВК БССР М. Стакуну, наркаму ўнутраных спраў Б. Берману і загадчыку аддзела прапаганды і агітацыі ЦК КП(б)Б Л. Готфрыду перагледзець сетку дзейнічаўшых касцёлаў. Высокім афіцыйным асобам даручалася закрыць храмы, якія не дзейнічалі, з тым разлікам, каб выключыць магчымасць нелегальнай “контррэвалюцыйнай” работы вакол іх. Толькі з 8 па 24 жніўня 1937 г. ЦВК БССР аформіў закрыццё 8 касцёлаў. Была задаволена, напрыклад, просьба Асвейскага райвыканкама аб зносе касцёла ў гарадскім пасёлку і выкарыстанні цэгля для пабудовы школы.

27 жніўня 1937 г. камісія па выніках праверкі накіравала ў ЦК КП(б)Б інфармацыю. Паведамлялася аб тым, што ніводная дзяржаўная ўстанова, акрамя НКУС, не мела нават прыблізных дадзеных “як аб саміх касцёлах, суполках, верніках, якія арганізаваліся вакол гэтых касцёлаў, так і аб анытсавецкай контррэвалюцыйнай дзейнасці клерыкалаў”.¹⁴ Толькі органы дзяржаўнай бяспекі з’яўляліся “курата-рамі” рымска-каталіцкай царквы і цалкам вызначалі яе лёс, толькі яны ажыццяўлялі закрыццё касцёлаў і рэлігійных суполак у выніку “контррэвалюцыйнай” дзейнасці ксяндзоў і кіруючай верхушкі каталіцкіх арганізацый. Добра папрацавалі нкусаўцы, столькі “вы-крылі” ворагаў, што на 20 жніўня 1937 г. ва ўсходняй Беларусі працавалі толькі 11 касцёлаў, у тым ліку пяць з ксяндзамі ў Барысаве, Віцебску, Оршы, Чавусах і Мсціслаўі, шэсць без ксяндзоў дзейнічалі ў Мінску, Магілёве, Гомелі, у вёсках Хвашчоўка Шклоўскага і Шацілкі Парыцкага, мястэчку Свіслач Асіповіцкага раёнаў.¹⁵

Але і такое становішча не задавальняла партыйнае кіраўніцтва Беларусі. 7 кастрычніка 1937 г. бюро ЦК КП(б)Б разгледзела пытанне

“Аб польскіх касцёлах”. З дакладам выступіў старшыня ЦВК БССР М. Стакун. Ва ўмовах раздзьмухвання псіхоза па выкрыццю разгрому “польскіх шпікаў, шкоднікаў і дыверсантаў” ставілася задача канчатковага закрыцця касцёлаў. На гэтым настойваў і Стакун, якога самога ў той час абвінавачвалі ў невядззенні рашучай барацьбы з ворагамі народа, сувязях з Польшчай. Падводзячы вынікі абмеркавання, толькі што прысланы з Масквы на пасадку першага сакратара ЦК КП(б)Б Аляксандр Волкаў адзначыў, што “наша заадача — закрыць польскія касцёлы ў БССР”, “работу трэба праводзіць і наме-чаныя мерапрыемствы ажыццявіць”.¹⁶

Такія ўстаноўкі садзейнічалі арышту апошніх застаўшыхся ў жывых прадстаўнікоў рымска-каталіцкага духавенства. Па дадзеных НКУС, з другой паловы 1937 г. па 1 чэрвеня 1938 г. у БССР было раскрыта і арыштавана 2570 удзельнікаў “аб’яднанага анытсавецкага падполля”, сярод якіх налічвалася 58 прадстаўнікоў каталіцкага духавенства.

Прыведзеныя факты сведчаць, які шквал рэпрэсіі абрушыўся на духавенства рымска-каталіцкай канфесіі ў 20—30-я гг. Большасць з іх расстраляны, альбо загінулі ў гулагаўскіх лагерах. У выніку да пачатку 1939 г. на тэрыторыі БССР былі закрыты ўсе каталіцкія храмы. Тым не менш, рэлігійнае жыццё працягвалася ва ўмовах глыбокага падполля.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 415.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 416.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 145.

⁴ Материалы Генуэзской конференции. Полный стенографический отчет. (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.). М., 1922. С. 458.

⁵ Там сама. С. 458—459.

⁶ Революция и церковь. 1923. № 1—3. С. 104.

⁷ Там сама. С. 112.

⁸ Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX в. М., 1994. С. 154.

⁹ Там сама. С. 155.

¹⁰ Наша вера. 1995. № 1. С. 15.

¹¹ Сталин И. Сочинения. Т. 10. М., 1953. С. 324.

¹² Папа Пій XI і крыжовы паход. Мн., 1930. С. 98.

¹³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), ф. 4, воп. 3, спр. 440, арк. 29.

¹⁴ Там сама, спр. 443, арк. 66.

¹⁵ Там сама, спр. 443, арк. 61, 69.

¹⁶ Там сама, спр. 443, арк. 73.

КАК УНИЧТОЖАЛИ МОЮ ДЕРЕВНЮ

Речь идет о том огромном, темном, невежественном, и в то же время имевшем свои традиции, сословии, которое, обрабатывая землю сохой, косой и серпом, кормило не только свою страну, но и значительную часть Европы; растило и воспитывало к богобоязненности, труду и выносливости здоровых, законопослушных детей.

Одной из процветающих деревень была и моя Силивовка. До Октябрьского переворота крестьяне выкупили всю землю у помещика. Каждая семья, не считая вновь отделившихся молодых, состояла из 6—11 душ. Хозяйство содержало 3—4 коровы, двое лошадей, овец, свиней, птицу. Каждая семья работала от зари до зари, до седьмого пота, испытывала на себе не только усталость, но и радость за результаты труда: возводили новые постройки, выращивали сады, поднимались урожаи, подрастали и становились опорой дети, закупался новый современный сельскохозяйственный инвентарь. Человек трудился для себя и какую-то часть сдавал государству.

Тяжелое бремя непосильных налогов пережила деревня в первую мировую войну, когда на фронт ушли самые здоровые мужчины, разоряла крестьян и насильственная продразверстка. В период НЭПа крестьяне постепенно выходили из упадка. Но вот вновь наступил год “великого перелома”, который и переломал хребет трудолюбивого крестьянина.

На собрании крестьянам заявили о двух вариантах: колхоз или Соловки. Кому это хотелось отдать (сдать) в колхоз всё, что нажито таким тяжелым трудом. Большинство крестьян отказались вступить в колхоз, на что реакция местных властей была решительной и жесткой. Казалось бы однородная еще вчера крестьянская масса в одночасье была разделена на кулаков, подкулачников, кулацких подпевал, зажиточных середняков, маломощных середняков и бедноту. Любое хозяйство могло быть отнесено к любой из этих категорий. Все зависело от того, подал ли крестьянин заявление в колхоз и какие отношения сложились у него с местным активом.

Вот, к примеру, как сложилась судьба нашей семьи. Моему отцу, Рымареву Асону Осиповичу, уроженцу этой деревни, 1881 года рождения, власти предложили вступить в колхоз и направить своих старших сынов в актив. Выяснив какую работу они там будут проводить: организовывать колхоз, раскулачивать кулаков и т.д., отец сказал, что грабить людей он детям не разрешит. Хозяйство было раскулачено, а

отец сослан в Кемь на лесоповал Карелии, голых детей выгнали на улицу.

По кассационной жалобе матери в Верховный Суд БССР в деревню выехала выездная сессия. На собрании вспомнили жители деревни о тяжелой судьбе отца с детства: когда ему не исполнилось и трех годиков, умер его отец и он испытал на себе все тяготы сиротства и, чтобы прикупить землицы, с 14 лет он со старшим братом Федором каждую зиму ездил на лесоразработки (заработки). Даже после того, как все три брата женились, они 11 лет жили в одном доме, вели одно хозяйство. Вместе легче было выходить из нужды, хотя у каждого брата было уже по 3—4 детей. Руководил общим хозяйством самый старший брат Афанасий. Верховный суд оправдал отца, и он, возвратясь из ссылки в том же 1930 году, вступил в колхоз, где и работал с присущей ему энергией до 1937 года, вырабатывая вместе с матерью за год 500—600 трудодней, отец осенью приносил на плечах годовой заработок — 20—30 кг зерновых отходов. Жили только за счет приусадебного участка. Хлеб на столе, и только к обеду, был тогда, когда я и брат Михаил занесем на железнодорожную станцию Солтановка лучшие сорта яблок и груш, продадим пассажирам дальних поездов во время стоянки, а в свободные от учебы дни на крыше пригородных поездов съездим в Жлобин, отстоим несколько часов в очереди, при огромной давке и привезем булку хлеба на неделю.

2 сентября 1937 года отца и еще 18 безграмотных крестьян арестовали по линии НКВД, и тройка осудила их как врагов народа. На протяжении 28 лет мы обращались в органы НКВД, КГБ и прокуратуру установить причину ареста, провести расследование и освободить, а после смерти — реабилитировать. Однако Гомельская областная и республиканская прокуратуры постоянно отписывались, что отец “проводил антисоветскую агитацию и осужден правильно, и оснований для пересмотра дела не имеется”. и только после того, как я и брат Михаил написали жалобу на имя генерального прокурора СССР, в 1965 году дело отца было пересмотрено, все сексоты от своих клеветнических доносов 1937 года отказались, и отец был Верховным судом БССР 9 марта 1965 года реабилитирован. Однако с материалами дела отца меня познакомили только через двадцать лет. Я продолжал писать в органы КГБ, просил конкретно указать, в чем заключалась антисоветская агитация отца. Наконец, УКГБ по Гомельской области сообщило, что отец восхвалял контрреволюционный троцкизм. В таких “преступлениях” обвинялся совершенно безграмотный крестьянин, который вместо подписи ставил “+” — крестик?! Отца закатовали в

ГУЛАГе. А как же семья?

Старшего брата Григория после раскулачивания и высылки отца исключили из Красной армии, как сына кулака. По прибытии в 1930 году домой его потрясло ужасное зрелище: каждый день какую-то семью раскулачивали, стоял стон, голосили дети и матери; ночью прятали пожитки, хорошую обувь, кого-то ловили местные власти, раздавались выстрелы из нагана.

Мать одолжила на билет денег, и Григорий уехал куда глаза глядят, что подальше от дома. Так он оказался за хребтом Кавказских гор, в Азербайджане. Там он работал и учился. Но и горы не спасли от преследования. На запрос о социальном происхождении родителей Кировский сельсовет выслал такую справку, что не всякая тюрьма согласилась бы принять его. Не оказался в ГУЛАГе только потому, что учили долгий военный путь от Северного Кавказа до Праги и раны. Григория уволили с работы. Тяжело перенес он эти “разоблачения”, обсуждения, допросы, заболел и умер.

Два брата, Гавриил и Павел, годами не приезжали домой, без какой-либо поддержки со стороны родителей, прирабатывая по вечерам и выходным дням, кончили соответственно Гомельский пединститут и БГУ; до войны работали учителями. В период войны, попав в окружение, вышли из него и пришли к матери, занимались сельским хозяйством. По клеветническому доносу связного были убиты партизанами: Гавриил в сентябре 1942 г., а Павел — в мае 1943 г. без суда и следствия. Всего партизанами было убито 5 жителей деревни. В чем состояла их вина, никто не знает.

В течение 40 лет я беспрерывно пытался установить, какая участь постигла братьев, а позже и причину их гибели, но органы КГБ и военной прокуратуры занимались бюрократическими отписками. Только после того, как я обратился к Главному военному прокурору СССР, а брат Михаил в ЦК КПСС, военная прокуратура Белорусского военного округа провела расследование и обвинила во всем командира партизанского отряда Драчева К.М., который жителей моей деревни не знал и с братьями никогда не встречался. Реабилитированы братья в 1994 г.

В течение 30—40-х годов репрессирована половина крестьянских семей деревни. Поскольку крестьяне не пользовались наемным трудом и никаких антигосударственных и антиколхозных проступков допущено не было, если не считать отказа многих крестьян вступить в колхоз, то выселялись в основном главы семейств или старшие сыны. В период оккупации от немецких властей никто из жителей деревни не пострадал.

В деревне не было и полицейских, потому эту роль выполнял житель соседней деревни Святое Иван Терентьев, по кличке Горбатый, который отличался особым мародерством еще в период коллективизации.

В 1930 году в деревне было организовано два колхоза: “Гудок” и “Чырвоны гай”. После высылки кулаков, подкулачников и врагов всего народа остался один колхоз. После войны только бригада, а к 60-м годам трудоспособных крестьян вообще не осталось. Школу и клуб по ненадобности ликвидировали. Теперь там доживают свой век несколько древних старушек.

Сказать, что я всю жизнь чувствовал себя изгоем, будет сказано мягко, очень слабо. Каждый день и ночь я задавал себе один и тот же вопрос: “За что? За что преследовали нашу семью? Что плохого они сделали власти, колхозу или кому-то из жителей деревни? За что уничтожили мою деревню?”

Из девяти членов нашей семьи троих уничтожили физически, четверо в результате жестокой травли, нищеты, страха и сознания ужасной несправедливости ушли из жизни досрочно.

В 1951 году, когда я пытался защитить честь отца, представитель КГБ Федотов при железнодорожном узле Калинковичи не согласовал меня на работу, связанную с военными перевозками. Даже в 1973 году, по доносу, я был отстранен от занимаемой должности на 4 месяца, пока КГБ по Могилевской области расследовал социальное происхождение и “преступления” против власти моих отца и братьев. И это тогда, когда мой отец был уже реабилитирован (1965 г.).

Обидно и стыдно за державу, которая за многие десятилетия не только не наказала преступников за массовые злодеяния, но и тщательно скрывала от общественности своих “героев” и “патриотов”. Все их грязные дела творились тайно или ночью. Тайно сочинялись доносы, как правило, в пьяном состоянии, тайно судили “двойки” и “тройки”, тайно стреляли в затылок. И даже справку о реабилитации высылали тайно.

Стыдно за державу, которая за многие десятилетия не установила ни одного памятника жертвам террора. Нет его даже в Минске, в Куропатах. У президента нашлись деньги на памятник жертвам афганской авантюры, хотя те, кто погиб в той далекой стране, ни в чем не повинны. А государство, считаю, прежде всего должно нести ответственность за геноцид над своим собственным народом.

Как ни странно, но у многих сейчас ностальгия по прошлому, по диктатуре. Но я не знаю ни одного диктатора, который бы создал

цивилизованное, процветающее государство. Советская, немецкая, румынская, камбоджийская, китайская, северо-корейская и другие диктатуры привели свои народы только к гражданским войнам, голоду и экономическому развалу.

В Куропатах расстреляны десятки, а, может быть, и сотни тысяч человек, а кто-то сейчас это все отрицает. Так где же покоятся крестьяне моей деревни?

Список (далеко не полный)

репрессированных крестьян деревни Силивоновка Жлобинского района Гомельской области — этой сталинской Хатыни.

1. Архипенко Мария Петровна.
2. Архипенко Петр Иванович.
3. Архипенко Яков Иванович.
4. Бондаренко Петр Андреевич.
5. Бондаренко Настасья Михайловна.
6. Герасименко Афанасий Васильевич.
7. Герасименко Василий Гаврилович.
8. Герасименко Григорий Евдокимович.
9. Герасименко Евдоким Васильевич.
10. Герасименко Емельян Васильевич.
11. Герасименко Илья Васильевич.
12. Давыдов Даниил Адамович.
13. Ильин Авдей Михайлович.
14. Ильин Яков Михайлович.
15. Ковалев Павел Леонович.
16. Кредиков Петр Авраамович.
17. Краснобаев Леонид Иванович.
18. Кунцевич Антон Петрович.
19. Кунцевич Иван Петрович.
20. Кунцевич Федор Васильевич.
21. Марков Василий Фомич (а его жена Варвара из-за безысходности, нищеты и обид сошла с ума, оставив малолетних детей).
22. Марков Емельян Фомич.
23. Марков Карп Демьянович.
24. Его зять Петр Федорович.
25. Марков Максим.
26. Марков Марк Константинович.
27. Марков Степан Демьянович.

28. Марков Федор Терентьевич.
29. Миронов Давыд Денисович.
30. Миронов Иван Евменович.
31. Николаева Дуня Радионовна.
32. Николаев Яков.
33. Пугачев Андрей Степанович.
34. Пугачев Кузьма Степанович.
35. Рымарев Асон Осипович.
36. Рымарев Гавриил Асонович.
37. Рымарев Павел Асонович.
38. Рымарев Афанасий Осипович.
39. Рымарев Влас Архипович.
40. Рымарев Степан Архипович.
41. Рубанов Гордей Антонович.
42. Рубанов Захар Антонович.
43. Руденков Павел Карпович.
44. Свириденко Егор Миронович.
45. Свириденко Марфа Авраамовна.
46. Свириденко Никита Авраамович.
47. Товстелев Григорий Павлович.
48. Шиленков Борис Иванович.
49. Шиленков Захар Алексеевич.
50. Якушев Иван Максимович.

В. СКАЛАБАН (Мінск, Беларусь)

УДЗЕЛ ВА ЎСЕБЕЛАРУСКІМ З'ЕЗДЗЕ 1917 Г. ЯК ПАДСТАВА
ДЛЯ РЭПРЭСІЙ

Усебеларускі з'езд 1917 г. — выдатная падзея ў гісторыі Беларусі. Як гістарычная з'ява ён сфакусіраваў у сабе праблемы сацыяльна-палітычнай гісторыі Беларусі пачатку XX стагоддзя, праблемы нацыянальна-дзяржаўнага Адраджэння з усімі яго гераічнымі і трагічнымі старонкамі, шляхетнымі спадзяваннямі і гістарычнымі рэаліямі, рэаліямі, што гадоў праз 70 атрымаюць назву “белых плямаў”...

На з'ездзе прысутнічалі 1872 дэлегаты, з іх 1167 — з рашаючым голасам. Гэта былі прадстаўнікі вёскі і горада, Саветаў рабочых, сялянскіх і салдатскіх дэпутатаў, войска, бежанскіх саюзаў і камітэтаў, прафсаюзаў, палітычных партый і арганізацый. Нягледзячы на розніцу ў поглядах, дэлегаты здолелі паяднацца дзеля агульнай найвышэйшай мэты — адбудовы Вольнай Беларусі. У ноч з 17 на 18 снежня 1917 г. з'езд прыняў

першы пункт рэзалюцыі, у якім абвешчалася стварэнне са свайго складу Усебеларускага савета сялянскіх, рабочых і салдацкіх дэпутатаў. У гэты час у залу прыйшлі нарком унутраных спраў Заходняй вобласці і фронту Л. Рэзаўскі, начальнік мінскага гарнізона М. Крывашэін (на добрым падпітку) і аб'явілі з'езд распушчаным, а прэзідыум арыштаваным. У залу ўварваліся салдаты Першага мінскага рэвалюцыйнага атрада пад камандаваннем Рамнёва і разагналі з'езд. Паводле сведчання газеты “Беларуская Рада”, гвалт над дэлегатамі працягваўся ад паловы другой ночы да пяці гадзінаў раніцы¹. Газета змясціла і спіс арыштаваных — 25 чалавек. Паводле пратаколу удзельнікаў з'езду, складзенага ў Мінску 18 снежня 1917 года і апублікаванага Я.С. Канчарам, адным з арганізатараў з'езда, было арыштавана 27 чалавек².

У Цэнтральным вайсковым архіве ў Варшаве зберагаецца фонд Камісарыята па справах нацыянальнасцей Заходняй вобласці і фронту за 1917—1918 гг. Асобная справа прысвечана беларускім пытанням (І. 243, 18/5). У справе сярод іншых матэрыялаў, што чакаюць свайго публікатара і даследчыка, захоўваюцца пратаколы допытаў арыштаваных дэлегатаў з'езда А.Ц. Вазілы, К.А. Гушчы. З.А. Юр'евай, І.С. Дварчаніна, С.М. Малышчыцкага, А.В. Шаўчука, І.М. Серады, Р.Л. Шышлева (л. 6—8 адв.). Галоўнае, што цікавіла следчага — ці прымалася рэзалюцыя аб стварэнні Беларускай Рэспублікі.

У паведамленні Савета Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту, надрукаваным у бальшавіцкай “Советской правде” 21 снежня, з'езд аб'яўляўся “по составу своему в большинстве чисто националистическим, с преобладанием соглашательских, полусоциалистических и чисто буржуазных элементов”.³ У паведамленні ўжо была і злавесная пагроза: “Народ сам разберется, где его враги, где его друзья, и не даст себя обмануть; эта уверенность в поддержке широких народных масс края дает нам силу энергично продолжать начатое дело борьбы со всеми явными и тайными предателями народного дела, народных интересов” (падкарэслена намі — В.С.). Каб сцвердзіць антынародны характар з'езда, у “Советской правде” праз дзень, 23 снежня 1917 г., друкуецца артыкул Г.Ф. Усцінава⁴, поўны здэклівых ацэнак, прасякнуты амаль фізіялагічным непрыманням усяго беларускага. І нацыянальныя строі ў спевакоў — украінскія, і пры адкрыцці з'езда спевакі “что-то ожесточенное пели на полуукраинском, полупольском, полурусском языках”, і з'ехаліся на з'езд “местные рестораторы, да купцы, да генералы”, і наогул, гэта было “социал-шовинистическое сборище”, якое называла сябе

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
“всебелорусским учредительным собранием”.

30 студзеня 1918 г. СНК Заходняй вобласці і фронту распусціў Цэнтральную беларускую вайсковую раду і арыштаваў яе членаў. У звароце, змешчаным у “Советской правде” 31 студзеня 1918 г., СНК, паклёпнічаючы на Усебеларускі з’езд, заяўляў, што з’езд “был созван в Минске белорусскими кадетами, представителями буржуазии и тех политических партий, которые хотят использовать темноту и невежество народных масс для свержения народной Советской власти и порабощения народа”. Так фарміраваліся стэрэатыпы і ідэалагічныя ўстаноўкі, што перетварыліся ў абвінавачванні і з’яўляліся падставай для рэпрэсій.

Адным з першых, каму прыпомнілі ўдзел у з’ездзе, быў Аляксандр Вазіла.⁵ У верасні 1918 г. беларусы — маракі Балтыйскага флоту прывезлі на трэці з’езд саветаў Заходняй вобласці ў Смаленску рэзалюцыю з паграбаваннем утварыць Беларускую вобласць з цэнтрам (у будучым) у Полацку. Сярод іншых гэтую рэзалюцыю падпісаў і А. Вазіла, які працаваў у Петраградскім аддзяленні Беларускага нацыянальнага камісарыята (Белнацкома). В.Г. Кнорын, на той час сакратар Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РКП(б), у артыкулах “Советские” социал-шовинисты” і “Еще раз о “советских” социал-шовинистах”, змешчаных у “Звездзе”, абвінаваціў Белнацком, які афіцыйна падтрымаў маракоў, і асабіста А.Т. Вазілу — меншавіка, “опытного режисера Всебелорусского съезда”⁶, у правядзенні сацыял-шавіністычнай работы пад савецкім сцягам. Як сцвярджаў В.Г. Кнорын, у адказ на гэта кіраўнік справамі Белнацкама І.В. Лагун заявіў, што ён “удалит Вазилло”. Далей Кнорын каментыраваў: “Хорошо, если он это сделал, ибо политика таких господ не может быть нами терпима”.⁷ І сапраўды, 21—22 кастрычніка 1918 г. адбылося пасяджэнне Калегіі адказных служачых Петраградскага аддзялення Белнацкама (афіцыйная назва — Беларускі аддзел Камісарыята па справах нацыянальнасцей Саюза Камун Паўночнай вобласці), якая заслухала даклад прадстаўніка Белнацкама А.Х. Усціловіча (Усціновіча) пра старшага супрацоўніка культурна-асветнага пададдзела А.Т. Вазілу і паставіла “па незалежных ад т. Вазілы палітычных меркаваннях часова адхіліць т. Вазілу ад актыўнай працы ў аддзеле з прадстаўленнем яму ў аднаведнасці з існуючым палажэннем двухтыднёвага акладу”.⁸ Цікава адзначыць, што на гэтым жа пасяджэнні было вырашана тэрмінова надрукаваць прамову А.Т. Вазілы на Усебеларускім з’ездзе. Парадокс? Так, адзін з парадоксаў, якіх вельмі шмат у гісторыі Беларусі XX стагоддзя.

Ці не першым з былых дэлегатаў Усебеларускага з'езда быў замардаваны чэкістамі Фабіян Шантыр, бальшавік, лідэр левай плыні на з'ездзе. Ён быў расстраляны па надуманых абвінавачваннях у маі 1920 г., рэабілітаваны ў сакавіку 1992 г. Яго папличнік па левай плыні Усевалад Фальскі ў 1921 г. арыштаваны і прыгавораны да расстрэлу, замененага турэмным зняволеннем. У 20-я гады на Беларусь яго так і не пусцілі, ён працаваў на Украіне дырэктарам тэатра імя М. Занькавецкай. Далейшы лёс невядомы. Рэабілітаваны 6 жніўня 1996 г.⁹

На пачатак 30-х гадоў у афіцыйнай беларускай савецкай гістарыяграфіі Усебеларускі з'езд ацэньваўся як адназначна антынародны і контррэвалюцыйны. “А сейчас уже пора даже самому отсталому рабочему и крестьянину понять, что 1-й Всебелорусский конгресс был Белорусским Учредительным собранием, направленным против диктатуры пролетариата и против самих белорусских рабочих масс, во имя мелкобуржуазного белорусского интеллигента и кулака”, — пісаў В.Г. Кнорын у 1934 г., адкінуўшы як і свае ранейшыя агаворкі пра “моцную левую фракцыю” і існаваўшую магчымасць пры ўмелым партыйным кіраўніцтве раскалоць з'езд і яго рэвалюцыйную частку аб'яднаць пад савецкім сцягам, так і спробы А. Бурбіса, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага, А. Чарвякова знайсці больш лагодныя, з пункту гледжання нацыянальна арыентаваных камуністаў-беларусаў, фармулёўкі. Так удзельнікі беларускага руху трапілі ў чорны спіс. Ён захаваўся і мае назву “Спісок удзельнікоў беларускага нацыяналістычнага руху (1917—1924)”. Звесткі пра яго ўпершыню прыведзены У.І. Адамушкам. Спіс налічваў 826 чалавек і ўсе з іх, хто застаўся пражываць на тэрыторыі СССР, былі рэпрэсаваны.¹⁰ Паводле папярэдніх падлікаў, 182 чалавекі са спіса пазначаны як дэлегаты Усебеларускага з'езда. Гэты ўнікальны дакумент патрабуе спецыяльнага даследавання і таксама чакае свайго публікатара. Пакуль выкажам меркаванне, што спіс складаўся архівістамі ў 30-я гг. у выніку распрацоўкі архіва БНР, прычым складаўся адначасова з падрыхтоўкай “Матэрыялаў о белорусских националистических организациях (1917—1924 гг)”, што зберагаецца сярод збораў Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ (ф. 60, воп. 3, спр. 748).

Адзначым, што тэма “Архівы і рэпрэсіі” зусім недаследаваная. Прычым, трэба ўлічваць, што архівісты і самі трапілі пад каток рэпрэсій. У 1935 г. дырэктар Цэнтральнага архіўнага ўпраўлення БССР А.Р. Іюдка ў тлумачальнай запісцы для праекта пастановы ЦК КП(б)Б аб архівах БССР абвінавачваў сваіх папярэднікаў “нацдэмаў” З.Х. Жылуновіча і

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

яго намесніка М.В. Мясешку у тым, што “относительно так называемого “Всебелорусского съезда” нацдемов в декабре 1917 года сохранено множество контрреволюционных листовок и протестов против разгона этого съезда большевиками, но не сохранено ни одной резолюции рабочих, крестьян или солдат, в которых деятельность большевиков одобрялась бы. Нацдемы не сохранили даже в архивах номеров “Звезды” за декабрь 1917 года, где эти документы могли быть помещены”¹¹. Нягледзячы на такую “звышпільнасць”, і сам А. Іодка быў рэпрэсаваны.

Жорсткая таталітарная машина знішчала не толькі ўдзельнікаў змагання за адбудову Беларусі — дэлегатаў Усебеларускага з’езда, але і памяць пра гэтых святых для Беларусі асобаў. Прычым, для гэтага існавала цэлая сістэма ідэалагічнага нагляду і цензуры. З 1945 г. Інстытут гісторыі АН БССР распачаў працу па выданні бібліяграфічнага слоўніка “Выдатныя дзеячы Беларускай зямлі” пад рэдакцыяй сакратара ЦК КП(б)Б Ц.С. Гарбунова. У 1947 г. біяграфіі палітычных дзеячаў былі накіраваны дырэктарам Інстытута М.М. Нікольскім на рэцэнзію загадчыку Партархіва ЦК КП(б)Б Ф.В. Папову, які прапанаваў не ўключыць у слоўнік біяграфіі А.Л. Бурбіса, бо ён быў членам Рады Усебеларускага з’езда, і вядомага народавольца А.В. Бонч-Асмалоўскага, бо ён як памешчык быў ганаровым членам прэзі-дыума “съезда националистов и буржуазии Белоруссии”.¹²

“Вяртанне” дэлегатаў Усебеларускага з’езда на Беларусь было доўгім. Яно распачалося ў 1956 г., потым замарудзілася, актывізавалася з канца 80-х гг. Працягваецца і сёння. Дзеля будучыні Беларусі яно неабходнае.

¹ Усебеларускі з’езд 1917 года: сведчанне сучасніка. Публікацыя В. Скалабана. Заканчэнне. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 59.

² Канцер Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Публікацыя В. Сороки и В. Скалабана. // Нёман. 1993. №1. С. 156.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. Мн., 1957. С. 599.

⁴ Пра рускага пражаніка, крытыка і публіцыста Г.Ф. Усцінава, які ў мінскіх бальшавіцкіх газетах друкаваўся пад псеўданімам Г. Фанвіч, гл.: Скалабан В.У. Проза Максіма Гарэцкага як гістарычная крыніца // Гуманітарна-эканамічны веснік. 1997. № 3. С. 35.

⁵ Пра А.Т. Вазілу гл.: Усебеларускі з’езд. “Выратавальная” прамова А.Вазілы. Публікацыя В.У. Скалабана. // Гуманітарна-эканамічны веснік. 1996. № 2. С. 42.

Н. Стужынска. Антыбальшавіцкі рух у Беларусі і палітычныя рэпрэсіі...

⁶ Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Мн., 1990. С. 30.

⁷ Там сама. С. 33—34.

⁸ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), ф. 4 (Белнацком), воп. 1, спр. 7, л. 61 адв. — 62.

⁹ Пра У.С. Фальскага гл.: Селяменеў В., Скалабан В. Тры лісты Усевалада Фальскага // Тэатральная творчасць. 1996. №6; Касинская А., Крапивин С. Визит Дамы // Народная газета. 1997. 11—13 кастрычніка.

¹⁰ Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20—50-х гадоў на Беларусі. Мн., 1994. С. 42; Гл. таксама адзін з варыянтаў спіса: НАРБ, ф. 4 (ЦК КПБ), воп. 21, спр. 31.

¹¹ НАРБ, ф. 4, воп. 40, спр. 59, л. 43—44.

¹² НАРБ, ф. 4, воп. 29, спр. 570, л. 228—232. Папоў Фёдар Восіпавіч (1907, Вяцкая губерня — 1970, Магілёў), у 1936 г. скончыў аддзяленне навуковых супрацоўнікаў Інстытута Маркса-Энгельса-Леніна пры Маскоўскім гісторыка-архіўным інстытуце. З 1938 г. загадчык Партархіва ЦК КПБ, у 1955—1960 гг. дырэктар Магілёўскага педінстытута. Кандыдат гістарычных навук (1950). Рукапіс слоўніка зберагаецца ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Гл.: Скалабан В. Из истории белорусской библиографии // Из истории науки и техники Белоруссии. Тезисы докладов конференции. Мн., 1988.

Н. СТУЖЫНСКАЯ (Мінск, Беларусь) АНТЫБАЛЬШАВИЦКІ РУХ У БЕЛАРУСІ І ПАЛІТЫЧНЫЯ РЭПРЭСІІ. 20-Я ГАДЫ ХХ СТ.

Прысвечана 80-годдзю БНР

Дадзеная тэма — адна з найбольш актуальных і слаба даследаваных праблем у беларускай гістарыяграфіі. Архівы разам з тым хаваюць каласальны пласт сведчанняў гісторыі, якія мала вядомыя, а лепш сказаць зусім невядомыя грамадству. Гісторыкі Беларусі толькі-толькі прыступілі да асваення тэматыкі. Гэты працэс даследавання суправаджаецца вострымі навуковымі дыскусіямі і несупадзеннем пунктаў погляду. З-за змены палітычнай кан'юктуры, вывучэнне дадзенай тэматыкі на сённяшні дзень праходзіць цяжка, як і даўдзённе вынікаў даследаванняў да чытача.

Знаёмства з дакументальнымі крыніцамі, і у першую чаргу з матэрыяламі архіваў КДБ Рэспублікі Беларусь, пасеялі сумненні адносна справядлівасці вывадаў бадай адзінага фундаментальнага выдання па дадзенай праблеме — манаграфіі Адамушкі «Палітычныя рэпрэсіі 20—50-х гадоў на Беларусі» (Мінск, 1994 г.). У аснове садзьянага зла, на думку аўтара, ляжала сталінская ідэя абвастрэння класавай барацьбы, як непарыўнага і пашыранага працэса. Рэпрэсіі, як падкрэслівалася,

былі накіраваны супраць неіснуючага класавага ворага і мелі неабгрунтаваны характар.

Такім чынам, на думку аўтара, савецкая ўлада на шляху свайго станаўлення не сустрэла асаблівага супраціўлення, і ёй толькі і заставалася, як ворагаў прыдумаць. Пытанні якасці, формы ўлады, пытанне аб шляхах яе ўсталявання не ўздываюцца.

Шмат пытанняў выклікаюць прыведзеныя статыстычныя дадзеныя, якія прызваны падтрымліваць легенду, што ў першае паслякастрычніцкае дзесяцігоддзе новая ўлада забяспечыла народнае шчасце і толькі сталінізм парушыў ідылію. Напрыклад, у 1921 годзе палітычным рэпрэсіям, па дадзеных аўтара, падвергліся 22 чалавекі.

У той жа час па вядомай мне справе савінкаўцаў-залёнадубцаў прыцягвалася ў жніўні 1921 г. 76 чалавек, 22 з якіх былі расстраляны. Думаю, што аўтар паверыў статыстыцы, якую вывелі самі спецорганы. Згодна з ёй, у 1923 годзе ўвогуле няма пакараных, хаця менавіта ў гэты перыяд працягвалася актыўная расправа над беларускімі эсэрамі. А наступны — 1924 год паставіў кропку ў іх палітычнай дзейнасці. Савецкая ўлада не пацярпела шматпартыйнасці.

Тут прыходзіць на ўсмямін фраза, кінутая супрацоўнікам КДБ са стажам: «Даром свой хлеб чекісты не елі». Выказанае мае сэнс, калі ўлічыць, што станаўленне савецкай улады ў Беларусі выклікала бязлітаснае супраціўленне аднаведных палітычных сіл, галоўнай з тэй, якіх была незалежная Беларусь і несавецкая форма ўладкавання свету.

З адпаведнай асцярожнасцю выкажу думку, што грамадзянскай вайны ў класічнай расійскай форме ў Беларусі не атрымалася. Беларусы стараліся трымацца ў баку і ад белых і ад чырвоных. У лясах хавалася каласальная колькасць дэзерціраў, якія не ішлі далёка ад роднай вёскі, ад дому.

Асноўная сутнасць 20-х гадоў — барацьба большай часткі мясцовага насельніцтва супраць навязанай, нежаданай улады — «савецка-маскавецкай». Савецкая гістарыяграфія схавала галоўны сэнс гэтай барацьбы за крымінальнымі штампамі тыпу «палітычны бандытызм», «кулацка-шляхецкая контррэвалюцыя».

Апазіцыя новай улады ў Беларусі праявілася адразу ж пасля кастычніка ў форме жорсткага ўзброенага супраціўлення. Шырокай хваляй прайшлі сялянскія паўстанні. Ужо ў снежні 1917 г. на Міншчыне арганізоўваюцца першыя партызанскія атрады, якія ваявалі і з белымі і з чырвонымі. У 1918 г. сапраўдная антыбальшавіцкая вайна ахапіла тэрыторыю Віцебскай губерні. Паўстала насельніцтва Аршанскага,

Н. Стужынска. Антыбальшавіцкі рух у Беларусі і палітычныя рэпрэсіі...
Мсціслаўскага, Сенненскага. Полацкага і іншых паведаў. Восенню адбыліся многатысячныя паўстанні ў Вяліжскім і Парэцкім паведах. На нейкі час паўстанцы дабіваліся поспеху і бралі ўладу ў свае рукі, выкарыстоўваючы форму народнага самакіравання.

1919 год даў новы ўздым паўстанняў. Сяляне Рагачоўскага, Клімавіцкага, Рэчыцкага паведаў Магілёўскай губерні актыўна падтрымалі так званы стрэкапытаўскі мяцеж, які пачаўся ў сакавіку ў Гомелі і імкліва распаўсюджваўся на губерню. У чэрвені 1919 г. паўсталі сяляне Дзісенскага і Браслаўскага паведаў Віленскай губерні. Восенню працягваліся магутныя паўстанні на Віцебшчыне. У 1920 г. падзеі прымаюць больш выразны палітычны і арганізацыйны характар. Белы рух губляў моц. Праціўнікі чырвонай Расіі ўсё больш увагі надаюць так званаму зялёнаму руху, трэцяй сіле, якая павінна была стаць ядром антыбальшавіцкага фронту. Рух супраціўлення набывае сваіх ідэйных натхняльнікаў, палітычных кіраўнікоў і арганізатараў. Імкліва растуць рады партый і ўстаноў, якія вядуць барацьбу за незалежнасць і дзяржаўнасць Беларусі. Гэта такія, як Беларуская партыя сацыял-рэвалюцыянераў і Беларуская сялянская партыя «Зялёнага Дуба». Канчаткова арганізацыйнае афармленне «Зялёнага Дуба» адбылося восенню 1920 года. Менавіта гэтыя (і іншыя) установы рыхтавалі і ўзначальвалі паўстанцкія акцыі і ўзброенае супраціўленне Чырвонай Арміі. Іх праграмы аформілі ў канчатковую мэту думку, што выратаванне ад знявагі, рабавання шматлікімі акупантамі, бязладдзя ваеннага часу неабходна шукаць ва ўласнай нацыянальнай дзяржаве. Гэта новая палітычная з'ява, у параўнанні з падзеямі 1918—1919 гг., калі незалежніцкія тэндэнцыі яшчэ не вызначыліся ў агульным антыбальшавіцкім рэчышчы.

Гісторыя вядомага Слуцкага паўстання (кастрычнік—снежань 1920 г.) — яскравы доказ кардынальных змен ў паўстанцкім руху. У якасці галоўнай яго мэты высюўваецца дзяржаўная самастойнасць Беларусі. Больш чым месяц слуккія паўстанцы (каля 15 тыс. чалавек) трымалі ўладу Беларускай Народнай Рэспублікі ў 15 валасцях, дзе былі створаны органы мясцовага самакіравання — беларускія нацыянальныя камітэты.

Не пажадалі прызнаць савецкую ўладу і падпарадкавацца яе загадам (па звестках павятовых камісараў з Барысава і Смалявіч у лістападзе 1920 г.) сяляне Міншчыны, якія заявілі аб прызнанні толькі «ўлады ўрада БНР».

Незалежнасць і адзінства Беларусі — галоўная мэта «Зялёнага Дуба», якая разам з перакананым антыбальшавізмам прыцягнула ў

рады гэтай баявой арганізацыі тысячы партызан. У пачатку дзейнасці партыя налічвала каля 400 чалавек, а ў год найбольшай актыўнасці антысавецкай партызаншчыны каля 3,5 тысяч баявікоў падпарадкоўваліся Галоўнаму штабу «Зялёнага Дуба».

Такім чынам, адна з істотных прычын і матываў шырокага партызанскага руху ў Беларусі — імкненне большай часткі насельніцтва да незалежнага самастойнага дзяржаўнага ладу, як адна з прычын жорсткіх палітычных рэспрэсій, па сутнасці працягу грамадзянскай вайны. Аб гэтым сведчаць матэрыялы першых працэсаў. Так, за арганізацыю «белага беларускага палка» у студзені 1921 г. быў расстраляны камандзір Слуцкага палка брыгады БНР Павел Чайко. Доўгі час у савецкай літаратуры адмаўляўся сам факт Слуцкага паўстання. Аднак у следчых справах ЧК—ГПУ захавалася падрабязная гісторыя падрыхтоўкі ўзброеных сіл паўстанцаў, баявых сутыкненняў.

Восенню 1921 года ў Мінску была раскрыта зялёнадубаўская арганізацыя, якая мела даволі шырокую сетку сярод мінскай інтэлігенцыі. Па справе савінкаўцаў-зялёнадубаўцаў («ЗД» дзейнічаў у саюзе з «Народным саюзам Радзімы і Свабоды» Б. Савінкава) прыцягваліся 32 чалавекі, 9 з якіх былі прыявораны да расстрэлу, у тым ліку вядомыя на Беларусі людзі: кіраўнік беларускага хору Уладзімір Цяраўскі і дырэктар беларускага тэатру Усевалад Фальскі. На шчасце, расстрэл быў заменены на 5 год турмы. Справа зялёнадубаўцаў прадстаўляе інтарэс як адно з найбольш захаваўшыхся, дзе фіксаваліся і палітычныя мэты і бытавыя падрабязнасці. За што судзілі? Асноўная віна — «барацьба за аднаўленне беларускай дзяржаўнасці». З кантэкста выходзіць, што «беларус» у разуменні чэкістаў не столькі нацыянальная прыналежнасць, колькі пэўны палітычны статус. Так, сэксот Сцепанішчаў дакладаў: «З 10 на 11 верасня 1921 г. у нашу камеру № 1 прывялі Лёсіка. Ён беларус. Гаворыць, што бальшавікі ў Беларусі сталі ўводзіць мураўёўскія парадкі». А ў канцы зрабіў свой вывад: «... Усе беларускія арганізацыі — гэта пункты для зборышча беларускіх псіхапатаў для агітацыі і падрыву савецкай улады».

1921 год прынёс на Беларусь новае гора — масавыя высылкі так званых бандытаў і іх сем'яў. Трэба адзначыць, што дакументаў выяўлена недастаткова. З рассакрэчаных крыніц даследаваны матэрыялы толькі па Слуцкаму павету. Згодна іх, высяленню кожны месяц, пачынаючы з ліпеня 1921 года, падлягалі 20—30 сем'яў «бандытаў», для чаго начальнік баявога ўчастка патрабаваў ад кіраўніцтва Заходняга фронту па 2 вагоны, якія пасля фарміравання састава з Беларусі накіроўваліся ў

Н. Стужынска. Антыбальшавіцкі рух у Беларусі і палітычныя рэпрэсіі...
адрас Архангельскай ЧК. Вядома, што ўжо ў кастрычніку 1921 г. ваенком Заходняга фронту Янсан загадаў падаць пад нагрузку высяляемых з Беларусі людзей 30 вагонаў. Як гэта ні дзіўна, але сем'і дзяліліся на працаздольных і непрацаздольных. У другую катэгорыю нападзілі ў асноўным старыя і жанчыны з малымі дзецьмі. Вагоны з імі накіроўваліся ў Волагду.

У беларускім друку 1924 года шырока асвятляўся працэс над членамі паўстанцкага атрада Георгія Моніча. На лаўку падсудных як «агенты польскай дзефензівы» патрапілі 75 сялян Барысаўскага павета. У асноўным гэта маладыя людзі абадвага полу з вёскі Малыя Жабрычы (адкуль быў і сам атаман) і суседніх з ёю.

За славеснай газетнай шалупінай можна вызначыць, што атаман агітаваў за асобную ад Расіі Беларусь, за Устаноўчы сход. Партызаны, як пісала газета, выступалі супраць непасільнага харчпадатку, «камуністычных законаў» і «ўлады пастухоў». 28 чалавек былі прыгавораны да расстрэлу, астатнія — на высылку ў лагеры на тэрмін ад 10 да 3-х гадоў.

У 1925 годзе новыя працэсы — над слуцкімі паўстанцамі. Камандзір Слуцкага палка Ахрэм Гаўрыловіч, лётчык Сяргеенка і былы каптэнармус палка Маркевіч былі асуджаны на розныя тэрміны.

У гэтым жа годзе быў вынесены смяротны прыгавор начальніку штаба «Зялёнага Дуба» Уладзіміру Ксяневічу, па вызначэнню следчага ГПУ. «нацыяналісту-беларусу».

Літаральна ўскалыхнуў Беларусь так званы лістападаўскі працэс (люты — сакавік 1926 года). У 1925 годзе спецорганами была раскрыта беларуская маладзёжная арганізацыя на Случчыне. Па прозвішчу кіраўніка арганізацыі, які ў мінулым быў актыўны ўдзельнік Слуцкага паўстання, Юркі Лістапада, апазіцыйны рух моладзі атрымаў назву — лістападаўшчына. Улёткі, расклееныя маладымі людзьмі ў вёсках, заклікалі да паўстання супраць савецкай улады.

Заклікі былі даволі падрабязныя, з апісаннем гаротнага стану вёскі і злоўжыванняў улады. Дакументы настолькі пераканаўчыя, што ёсць сэнс прывесці адну з улётак на мове арыгіналу:

«Браты-сяляне!

На нашых вачох адбылася рэвалюцыя. Вы бачылі тое, чаго не бачылі вашы дзяды. Сем гадоў пануюць у нас бальшавікі. За гэты час колькі вашых сыноў і братоў пайшло на той свет! Колькі знішчана добра, спалена пабудоў, адабрана ад вас коней, кароў. Наш родны край — Беларусь — была заліта кроўю нашай і вашай. За тое нам абяцаліся:

што не будуць браць падаткаў, дадуць свабоду, дарэмныя школы і бальніцы і г.д. Рай дакляравалі бальшавікі нам на словах, але што мы бачым? Савецкая ўлада забірае апошнюю кароўку за падатак. Наш хлеб ідзе задарма. Школ няма. За вучобу трэба плаціць. За лякарствы плаці. У сельскай радзе плаці. На пошце — плаці. Без грошай ні шагу — нас ашукалі. Дык вон ашуканцаў. За што плаціць падатак? (Так і пры цары было)!

Сяляне!.. Не плаціце падатку. Гуртуйцеся цэлымі вёскамі і не плаціце! А ў горадзе зноў гадуюць жываты. На нашым дарэмным хлебе. Зноў ужо ходзяць у галёшах, а ў нас няма лапцей за што купіць.

У горадзе раз'язджаюць пузачы, а ў нас нямадохлага каня для працы. Савецкая ўлада натравіла суседа на суседа, брата на брата, каб вы ня верылі адзін другому і не згаварваліся проці ўлады.

Сяляне! Кіньце сварыцца. Арганізуйцеся ў сялянскі хаўрус!

Ваш вораг ня сусед, а бальшавікі. Зноў турмы запоўнены сялянамі за падатак і іншае. Зноў сялянін павінен знімаць шапку перад савецкім панам! Далоў паноў-камуністаў!

Сяляне! Не верце брахні камуністаў. Яны вас ашукалі і будуць далей ашукваць.

Сяляне, арганізуйцеся. Брат з братам, сусед з суседам, вёска з вёскай і так далей, пакуль не будзе злучана ўся Беларусь!

Нас сілком падзялілі. Адну частку Беларусі душаць польскія паны, а другую — маскоўскія бальшавікі! Нашаю працай, працай гаротнага беларускага селяніна кормяцца ўсе дармаеды. Вы павінны сказаць: наша праца, наш хлеб — нам! Мы самі галодныя!

Сяляне! Падумайце над праўдаю! Далоў ашуканцаў і далоў новых паноў-камуністаў. Мы хочам быць самі над сабой гаспадарамі. Далоў голад і холад!

Жыве Беларусь!»

Лістападаўская справа мае працяг і ў нашы дні. 16 лістапада 1994 года Мінскі абласны суд прызнаў, што «рэабілітацыі лістападаўцы не падлягаюць». Прычыны адказу, на думку суддзяў, у тым, што моладзь «аб'ядналася ў контррэвалюцыйную арганізацыю, якая мела сваёй мэтай барацьбу з Савецкай уладай шляхам падрыхтоўкі ўзброенага паўстання, заклік сялян не плаціць падаткі, зваць насельніцтва да масавых паўстанняў... пад заклікамі пабудовы незалежнай вольнай Беларусі».

Лістападаўскі працэс — апошні працэс, які асвятляўся ў друку. Тэма супраціўлення ўладзе, «палітычнага бандытызму» не падымалася аж да 80-х гадоў.

Працэс над «балахоўцамі», маладымі людзьмі, былымі курсантамі беларускіх ваенных школ, у канцы 20-х гадоў праходзіў за зачыненымі дзвярыма. Улады ўжо цішком знішчалі былых удзельнікаў нацыянальнага руху.

Н. ТОКАРЕВ (*Мінск, Беларусь*)

УЧЁНЫЕ АКАДЕМИИ НАУК — ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ 30—40-х ГОДОВ.

В конце 20-х годов, следуя выдвинутому Сталиным тезису об обострении в стране классовой борьбы по мере продвижения по пути социалистического строительства, контрреволюционной деятельности против советской власти, были предприняты широкомасштабные действия, направленные на жёсткое подавление всякого недовольства происходившей на рубеже 20—30-х годов резкой сменой политического курса. В 1928—1931 гг. по стране прокатилась волна крупных политических процессов. В 1928 г. — «шахтинское дело», в 1930 г. — суд над «промпартией», «трудовой крестьянской партией». Был нанесён удар и по национальной интеллигенции, которую пытались дискредитировать и деморализовать.

В Беларуси весной-летом 1930 г. начало фабриковаться дело «Союза освобождения Белоруссии». Была арестована большая группа сотрудников Наркомзема, Наркомпроса, деятелей науки и культуры. Только в Белорусской Академии наук было арестовано свыше 30 человек.

В печати усилилась компания против «национал-демократов», за которой в отличие от предыдущих лет последовали меры, явно выходящие за пределы законности. Ещё в декабре 1929 г. из состава действительных членов Белорусской академии наук исключён языковед Н. Н. Дурново, в начале 1930 г. историк М. И. Яворский. В октябре 1929 г. с поста вице-президента освобождён академик С. М. Некрашевич и с поста постоянного секретаря — академик В. У. Ластовский.

Под огонь критики попал и первый президент Белорусской академии наук, белорусский историк В. М. Игнатовский. Ему были предъявлены надуманные обвинения в том, что он «не преодолел пережитков антипролетарского мировоззрения... вёл борьбу против национальной политики партии... служил ширмой для прикрытия национал-демократических элементов и превращения Белорусской Академии наук в плацдарм для контрреволюционной деятельности нацдемовской организации...» В январе 1931 г. В. М. Игнатовский и академик АН БССР Д. Ф. Жилунович были исключены из рядов Компартии Белоруссии.

Не приняв выдвинутых против него обвинений и не веря в возможность доказать в сложившихся условиях их несоответствие действительности, В. М. Игнатовский 4 февраля 1931 г. покончил жизнь самоубийством. В октябре 1990 г. с него были сняты все политические обвинения.

6 декабря 1930 года Совнарком БССР постановил исключить из состава Белорусской Академии наук Г. И. Горецкого, А. Д. Дубаха, В. У. Ластовского, И. Ю. Лёсика, С. М. Некрашевича, В. И. Пичету, лишив их звания академиков. Основание лишения их звания академика формулировалось так: «в связи с выявлением враждебной контрреволюционной деятельности группы академиков Белорусской Академии наук, деятельность которых была направлена против диктатуры пролетариата и на срыв успешного социалистического строительства».

Следует отметить, что к моменту принятия этого решения правительством республики названные учёные находились в предварительном заключении. Приговор же по их делу был вынесен только 10 апреля 1931 г. коллегией ОГПУ БССР. Это означает, что ещё до решения этого внесудебного органа они были обвинены в контрреволюционной деятельности и на этом основании лишены звания академиков. Таким образом, решение правительства республики было не только преждевременным, но и незаконным, так как основывалось на решении внесудебного органа. К тому же сама академия не принимала подобных мер в отношении этих лиц.

Впоследствии все указанные учёные были восстановлены в звании академика АН БССР: В. И. Пичета в 1940 г., Г. И. Горецкий в 1965 г., А. Д. Дубах, Н. Н. Дурново и С. М. Некрашевич в 1978 г. В июне 1988 г. судебная коллегия Верховного суда БССР рассмотрела протест прокурора БССР на постановление Коллегии ОГПУ БССР от 10 апреля 1931 г. Она установила, что обвинения В. У. Ластовского, И. Ю. Лёсика и других в том, что они «являлись членами контрреволюционной организации «Саюз вызвалення Беларусі», осуществляли организованное вредительство на культурном, идеологическом и других участках социалистического строительства, проводили антисоветскую националистическую агитацию, ставя целью отторжение Белоруссии в этнографических границах от Советского Союза и создание так называемой Белорусской народной республики, не имеют под собой никаких оснований. Было установлено, что в материалах дела не имеется объективных доказательств, свидетельствующих о существовании в БССР контрреволюционной организации «Саюз вызвалення Беларусі»,

отсутствуют объективные данные о том, что проходившие по этому делу лица занимались контрреволюционной деятельностью, направленной на подрыв советской власти в Белоруссии. Исходя из этого, Судебная коллегия Верховного суда БССР 10 июня 1988 г. определила: «Постановление ОГПУ БССР от 10 апреля 1931 г. в отношении В. У. Ластовского, И. Ю. Лёсика и других отменить и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления». 17 мая 1990 г. Совет Министров Белорусской ССР отменил постановление Совета Народных Комиссаров БССР от 6 декабря 1930 года в части исключения из числа академиков Белорусской Академии наук В. У. Ластовского и И. Ю. Лёсика.

При решении таких вопросов, как реабилитация незаконно пострадавших в период сталинских репрессий, необходимо руководствоваться не политическими симпатиями или антипатиями, а ставить во главу угла принципы уважения к личности человека, даже если его политические взгляды отличаются от общепринятых в обществе, строго следовать принципам законности и общечеловеческой морали. Только не упрощая и не впадая в крайности, можно дать объективную оценку прошлому и на этой основе извлекать из неё правильные уроки.

Второй удар по кадрам академии был нанесён в 1933 г., когда более десяти сотрудников были арестованы за участие в несуществующей «контрреволюционной, повстанческой и шпионско-диверсионной организации «Белорусский национальный центр».

Особенно большой урон научным кадрам академии был нанесён в 1937—1938 гг., когда без каких-либо оснований по наветам и надуманным обвинениям были арестованы видные белорусские учёные, организаторы науки, деятели культуры, в том числе академики Я.Н. Афанасьев, Ц.Л. Бурстин, П.О. Горин, Т.Ф. Домбаль, И.И. Замотин, Д.Ф. Жилунович, С.Ю. Матулайтис, П.Н. Панкевич, И.А. Петрович, В.А. Сербента, И.З. Сурта, Б.А. Тарашкевич, В.К. Щербаков, члены-корреспонденты С.Х. Агурский, А.И. Александрович, Я.А. Бронштейн, С.П. Мельник, И.Д. Харик, Б.М. Шпенцер.

Современному читателю не надо доказывать, что обвинения учёных в «контрреволюционном саботаже», «участии в антисоветских организациях» и т. д. в абсолютном большинстве случаев не имели под собой никаких оснований и были сфабрикованы органами ОГПУ—НКВД—МГБ, а признания у заключённых вырывались с помощью пыток. Вместе с тем нельзя не отметить, что часто основанием для

репрессий в отношении учёных служили прямые или косвенные доносы на них их же коллег. В обстановке тех лет даже научная рецензия, содержащая обвинения в «отступлении от марксистской методологии», могла стать поводом и причиной ареста учёного.

В этой обстановке всеобщего страха и подозрительности некоторые научные работники, пытаясь спасти себя, начали каяться в несуществующих грехах, искать в своей среде врагов и верноподданнически доносить на них, в том числе и в печати. В этом плане показательна судьба известного белорусского историка К. И. Керножицкого. В сентябре 1936 г. в газете «Звязда» и журнале «Бальшавік Беларусі» появились статьи о «целой системе контрреволюционных взглядов К. И. Керножицкого». В кампанию по его дискредитации включились и коллеги Константина Ивановича по Институту истории Академии наук. Более того, дирекция института обратилась к руководству академии с требованием уволить К. И. Керножицкого из института на основании того, что «продукция Керножицкого служит для засорения исторической литературы, принося вред социалистическому строительству». После увольнения из института К. И. Керножицкий не смирился с этим и добился восстановления на работе. Однако дирекция Института истории проявила завидное упорство и в начале 1937 г. учёный секретарь института М. Ф. Лебович и парторг института Е. С. Матулайтис вновь добиваются увольнения Константина Ивановича. Заметим, что вскоре сам М. Ф. Лебович был арестован органами НКВД, а Е. С. Матулайтис расстрелян в 1938 г.

Константин Иванович Керножицкий был арестован в конце 1937 г. Формальным основанием для его ареста послужили показания ранее арестованных сотрудников Академии наук. В следственном деле К. И. Керножицкого имеется также отзыв на его научные работы, представленный Институту истории. В нём делается утверждение, что работы К. И. Керножицкого носят антисоветский характер и в них «протаскиваются национал-фашистские установки». Это дало основание следователю НКВД в обвинительном заключении указать, что «книги Керножицкого являются вещественным доказательством преступной деятельности Керножицкого», и он постановил приобщить их к следственному делу в качестве вещественного доказательства.

В мае 1939 г. решением внесудебного органа — Особого совещания НКВД СССР К. И. Керножицкий приговорён к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Но и находясь в лагерях, К. И. Керножицкий продолжал борьбу за своё освобождение. После его многочисленных обращений

в различные инстанции Военной прокуратурой Белорусского военного округа в начале 1940 года был начат пересмотр дела К. И. Керножицкого. Для изучения его трудов была создана экспертная комиссия.

В следственном деле имеется отзыв о научных работах К. И. Керножицкого, данный его учителем академиком В. И. Пичетой. Это был единственный положительный отзыв на работы Константина Ивановича. В. И. Пичета, в частности отметил, что «Керножицкий проявил себя упорным, ищущим исследователем... его работы сохраняют свою научную ценность».

Напомним, что сам В. И. Пичета был хорошо знаком с нравами и методами новой «охранки». В 1930 г. он с группой российских историков был арестован и провёл в ссылке пять лет. Но несмотря на небезопасность для себя лично попытки встать на защиту осуждённого, он не предал своего ученика. А Институт истории АН БССР вновь дал отрицательный отзыв. В результате Военная прокуратура БВО, рассмотрев в порядке надзора следственное дело К. И. Керножицкого, постановила его жалобу «как необоснованную, оставить без удовлетворения». 28 февраля 1942 г. К. И. Керножицкий, талантливый белорусский учёный-историк и мужественный человек скончался в лагере близ города Канска.

Репрессии не могли не сказаться отрицательно на развитии многих отраслей науки, особенно истории, литературоведения, языкознания, многих отраслей естествознания. События развивались так, что были закрыты институты философии и советского строительства, физико-технический, поскольку в них практически не осталось работников. А обескровленный Институт экономики Академии (в 1936—1938 гг. было арестовано 9 сотрудников института) был передан в ведение Госплана БССР. Это было время, когда борьба идей, мнений, состязание научных концепций, без которых наука обречена на бесплодие, оказались под запретом. В науке господствовал монополизм, творческое обсуждение научных проблем подменялось администрированием, из науки удалялись инакомыслящие.

В 30—40-е годы, по нашим данным, было репрессировано около 150 сотрудников Академии наук республики. Наибольшее число арестов пришлось на 1937 г., когда подверглись репрессиям около 50 человек, в 1930 г. было арестовано 33 человека. В 1933 — 16, в 1936 — 15, в 1938 — 27. Среди них представители многих национальностей, проживающих в Белоруссии: белорусов в числе репрессированных было 96, евреев — 19, русских — 9, литовцев — 7, других национальностей — 13.

Из числа репрессированных сотрудников Академии наук установлены фамилии 52 человек, которые как свидетельствуют материалы, полученные в начале 90-х годов из КГБ Беларуси, были расстреляны в течении 30-х годов в Минске и 10 — в других районах страны. Умерли в исправительно-трудовых лагерях или тюрьмах 29 человек. Таким образом, дождались освобождения примерно только треть осуждённых сотрудников академии, и только очень немногие из них смогли вернуться к научной работе.

Следует иметь в виду, что численный состав Академии наук республики в 30-е годы был небольшой. В 1929 г., при создании академии, в ней работало немногим более 10 сотрудников, к концу 1937 г. — 580 сотрудников, в 1941 г. — более 700.

Основным источником при выявлении фамилий репрессированных сотрудников академии стали материалы личных дел на них, хранящиеся в Центральном научном архиве НАН Беларуси. В основном они образовались в результате переписки с Академией наук в 50-е годы родственников репрессированных по вопросам выплаты денежной компенсации. В этих материалах обычно обнаруживаются справки о реабилитации, которые служат отправной точкой для последующего поиска. Следует отметить, что имеющиеся справки о смерти репрессированных, как правило, были фальсифицированы.

Важное значение для получения данных биографического и творческого характера репрессированных учёных имеют материалы, сохранившиеся у родственников репрессированных, воспоминания их коллег.

Неоходимым источником для выяснения обстоятельств ареста, меры наказания, сроков и места заключения, а также точных дат смерти являются материалы уголовных дел жертв политического террора, хранящиеся в архивах Комитета Государственной безопасности.

Задача восстановления исторической и социально-правовой справедливости -- обнародование правды в отношении лиц, пострадавших в период сталинских репрессий.

Долг учёных старшего поколения и молодёжи — полная реабилитация невинно пострадавших, восстановление их доброго имени для истории, их творческого наследия для науки. Всё, что они сделали, должно быть достоянием последующих поколений. То, что было, никогда не должно повториться.

А. УРУБЛЕЎСКІ (Мінск, Беларусь)

РЭПРЭСІІ СУПРАЦЬ ДУХАВЕНСТВА І ВЕРНІКАЎ
У 1917—1940 гг.

З усіх ганенняў, якія выпалі на долю царквы ў гады Савецкай улады, самымі бязлітаснымі і жорсткімі былі тэрор і масавыя рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў. Гэта была тая катэгорыя людзей, хто за веру і рэлігійныя перакананні, бадай больш за ўсіх, зазнаў самавольства і насілле ўлад, на каго дзяржава абрушыла такі шквал нянавісці, якога не ведала гісторыя.

Ужо ў першыя гады існавання Савецкай улады тэрор бальшавікоў супраць духавенства набыў небывалыя памеры. У пачатку 1922 г. у краіне адпаведна судовым прыговарам было расстрэляна 1691 святшчэннік, 1962 манахі, 3447 манахінь і паслушніц, а без суда — каля 15 тысяч служыцелей культа.¹

Немалаважную ролю ў гэтым адыграла прынятая 5 верасня 1918 г. Саветам Народных Камісараў “Пастанова аб красным тэроры”. У ёй адзначалася: “Савет Народных Камісараў, заслухаўшы даклад старшыні Надзвычайнай Камісіі па барацьбе з контррэвалюцыяй аб дзейнасці гэтай камісіі, знаходзіць, што пры данай сітуацыі забеспячэнне тыла шляхам тэрора з’яўляецца прамой неабходнасцю: што для ўмацавання дзейнасці Усерасійскай надзвычайнай камісіі і ўнясення ў яе большай планамернасці, накіраваць туды як мага большую колькасць адказных партыйных таварышаў, што неабходна забяспечыць Савецкую Рэспубліку ад класавых ворагаў шляхам ізалявання іх у канцэнтрацыйных лагерах; што падлягаюць растрэлу ўсе асобы, якія маюць дачыненне да белагвардзейскіх арганізацый, загавораў і мяцяжоў; што неабходна апублікаваць імёны ўсіх расстрэляных, а таксама ўжыванне да іх гэтай меры”.²

Тых, каго не расстрэлялі, чакалі лагеры прымусовых работ, якія пачалі стварацца ў 1919 г. Адпаведны дэкрэт УЦВК прадпісаў: “Ва ўсіх губернскіх гарадах ва ўказаныя асабістай інструкцыяй тэрміны павінны быць адчынены лагеры, разлічаныя не менш чым на 300 чалавек.

Адказнасць за невыкананне ўказа ўскладаецца на адпаведныя надзвычайныя камісіі...”³

Адным з самых страшэнных месц зняволення лічыліся лагеры на Салавецкіх астравах.

Шостага чэрвеня 1923 г. сюды прыбылі першыя зняволеныя. Так нарадзіўся СЛАП (Салавецкі лагер адмысловага прызначэння) АДПУ.

Склад яго вязняў у першыя гады: прадстаўнікі рускай арыстакратыі

і дзяржаўнага апарата дарэвалюцыйнай Расіі; удзельнікі белага руху. прадстаўнікі ўсіх дарэвалюцыйных палітычных партый; чорнага і белага духавенства, розных рэлігійных сект; быўшыя нэпманы, буйныя крымінальнікі-рэцыдывісты; савецкія ваенныя і чэкісты, асуджаныя па палітычных і іншых артыкулах...

Ізалецыя, прымусовая праца, дванаццацігадзінны рабочы дзень, армейская арганізацыя...

Вось імёны толькі некалькіх вязняў-свяшчэннаслужыцелей гэтага лагера, каму прышлося зведаць маральныя і фізічныя мукі, чыё жыццё ператварылі ў беспрасветную паласу пакут і прыніжэння. Грысюк Анатолій, мітрапаліт Адэскі (1880—1938 гг.) — царкоўны гісторык; Пётр, архіепіскап Варонежскі (П.К. Звераў) (1878—1929 гг.) загінуў на востраве Анзеры, на Галгофе; П.А. Фларэнскі (1879—1937) — свяшчэннік, філосаф, матэматык, хімік, мастацтвазнаўца, расстраляны на Салаўках.

Начальнікам упраўлення СЛАПАа быў Ногцеў П.А., рэпрэсіраваны ў канцы 30-х гадоў. Начальнікам асобага аддзела УНК, адным з арганізатараў Салавецкіх лагераў, быў Кедраў М.С. Арыштаваны ў канцы трыццатых гадоў. Па суду апраўданы, але расстраляны па асабістаму ўказанню Берыі ў 1941 г.⁴

У Мінску “кантрацыйны лагер” (так яны называліся ў дэкрэце) быў створаны ў ліпені 1920 г.⁵ і адрозніваўся ад СЛАПАа тым, што з’яўляўся перавалачным пунктам, дзе ў судовым і пазасудовым парадку вязням вызначаліся рэпрэсіўныя меры пакарання, у тым ліку і дэпартацыя ў аддаленыя раёны РСФСР. У большасці сваёй за межы Беларусі высяляліся людзі, якія лічыліся небяспечнымі для Савецкай улады і не маглі прадукцыйна працаваць. Так, сакрэтны цыркуляр, адрасаваны 21 чэрвеня 1921 г. за подпісам Старшыні ЦВК і СНК А.Р. Чарвякова Наркамату Унутраных Спраў, Наркамюсту і Старшыні надзвычайнай камісіі БССР прадпісаў: “...Арганізаваць камісію, якой прыступіць для перагляду спіскаў зняволеных у канцлагеры, прычым яўна злачынны элемент перадаць па падсуднасці, дзе яны панясуць заслужаную кару, а на астатніх, няздольных да прадукцыйнай працы, саставіць спісак для рассялення па другіх раёнах Расіі.”⁶

У гэтых спісках было багата свяшчэннаслужыцелей і сектантаў, якія абвінавачваліся ў контррэвалюцыйнай дзейнасці.

Паняцце “контррэвалюцыйная дзейнасць” тлумачылася Наркамюстам БССР як агітацыя супраць Савецкай улады, невыкананне яе распараджэнняў, шпіянаж і іншыя віды злачынстваў.⁷

Падазраваемыя ў контррэвалюцыйнай дзейнасці прыгаворваліся да

А. Урублеўскі. Рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў...

расстрэлу, розных тэрмінаў пазбаўлення волі ў папраўча-трудавых калоніях і канцлагерах, канфіскацыі маёмасці, а таксама дэпартацыі ў аддаленыя раёны Расіі. Прычым, пад увагу не прымаліся ні недаказанасць іх віны, ні састарэлы ўзрост, ні хваробы. Многія з іх, страціўшы надзею на справядлівы суд, звярталіся ў вышэйшыя органы дзяржаўнай улады з просьбай праявіць міласэрнасць, аблегчыць іх фізічныя пакуты.

Архівы збераглі мноства пісем такога роду. Вось адно з іх, напісанае на імя Старшыні СНК БССР А.Р. Чарвякова свяшчэннікам Іаанам Сулкоўскім: “Маючы 73 гады, я не ў сіле перанесці цяжар шляху ў Сібірскую губернію. Пры тым пакутую катарам страўніка і бязвінна асуджаны на выгнанне. Хадайніцтва аб маёй невіноўнасці 150 грамадзян сяла Сморок, Заполле, Зброды і Прыяміна не прынята; мяне не дапытвалі, а паверана ў Чэка даносу псаломшчыка Шукевіча, які знаходзіцца са мной у варожасці. Няма ў мяне цёплай вопраткі. А таму прашу Вашага хадайніцтва даць сроку некалькі дзён на атрыманне з дому вопраткі і адправіць у г. Тулу, калі не буду апраўданы.

Прасіцель арыштаваны свяшчэннік с. Сморок Барысаўскага ўезда свяшчэннік Іаан Сулкоўскі.

10 лютага 1921 г. Мінск.”⁸

Разам з тым, у адрозненне ад РСФСР, рэпрэсіі і тэрор супраць духавенства на тэрыторыі Беларусі ў пачатку 20-х гадоў не былі масавымі. За межамі інтэрвенцыі і грамадзянскай вайны (у перыяд грамадзянскай вайны тэрыторыя Беларусі двойчы падвяргалася варожай акупацыі), складаныя міжнародныя абставіны, разбураная вайной гаспадарка, цяжкасці палітычнага характара выключалі магчымасць татальнага наступлення на пазіцыі царквы, разгортвання масавых рэпрэсій супраць духавенства і вернікаў. Гэты працэс стаў набіраць сілу пасля аднаўлення і ўмацавання Савецкай улады на беларускай зямлі. Пачатак яму быў пакладзены першай Канстытуцыяй БССР (люты 1919 г.), якая насіла адкрыта класавы характар і аб’явіла аб пазбаўленні дэмакратычных правоў і свабод тых, хто належаў да класу эксплуатацараў. Да гэтай катэгорыі адносілася і духавенства.

Пазбаўленне служыцелей рэлігійных культаў, грамадзянскіх і выбарчых правоў было асобым метадам іх палітычнай ізаляцыі, што ў далейшым адчыняла шырокія магчымасці для прымянення шырокамаштабных рэпрэсій.

Так, у цыркуляры Прэзідыума ЦВК БССР, адрасаваным 26 верасня ўсім Акрвыканкамам, указвалася, што “на сэнсу асноўных законаў

БССР, служыцелі культаў пазбаўлены выбарчых правоў пастолькі, паколькі ў цяперашні час займаюцца служэннем культуры і атрымліваюць працоўныя даходы.

Калі ж служыцелі рэлігійных культаў адказваюцца ад сваёй пасады, цалкам разрываюць сувязі з царкоўнай іерархіяй і пераходзяць да вытворчай працы, то няма перашкод к аднаўленню іх у правах грамадзянства”.⁹

Як бачым, аднавіць грамадзянскія правы можна было толькі цаной адказа ад сана, г.зн. веры, што было непрыёмальна для большасці свяшчэннаслужыцелей. Гэтыя людзі заставаліся вернымі сваім рэлігійным перакананням, а, значыць, з’яўляліся носьбітамі інакомыслення, што рабіла іх ахвярамі палітычных рэпрэсій, сутнасць якіх была ў тым, што яны насілі класавы характар. Іншымі словамі ахвяры палітычных рэпрэсій адбіраліся не на аснове пэўных злачыстваў, а на аснове прыналежнасці к пэўным класам. Аб гэтым сведчаць не толькі асноўныя законы БССР, накіраваныя супраць духавенства, але і шматлікія лісты, скаргі, просьбы, пратэсты, заявы нявінна асуджаных свяшчэннаслужыцелей, іх родных і проста вернікаў, якія прасілі Савецкую ўладу паважаць старасць, праявіць міласэрнасць і спыніць пераследаванне служыцелей рэлігійных культаў за іх перакананні.

Вось яшчэ адно з такіх пісем, напісаных на імя А.Р. Чарвякова ў 1930 г. жонкай нявінна рэпрэсаванага свяшчэнніка царквы сяла Пакалюбічы Гомельскага раёна Ганнай Пашкевіч: “Мой муж свяшчэннік царквы с. Пакалюбіч Пашкевіч Платон Мікалаевіч, 65 гадоў ад роду, быў арыштаваны і высланы ў г. Мезень Архангельскай акругі па абвінавачванню ў контррэвалюцыі. Такіх фактаў для абвінавачвання не было, таму што ён акрамя царкоўнай службы ніколі і нічым не займаўся. Апошнія пяць год ён хварэў на ныркі і сэрца і нават абавязкі свяшчэнніка выконваў з цяжкасцю. Турма, этапная адпраўка, пераход пешшу ад Архангельска да Мезеня адбіліся на старэчым арганізме і цяпер у яго вадзянка ног і жывата, што непазбежна прывядзе да хуткай смерці...”^{*}

Жанчына, якая адчайлася, але захавала чалавечую годнасць, прасіла ў старшыні ЦВК БССР, вышэйшага паводле Канстытуцыі кіраўніка дзяржавы, уратаваць яе мужа ад гібелі, праявіць міласэрнасць, тым больш, што гаворка ішла пра чалавека пажылога ўзросту, цяжка хворага і невінаватага:

“Я ведаю, што высылка не павінна таіць у сабе смяротнага прыгавора. Ён асуджаны, што не можа ўваходзіць у план ізаляцыі. Я веру ў тое, што Савецкая дзяржава, будуючы новае жыццё, не схілена к

А. Урублеўскі. Рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў..

непатрэбным жорсткасцям, што апісаныя мною факты з'яўляюцца перагібам агульнай палітыкі на месцах, прашу Вас вельмі, як толькі можа прасіць пакутуючы чалавек, выратаваць майго мужа ад немінуемай смерці і вярнуць дадому па месцу жыхарства.

13 красавіка 1930 г.”¹⁰

На жаль, Ганна Пашкевіч памылялася. Апісаныя ёю факты не з'яўляліся “перагібам агульнай палітыкі на месцах”, а былі вынікам мэтанакіраванай дзяржаўнай палітыкі, якая праводзілася супраць інакамыслення.

Гэта палітыка стала яшчэ больш бязлітаснай у канцы 20-х — пачатку 30-х гадоў, калі органы АДПУ БССР разгарнулі шырокую кампанію па барацьбе са старанна заканспіраванымі “кантррэвалюцыйнымі арганізацыямі і групамі”, “шпіёнскімі рэзідэнтамі”, якія быццам бы існавалі ва ўсіх галінах народнай гаспадаркі, а таксама ва ўстановах народнай асветы, навукі, літаратуры і мастацтва.

У гэты ж час органамі АДПУ БССР была сфабрыкавана версія, што на тэрыторыі рэспублікі існуе царкоўна-паўстанцкая арганізацыя “Іезуіт”, якая “акрамя падрыву гаспадарча-палітычных кампаній і мерапрыемстваў Савецкай улады рабіла стаўку на неспрэчнае звяржэнне Савецкай улады шляхам паўстання, прыстасоўваючы такое к моманту замежнай інтэрвенцыі”¹¹

Гэтай фальшыўцы папярэднічалі шматлікія публікацыі на старонках рэспубліканскіх газет і часопісаў. Яны выкрывалі “антысавецкую дзейнасць” духавенства, яго сувязі з “кантррэвалюцыйнымі арганізацыямі і групамі”. Так, газета “Звязда” 11 сакавіка 1929 г. пісала, што ва ўмовах наступлення сацыялізму па ўсяму фронту рэлігійныя арганізацыі становяцца легальнай формай палітычнага аб'яднання ўсіх рэштэк эксплуатацыйных класаў, а іх дзейнасць носіць адкрыты антысавецкі характар. Што секта “Карнееўцаў”, створаная былым жандарам Бараноўскім на Мазыршчыне, з 1925 г. праводзіць актыўную антысавецкую прапаганду і агітацыю.

Газета абвінавачвала сектантаў у тым, што яны называлі Савецкую ўладу драконаўскай, прызывалі ўсіх незадаволеных палітыкай савецкай дзяржавы ўступіць у секту, не прызнавалі савецкіх законаў, адказваліся выконваць грамадзянскія і дзяржаўныя павіннасці.

“Вобраз ворага” і шпіёнаманія, якія наўмысна ўсталёўваліся сродкамі масавай інфармацыі ў свядомасці грамадзян, служылі абгрунтаваннем рэпрэсій супраць ні ў чым непавінных людзей.

На іх заводзіліся фальсіфікаваныя справы, сутнасць якіх састаяла ў

тым, што органы АДПУ “раскрываюць” контррэвалюцыйную арганізацыю або групу і над яе членамі ажыццяўляюцца расправы, у асноўным пазасудовыя, з дапамогай асобых нарад, калегій, “троек”, “двоек”. (Дзейнасць афіцыйнага правасуддзя мала чым адрознівалася ад працы пазасудовых органаў).

Іменна такую контррэвалюцыйную царкоўна-паўстанчэскую арганізацыю і “раскрылі” органы АДПУ БССР у 1931—1932 гг. Па іх дадзеных, гэтая арганізацыя ўзнікла ў 1929—1930 гг. і налічвала 79 чалавек. Будавалася яна па трох філіялах: Магілёў, Віцебск і Слуцк, ахопліваючы Магілёўскі, Крычаўскі, Чаускі, Слуцкі, Віцебскі, Бешанковіцкі і шэраг іншых раёнаў рэспублікі. Яе заснавальнікамі і кіраўнікамі былі: епіскап Магілёўскі — Феадосій Вашчынскі (сергівец), епіскап Віцебскі — Паснікаў Міхаіл Сцяпанавіч (абнаўленец) і епіскап Слуцкі — Шамяціла Мікалай Іванавіч (аўтакефаліст).

У абвінаваўчым заключэнні па справе “Іезуіт” указвалася, што арганізацыя была ліквідавана органамі АДПУ у лютым — сакавіку 1933 г. Усе яе члены (5 епіскапаў, 48 папоў і дзіяканаў, 8 кулакоў, 3 былых людзей (чыноўнікаў), 3 былых жандармаў і 12 іншых царкоўнікаў) былі асуджаны Судовай Тройкай УП АДПУ БССР.¹² Яны абвінавачваліся ў антысавецкай агітацыі і прапагандзе, у контррэвалюцыйнай дзейнасці, г. зн. у злачынстве, прадугледжаным артыкуламі 64, 72, 76 Крымінальнага Кодэкса БССР. Так, у абвінаваўчым заключэнні па справе “Іезуіт” епіскапу Магілёўскай епархіі Феадосію Вашчынскаму інкрымінавалася:

“...а) што з’яўляецца арганізатарам і кіраўніком контррэвалюцыйнай царкоўна-паўстанцкай арганізацыі, ставіўшай мэтай арганізацыю вясной 1933 г. паўстання для звяржэння Савецкай улады;

б) праводзіў вярбоўку членаў контррэвалюцыйнай арганізацыі;

в) што ў тых жа мэтах праводзіў адкрытую актыўную контррэвалюцыйную агітацыю з царкоўнай кафедры супраць Савецкай улады з асноўнай устаноўкай, што Савецкая ўлада ёсць улада сатанінская”.¹³

Аналагічныя абвінавачванні былі прад’яўлены большасці членаў арганізацыі. Негледзячы на тое, што вінаватымі яны сябе не прызналі, былі асуджаны па арт. арт. 64, 72, 76 КК БССР.

Пікам разгула масавых рэпрэсій супраць духавенства сталі 1937—1938 гг., якія назаўсёды застануцца ў памяці тых, хто быў асуджаны за свае погляды на небывалыя пакуты, але выжыў.

Ніколі не змогуць пацвердзіць “беспредел” беззаконня таго часу

А. Урублеўскі. Рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў...

бязвінна загінуўшыя. Але шматлікія архіўныя дакументы бессмяротны. Адным з такіх дакументаў з'яўляецца сакрэтная дакладная запіска ў ЦК У КП(б) аб антысавецкай дзейнасці царкоўнікаў і сектантаў у БССР (ліпень 1938 г.), падпісаная наркамам унутраных спраў Беларусі Наседкіным. У ёй указвалася: “У 1937—1938 гг. органы НКУС БССР нанеслі значны аператыўны ўдар па арганізаванаму антысавецкаму падполлю царкоўнікаў і сектантаў і па царкоўна-сектанцкаму актыву. За гэты перыяд усяго арыштавана і асуджана 3247 царкоўнікаў і сектантаў, з іх — звыш 400 чал. папоў і манахаў, адзін мітрапаліт і 5 архіепіскапаў.

Следствам па справах царкоўнікаў устаноўлена, што кіраўнікі розных царкоўных арыентацый цалкам знаходзіліся на службе герман-польскай і японскай разведак і мелі сваёй мэтай арганізацыю шпіёнска-паўстанцкіх кадраў”¹⁴.

Як бачым, сфабрыкаваная ў пачатку 30-х гадоў органамі АДПУ БССР версія аб “арганізаваным антысавецкім падполлі царкоўнікаў і сектантаў” з’явілася асновай для далейшай аператыўнай дзейнасці органаў НКУС БССР у канцы 30-х гадоў. На думку “органу”, шпіёнска-паўстанцкія арганізацыі дзейнічалі ў рэспубліцы амаль ці не паўсюдна. Зразумела, з імі вялася бескампрамісная барацьба. Так, па дадзеных органаў НКУС БССР, “у ліпені — верасні 1937 г. на Беларусі ліквідавана шпіёнска-паўстанцкая арганізацыя “Беларускай праваслаўнай аўтакефальнай царквы” з цэнтрам у Мінску і філіяламі ў Бабруйску і Рагачове, якія аб’ядноўвалі 13 антысавецкіх паўстанцкіх груп у Мінскім, Асіповіцкім, Смалявіцкім, Чавускім, Пухавіцкім, Клічаўскім, Барысаўскім і іншых раёнах БССР.

У гэтай арганізацыі удзельнічалі 2 архіепіскапа, 30 папоў, да 170 кулакоў, жандараў, былых чыноўнікаў і іншага антысавецкага элемента... Арганізацыя “беларускай аўтакефальнай царквы” поруч з самай разнастайнай антысавецкай агітацыяй і распаўсюджаннем контррэвалюцыйнай літаратуры, падрыхтоўвала свайго кандыдата — пана Кульчыцкага для выбарання ў дэпутаты Вярхоўнага Савета СССР.

Аналагічныя спробы меліся ў радзе месц БССР”¹⁵

Такі ж лёс спаткаў так званыя групы старацаркоўнікаў і абнаўленцаў. Толькі ў Віцебску і раёнах Віцебскай вобласці была ліквідавана контррэвалюцыйная шпіёнска-паўстанцкая і дыверсійная арганізацыя, у складзе 84 чалавек, на чале з архіепіскапам Дабрамыславым.¹⁶

У вышэйпамянутаі дакладной запісцы адзначалася, што “нягледзячы

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

на ліквідацыю цэлага шэрагу шпіёнска-паўстанцкіх арганізацый і груп царкоўнікаў і арышту 2387 чалавек ўдзельнікаў гэтых груп, у БССР працягваецца антысавецкая праца царкоўнікаў. Выяўлены новыя антысавецкія фарміраванні, якія складзены часткова з неліквідаванай нізоўкі шпіёнска-паўстанцкіх арганізацый і кулацка-царкоўнага элемента.”¹⁷

Не засталіся без увагі органаў НКУС і сектанты. Толькі ў 1937 г. і пачатку 1938 г. у рэспубліцы было арыштавана з асуджана звыш 860 чалавек — членаў сектанцкіх арганізацый, якія нібыта ставілі сваёй задачай у перыяд вайны з СССР зрываць мабілізацыю, арганізоўваць масавыя дэзерцірствы, з далейшым стварэннем з дэзерціраў палітычных банд і контррэвалюцыйных дыверсійных груп.¹⁸

Не мінулі рэпрэсіі служыцелей культы і проста вернікаў Заходняй Беларусі пасля яе ўз’яднання 17 верасня 1939 г. у адзіную Савецкую дзяржаву. Яны абвінавачваліся ў сувязях і супрацоўніцтве з польскай разведкай. У выніку было арыштавана 57 ксяндзоў, 14 з іх былі расстраляны¹⁹.

На жаль, дакладная колькасць рэпрэсіраваных свяшчэннаслужыцелей пакуль не вядома. Аб маштабах рэпрэсій супраць духавенства і вернікаў можна меркаваць па справаздачах НКУС БССР. У прыватнасці, у дакладной запісцы аб антысавецкай дзейнасці царкоўнікаў і сектантаў у БССР (чэрвень 1938 г.) паведамлялася, што “... функцыянаванне цэркваў у БССР спынілася ў 1937 і 1938 гг. галоўным чынам у выніку арыштаў духавенства за актыўную антысавецкую дзейнасць...”²⁰

На 24 чэрвеня 1938 г. у рэспубліцы органамі ўнутраных спраў было зарэгістравана 15 свяшчэннікаў, з іх 13 — зняўшых сан²¹.

Аб лёсе шмат якіх мы сёння нічога не ведаем, у тым ліку аб прадстаўніках вышэйшага духавенства. Тым не менш, па некаторых апублікаваных дадзеных, у краіне, уключаючы і Беларусь, з 1918 г. па 1938 г. было рэпрэсавана каля 250 мітрапалітаў, архіепіскапаў і епіскапаў Рускай Праваслаўнай Царквы. К 1939 г. на свабодзе заставалася ўсяго 4 кіруючыя архіерэі: 3 мітрапаліты і 1 епіскап (акрамя таго невялікая колькасць епіскапаў знаходзілася на спакоі або на пасадзе настояцелей храмаў). 1937 г. , бадай што, быў самым “ўраджайным” — рэпрэсіравана па меншай меры 50 прадстаўнікоў вышэйшага духавенства Рускай Праваслаўнай Царквы²².

Такі ж лёс напаткаў прадстаўнікоў і іншых канфесій. Таталітарны рэжым жорстка і паслядоўна забяспечваў кантроль над усімі сферамі

А. Урублеўскі. Рэпрэсіі супраць духавенства і вернікаў...

грамадскага жыцця, у тым ліку і рэлігійнай. І гэта, на жаль, яму ўдалося.

Барацьба з Богам павярнулася барацьбой з чалавекам, якая суправаджалася знішчэннем абаронцаў веры бацькоў і дзядоў, знішчэннем думачых носьбітаў старых ведаў, поглядаў і традыцый. Гэта знішчэнне набыло форму дзяржаўнай палітыкі. Маральнасць народа, яго годнасць, пачуццё грамадзянскага абавязку былі прынесены ў ахвяру класаваму падыходу да агульных законаў гісторыі.

¹ ЛіМ, 1991, 21 кастрычніка, с. 16.

² Декреты Совесткой власти. М., 1957, т. 3, с. 291—292.

³ Декреты Совесткой власти. М., 1957, т. 5, с. 65.

⁴ Советская торговля, 1989, 31 августа.

⁵ Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), ф. 4, воп. 1, спр. 40, арк. 6.

⁶ НАРБ, ф. 99, воп. 2, спр. 36, арк. 7.

⁷ Там жа, спр. 22, арк. 11.

⁸ Там жа, ф. 99, воп. 2, спр. 9, арк. 45.

⁹ Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР, № 19, 1924 14 декабря, с. 16, ст. 179.

¹⁰ ЛіМ, 1991 26 ліпеня, с. 16.

¹¹ Архіў Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі Рэспублікі Беларусь.

¹² Там жа.

¹³ Там жа.

¹⁴ НАРБ, ф. 4, воп. 21, спр. 1400, арк. 58.

¹⁵ Там жа, арк. 60.

¹⁶ Там жа, арк. 61.

¹⁷ Там жа, арк. 70.

¹⁸ Там жа, арк. 71—72.

¹⁹ Чырвоная Змена, 1989 16 красавіка.

²⁰ НАРБ, ф. 4, воп. 21, спр. 1400, арк. 68.

²¹ Там ж, арк. 56.

²² АиФ, 1989, № 10, с. 4.

ДА ГІСТОРЫІ МЯДЗЕЛЬСКА-СМАРГОНСКАГА
ВУЧНЁўСКАГА ПАДПОЛЛЯ

Склалася меркаванне, што ў адрозненне ад Масквы або Ленінграда ў затурканай Беларусі не было пасляваеннага дысыдэнцкага руху, адсутнічалі нават спробы арганізаванага супраціву рэжыму. Аднак ён быў і ў нас, хоць і меў сваю спецыфіку, абумоўленую найперш нацыянальнымі праблемамі. Проста ў Менску не было замежных пасольстваў і журналістаў, звесткі пра рэпрэсіі не траплялі на старонкі еўрапейскіх газет, у перадачы радыёстанцый вольнага свету. У нас было цёмна і глуха як у склепе. І гэтым яшчэ больш трагічна, бо ахвяры не маглі спадзявацца на нейкі розгалас, хоць бы маральную падтрымку, на памяць у будучым. Людзі знікалі ў неведомасць. «Іх траіх узялі — і як у ваду...» — так выказалася пра лёс мядзельскіх падпольшчыкаў мая суседка. І толькі апошнім дзесяцігоддем мы вяртаем з забыцця, ачышчаем ад хлусні «чорнай прапаганды» іх светлыя імёны.

Гэтая публікацыя — пакуль няпоўная, эскізная, як дазваляў сабраны матэрыял — прысвечана пасляваеннаму антыкамуністычнаму падполлю мядзельскіх і смаргонскіх школьнікаў і яго заснавальніку і кіраўніку Расціславу Лапіцкаму.

Расціслаў Лапіцкі нарадзіўся 1 верасня 1928 года ў Касуце на Вілейшчыне ў сям'і праваслаўнага святара. Вайной бацька атрымаў царкоўны прыход у Кабыльніку (зараз вёска Нарач) на Мядзельшчыне. Па некаторых звестках, пакуль не пацверджаных іншымі крыніцамі, ў Кабыльніку Расціслаў у канцы 1944 года і быў упершыню арыштаваны — за сувязь з віленскім беларускім падполлем. Праз год ён вызваляецца з гомельскай турмы па амністыі, як непаўналетні, і вяртаецца дахаты. Але ў 1946 годзе памірае бацька і сям'я застаецца без сродкаў на існаванне. Зімой з 1946 на 1947-мы год маці з сынам перабіраюцца ў Мікасецка за пяць кіламетраў ад Мядзела, дзе спрабуюць знайсці нейкі заробак пры мясцовай царкве. З Мікасецка Расціслаў і хадзіў у Мядзельскую школу ў 8, 9, 10 класы.

У памяці колішніх мядзельскіх школьнікаў, жыхароў мястэчка, Мікасецка і Навасёлак, суседніх вёсак Расціслаў Лапіцкі застаўся як незвычайная асоба, надзеленая рознабаковымі талентамі, з добрай і шчырай душой. Ён цудоўна маляваў, іграў на некалькіх музычных інструментах, добра спяваў. Здольны да розных тэхнічных штукарастваў — змайстраваў электрычную машыну, якой спрабаваў лячыць людзей, ездзіў на самаробным ровары з двух калаўротаў, мог зрабіць

М. Чарняўскі. Да гісторыі Мядзельска-Смаргонскага...

радыёпрыёмнік або эфектыўнае ўзрыўное прыстасаванне. Для апошняга ў пасляваенныя гады матэрыялу яшчэ хапала.

Сярод мядзельскіх вучняў Расціслаў знайшоў аднадумцаў, што не прымалі сутнасць камуністычнага рэжыму на Беларусі. А рэжым ужо сябе праявіць паспеў — разгортвалася прымусовая калектывізацыя, найбольш гаспадарчых сялян высылалі ў Сібір, душылі непамернымі падаткамі, рознымі паборамі і займамі, за слова пратэсту арыштоўвалі і саджалі ў турмы. Рэй вялі пераважна набрыдныя людзі, часта п'яніцы, распуснікі, з расейскім матам. Ішоў татальны наступ на царкву і касцёл, на беларускую мову і культуру. А ў лясах яшчэ трывалі «лясныя браты». Усё гэта будзіла сумленне і свядомасць юнакоў і дзяўчат, клікала да дзеяння.

У нашым Мікасецку Расціслаў Лапіцкі часта сустракаўся з Іванам Чарняўскім, працаватым маладым селянінам, які ўжо прайшоў школу заходнебеларускага патрыятычнага руху. Сабраўшыся, любілі спяваць. Асабліва зладжана, як успамінаюць суседзі, у іх атрымоўвалася: «Краю мой, краю мой родны...». Часта прыходзіў з вёскі Качаргі малады хлопец Юзік Качэрга. Бываў і яшчэ адзін вучань мядзельскай школы Факунда Несцяровіч з Юшкавіч. Гэта тройка аднадумцаў — Лапіцкі, Несцяровіч, Качэрга — затым разам пройдуць і вейскую турэмную катойню, і суд у Маладзечне летам 1950 года. З іх жывым на сёння застаўся толькі апошні.

Але некаторыя іншыя не выстаялі. Як толькі школьнікамі зацікавіліся адпаведныя органы, той-сёй пабег з пакаяннем. Дараванне прыйшло за згоду стаць здраднікам, стукачом. На судовым працэсе іх імёны нават не ўспомняць. Але плату яны атрымалі у залежнасці ад ступені здрады — каму дробную партыйна-савецкую пасаду. А каго і ў школу МДБ. Але паказальна, што лёс ім пазней адмерыў і сваё — заўчаснай гібеллю, няшчасцямі для дзяцей і нават унукаў.

Бязвыходная нястача і голад не пакідалі Лапіцкіх і ў Мікасецку. Калі Расціславу зашывалі вопратку, ён сядзеў, загарнуўся ў прасціну, бо не было змены. Часам іх падкармлівалі суседзі, але трэба было шукаць нейкі выхад. І восенню 1949 года яны пешкі, ведучы на вяроўцы карову, пайшлі за 80 км ў Смаргонь. Там жылі матчыны браты Жабінскія. Думалася, што каля родных будзе нейкая палёгка.

У 10-м класе смаргонскай школы з'явіўся новы вучань. Расціслаў Лапіцкі і тут пачаў шукаць тых, каму быў неабыякавы лёс бацькаўшчыны. Ды ў школе ўжо была і свая традыцыя супраціву. Яшчэ ў 1945 годзе нехта на класнай дошцы напісаў: «Сталін — сволач». Па

падазранні ў гэтым «тэратыстычным акце» быў арыштаваны і асуджаны сын настаўніка Рычард Юшкевіч і яшчэ некалькі вучняў. Лапіцкі, а затым і яго сябры разгортваюць у Смаргоні антыкамуністычную агітацыю — на школьных перапынках, вечарынах, у клубе, дзе Расціслаў падзарабляў, іграючы на піяніна. Набралася да двух дзесяткаў падпольшчыкаў. Лапіцкі, рослы, прыгожы, з вострым розумам і палкім характарам, стаў несумненным лідэрам і тут. У арганізацыю ўвайшла пераважна вучнёўская моладзь са Смаргоні і вёсак раёна. Потым асуджаны будучы: **Расціслаў Лапіцкі** (01. 09. 1928 — восень 1950?), **Чэслаў Цыбоўскі** (1932-1978), і яго старэйшая сястра **Леакадзія** (зараз жыве ў Польшчы), **Тадэвуш Хацілоўскі** (нар. 11. 06. 1931), **Тамара** (1932—загінула ў 1982 г.) і **Тацяна** (нар. у 1934 г., жыве ў Вільні) **Юшкевічы**, **Зося Лапыцька** (жыве ў Польшчы), **Часлава Ашукоўская** (жыве на Украіне?) — усе са Смаргоні, **бацька** (памёр) і яго сын **Зянон** (жыве ў Польшчы) **Ахрамовічы** з Чарнят, **Збігнеў Пашкевіч** з Крапіўна каля Солаў (зараз у Маладзечыне), **Эдуард Сташкевіч** (28. 03. 1928 — 19. 03. 1974) і **Канстанцін Іваноўскі** (нар. 03. 01. 1930) з вёскі Дэгісі з-пад Солаў, **Восіп Блізнюк** (12. 11. 1930—01. 08. 1994) з Шаматова пад Смаргонню, **Карней** з Міцкавіч (жыве ў роднай вёсцы), а таксама юнакі з Мядзельшчыны — **Факунда Несцяровіч**, на той час ужо навучэнец Мінскага палітэхнікума (1929—1987), **Восіп Качэрга** (нар. у 1930 г., жыве зараз у Польшчы). Іншыя прозвішчы мне пакуль невядомыя. Трэба адзначыць, што служба бяспекі выявіла не ўсіх удзельнікаў мядзельска-смаргонскага падпольнага руху. Некаторых удалося прыкрыць, уратаваць.

Пачалі з улётка. З раённага дому культуры Расціслаў вынес пішучую машынку, запас паперы і капірак. На гэтай машынцы і друкавалі антыкамуністычныя пракламацыі, якія заканчваліся заклікам «Смерць Сталіну!». Напярэдадні дня канстытуцыі на агарожах, дрэвах, слупах, і нават на будынках райкома партыі і міліцыі забялелі лісткі з крамольнымі словамі. Як сведчыць адна з колішніх арганізатараў смаргонскага камсамолу «Они засыпали город листовками».

Сярод начальства усчаўся перапалох. У горадзе з'явілася шмат вайскоўцаў. Пачаліся сачэнні, росшукі, дазнанні.

Высачыць падпольшчыкаў не было цяжка. Зусім маладыя, сярод іх былі падлеткі, яны не трымаліся асаблівай канспірацыі. І хоць стараліся на людзях не размаўляць пра палітыку (баяліся стукачоў), ў школе той-сёй ведаў пра існаванне арганізацыі. Ды і сам Расціслаў на ўроках пастаянна ўступаў у палітычныя спрэчкі з некаторымі настаўнікамі, задзіраўся з камсамольцамі. Адноўчы адмовіўся пісаць сачыненне па

М. Чарняўскі. Да гісторыі Мядзельска-Смаргонскага...

раману Фадзеева «Маладая гвардзія», заявіўшы, што ў іх маецца свая «Маладая гвардыя», толькі яна за Беларусь. З гэтай рэплікі Расціслава, мусіць, памылкова і пачалі гаварыць, што смаргонскае падполле таксама насіла такую назву.

Прыкладна ў лістападзе непадалёку ад школы Расціслаў быў арыштаваны. Тызень доўжыліся допыты: «Дзе машынка? Хто друкаваў улёткі?» Не дамогшыся прызнання юнака часова выпусцілі, не спускаючы з яго аднак, вока.

Пасля нарады падполле паставіла, што Лапіцкаму лепш пакінуць Смаргонь. Апошнім яго бачыў каля чыгуначнага вакзала Тадэвуш Хацілоўскі. Гэта сустрэча Тадэвушу праз нейкага паўгода абыйдзецца ў 25 гадоў зняволення — «недоносительство», да чаго дабаваць непавагу да суда і інш.

Спрабаваў Расціслаў прытуліцца на Мядзельшчыне — у Мікасецку, Юшкавічах. Нарэшце перабраўся ў Кабыльнік, дзе было шмат знаёмых. Усюды ўцекача баяліся доўга хаваць, бо людзмі апанаваў страх — мядзельскіх падпольшчыкаў ужо арыштавалі, чуткі пра гэта шырока разышліся па раёну. У Кабыльніку прастуджаны і хворы Расціслаў па даносу аднаго мясцовага хлопца быў паўторна арыштаваны.

А ў гэты час у самым пачатку лютага ноччу былі арыштаваны Чэслаў і Леакадзія Цыбоўскія. Затым у іхнім доме зрабілі засаду і схалілі наступных некалькі падпольшчыкаў. Ланцужок следства пацягнуўся да іншых...

Катавалі хлопцаў і дзяўчат на допытах у Вілейскай турме неміласэрдна. Хто вярнуўся са зняволення, сведчыў блізім, што іголки пад пазногці не было самым страшным. Арыштаванага сябра Расціслава з Кабыльніка, якому хацелі «прышыць» удзел у падполлі, ставілі ў кут камеры так, каб на цемя з вышыні падалі халодныя кроплі вады. Быў блізім да вар'яцтва. Яму ж удалося падглядзець, як па калідоры вялі Расціслава, збітага так, што не мог сам ісці. Нават спачатку яго не пазнаў — юнак выглядаў на старога дзеда... Адна з колішніх зняволеных, якой як непаўналетняй дасталося менш ад іншых, успамінае следчага Пахомава: «Очень злой и коварный человек, деспот, он требовал сказать то, чего не было, угрожал карцером и электрическим стулом»

Суд ваеннага трыбунала Беларускай ваеннай акругі адбыўся ў Маладзечне летам 1950 года (па розных звестках 15, 20 або 22 чэрвеня ці 17—20 ліпеня). За «недоносительство» прысудзілі па 10 гадоў, большасць жа атрымалі па 25. Расціслаў Лапіцкі і Факунда Несцяровіч, як арганізатары і кіраўнікі, былі прыгавораны да расстрэлу.

Яшчэ вучнем я чуў ад старэйшых, як можна, як нязломна трымаўся на судзе Расціслаў Лапіцкі. Яго заключнае слова было абвінавачваннем камуністычнаму рэжыму. Гэта ж пацвярджаюць і самі колішнія падсудныя.

Ф. Несцяровічу расстрэл пазней быў заменены на доўгатэрміновае зняволенне. У часы хрушчоўскай адлігі яму удалося перабрацца ў Польшчу, куды раней выехалі бацькі. Расціслаў Лапіцкі адмовіўся ад памілавання і далейшы лёс яго невядомы. Восенню 50-га года ён, здаецца, яшчэ быў жывы і знаходзіўся ў вілейскай турме... Цяжка склаўся лёс і астатніх. Параскідалі іх па канцлагерах, лесапавалах, шахтах. Пасля смерці «бацькі ўсіх народаў» тэрміны зняволення ім скарацілі, а затым і зусім вызвалілі. Хто застаўся на радзіме, хто выехаў у Польшчу, Летува, на Украіну. Катаванні, знясільваючая праца, што выпалі на гэтых хлопцаў і дзяўчат, у большасці вучняў 7—10 класаў, пакінулі цяжкі след — шмат хто з іх памёр, хоць па гадах мог бы жыць ды жыць.

Зразумела, што ўсіх мядзельска-смаргонскіх падпольшчыкаў аб'ядноўвалі ідэі змагання з камуністычным рэжымам, але наколкі яны былі патрыёты Беларусі? Мабыць не ўсе. Расціслаў, як выглядае па сведчаннях сучаснікаў, быў перакананым адраджэнцам і незалежнікам, атрымаўшы такія перакананні ад старэйшых братоў. «Калі ведаеш, што ў гэтай хаце заначуе вораг Беларусі — спалі хату, калі хлеб з гэтай нівы пойдзе ворагу Беларусі — знішчы яе» — гэта адно з выказванняў Лапіцкага. Але сярод выхадцаў з каталіцкіх сем'яў, мабыць былі і польскія патрыёты, выхаваныя яшчэ польскай школай, польскай патрыятычнай ідэяй. Той жа Факунда Несцяровіч будзе пахаваны пад бела-чырвоным сцягам.

Мядзельска-Смаргонскае вучнёўскае падполле патрабуе далейшых даследаванняў, збору ўспамінаў былых палітвязняў, іх родзічаў, сяброў і знаёмых, працы ў архівах. Яшчэ не выяўлена некалькі прозвішчаў. Невядома, як і калі скончылася жыццё Расціслава Лапіцкага, гэтага мужага сына беларукага народа.

У час збору матэрыялу для гэтага артыкула ўдалося трапіць на некаторыя сляды і іншых падпольных арганізацый, што дзейнічалі ў самым канцы вайны і ў першыя пасляваенныя годы. Несумненна, што восенню 1944 года існавала арганізацыя беларускіх навучэнцаў у Вільні, у якой удзельнічаў адзін са старэйшых братоў Расціслава Алег Лапіцкі (асуджаны на 10 гадоў зняволення і забіты ў Казахстане). Па прыкладу віленчукоў гэтым жа часам ужо вялі размовы аб неабходнасці патрыятычнай арганізацыі слухачы настаўніцкіх курсаў ў Глыбокім.

Расказваюць пра вучнёўскае падполле ў Вілейцы, і нават у такім зрусіфікаваным горадзе, як Гомель. Не кажу ўжо пра Саюз беларускіх патрыётаў і арганізацыі на захадзе Беларусі — «Чайка» і інш., пра якія ўжо ёсць публікацыі.

Па вывучэнню патрыятычнага пасляваеннага падполля непачаты край работы. На падтрымку правячага рэжыму тут няма спадзяванняў, у яго сваё разуменне патрыятызму — праваслаўна-атэістычна-славянскае. Неабходна старацца самім, грамадскім чынам — студэнтам, кразнаўцам, журналістам, пісьменікам і, зразумела, навукоўцам. Трэба спяшацца. У маіх вачах і сёння сястра сябра Саюза беларускіх патрыётаў Аляксандра Дзікага ў чорнай жалобнай хустцы — я прыехаў запісаць яго ўспаміны, спазніўшыся на пару тыдняў.

А. ШТЕМЕНКО (*Гомель, Беларусь*)

ТАЙНЫ ШЕКОВОТОВСКОГО ЛЕСА

Тема политических репрессий не в первый раз появляется на страницах периодической печати, тем не менее она по-прежнему волнует общественность нашей Республики. Так сложилось, что несмотря на появление огромного количества публикаций и материалов по этой теме, с течением времени вскрываются всё новые и новые факты чудовищных злодеяний режима против собственного народа. Как прежде, так и сейчас мало кто из жителей г. Гомеля сможет вспомнить о тех трагических событиях, которые происходили в нашем городе в 20—30-е годы. Всё это вершилось в глубокой тайне, с целью сокрытия массовости расстрелов. Нарушение прав человека, террор, беспредел, имевшие место в те годы, нанесли непоправимый удар по сознанию людей, затронули все сферы жизни общества. Введение чрезвычайки после убийства С. М. Кирова позволило намного упростить судебный порядок рассмотрения дел. Обыденным явлением стало нарушение уголовно-процессуального кодекса и применение «тройками» максимального срока заключения вплоть до расстрела. Именно в 1937—1938 гг. механизм организации массовых репрессий достиг апогея, в эти годы в БССР расстреляно максимальное количество граждан. Маховик уничтожения работал бесперебойно.

Годы массового террора не обошли стороной и Гомельщину, где только по официальным данным пересмотрено 20 тысяч дел. Осуждённые по этим делам полностью реабилитированы¹. Однако эта цифра относительна, ведь известно, что по каждому из этих дел, хранящихся в архиве оперативного фонда УКГБ по Гомельской области, проходило от одного до нескольких десятков лиц. Многие из них были

расстреляны. Провозглашая лозунг открытости и неповторения событий прошлого, государственные органы власти по-прежнему продолжают скрывать от общественности реальные факты прошлого, ссылаясь на их отсутствие. Это в значительной степени затрудняет поиск мест, где приводились приговоры в исполнение. Родственники репрессированных до настоящего времени не могут воздать дань памяти своим безвинно погибшим близким.

За последние годы близ Гомеля удалось выявить несколько таких мест. Одно из них расположено в черте пос. Хальч, где по словам местных жителей ещё живут бывшие палачи, которые непосредственно приводили приговоры в исполнение, уже в послевоенное время. Подобное место открыто рядом с пос. Новая Жизнь, где в современном районе застройки, в глубоком яру органами НКВД проводились расстрелы. Все эти места досконально не изучены и скрывают ещё довольно много неразгаданных тайн и неизвестных людских судеб.

Более двух лет прошло с того момента, когда многие газеты республики известили о таинственных захоронениях, обнаруженных в Шекотовском лесном массиве. Уже тогда многие связывали их со сталинскими репрессиями 30-х годов, что в то время больше декларировалось, чем аргументировалось конкретными фактами. По словам очевидцев, многие из репрессированных гомельчан расстреляны именно в Шекотовском лесу вдоль Черниговского шоссе. На девятом километре установлен памятный знак с надписью «Одно из мест массовых расстрелов жертв большевистской диктатуры в период 1919 — 1940 гг.». Шекотовский лесной массив² ещё в XIX веке частично вошёл в состав городской черты и занят в настоящее время районом Новая Белица. Значительная его часть простирается от старицы р. Сож до Кореневского леса. Начало современного участка урочища привязано к придорожному ресторану «Чабарок», его прорезает Черниговское шоссе, по обе стороны которого вплоть до населённых пунктов Севруки и Куты и производились расстрелы. В 1995 году установлено месторасположение двух таких пунктов (рис. 1).

Пункт - 1.

Расположен в 1—2 км юго-западнее ресторана «Чеборок», по дороге, идущей в направлении к «Партизанской Криничке». Захоронения фиксируются вдоль нефтепровода «Дружба». По словам лесников, в 60—70-е годы при прокладке нефтепровода строители сталкивались с многочисленными неизвестными массовыми захоронениями, которые разбросаны вдоль просек и дорог в сосновом

лесу небольшими группами (место проведения раскопок).

Пункт - 2.

Расположен в 2 км юго-восточнее ресторана. Условным ориентиром служит хоздвор, за которым в глубине старого лесного массива располагается участок молодого смешанного леса.

После публикации в «Народной газете» статьи «В Гомеле были свои Куропаты» гомельская районная прокуратура по факту обнаружения неопознанных массовых захоронений возбудила уголовное дело. С целью выяснения обстоятельств и времени их появления к работе были привлечены сотрудники отдела археологии Гомельского областного краеведческого музея и студенты историко-юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины. Раскопки производились на основании официального запроса прокуратуры от 31.03.1995 г. за № 15д—95.

Предварительный визуальный осмотр всего исследуемого участка лесного массива позволил отметить сравнительно равнинный, местами пониженный характер местности, изобилующей большим количеством квадратных, полукруглых, овалообразных и других западин различных размеров. Были выявлены следы трёх подчетырёхугольных западин (погребений) глубиной 0,1—0,3 м, каждая из которых в разном объёме уже до прибытия группы подверглась частичному вскрытию. Погребения концентрировались в пределах трёхугольного участка леса, ограниченного со всех сторон старыми просёлочными дорогами, функционировавшими ещё в довоенное время (рис. 1). Погребения располагались в 18—24 м от южной дороги и в 18—25 м друг от друга по линии северо-восток-юго-запад.

Могила № 1

Следы погребения зафиксированы по четырёхугольной западине глубиной 0,3 м. Размеры верхнего уровня были вытянуты в плане по линии северо-запад-юго-восток и составляли 4 x 2,5 м. Котлован врезан в материк на глубину 2,3 м. По мере выборки заполнения размеры сужались, на дне составляли 3,5 x 2 м. Изначально поверхность была покрыта плотным слоем листвы и сухих веток от рядом стоящих кустарников и сосен. У двух противоположных углов (северного и южного) западины располагались шурфы глубиной до 1,5 м, из которых, вероятно, происходили 12 черепов и различные фрагменты костяков. Вокруг погребения в беспорядке были разбросаны железные эмалированные кружки Луганского производства, а также множество истлевших фрагментов яловых сапог, прорезиненных бахил и калош, на подошве которых стояли клейма производства 1937 года. вскрытие

производилось вручную. Верхний слой заполнения могилы состоял из светложёлтой мешаной пятнистой супеси, после выборки которой на уровне 1—1,1 м, проявились контуры тёмной и рыхлой органической массы, смешанной с остатками растительности. Стратиграфически наблюдалось чередование плотных пластов костяков с рыхлым органическим заполнением, это позволяет предположить, что могила заполнялась постепенно через определённые промежутки времени. Количество каждой партии не превышало 15—18 человек. При зачистке каждого плотного слоя (всего их 3) отмечалось неправильное расположение костяков, некоторые из них лежали на боку, имели прямо противоположную ориентацию, за исключением нижнего. Черепа размещались преимущественно по краям ямы. Эта особенность характерна для всех исследованных погребений. В следствие большой концентрации человеческих тел и особенностей настилаемого грунта процесс гниения не был завершён, что создало определённые трудности в процессе эксгумации. Из заполнения могилы извлечены останки 44 человек. За некоторым исключением, практически все черепа содержали 1-2 пулевые отверстия в затылочной кости и крупные проломы в лобной и теменной. При разработке погребения на различных отметках найдено 23 гильзы и 2 пули (из них 21 гильза от револьвера системы Наган и 2 гильзы и 2 пули от пистолета Кольт). Примечательно, что количество черепов с крупными отверстиями в лобной кости (до 80 мм) примерно сопоставимо с процентом найденных гильз и пуль от пистолета Кольт. При осмотре черепов выявлено 2 коронки, нижний мост и 9 зубов с содержанием белого металла.

Предметы индивидуального назначения немногочисленны. Перечень личных вещей состоял из двух советских монет (2 коп. 30-х гг., 20 коп. 1932 г.); двух кошельков, изготовленных из чёрной кожи с бронзовыми дужками, в одной из которых находился документ и железная пуговица; двух портмоне, изготовленных из чёрной и красной кожи; медицинской бутылочки; десяти разнообразных пуговиц, среди которых интерес представляет бронзовая позолоченная пуговица с монограммой (серп и молот в центре) и пр. У северной стены котлована в одном из костяков бы найден натальный (наперсный) крест из белого металла, выполненный в старообрядческой традиции. Наиболее массовой категорией находок была обувь, среди которой доминировали остатки яловых сапог. Калоши и бахилы представлены значительно меньше. Вся обувь фабричного производства содержала клейма 1937 года. В южном секторе встречены отдельные фрагменты полуистлевшей

кожи с отпечатками меха. На одном из фрагментов ткани сохранился отпечаток бронзовой печати в виде оперения орла.

Могила № 2

Контуры второго погребения определены по западине, углубленной на 0,2—0,3 м, с верхними размерами стен 3 x 4 м. Дно котлована вреzano в материк на 2,4 м., его размеры сужались до 2,5—3,5 м. Погребение ориентировано по линии юго-запад--северо-восток и располагалось в 18 м от могилы № 1 и от южного участка просёлочной дороги. В центре западины располагался свежий шурф глубиной 1,2 м.

Стратиграфия заполнения погребения имела много общего с предыдущими могилами. При выборке его верхнего слоя, состоящего из светло-жёлтой материковой супеси, найдены сгнившие остатки раздавленных чемоданных конструкций, смешанных с мисками и ложками. На кружках отчётливо прослеживались клейма Ворошиловградского и Луганского заводов (город Луганск переименован в г. Ворошиловград в 1935 г.). Все они концентрировались по краям могилы. Нам представляется, что после расстрела последней партии жертв, которые хаотически лежали друг на друге, создавая гору по центру, вслед за ними были выброшены чемоданы и вещевые мешки, которые скатывались по краям. При разборке нижнего заполнения извлечены останки 48 человек, черепа которых имели 1—2 пулевых отверстия в области затылочной кости и широкие проломы в лобной. В заполнении могилы найдено 24 гильзы, выпущенные из револьверы системы Наган и автоматического пистолета Кольт. В отличие от других погребений здесь найдено большое количество предметов индивидуального назначения. Перечень личных вещей состоял из: четырёх кошельков, изготовленных из тёмной кожи, в одном из которых лежала копейка 1936 года; двадцати разнообразных (железных, пластмассовых, костяных) пуговиц; девяти пенсне, три из которых находились в футляре; четырёх зубных щёток; двух мыльниц (один футляр без половины); трёх мундштуков; семи расчёсок и пр. Отдельные предметы содержали клейма и монограммы исключительно предвоенного образца: «Резино Трест», «Моспластмасс», фабрика 2 с. 2, 3-д им. «Комсом Правды» Л-град и пр. Обращает на себя внимание светлокориичневый футляр от расчёски со следами процарапанной надписи (рис. 2), найденный на глубине 2,3 м в юго-западном секторе погребения. Второй пласт костяков содержал слипшиеся наборы (калоши с кружками, завёрнутые в истлевшую материю, бахилы, вложенные один в другой).

Могила № 3.

Следы погребения фиксировались по небольшой четырёхугольной полусферической в разрезе западине, углубленной на 0,1—0,3 м. Погребение ориентировано углами по сторонам света, размеры стен на уровне дневной поверхности 3 x 3,7 м. Котлован врезан в материк на глубину 2,5 м. По мере разработки его размеры сужались и на материке составляли 3,5 x 2 м. Почти 1/3 часть западины была перекрыта котлованом, более поздней полуземлянки времён Великой Отечественной войны.

При выборке светложёлтой мешаной супеси, на отметке 0,9—1,3 м по краям котлована фиксировались сгнившие конструкции чемоданов и рваных фрагментов плетёного лукошка. Из нижнего заполнения могилы извлечены останки 44 человек. Все черепа содержали пулевые отверстия в затылочной и лобной части. Среди костяков найдено 14 гильз и 4 пули (из них 13 гильз и 4 пули от револьвера системы Наган, 1 гильза от пистолета Кольт). При зачистке южного угла котлована удалось зафиксировать три револьверные пули, вошедшие в грунт на 5—7 см, которые располагались под углом 20—25 градусов от горизонта. Основываясь на результатах проведённого эксперимента, можно предположить, что жертв ставили на колени перед ямой и расстреливали попарно. Это подтверждалось траекторией полёта пули.

Перечень личных вещей состоял из четырёх разнообразных пуговиц, чёрного кожаного портмоне и пр. В центре могилы на глубине 1,5 м обнаружены остатки истлевшего кожаного демисезонного пальто. Наиболее массовой категорией находок являлась обувь. Преобладали яловые сапоги. Найдено несколько пар чёрных калош, все с клеймами ГОСТа 1937 года. Обращает на себя внимание коллекция советских монет различных номиналов (1930—1936 гг.).

По информированности каждое погребение в значительной степени дополняло друг друга. Общая стратиграфия группы погребений, примерно одинаковая удалённость, идентичность всех типов обуви, общая датировка предметов позволили говорить, что все три погребения произведены примерно в одно время. С первых дней работы крайне важно было обнаружить такие предметы, по которым можно было судить о времени и авторстве расстрелов. Ответ на все эти вопросы найден совершенно неожиданно. При расчистке футляра от расчёски, происходящего из нижнего заполнения могилы № 2, проявилась процарапанная на нём надпись. Текст был нанесён при помощи острого предмета на обе стороны футляра. В результате расшифровки

А. Штеменко. Тайна Шекотовского леса

выяснилось, что обладатель данного футляра был арестован во вторник 19 августа 1937 года и находился под следствием до четверга 7 октября 1937 года. Судя по надписи, 29 августа человеку были предъявлены обвинения по второй наиболее «популярной» со второй половины 30-х годов главе Уголовного кодекса, характеризующейся как контрреволюционные преступления. Гражданин был осуждён по статьям:

- 63 - измена Родине,
- 64 - подготовка вооружённого восстания,
- 70 - проведение террористических актов, направленных против представителей советской власти,
- 72 - пропаганда и агитация против советской власти (рис. 2).

Большую помощь в определении авторства расстрелов оказали результаты послереставрационного статистического анализа отдельных категорий находок (гильз, пуль, монет).

После расчистки были определены три разных типа пуль и гильз от патронов стрелкового оружия, стоявшего на вооружении в СССР. Среди них наибольшее количество (82%) гильз и пуль отнесены к 3-линейному револьверу системы Наган образца 1895/30 гг., с маркировкой Тульского патронного завода (ТПЗ). Это индивидуальное многозарядное стрелковое оружие с вращающимся барабаном, стояло на вооружении личного состава ВЧК, ГПУ, НКВД и внутренней охраны вплоть до 60-х годов включительно. Первоначальное недоумение вызвала находка гильз и пуль от автоматического пистолета системы Кольт образца 1911 года «Правительственная модель» калибр 11,43. Как оказалось, этот тип оружия появился в России с 1914 года в качестве помощи странам Антанты от США и стоял на вооружении в органах ВЧК, ГПУ, НКВД вплоть до 1940-х годов. Более 16% подобных гильз и пуль отнесены к данному типу оружия. Спор вызывает лишь одна гильза, которую можно отнести как к пистолету «Маузер» (Германия) образца 1908 года калибр 7,63 мм, так и некоторым модификациям пистолета Кольт того же калибра.

Реставрация позволила выделить номиналы 12 монет 1930—1936 гг. Наличие монет 1936 года является косвенным доказательством в пользу 1937 года.

Следует отметить полное отсутствие всякой связи могильника с периодом ВОВ, в частности с полуземлянками, расположенными вокруг погребений. Как отмечалось выше, могила № 3 была частично перекрыта котлованом неизвестной полуземлянки, наличие которой в

первое время смущало многих. При детальном её изучении выяснилось, что она не имеет ничего общего с исследуемым погребением. По словам очевидцев, появление полуземлянок следует отнести к ноябрю 1943 года, когда перед началом Гомельско-Речицкой операции войск Белорусского фронта гомельчане прятались в лесах от отступающих фашистов. Боясь усиления партизанской группировки у себя в тылу, немцы направили сюда карательную экспедицию, в результате которой основная часть беглецов была расстреляна (из автоматического оружия) и рассеяна по лесу. Те, кто остался в живых, утверждают, что захоронений фашисты не производили. Все тела были вывезены в город родственниками погибших.

Таким образом, ясно, как для осуждённых закончилось следствие. Теперь понятны некоторые странности, выявленные в ходе раскопок. Произошедшее без сомнения имеет прямую связь с известным приказом наркома внутренних дел Н. Ежова от 30 июня 1937 года. под № 00447, согласно которому с 5 июля во всех республиках, краях и областях началась операция по «плановому» репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов в преддверии торжественной встречи 20-й годовщины Великой Октябрьской революции. На операцию отводилось 4 месяца³. Из документа от 12 декабря 1938 года «Об итогах операции по польской, немецкой, латвийской агентуре в БССР, проводившейся в период август 1937г.— сентябрь 1938 г. на основе приказов НКВД СССР»⁴ известны результаты этой «предусмотрительной» операции. Всего арестовано 23 429 человек, из них до 1 июня 1938 г. осуждено по 1-й категории (расстреляно) — 18 687. Лучшего «подарка» к 20-летию Октября народ от своего вождя не ожидал. По этому случаю следует вспомнить одно из выступлений А. И. Микояна на одном из торжественных собраний, посвящённых 20-летию органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Микоян сказал: «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы... Мы можем пожелать работникам НКВД и впредь также славно работать, как они работали». Он имел в виду 1937 год⁵. Через несколько месяцев знатного ученика Сталина постигла та же участь.

Проведённые полевые археологические исследования на месте массовых расстрелов в урочище Шекотовский лес и анализ выявленных предметов позволяют бесспорно идентифицировать время и авторство расстрелов:

— **Расстрелы осуществлены в сжатые сроки октябрь - ноябрь 1937 года.**

— Все погребённые погибли насильственной смертью в результате выстрела в затылок из стрелкового оружия, стоявшего на вооружении в СССР.

¹ Кузьменко Н. И. Это не должно повториться // Гомельская праўда, 1997 18 снежня.

² Историческая справка. Появление современного микропонима Шекотовский лес следует связывать с названием высохшего болота — гидронима Шёкоть. Первые сведения о нём появляются в кн. Л. Виноградова — “Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142—1900. М., 1900. Прим. № 46 ... “сенокос, названный урочищем Шёкот под Севруками”, прин. в 1750 г. Константину Устиновичу и им был подарен Кульчицким, от которых достался Хальчевским: никаких строений в то время не было.

³ Адамушка У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20—50-х гадоў на Беларусі. Мн., 1994, с. 51-57.

⁴ Адамушка У. І. Там же.

⁵ Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М., 1990, с. 185.

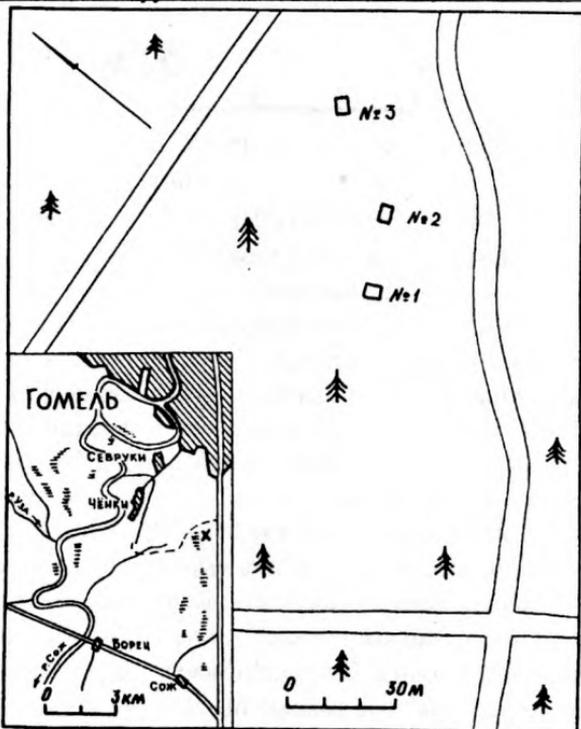

Рис. 1. Схематичный план места массовых расстрелов в ур. Шекотовский лес и ситуационный план местности.

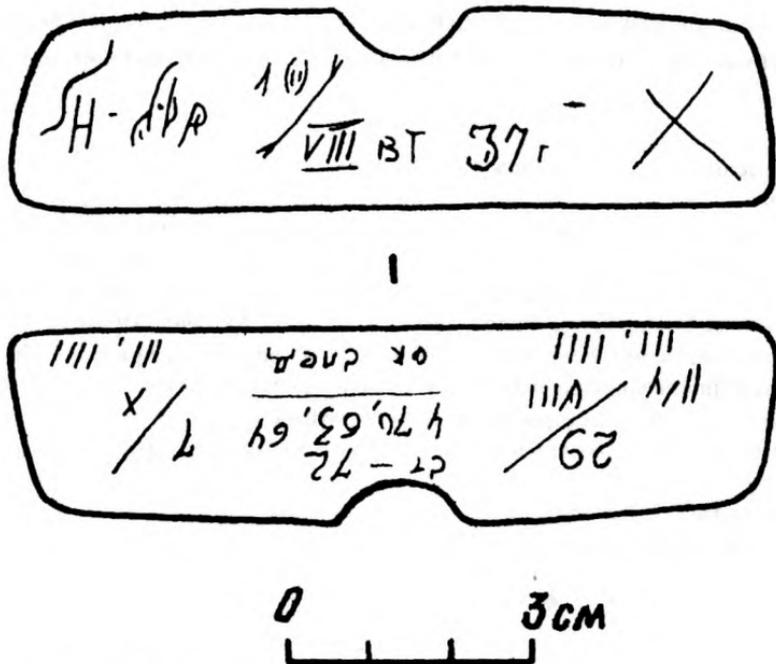

Рис. 2. Футляр от расчески из могилы № 2.

А. ЮРШЭВІЧ (Мёры, Беларусь)

СПЯКОТНЫ ЧЭРВЕНЬ СОРАК СЁМАГА

Пяцьдзсят з паловай гадоў таму назад. Менск. Пляц Волі. 16 чэрвеня 1947 года. Летняя спякота. Дом прафсаюзаў. Да дзвярэй з боку двара пад'язджае «чорны воран» з надпісам «Хлеб». Упрытык. Адчыняюцца заднія дзверы і выскаквае двое ваенных з аўтаматамі. За імі пяць хлопцаў у зімовай вопратцы. Чуецца «Руки за спину! Прямо марш!». Вайскоўцы вядуць хлопцаў на другі паверх і садзяць у зале перад сцэнай. На сценах лозунгі: «Профсоюзы — школа коммунизма» і г. д. З першага паверха чутно: «А гармонік грае-грае ...», або «Ваше счастье молодое мы железными штыками оградим», або як Белая Русь «Москву защищала». Гэта ідзе рэпетыцыя канцэрта да дня вызвалення Менска. Але вось чуцен брэх нямецкіх аўчарак. Ды гэта не фашысты, а «чырвоназорныя» вядуць калону маладзенькіх дзяўчат і хлопцаў — школьнікаў. Чуюцца грозныя крыкі: «Подтянись! Быстрее!» Заводзяць іх у залу. Сядзець тут не маркотна — песні на доле змяняюцца скакамі, танцы — музыкай.

На сцэну выходзяць і садзяцца за стол члены ваеннага трыбунала і пачынаецца драма, камедыя або тэатр абсурду. Судзяць школьнікаў.

Навучэнцаў педвучылішчаў, амаль дзяцей па артыкулах «измена родине», «враги народа».

Ахова шчыльным кальцом акружыла 33-х маладых хлопцаў і дзяўчат. Старшыня трыбуналу маёр называе прозвішча кожнага падсуднага і задае некалькі пытанняў, але адказаў не слухае. Не спяшаецца пісаць і сакратар. Яны больш увагі ўдзяляюць рэпетыцыі. Тут даўно ўсё вырашана: каму і колькі даць гадоў зняволення, або каго расстраляць.

І вось апошні дзень. Мае быць зачытаны прысуд. У залу заходзяць, нібы статысты, апранутыя ў вышываныя беларускія кашулі дзяўчаты і хлопцы з самадзейнасці. Камандзір канвою дае каманду «Встать!».

Дзверы на сцэне адчыняюцца і заходзяць трое членаў ваеннага трыбуналу і сакратар. Ні адвакатаў, ні сведкаў няма. Старшыня суда аглядае прыціхлую залу і пачынае чытаць: «Именем Белорусской Советской Социалистической Республики военный трибунал ... в закрытом судебном заседании без участия сторон обвинения и защиты рассмотрел дело по обвинению ... и приговорил на основании указа Верховного совета СССР «Об отмене смертной казни от 27 мая 1947 года» к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, 5 годам высылки в отдалённые районы Советского Союза, с поражением в правах по пунктам... с конфискацией лично принадлежащего имущества».

Ніхто з прысутных не зразумеў прысуду. Які указ? Якая адмена смяротнай кары? У зале стаяла мёртвая цішыня. Шок найперш прайшоў у артыстаў самадзейнасці. Яны зашухаліся: «Такія маладыя і столькі далі. За што?» Жанчыны спачувалі, а хтосьці сказаў: «Так ім, фашыстскім праслужнікам, і надо». Карацей кажучы, у гледачоў думкі падзяліліся, а ў падсудных з'явіўся страх: «Не пражылі і двух дзясяткаў гадоў, а па прыговору трэба сядзець яшчэ 25 гадоў».

Старшыня агледзеў залу. Якое ўражэнне зрабіў прысуд?

А на першым паверсе працягвалася рэпетыцыя. З тупатам і свістам калектыў выконваў «Калінку». Прайшло паўстагоддзя, а некаторыя колішнія палітвязні і сёння не могуць чуць гэтую «Калінку».

А старшыня задаволены, бачна, зробленым — 10, 15, 25 гадоў. Усім хапіла. Часам войкалі артысты, калі ненаўналетнім адмервалі тэрмін. Толькі падсудныя стаялі моўчкі. Ніхто не прасіў літасці.

Суд закончыўся. Суддзі выйшлі, выйшлі артысты, а ў зале толькі асуджаныя і канвой. Цяжкія думкі агарнулі кожнага. Які чакае лёс? І ці застанеца хто з іх жывы?

Да уваходных дзвярэй зноў пад'ехаў «чорны воран». Забраў першую партыю вязняў у «амерыканку». Канвой пачаў шы[аваць

рэшту для адпраўкі ў Пішчалаўскі замак. Наступіла развязка...

Чаго ж хацелі гэтыя хлопцы і дзяўчаты? Чаму так жорстка іх пакаралі? Школьнікі хацелі вучыцца па-беларуску. Навучэнцы педвучылішчаў жадалі вучыць па-беларуску. Хацелі, каб Беларусь была вольнай, прысягалі назаўсёды быць вернымі ідэалам свабоды і незалежнасці Беларусі. Нездарма назвалі яны сваю падпольную арганізацыю «Саюз беларускіх патрыётаў».

СПІС

сяброў Саюза беларускіх патрыётаў, асуджаных у 1947—48 гадах

(склаў Антон Фурс)

Глыбоцкая група СБП:

Мядзелец Васіль (кіраўнік), Фурс Антон (сакратар), Бабіч Віктар, Бабіч Іван, Бабіч Марыя, Баговіч Леанід, Барсук Алена, Барсук Ларыса, Барсук Тамара, Бацяноўскі Альберт, Бялевіч Леў, Дылевіч Віктар, Еўдакімаў Цярэнці, Казак Лявон, Кліманскі Гардзей, Конан Мікола, Краснадубская Людміла, Несцяровіч Ліда, Пачопка Мікалай, Протас Юстын, Савік Станіслаў, Спірковіч Пётар, Табола Алег, Шуман Міхаіл, Шуман Павал, Юршэвіч Аляксандар.

Пастаўская група СБП:

Асіненка Мікола (кіраўнік), Адамовіч Алесь (сакратар), Амельяновіч Аляксандар, Асіненка Ніна, Бароўка Ангеліна, Бароўка Іван, Дзеравянка Міхаіл, Дзікі Аляксандар, Касарэўскі Сямён, Лагунёнак Валянцін, Лапушынскі Павал, Лысёнак Уладзімір, Мацук Алена, Рымдзёнак Янка, Сідаровіч Яўген, Стахоўскі Віктар, Умпіровіч Алесь, Церашковіч Мікола.

ARCHEOLOGICZNY ASPEKT BADAŃ W KATYNIU, MIEDNOJE I
CHARKOWIE

17 września 1939 roku wschodnią granicę Rzeczypospolitej, toczącej ciężkie walki z hitlerowskim najeźdźcą, przekroczyły wojska Armii Czerwonej. Bez wypowiedzenia wojny inwazyjne wojska radzieckie zaatakowały polskie oddziały wojskowe i placówki graniczne siłami dwóch frontów: Białoruskiego pod dowództwem Komendarza Michała Kowalowa i Ukraińskiego pod dowództwem Siemiona Timoszenki - łącznie około miliona żołnierzy, 4 tysiące czołgów i 2 tysiące samolotów. 17 września zastępca ludowego komisarza spraw zagranicznych Władimir Potiomkin wręczył ambasadorowi polskiemu w Moskwie Waławowi Grzybowskiemu notę rządu radzieckiego, w której stwierdzono, że Państwo Polskie faktycznie przestało istnieć. To oświadczenie było sprzeczne z normami prawa międzynarodowego, ponieważ okupacja terytorium Polski przez wojska niemieckie nie mogły przekreślić faktu istnienia państwa jako przedmiotu prawa międzynarodowego, uznanego przez sojuszników i państwa neutralne. Ponadto w owym czasie broniła się jeszcze Warszawa stolica Polski, toczyły się walki w różnych punktach Polski i kontynuowały opór oddziały polskie jeszcze zdolne do walki.

Dokonując najazdu na Polskę rząd radziecki złamał kilka umów międzynarodowych, w tym:

polsko-radziecki traktat pokojowy podpisany w Rydze 18 marca 1921 roku, który regulował wschodnie granice Polski,

układ o wyrzeczeniu się przemocy w stosunkach międzynarodowych zawarty między Polską, ZSRR, Finlandią, Litwą, Łotwą, Estonią i Rumunią z dnia 9 lutego 1929 roku,

układ o nieagresji zawarty między Polską i Związkiem Radzieckim - 25 lipca 1932 roku,

protokół z 5 maja 1934 roku przedłużający pakt o nieagresji do 31 grudnia 1945 roku.

18 września 1939 roku Stalin zredagował komunikat ogłoszony wspólnie przez stronę Radziecką i Niemiecką, w którym jest mowa o wspólnych operacjach wojskowych mających na celu przywrócenie pokoju i porządku w Polsce. Tegoż miesiąca miały miejsce wielokrotne spotkania przedstawicieli rządu niemieckiego i Rosji, efektem których był układ radziecko-niemiecki o granicy i przyjaźni podpisany 28 września 1939 roku. Traktat ten wynikał z umów zawartych przez te mocarstwa 23 sierpnia 1939 r. i stanowił końcowy formalny podział Państwa Polskiego, ustalał strefy wpływów i wytyczał

granice. Tajny protokół dodatkowy zawiera uzgodnienie, które brzmi: "Obie strony nie będą tolerował na swym terenie żadnej agitacji polskiej, która mogłaby przenikać na terytorium drugiej strony. Ukróćą one na swych terenach wszelkie załączki takiej agitacji i będą informowały się wzajemnie o celowych posunięciach w tym kierunku podejmowanych".

Postanowienia wprowadzono w czyn przez obie strony. W październiku 1939 roku gestapo systematycznie wykonywało zorganizowane akcje pod kryptonimem "Intelligenzaktion Pommern", "Intelligenzaktion Schlesiens", "Sonderaktion Kreakau" i "Sonderaktion Lublin".

Kryptonimy akcji Armii Czerwonej i NKWD nie są znane, natomiast skutki można zamknąć w ogromnych liczbach aresztowanych polskich żołnierzy, rozstrzelanych na miejscu zatrzymania oraz zagarniętych do niewoli. Straty wojsk polskich w potyczkach, walkach i w odwrocie szacuje się na około 20 - 30 tysięcy zabitych, rannych i zaginionych. W wyniku inwazji Armii Czerwonej na Polskę do niewoli zagarnięto około 180 - 200 tysięcy żołnierzy i oficerów Wojska Polskiego. Dokumenty z archiwów radzieckich podają wyższą liczbę - ponad 450 tysięcy ludzi, w tym 18 787 oficerów. Wszystkich zagarniętych początkowo rozmieszczono w kilkunastu obozach na zajętych obszarach i na przygranicznych terenach ZSRR. Żołnierzy skierowano następnie do prac przy budowie dróg i linii kolejowych na Wołyniu, potem na dalekiej północy oraz do kopalń w rejonie Krzywego Rogu i w Zagłębiu Donieckim; około 43 tysiące przekazano Niemcom.

Już dwa dni po przekroczeniu granic Polski przez Armię Czerwoną to jest 19 września 1939 r. komisarz spraw wewnętrznych ZSRR, Ławrientij Beria wydał rozkaz o ustanowieniu Zarządu do spraw Jeńców Wojennych NKWD oraz o zorganizowaniu ośmiu obozów dla polskich wyselekcjonowanych z ogólnej masy zatrzymanych. Dalsze szczegółowe dyspozycje co do gromadzenia i rozdziału jeńców zawierało pismo okólne szefa Zarządu P.K. Soprunienki z 1 października oraz rozkaz Berii z 3 października. Po wielokrotnych zmianach w systemie obozów w październiku powstały trzy obozy o specjalnym znaczeniu: Kozielsk, Ostaszków i Starobielsk. W Kozielsku zgromadzono około 4500 oficerów i podchorążych, w Starobielsku około 4000 oficerów, w Ostaszkowie około 6500 jeńców, głównie policjantów, żołnierzy Korpusu Ochrony Pogranicza, żandarmów, sędziów wojskowych, około 100 oficerów Wojska Polskiego, a także ziemian i duchownych.

W grudniu oraz w styczniu 1940 r. nadeszły do rodzin w Polsce pierwsze wiadomości od jeńców. Korespondencja z obozów, kierowana do osób mieszkających pod okupacją sowiecką, miała z punktu widzenia władz ważny

cel na widoku, mianowicie identyfikację rodzin uwięzionych. Prawie wszystkie rodziny policjantów przebywających w niewoli, które zamieszkiwały na terenach zajętych przez ZSRR i otrzymywały listy z obozów, zostały wywiezione do północnego Kazachstanu. W ramach tej deportacji, rozpoczętej w nocy 12/13 kwietnia 1940 roku, wywieziono w 51 transportach 60351 osób, kobiet, dzieci (w tym i niemowląt) i osób w podeszłym wieku. W tym czasie ojców, mężów i braci mordowano w lesie katyńskim, Charkowie i Kalininie. Korespondencja z obozów przestała przychodzić w marcu 1940 roku.

W końcu grudnia 1939 roku Beria polecił skierować do obozów ekipy oficerów śledczych, które miały przeprowadzić szczegółowe badania. Prowadzono je najczęściej nocami, po kilka godzin, niektórych jeńców poddawano wielokrotnym przesłuchaniom. Przedmiotem szczególnego zainteresowania oficerów śledczych były poglądy polityczne i stosunek więźniów do władz radzieckich, a także ich uczestnictwo w wojnie polsko-rosyjskiej w 1920 roku. W końcu grudnia 1939 roku Beria żądał, aby śledztwo w sprawie wszystkich jeńców zakończyć w styczniu. Jego wyniki miały być przekazane do rozpatrzenia przez tak zwane specjalne kolegium NKWD i stanowić podstawę decyzji do dalszego postępowania z jeńcami. Ekipy śledcze zakończyły badania dopiero na przełomie lutego i marca 1940 roku.

W marcu 1940 roku Ławrentij Beria skierował do Biura Politycznego KC WKP (b), adresowany do Stalina szeroko uzasadniony wniosek o rozpatrzenie sprawy tych jeńców w trybie specjalnym z zastosowaniem kary śmierci przez rozstrzelanie. Wniosek obejmował 14736 osób znajdujących się w obozach oraz 10685 osób przetrzymywanych w więzieniach.

Decyzja o wymordowaniu jeńców zapadła 5 marca 1940 roku na posiedzeniu Biura Politycznego Komitetu Centralnego WKP (b). Wyciąg z protokołu Nr 13 posiedzenia tego biura w dniu 5 marca zawiera następujące postanowienie:

“I. Polecieć NKWD ZSRR:

Sprawy znajdujących się w obozach dla jeńców wojennych 14.700 osób, byłych polskich oficerów, urzędników, obszarników, policjantów, agentów wywiadu, żandarmów, osadników i służby więziennej,

Jak też sprawy aresztowanych i znajdujących się w więzieniach w zachodnich obwodach Ukrainy i Białorusi 11.000 osób, członków różnorodnych kontrewoლucyjnych szpiegowskich i dywersyjnych organizacji, byłych obszarników, fabrykantów, byłych polskich oficerów, urzędników i zbiegów - rozpatrzyć w trybie specjalnym, z zastosowaniem wobec nich najwyższego

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
wymiaru kary - rozstrzelanie.

II. Sprawy rozpatryć bez wzywania aresztowanych i bez przedstawiania zarzutów, decyzji o zakończeniu śledztwa i aktu oskarżenia – w następującym trybie:

Wobec osób znajdujących się w obozach dla jeńców wojennych - według informacji przekazywanych przez Zarząd do spraw Jeńców Wojennych NKWD ZSRR,

Wobec osób aresztowanych - według informacji ze spraw przekazywanych przez NKWD USRR NKWD BSRR”.

Na podstawie tej decyzji rozstrzelano 14552 jeńców z obozów w Kozielsku, Starobielsku i Ostaszkwie. Jeńców z Kozielska pochowano w lesie zwanym Kozie Góry (powszechnie przyjęła się nazwa Las Katyński) pod Smoleńskiem. Jeńców ze Starobielska rozstrzelano w podziemiach siedziby NKWD w Charkowie i pochowano w 6 kwartale leśnym pod tym miastem. Z obozu w Ostaszkwie transportowano jeńców do Kalinina i tam w podziemiach budynku NKWD rozstrzelano i chowano w dołach w lesie koło wsi Miednoje. Do dziś nie są znane miejsca rozstrzelania i pochowania więźniów przetrzymywanych w więzieniach Zachodniej Białorusi i Zachodniej Ukrainy .

Likwidacja obozu w Kozielsku rozpoczęła się 3 kwietnia, obozu ostaszkwowskiego - 4 kwietnia i starobielskiego - 5 kwietnia. Codziennie niemal odchodziły transporty liczące od około kilkudziesięciu do około 150, a wyjątkowo do 300 osób, zestawione według imiennych list przygotowanych w Moskwie. Ostatnie duże transporty odprawiono z Kozielska i Starobielska 12 maja, a z Ostaszkowa 19 maja. Spośród wywiezionych znalazło się później zaledwie 395 osób przetransportowanych do obozu w Pawliszczewym Borze i przewiezionych w czerwcu do Griazowca.

Po wybuchu wojny niemiecko-sowieckiej 30 lipca 1941 roku podpisano w Londynie układ między rządami polskim i sowieckim o nawiązaniu stosunków dyplomatycznych a 14 sierpnia w Moskwie umowę o utworzeniu armii polskiej w ZSRR Organizacją zajął się gen. Władysław Anders zwolniony w sierpniu z więzienia w Moskwie. Do armii zgłaszali się Polacy z najróżniejszych łagrów rozsianych na odległych terenach Związku Radzieckiego, ale nie zgłosił się żaden z obozu w Kozielsku, Starobielsku i Ostaszkwie. Poszukiwania nie przynosiły rezultatów. Skłoniło to premiera Rządu Polskiego generała Władysława Sikorskiego do poruszenia tej sprawy w rozmowie ze Stalinem 4 grudnia w Moskwie. Obiecywał on wtedy wydanie odpowiednim urzędom rozporządzenia co do poszukiwań Polskich oficerów, których listę przedstawił gen. Sikorski. O losach jeńców jednak nie uzyskano

żadnych wiadomości mimo wielokrotnych interwencji u Wyszyńskiego, Mołotowa i Stalina. Władze radzieckie rozpowszechniały jedynie różne pogłoski, aby skierować uwagę poszukujących w błędnym kierunku.

W marcu 1942 roku robotnicy polscy wchodzący w skład załogi pociągu roboczego stojącego w pobliżu Smoleńska, dowiedzieli się od ludności miejscowej, że w lesie katyńskim znajdują się groby jeńców polskich rozstrzelanych wiosną 1940 roku. Po rozkopaniu wskazanego miejsca i odkryciu zwłok w polskich mundurach ustawili tam dwa małe krzyże drewniane.

Do wojskowych władz niemieckich w Smoleńsku już w sierpniu 1941 roku dochodziły wiadomości o mordowaniu Polaków w lesie katyńskim, ale dopiero w lutym 1943 roku zdecydowano o podjęciu poszukiwań. W końcu marca rozpoczęto rozkopywanie i odkryto siedem grobów zbiorowych kryjących zwłoki polskich oficerów. 13 kwietnia radio niemieckie podało oficjalnie wiadomość o odkryciu oskarżając o tę zbrodnię władze sowieckie. Od 14 kwietnia gazety wydawane w języku polskim na terenie Generalnego Gubernatorstwa powiadamiały o odkryciach i zamieszczały listy zidentyfikowanych ofiar. 4 kwietnia Polski Czerwony Krzyż skierował do Katynia ekipę polskich specjalistów, którzy pracowali do 9 czerwca. Pod koniec prac - 1 czerwca odkryto ósmy dół zawierający polskie zwłoki. Ekshumacji nie dokończono z powodu upałów i zbliżającego się frontu. Odkopane zwłoki zostały pochowane w sześciu zbiorowych mogiłach na nowym cmentarzu.

25 września Armia Czerwona wyparła Niemców z okolic Smoleńska i wkrótce przystąpiono do ponownego rozkopywania mogił w lesie katyńskim. Komisja specjalna, której pracami kierował prof. Nikołaj M. Burdenko wydobyła kilkaset ciał celem przygotowania ich do zbadania. Jak wynika z oficjalnego komunikatu, ogłoszonego w 1944 roku i powtórnego w 1952 r. w dniach 16-23 stycznia 1944 roku komisja przeprowadziła badania sądowo-lekarskie 925 zwłok i na tej podstawie wydała orzeczenie o winie Niemców za zbrodnię, której mieli dokonać jesienią 1941 roku. Wiosną 1944 roku na całym terenie prowadzono duże prace ziemne; teren został wyrównany, a ślady grobów zupełnie zatarte. Od 1943 r. władze radzieckie konsekwentnie podtrzymywały wersję o odpowiedzialności niemieckiej za zbrodnię katyńską. Dopiero 13 kwietnia 1990 roku - w 47 rocznicę ogłoszenia komunikatu niemieckiego o odkryciu katyńskim - agencja TASS przyznała, że zbrodni dokonał Ludowy Komisariat Spraw Wewnętrznych (NKWD), którym kierował Ławrentij Beria. W tym samym dniu prezydent ZSRR Michaił Gorbaczow, przekazał prezydentowi Polski, Wojciechowi Jaruzelskiemu, kopie

części dokumentacji z zasobów archiwalnych. Były to listy jeńców z Kozielska i Ostaszkowa, wysłanych z obozów do dyspozycji zarządów okręgowych w Smoleńsku i Kalininie oraz spis jeńców Starobielska. W październiku 1992 roku wysłannik prezydenta Federacji Rosyjskiej przekazał prezydentowi Polski kopie dokumentów z archiwum Biura Politycznego KC KPZR, wśród nich decyzji Biura Politycznego z 5 marca 1940 roku. W maju 1994 roku zastępca prokuratora generalnego Rzeczypospolitej Polski Stefan Śnieżko, otrzymał od ukraińskich służb bezpieczeństwa w Kijowie wykaz 3435 osób, których akta personalne wysłano do Moskwy w 1940 roku. Okazało się, że jest to część brakującej dotychczas listy osób, przetrzymywanych w więzieniach Zachodniej Ukrainy. Zatem brakuje jeszcze 3870 osób, które więzione były i prawdopodobnie rozstrzelane zostały na terenie Zachodniej Białorusi.

W ramach śledztwa prowadzonego przez rosyjską Naczelną Prokuraturę Wojskową w lipcu i sierpniu 1991 roku oraz jesienią 1992 roku dokonano wstępnych częściowych ekshumacji w Charkowie i w Miednoje i poszukiwań w lesie katyńskim. W pracach uczestniczyli polscy specjaliści, a wśród nich archeolodzy. Stwierdzono, że we wskazanych miejscach znajdują się groby masowe polskich jeńców. Zagadnieniem do wyjaśnienia pozostały liczby dołów śmierci i złożonych w nich ofiar kaźni.

We wrześniu 1994 roku polskie ekipy badawcze, w skład których wchodziły archeolodzy i lekarze sądowi, przeprowadziły prace archeologiczno - ekshumacyjne w lesie katyńskim, w parku leśnym w Charkowie i Miednoje. W ciągu trzech tygodni prac w Katyniu i Miednoje stwierdzono ponad wszelką wątpliwość, że w tych miejscach znajduje się wiele szczątków oficerów i policjantów. Wydobyto duże ilości różnych przedmiotów codziennego użytku, które pomordowani mieli przy sobie, resztki umundurowania, obuwia i oporządzenia. Udało się przede wszystkim, dzięki zastosowaniu właściwych metod archeologicznych uchwycić zarysy grobów zbiorowych w tych obu miejscowościach. Podobnie, w Charkowie stosując metodę sondaży, wykonanych przy pomocy świdra geologicznego, zlokalizowano kilkanaście dołów, do których wrzucono zwłoki ofiar mordowanych w budynku NKWD.

W 1995 roku w Katyniu prace badawcze prowadzono przez trzy miesiące. Zadaniem do wyjaśnienia były następujące kwestie:

1 - odkrycie wszystkich dołów śmierci, 2 - odszukanie i dokładna lokalizacja wszystkich mogił w których pochowano zwłoki po ekshumacji w 1943 r, 3 - wyekshumowanie dołu nr 8, który w 1943 r. rozkopano tylko częściowo, 4 - odszukanie indywidualnych grobów generałów Mieczysława

Smorawińskiego i Bronisława Bohaterowicza, 5 - sprawdzenie czy w rejonie mogił polskich oficerów nie znajdują się inne pochówki, 6 - odszukanie śladów rozkopywań dokonanych przez Komisję Burdenki.

W celu rozpoznania całego terenu lasu na którym znajduje się kompleks memorialny i jego otoczenia, wykonano sieć odwiertów przy pomocy ręcznych świrdrów geologicznych, przy czym penetrację prowadzono aż do calca. Pracując tym sposobem uchwycono zarysy wszystkich ośmiu dołów śmierci oraz ich głębokości i poziom zalegania szczątków ludzkich. Stwierdzono też, że Memoriał wybudowany w latach osiemdziesiątych na polecenie Komitetu Centralnego KC KPZR nie obejmował wszystkich mogił kryjących zwłoki polskich jeńców, a obmurowania nie pokrywały się z zasięgiem mogił. Jedna z mogił znajdowała się poza obrębem obmurowania, także groby generałów nie były zaznaczone i znalazły się poza kompleksem. Dokładne przebadanie dołu nr 8, w którym spodziewano się odnalezienia nie wydobytych w 1943 roku zwłok wykazało, iż jest on pusty. Odnaleziono jedynie kilkanaście czapek wojskowych, trochę guzików mundurowych, przedmioty osobiste, kilka odznaczeń wojskowych. Przedmioty te poświadczają, iż w miejscu tym byli pochowani polscy jeńcy wojskowi, lecz wydobyto ich z tego dołu w okresie między 1943 a 1994 rokiem.

W mogiłach z 1943 roku zwłoki układane były w równych szeregach w kilku warstwach. Badania ekshumacyjne z 1994 i 1995 r. ujawniły, iż zwłoki w niektórych grobach były przemieszczone, leżały w nieładzie i zdekompletowane. Był to zapewne ślad działalności Komisji Burdenki, jak również prac związanych z budową ogrodzenia i Memoriału. Przy zwłokach znajdowano rzeczy osobiste i kilka znaczków identyfikacyjnych. Zwłoki generałów w 1943 r. złożono w trumnach, które dotrwały do 1995 roku.

Badania lekarsko - antropologiczne ujawniły, że niemal wszystkie czaszki posiadały otwory postrzałowe z wlotem w części potylicznej i wylot w części przedniej twarzoczaszki. Pojedyncze posiadały po dwa postrzały, a znaleziono również czaszkę z pięcioma otworami wlotowymi. Fakty te potwierdzają, iż przyczyną śmierci niemal wszystkich polskich jeńców był strzał w potylicę lub krąg szyjny oddany z bliskiej odległości.

Utrwalił się pogląd, iż oficerów z Kozielska rozstrzelano w Katyńskim lesie bezpośrednio nad dołami śmierci. Badania z 1994 i 1995 roku nie potwierdziły tego poglądu. Jest wiele wskazówek przemawiających za tym, iż mordu dokonywano w innym miejscu, być może w piwnicach willi stojącej nad brzegiem Dniepru a spalonej po wyzwoleniu Smoleńska.

W Miednoje udało się zlokalizować i częściowo wyekshumować 23 doły, do których w 1940 roku zrzucano wprost z ciężarówki zwłoki ofiar

mordowanych w budynku NKWD w Kalininie. W dołach śmierci stwierdzono zaleganie dużej ilości szczątków polskich policjantów i innych służb mundurowych. W dołach silnie zawilgoconych zachowało się wiele rzeczy osobistych, duże fragmenty mundurów i płaszczy, znaleziono również sutannę księdza katolickiego. Odznaki policyjne, dość dobrze zachowane dokumenty pozwoliły na odczytanie kilkudziesięciu nazwisk pochowanych w badanych grobach polskich jeńców. Podobnie jak w Katyniu na czaszkach stwierdzono otwory postrzałowe, które wyjaśniają sposób uśmiercenia ofiar. Na zakończenie badań wytyczono obszar przyszłego cmentarza.

Charków, jako miejsce pochówku jeńców ze Starobielska wskazano w dokumentach przekazanych Polsce w 1992 roku. Badania prowadzono w sezonach letnich 1994, 1995 i 1996 roku. Przy pomocy odwiertów wykonanych na ogrodzonym terenie uchwycono zarysy 75 grobów zbiorowych. Szczątki polskich oficerów zalegały w 15 dołach, w pozostałych 55 znajdowały się pochówki osób cywilnych, obywateli ZSRR, głównie z Ukrainy. Analiza planigraficzna rozlokowania grobów pozwoliła wyznaczyć zasięg pierwotnego cmentarza. Jego wymiary wynosiły 50 na 100 metrów. W obrębie cmentarza uchwycono przebieg tak zwanej "czarnej drogi". Była to droga utwardzona grubym żwirem i żużlem, która prowadziła od szosy Charków - Biełgorod w głąb lasu, na cmentarzu tworzyła pętlę i wracała w kierunku szosy. Po obu jej stronach ulokowane były groby, a krótsze krawędzie grobów dotykały niemal drogi. Umożliwiało to składanie przywożonych ciał bezpośrednio do dołów.

W trakcie badań wyekshumowano niewielkie partie wszystkich dołów, co umożliwiło określenie, przybliżonej ilości ofiar pochowanych na tym cmentarzu, ustalenie grobów kryjących szczątki polskich oficerów, określenie wielkości i głębokości dołów. Z dołów wydobyto duże ilości przedmiotów, w tym znaczki identyfikacyjne, dokumenty, przybory toaletowe, papierosnice, niektóre sygnowane - które pozwoliły na odczytanie nazwisk osób spoczywających w badanych dołach.

Wyniki badań w Charkowie wskazują, iż w polskich wojskowych grobach ilość szczątków jest większa od ilości jeńców Starobielska. Wyszło przypuszczenie, iż w grobach tych mogą znajdować się Polacy z tak zwanej "Listy ukraińskiej" zamordowani na podstawie tego samego rozkazu z 5 marca 1940 roku. Potwierdziła się również informacja uzyskana w trakcie przesłuchań świadków, iż w tych grobach chowano jeńców rozstrzelanych w innym miejscu. Jednak nie można wykluczyć, że pewna liczba jeńców została rozstrzelana na miejscu w lesie - świadczy o tym fakt znajdowania dużej ilości łusek od naboju karabinowych i rewolwerowych, łódek

karabinowych a także nabojów karabinowych.

Analiza antropologiczna ustaliła, iż niemal we wszystkich przypadkach jeńcy polscy ponieśli śmierć na skutek postrzelenia, przy czym egzekucje wykonywano strzelając w potylicę lub w kark na wysokości pierwszych trzech kręgów szyjnych. Taka egzekucja powoduje przerwanie rdzenia kręgowego, pozostawiając nieznaczne ślady na kręgach. Stwierdzono ponadto ślady uderzenia ciężkim przedmiotem - może kolbą. Wyróżniono też na głowie ślady wykonane ostrym narzędziem (siekierą lub saperką) zadane przez oprawcę mańkuta (leworęcznego).

W wielu mogiłach znajdowano luźno wrzucone przedmioty należące do polskich oficerów. Można przypuszczać, iż zasadą było tu zakopywanie w grobach całego dobytku należącego do ofiar dla zatarcia wszelkich śladów zbrodni. Jedynym wyjątkiem były poobcinane cholewy oficerskich butów (bez zdejmowania ich z nóg) dla wtórnego wykorzystania skóry. W wielu grobach stwierdzono celowe niszczenie przedmiotów, np. umundurowania, które palono w dołach grobowych bezpośrednio na zwłokach. W kilku grobach zauważono zniszczenie szczątków ludzkich i wyposażenia grobowego przy pomocy ogromnych świdrów o średnicy 65 cm. Świdrami tymi penetrowano mogiły w głąb aż do calca. Pewne przesłanki pozwalają wnioskować, że dokonano tego stosunkowo niedawno, prawdopodobnie na przełomie lat siedemdziesiątych i osiemdziesiątych.

Wszystkie materiały pozyskane w trakcie badań archeologiczno - ekshumacyjnych w Miednoje, Katyniu i Charkowie poddane szczegółowym badaniom i studiom poszerzają naszą wiedzę o wypadkach związanych z zagładą polskich żołnierzy w 1940 r. przez NKWD na rozkaz Biura Politycznego KC WKP (b) podpisany przez Stalina, Woroszyłowa, Mołotowa, Mikojana i zaakceptowany przez Kalinina i Kaganowicza.

Sprawą czekającą na wyjaśnienie jest miejsce zagłady i pochowania jeńców aresztowanych po 17 września 1939 roku i przetrzymywanych w więzieniach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi. Wyjaśnienia wszystkich aspektów zbrodni "katyńskiej" domagają się rodziny jeńców i społeczeństwo już ponad pięćdziesiąt lat. Zbrodnia ta musi być wyjaśniona, osądzona i potępiona. Bezkarność jest złowroga a nie potępiona rodzi następne, jeszcze większe i jeszcze tragiczniejsze zbrodnie.

Widzimy, że i obecnie na naszych oczach popełniane są zbrodnie ludobójstwa iw bratobójczych walkach giną wielkie grupy etniczne. Czy i one pozostaną nieosądzone ?

POLITYKA RZĄDÓW WOBEC BIAŁORUSINÓW W II
RZECZYPOSPOLITEJ

Problem białoruski rozpatrywany był przez polskie ugrupowania polityczne i rządy odrodzonego państwa w ramach wschodniej polityki narodowościowej. Jeszcze przed odzyskaniem przez Polskę niepodległości, w stosunku do Białorusinów zarysowały się trzy koncepcje. Pierwsza z nich - sformułowana przez ruch narodowo-demokratyczny - głosiła, iż w przyszłym państwie polskim rolę właściwego gospodarza pełnić miał naród polski, wyłączny dysponent zasobów gospodarczych i własnego dziedzictwa kulturowego. Inne narodowości miały podporządkować się politycznej, ekonomicznej i kulturowej dominacji Polaków. Program ten odmawiał niepolskim mieszkańcom państwa, prawa do swobodnego rozwoju narodowego, zmierzając do uczynienia z nich obywateli niższej kategorii. Zdaniem Jana Ludwika Popławskiego ludność białoruska nie prezentowała żadnych dążeń politycznych i nie dążyła do zachowania swej odrębności etnograficznej. Podobnie o Białorusinach wypowiadał się Roman Dmowski, postulując utrzymanie w ramach państwa polskiego części ziem białoruskich, tzw. Białorusi katolickiej¹. Granica Polski przebiegać miała następująco; w ramach państwa polskiego znaleźć się miały - część guberni mińskiej z Mińskiem, Stuckiem i Pińskiem, zachodnia część guberni witebskiej, Inflanty Polskie z Dyneburgiem, kraniec Kurlandii, część Wołynia po rzekę Horyń, zachodnia część Podola z Płoskirowem i Kamieńcem Podolskim. Program ten został przez Komitet Narodowy Polski przyjęty 5 listopada 1918 r. Część ziem białoruskich przypadłą Polsce zamierzano spolonizować².

W opozycji do stanowiska obozu narodowodemokratycznego pozostawały ugrupowania lansujące koncepcję federacyjną. Mówiły one o powołaniu państwa polskiego, które miało być powiązane związkiem federacyjnym z powołanymi do życia państwami, tj. Litwą, Białorusią, Ukrainą, Łotwą i Estonią. Za najsłabsze ogniwo w koncepcji federacyjnej uważano Białorusinów, często określając ich pojęciem „masy etnograficznej”. Za główne zadanie Polaków zamieszkujących ziemie białoruskie uważano pomoc w stworzeniu narodu białoruskiego. Zarówno PPS, PSL-Wyzwolenie, a także z osobistego otoczenia Piłsudskiego, lansujący koncepcje federacyjne, zastrzegali sobie, iż w przypadku niemożności realizacji powyższego planu, państwo polskie dążyć będzie do przyłączenia tych ziem litewsko-białoruskich, które zamieszkuje w większości ludność polska. W praktyce oznaczało to podział ziem białoruskich między Polską i Rosję. Granica między państwami biegła miała wzdłuż zetknięcia się żywiołu katolickiego z prawosławnym. Najważniejszą kwestią dla PPS, PSL-Wyzwolenia i grupy skupionej dookoła Piłsudskiego było zabezpieczenie interesów Polaków i państwa polskiego³. Realizacja żądań białoruskich wchodziła w grę wówczas, gdy nie kolidowały one choćby w najmniejszym stopniu - z interesami Polski.

Wokół odmiennych założeń skupili się zwolennicy stanowiska zwanego krajowym. Ujawniło się ono równolegle w dwóch środowiskach: konserwatywnej szlachty i postępowej inteligencji. Krajowcy w wystąpieniach podkreślali swą

polskość, jednocześnie czując się obywatelami tzw. kraju, pod którą to nazwą rozumieli ziemie byłego W. Ks. Litewskiego. Obszar ten występował w ich mentalności jako spójna całość ekonomiczna, kulturalna, o specyficznej strukturze ludności i własnych tradycjach historycznych⁴. Odnośnie samych Białorusinów powiedziano „Szanować będziemy w równej mierze objawiające się wśród Białorusinów tendencje do narodowego, samoistnego, kulturalnego rozwoju”⁵. W stanowisku krajowym chciano połączyć trzy elementy: białoruskość lub litewskość, w rozumieniu krajowców autochtoniczność, związek z Litwą, czyli tradycje W. Ks. Litewskiego i kulturę polską traktowaną jako wewnętrzne spoiwo. W krajowości widziano się mogącą pociągnąć od współpracy inne narodowości.

W sposób instrumentalny traktował problem białoruski Józef Piłsudski. Pisał on, iż Białorusini są elementem słabym. W memoriale złożonym w 1904 r. japońskiemu MSZ, dokonując podziału na narody historyczne i niehistoryczne, Białorusinów zaliczył do drugiej grupy. Ta grupa narodów (Białorusini, Łotysze. Litwini) zdaniem Piłsudskiego nie posiada tradycji historycznej, a jej uczestnicy nie byli zdolni do powołania w przyszłości własnych państw, mogli natomiast znaleźć się w sferze wpływów polskich lub rosyjskich. Naczelnym celem Piłsudskiego było dążenie do rozbitcia Rosji. Za główną siłę mogącą to urzeczywistnić uważał Polaków. Wspomagać ich m.in. mieli Białorusini, zwłaszcza Białorusini katolicy, którzy-jego zdaniem-znacznie łatwiej ulegali wpływom polskim niż pozostali⁶.

Dwa pierwsze rządy odrodzonej Rzeczypospolitej Ignacego Daszyńskiego i Jędrzeja Moraczewskiego, nie sformułowały konkretnego programu w kwestii białoruskiej. Były bowiem zajęte problemami związanymi z kształtowaniem granic polski. To właśnie przez pryzmat nakreślenia przyszłej granicy Polski widziano problem białoruski. fakt ten potwierdzają oświadczenia premiera Moraczewskiego z 20 listopada 1918 r. i wypowiedź ministra spraw zagranicznych w jego rządzie-Leona Wasilewskiego z 17 grudnia 1918 r. W obu wypowiedziach stosunki z Litwinami i Białorusinami miały zostać rozwiązane”... w myśl tradycji polskiej wolni z wolnymi, równi z równymi, żeby nic nie zostało uronione z tego dorobku kulturalnego, który tam istnieje i ma szanse rozwoju⁷.

Wprawdzie w czasie kadencji rządu premiera Moraczewskiego został powołany do życia departament litewsko-białoruski (w ramach MSZ), ale i jego celem nie było rozpatrywanie problemu białoruskiego. Decyzje o przyszłości ziem białoruskich kształtowały się w kuluarach, zaś osobą, która miała na nie największy wpływ, był Piłsudski.

Podczas grudniowej rozmowy z wysłannikiem KNP-Stanisławem Grabskim, Piłsudski przedstawił swój projekt wschodniej granicy Polski. Dowodził by ze względów strategicznych”... rzeki Uła, Berezyna, Słucz, Horyń, Uszyca znajdowały się całkowicie w ręku polskim, tj. żeby granica państwowa była odpowiednio poza nie wysunięta”⁸. Oznaczało to przyłączenie do Polski olbrzymich obszarów ziem białoruskich. Nieco mniejszą powierzchnię ziem białoruskich zakreślała linia przedstawiona w drugiej wypowiedzi Piłsudskiego z

końca grudnia 1918 r., przekazana w postaci instrukcji naczelnika państwa dla Leona Wasilewskiego udającego się na konferencję pokojową do Paryża. Piłsudski powiedział wówczas: „Granica wschodnia winna stronie polskiej zabezpieczyć linię kolejową: Drohobycz, Lwów, Kowel, Pińsk, Łuniniec, Baranowicze, Wilno i jego osłonę w postaci pasa błot i lasów Prypeci. W ten sposób Polska bierze kraj zdatny pod kolonizację⁹. Zarówno w pierwszym, jak i drugim przypadku w granicach Polski znalazła się część ziem białoruskich.

Celem zapoznania się z koncepcjami i siłą ruchu białoruskiego od początku stycznia 1919 r. prowadzona była przez Oddział II NDWP specjalna akcja informacyjna. Jednym z uczestników był por. Jan Kwiatkowski, który po nawiązaniu stosunków z przywódcami ruchu białoruskiego wstąpił do pułku białoruskiego stacjonującego w Grodnie. Zajmował się obserwacją wojska, miejscowej ludności, próbował powołać do życia organ prasowy w języku rosyjskim, popierający federację z Polską. tego ostatniego zadania nie udało się jednak zrealizować¹⁰. Efekty misji nie były zadowalające, lecz postanowiono ją kontynuować. Próbowano pozyskiwać Białorusinów za pomocą hasel federacyjnych. Wydawało się, że realizacja planów stawała się bardziej prawdopodobna, gdy premierem został Ignacy Józef Paderewski, twórca projektu Stanów Zjednoczonych Polski¹¹. W marcu 1919 r. na ręce Paderewskiego memoriał w sprawie białoruskiej złożyli-Kazimierz Ćwirko-Godycki oraz płk Aleksander Jansen-członek Rady Białoruskiej. Podkreślili oni, że tylko związek z demokratyczną Polską może dać narodowi białoruskiemu korzyści w postaci zapewnienia niepodległości Białorusi oraz jej kulturalnego i ekonomicznego rozwoju. Sam Paderewski musiał się bliżej interesować sprawami białoruskimi. Znane są bowiem notatki sporządzone przez Witolda Jodko oraz komunikaty o stanie stosunków politycznych na Białorusi, wysyłane dla niego do Paryża¹².

Fakt zajęcia Wilna przez Piłsudskiego w kwietniu 1919 r. przyjął Paderewski z zadowoleniem. Chciał on działać na podstawie legalnych uchwał sejmu i ich realizacji, nie zaś metodą faktów dokonanych jak Piłsudski. Nawet gdy sejm 29 kwietnia 1919 r. uchwalił wniosek Związku Ludowo-Narodowego wzywający rząd, by ziemie byłego W. Ks. Litewskiego zjednoczyć w jedną całość z Polską, Paderewski w swym wystąpieniu sejmowym stwierdził, iż o wschodniej granicy Polski nie można decydować bez uprzedniego wysłuchania narodów zainteresowanych¹³. Jednakże ani rząd, ani władze terenowe nie spieszyły się zbytnio z wysłuchaniem opinii narodów zainteresowanych. Znaczna część działaczy białoruskich, niechętnych współpracy z rządem, opuściła Wilno w przededniu zajęcia go przez wojska polskie. Tym, którzy pozostali, władze proponowały pracę w Zarządzie Cywilnym Ziem Wschodnich, lecz oni jej nie przyjęli. Rozmowy z Białorusinami zaczęto prowadzić dopiero w maju 1919 r. Ich uczestnikami byli Józef Losik i Paweł Aleksiuik-zwolennicy współpracy z Polską. Wymienione osoby zostały przekonane o konieczności opóźnienia plebiscytu na ziemiach białoruskich z powodu słabego przygotowania doń ludności białoruskiej. Przyjęcie przez Białorusinów tej propozycji zostało okupione obietnicą

przyrzeczenia pomocy finansowej przy wskrzeszeniu szkolnictwa białoruskiego¹⁴.

Rozpoczęta w maju 1919 r. na Grodzieńszczyźnie akcja zbierania podpisów wśród ludności białoruskiej za przynależnością do Polski wykazała, że listy podpisywane były jedynie przez Białorusinów katolików, nurt prawosławny pozostał bierny. Sam Piłsudski niezbyt liczył się z opiniami działaczy białoruskich, a problem uważał za mniej ważny, o zasięgu lokalnym. Po zajęciu przez wojska polskie Mińska, nakazał członkom Białoruskiego Komitetu Narodowego we wszystkich ich nurtujących sprawach zwracać się do kierownika okręgu mińskiego Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich-Władysława Raczkiewicza¹⁵. Nie zgodził się również na wyłonienie rządu białoruskiego.

Zupełnie inaczej rozwiązanie problemu białoruskiego widział premier Paderewski. W maju 1919 r. spotkał się on z delegatem białoruskim Arkadiuszem Smoliczem, który przedstawił mu projekt porozumienia między Polską a Białorusią. Rząd polski po wyzwoleniu całości ziem białoruskich dopomógłby w utworzeniu rządu litewsko-białoruskiego, który pod kontrolą i z pomocą Polski powołałby do życia własną administrację i wojsko. W przypadku odmowy Litwinów stworzono by jedynie rząd białoruski. Paderewski wyraził zainteresowanie planem i skłaniał się w kierunku jego realizacji, jednakże nie znalazł poparcia wśród polskich sfer rządowych. Naprawdę bowiem nikt nie zamierzał paktować z Białorusinami. Szeroko kolportowane przez prasę, zwłaszcza obozu belwederskiego, hasła federalizmu okazały się chwytym propagandowym. Przybycie do polski, na dalsze rozmowy, delegata białoruskiego-Antoniego Łuckiewicza, polskie MSZ przyjęło ze zdziwieniem. W rozmowie z Piłsudskim Łuckiewicz dowiedział się, że rozwiązanie kwestii

białoruskiej Naczelnik odsunął na plan dalszy i uzależnił od podstępów w sprawie ukraińskiej. Dodatkową okolicznością było internowanie delegata białoruskiego.

Wkrótce okazać się miało, iż plany powołania państwa białoruskiego są jedynie mrzonką polityczną. Władze polskie bowiem nie zamierzały uznać politycznych ambicji Białorusinów. Odkrycie kart w kwestii białoruskiej nastąpiło w grudniu 1919 r. Rząd polski skłonny był tolerować Radę Białoruską, o ile nie wysuwała ona żądania niepodległości Białorusi i nie protestowała przeciwko poczynaniom władz polskich. Dla tych wszystkich, którzy nie akceptowali postawionych warunków nie było miejsca w Polsce. Rozwiązaniu Białoruskiej Rady Republiki Ludowej (BRRL) dokonaniem przez szefa okręgu mińskiego ZCZW-Władysława Raczkiewicza, na osobisty rozkaz Piłsudskiego nie sprzeciwiło się żadne ugrupowanie polityczne, a wiele z nich uznało krok ten za słuszny.

Rozwiązanie BRRL nie oznaczało zlikwidowania problemu białoruskiego, zwłaszcza iż w tym samym czasie podniosła go strona radziecka. Zarówno Piłsudski, jak i rząd polski zdawali sobie sprawę z ewentualnych konsekwencji rozmów białorusko-rosyjskich, toczących się od jesieni 1919 r. i fakt ten wpłynął na ponowne podniesienie sprawy białoruskiej. Nie zamierzano wprowadzić uznać racji politycznych Białorusinów, natomiast zaspokajając ich roszczenia kulturalne

Piłsudski pragnął pozyskać ich dla własnej koncepcji, na pewno zaś odciągnąć od Rosji. Z jego inicjatywy odbyły się w dniach 20-24 marca 1920 r. w Mińsku rozmowy z przedstawicielami Białoruskiej Rady Najwyższej. Pozyskania niektórych działaczy białoruskich dokonano za pomocą obietnic otwarcia kilkudziesięciu elementarnych szkół białoruskich, umożliwienia pracy kooperatywom i niektórym organizacjom kulturalnym¹⁶.

W obliczu ofensywy Armii Czerwonej na zachód w 1920 r. i zagrożenia państwa polskiego sprawa białoruska spadła na dalszy plan.

Ponownie powrócono do niej we wrześniu 1920 r. W składzie delegacji prowadzącej rozmowy preliminaryjne, a następnie rokowania pokojowe, znaleźli się zwolennicy federalizmu, lecz i oni traktowali tę ideę instrumentalnie, bacząc na zabezpieczenie interesów polskich i grając kartą białoruską przeciw Rosji.

Traktat ryski ustalając granicę między Polską i Rosją podzielił ziemie białoruskie. Część z nich przypadła Polsce, która od początku prowadziła prace polonizacyjne, nie szczędząc mieszkającej tam ludności białoruskiej i zacierając do likwidacji problemu białoruskiego. Wydatnie pomagało jej w tym Towarzystwo Straży Kresowej (TSK) i lokalna administracja. Począwszy od listopada 1920 r. systematycznie likwidowano szkoły białoruskie, a praca TSK na rzecz ludności białoruskiej ograniczała się do sprowadzenia do Warszawy wciąż nowych delegacji i skłaniania ich do orzeczeń mówiących o chęci należenia tych ziem do Polski. Celem przyspieszenia likwidacji "wszelkich przejawów białoruskości" z inicjatywy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych zostało powołanych przez TSK siedem placówek zwanych przykordonowymi, przeznaczonych do zbierania informacji o zachowaniu się miejscowej ludności¹⁷.

Prace polonizacyjne TSK zostały przypieczętowane wejściem w życie z dniem 1 marca 1921 r. a więc jeszcze przed podpisaniem traktatu ryskiego, ustawy o powołaniu wschodnich województw: nowogródzkiego, poleskiego i wołyńskiego, a tym samym wprowadzenia ustaw i rozporządzeń obowiązujących na terenie Rzeczypospolitej. W okólnikach wydawanych w ciągu marca 1921 r. przez wojewodów, a przeznaczonych dla starostów, zwrócono uwagę na konieczność posługiwania się językiem polskim we wszystkich odezwach i ogłoszeniach podawanych do publicznej wiadomości. Osoby nie przestrzegające powyższego rozporządzenia miały być karane, a druki konfiskowane. Wojewoda poleski za konieczne uznał ponowne zalegalizowanie wszystkich istniejących związków i stowarzyszeń, zaś w lipcu 1921 r. w jego raporcie dotyczącym wewnętrznej polityki narodowościowej znalazło się stwierdzenie o poprawie warunków materialnych ludności i konieczności asymilacji ludności białoruskiej. Wszystkie te posunięcia systematycznie zmniejszały liczbę organizacji białoruskich i poważnie ograniczyły prawą Białorusinów, powodując wzrost nastrojów antypolskich.

Ostatnim etapem kształtowania się północno-wschodniej granicy państwa polskiego była sprawa Wileńszczyzny. Jej inkorporację postanowił Sejm Wileński. Jedyne członkowie PPS i PSL-Odrodzenia oraz demokratów krajowców opowiedzieli się za nadaniem autonomii Wileńszczyźnie i zachowaniem praw

niezbędnych dla rozwoju kulturalnego Białorusinów.

Do haseł autonomii dla Białorusinów, wprowadzenia samorządów na terenie województw wschodnich, uporządkowania spraw osadnictwa wojskowego i kolonizacji, powróciły, w przededniu wyborów parlamentarnych w 1922 r. - PPS i PSL-Wyzwolenie. I choć pozyskały dość szerokie rzesze białoruskie, zaprezentowany program nie został podjęty przez ówczesne władze. Zdając sobie sprawę z faktu, iż ordynacja wyborcza poważnie ogranicza ich dostęp do sejmu i senatu, Białorusini postanowili wejść w skład bloku mniejszości narodowych utworzonego dla celów wyborczych. Wybory do sejmu przyniosły Białorusinom 11 miejsc, zaś wybory do senatu 3. Jeszcze raz nie powiodła się prośba sprowadzenia ruchu białoruskiego do problemu lokalnego.

Pierwszym rządem, który zademonstrował żywe zainteresowanie problemami mniejszości narodowych, był rząd generała Władysława Sikorskiego. Na okres jego istnienia przypadło uznanie przez mocarstwa zachodnie wschodnich granic państwa polskiego. Uchwała Rady Ambasadorów z 15 marca 1923 r. likwidowała formalny stan tymczasowości na ziemiach wschodnich i wzmacniała międzynarodową pozycję Rzeczypospolitej. Sikorski rozumiał, iż polityka poprzednich ekip rządowych wobec mniejszości białoruskiej i ukraińskiej prowadzona była pod kątem kształtowania się wschodniej granicy Polski, stąd częste popadanie z jednej skrajności w drugą¹⁸. Nie liczył on na szybkie rozwiązanie kwestii narodowościowej, poczynił jednak poważne kroki w kierunku zbadania sytuacji.

Podczas kadencji rządu Sikorskiego uaktywnił się Komitet Polityczny Rady Ministrów. 14 lipca 1923 r. na posiedzeniu Komitetu rozpatrywany był projekt ustawy o języku państwowym. Ustalono, iż językiem polskim należy się posługiwać we wszystkich urzędach państwowych i samorządowych z wyłączeniem sądów i szkolnictwa, na obszarach, gdzie dopuszczone zostało posługiwanie się językiem miejscowym, tj. w dużych skupiskach ludności niepolskiej. Za wprowadzeniem w życie projektu ustawy opowiedziała się większość zgromadzonych. Projekt ten w poważnym stopniu ograniczył prawa mniejszości narodowych i preferował język polski¹⁹.

Upadek rządu Sikorskiego przerwał zapoczątkowane przezeń prace. Do władzy doszła koalicja centrowo-prawicowa. Zajęła ona w kwestii narodowościowej stanowisko jednoznacznie nacjonalistyczne, domagając się całkowitej polonizacji ziem białoruskich przyznanych Polsce.

W praktyce rząd Wincentego Witosa pochłonięty był problemami gospodarczymi, zwłaszcza walką z inflacją, a kwestie narodowościowe odsuwał na dalszy plan. Nie sprzeciwiał się również represyjnej działalności władzy lokalnej, przejawiającej się w zamykaniu czasopism, rozwiązywaniu organizacji białoruskich, rewizjach a nawet aresztowaniach²⁰. Inne stanowisko zajął rząd premiera Władysława Grabskiego. Owocem jego działalności były uchwalone przez sejm ustawy językowe (31 lipca 1924 r.). Intencją autorów ustaw była chęć rozwiązania problemu funkcjonowania mniejszości słowiańskich w Polsce w duchu asymilacji. W tym celu zapewniono przewagę językowi polskiemu przy jednoczesnym uznaniu

częściowych praw języków mniejszości, przez wprowadzenie szkół utrakwistycznych²¹. Od samego początku ustawy te stały się kością niezgody. Z pozycji ugrupowań politycznych popierających program nacjonalistyczny, wprowadzenie ustaw oznaczało „... traktowanie na równo trzech nierównych narodowości tj. Ukraińców, Litwinów i Białorusinów²²”. O ile dwie pierwsze narodowości zdaniem „Dziennika Wileńskiego” miały odrębne języki, to Białorusinom odmawiano tego prawa. Zaakceptował ustawy prorządowy „Głos Wileński” twierdząc, iż one właśnie dadzą mniejszościom narodowym stosowne prawa. Z ostrą krytyką spotkały się ustawy ze strony samych zainteresowanych. W przypadku Białorusinów mających niski stopień świadomości narodowej, ustawy lipcowe poważnie ograniczyły ich prawa, zmniejszając szanse rozwoju ruchu²³.

Kolejny rząd Aleksandra Skrzyńskiego zdawał sobie sprawę z niemożności szybkiego rozwiązania problemu mniejszości. Skrzyński przyjmując urząd zapowiedział, iż rząd będzie dążył do złagodzenia konfliktów z mniejszościami narodowymi i respektował ich prawa zawarte w konstytucji RP. W praktyce nie oznaczało to żadnych większych zmian. Uczestniczący w zjeździe białoruskim w Grodnie (luty 1926 r.) Marian Świechowski wykazał, że polityka rządu Skrzyńskiego prowadzi do dalszego zaogniania problemu białoruskiego, zmierza ona bowiem w kierunku legalnej polonizacji ziem białoruskich²⁴.

Wydarzenia majowe silnie wstrząsnęły Białorusinami. Powszechnie uważano, że dla rządu Kazimierza Bartla pozyskanie ludności białoruskiej, pozbawionej własnego ośrodka państwowotwórczego stanowi cel godny zabiegów. Jednakże pierwsze tygodnie po przewrocie przyniosły milczenie rządu, który zaabsorbowany był całkowitym umocnieniem zdobytej władzy. Projekt „Wytyczne w sprawie stosunku władz rządowych do mniejszości narodowych” przedstawił Radzie Ministrów 18 sierpnia 1926 r. minister spraw wewnętrznych-Kazimierz Młodzianowski. Głównym celem polskiej polityki narodowościowej miała być asymilacja państwowa mniejszości. Drogę do niej widziano w zaspokojeniu potrzeb natury gospodarczej i kulturalnej, usprawnieniu administracji terenowej oraz uporządkowaniu spraw samorządowych. W projekcie podkreślono zdecydowaną konieczność zwalczania wszelkich tendencji antypaństwowych. Ponadto proponowano przyspieszenie tempa reformy rolnej i parcelacji prywatnej gruntów, uporządkowanie komasacji gruntów i serwitutów. Zaproponowano również poddanie rewizji ustawy szkolnej z 31 lipca 1924 r., pod kątem zniesienia systemu składania deklaracji. Białorusinów - określanych mianem społeczności włościańskiej - postanowiono zainteresować pracą w samorządach gminnych i powiatowych²⁵.

W dyskusji nad wytycznymi, przedstawiciele: Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, Ministerstwa Spraw Wojskowych i Ministerstwa Spraw Zagranicznych, zgadzali się z tezą, iż problem białoruski nie przedstawia dla polskiej polityki zagranicznej większego znaczenia i jest najmniej uciążliwy; nie zamierzano więc poświęcać mu zbyt wiele czasu²⁶. Charakterystyczne, że słowa te padły w okresie dynamicznego rozwoju Białoruskiej Włościańsko-Robotniczej Hromady, powiększającej zasięg i teren swego działania.

K. Gomółka. Polityka rządów wobec białorusinów...

Na kolejnych posiedzeniach Komitetu Politycznego Rady Ministrów sprawa białoruska miała marginesowe znaczenie.

W końcu listopada 1926 r. Piłsudski udał się osobiście do Wilna, gdzie odbył kilka konferencji z udziałem ministra sprawiedliwości - Aleksandra Meysztowicza, wojewody wileńskiego i urzędników aparatu bezpieczeństwa²⁷. Wydaje się, iż w trakcie tych narad zapadły pewne decyzje w sprawie akcji represyjnej wobec Hromady. Z protokołu zjazdu starostów województwa nowogródzkiego odbytego w dniach 9-10 grudnia 1926 r. wynika, iż starostowie mieli zgodę na zlikwidowanie najbardziej aktywnych hurtków Hromady, nie mogli jednak skutecznie przeciwdziałać ich systematycznemu odradzaniu się. W przemówieniu kończącym zjazd, wojewoda wileński - Zygmunt Beczkowicz nakazał starostom baczną obserwację ruchu białoruskiego, aktywne przeciwdziałanie wszelkiej działalności antypaństwowej, a także podjęcie próby pozyskania dla Polski tych wszystkich, którzy nie zaangażowali się jeszcze w prace Hromady²⁸.

Na przełomie 1926/1927 Hromada była partią powszechnie atakowaną przez prasę, prawie wszystkich, ugrupowań politycznych. Najostrzejszymi wystąpieniami wyróżniali się narodowi demokraci i konserwatyści, domagając się jej natychmiastowej likwidacji²⁹. Na znak protestu przeciwko odwlekaniu „likwidacji spisku” Aleksander Meysztowicz złożył rezygnację ze stanowiska ministra sprawiedliwości. Dymisja nie została przyjęta, a dalsze wydarzenia potoczyły się już w szybkim tempie, bowiem władze zdecydowały się na działanie. W nocy z 14 na 15 stycznia 1927 r. policja dokonała aresztowań działaczy Hromady w 20 powiatach województw północno-wschodnich, przeprowadzono rewizję w siedzibach wielu organizacji białoruskich. Wśród zatrzymanych (około 500 osób) znaleźli się członkowie klubu poselskiego Hromady. Oficjalna delegalizacja partii nastąpiła 21 marca 1927 r., zaś proces jej 56 członków trwał ponad rok (od 23 lutego 1927 r. do 22 maja 1928 r.).

Z informacji zbieranych przez Ministerstwo Spraw Wewnętrznych oraz protokołu z konferencji odbytej w wileńskim urzędzie wojewódzkim (styczeń 1927 r.) wynikało, iż akcja likwidacji Hromady przyniosła jedynie pozorne uspokojenie. W rzeczywistości zanotowano dalszy wzrost nastrojów antypaństwowych³⁰. Chcąc im przeciwdziałać, rząd postanowił poczynić pewne ustępstwa. Ich głównym celem było pozyskanie inteligencji białoruskiej i stworzenie z niej ruchu, stanowiącego przeciwwagę dla sił rewolucyjnych. Z poczynaniami tymi związane było nazwisko ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego - Gustawa Dobruckiego. Wprowadził on obowiązkową naukę języka białoruskiego do gimnazjów polskich na wschodzie kraju, nadał prawa publiczne gimnazjum białoruskiemu w Nowogródku. Starając się zatrzeć złe wrażenie związane z likwidacją Hromady minister odbył kilka konferencji poświęconych sprawom programom szkół białoruskich i podręczników szkolnych. W czerwcu 1927 r. utworzono w Nowogródku białoruską bursę, a w duchownym seminarium w Wilnie wprowadzono język białoruski jako przedmiot nauczania. Ponadto, w celu zmniejszenia napięcia w stosunkach z Białorusinami, Sąd Apelacyjny dokonał

redukcji kar skazanym w procesie Hromady, zmniejszając je niektórym nawet do połowy³¹.

Podjęte przez rząd polski kroki wobec Białorusinów miały charakter zdecydowanie umiarkowany. Były one właściwie demonstracją dobrej woli ze strony władz polskich. Częściowe podjęcie sprawy białoruskiej nie mogło doprowadzić do jej rozwiązania. Pominięte zostały kwestie gospodarcze i społeczne. Seweryn Wyslouch, oceniając politykę rządu polskiego wobec Białorusinów, określił ją mianem krótkowzrocznej i niestabilnej, nie mogącej całkowicie rozwiązać istniejącej kwestii³².

Rok 1927 był ostatnim, w którym poczynione zostały pewne ustępstwa wobec Białorusinów; poczynszy od 1928 r. sprawa białoruska zeszła na dalszy plan, a władze terenowe zaczęły odchodzić od polityki ustępstw, starając się pod różnymi pozorami zmniejszyć białoruski stan posiadania w dziedzinie oświaty. Wówczas to doprowadzano do zamknięcia gimnazjum w Radoszkowiczach, represjonowano uczniów gimnazjum w Wilnie pod zarzutem działalności komunistycznej. Faktem jest, iż sytuacja, w której działał rząd polski po likwidacji Hromady, była znacznie łatwiejsza z powodu rozbitcia ruchu białoruskiego i skłócenia jej przywódców. Nawet wybory parlamentarne 1928 r. nie dokonały scalenia ruchu. Wprawdzie Białorusini zdobyli 10 miejsc w sejmie i 2 w senacie, lecz ich żądania i postulaty liczyły się coraz mniej³³. Przyczyny zmiany polityki rządu wobec kwestii białoruskiej były różne. Należy do nich zaliczyć m.in. ówczesną sytuację międzynarodową, zwłaszcza w ZSRR, związaną z rozpoczęciem kursu polityki walki z odchyleniami nacjonalistycznymi. Niemniej istotną przyczyną był spadek wartości inteligencji białoruskiej w oczach Piłsudczyków. Z jednej strony starali się oni pozyskać narodowo myślące odłamy inteligencji, a z drugiej strony chcieli odstraszyć ostrymi represjami całość tej grupy od skłonności prokomunistycznych. Realizacja polityki pozyskiwania Białorusinów napotkała ciągle na trudności, bowiem czynione koncesje były zbyt małe, by przyciągnąć uwagę Białorusinów.

Nacjonalistyczny kurs wobec mniejszości zaproponował w swym wystąpieniu sejmowym Minister Spraw Wewnętrznych - Felicjan Sławoj-Składkowski. Kilka miesięcy wcześniej, tj. w listopadzie 1928 r., minister wydał okólnik uzależniający odbywanie zgromadzeń poselskich i senatorskich od zezwolenia władz administracyjnych. W ten sposób zamierzał uzyskać kontrolę nad wszelkimi poczynaniami posłów i senatorów mniejszości³⁴.

Dowodem ostrzejszego kursu politycznego wobec Białorusinów były poczynania urzędników ministerstwa. Petycje i skargi składane przez działaczy białoruskich w ciągu 1929 r., w grudniu 1929 r. przez naczelnika Wydziału Narodowościowego MSW - Henryka Suchenka-Sucheckiego, zostały oddalone pod pretekstem iż "... zarzuty nie odpowiadają istotnemu stanowi rzeczy"³⁵. Sprawy białoruskie zostały uznane za mniej ważne również przez konferencję wojewodów, która odbyła się w grudniu 1929 r. Podsumowaniem polityki wobec mniejszości narodowych okazało się exposé premiera Kazimierza Bartla wygłoszone 10 stycznia 1930 r. w sejmie. Mówca stwierdził w nim, iż zagadnienie mniejszości narodowych

K. Gomółka. Polityka rządów wobec białorusinów...

straciło na swej ostrości i jest jednym z wielu problemów wewnętrznych, które rząd skutecznie stara się rozwiązać³⁶. Przemówienie to spotkało się z krytyką szeregu posłów PPS, którzy twierdzili, iż rząd nie posiada określonej linii postępowania wobec mniejszości słowiańskich, nie nadzoruje również wprowadzenia w życie podjętych wcześniej uchwał, skutkiem czego aktualne problemy Białorusinów rozwiązywane są według własnego „wizjonu” władz terenowych³⁷.

W przededniu wyborów parlamentarnych 1930 r., władze starały się pozyskać jedynie grupę polonofilów białoruskich, pozytywnie oceniającą współpracę z Bezpartyjnym Blokiem Współpracy z Rządem. Efektem tej działalności było wejście w skład sejmu aż trzech Białorusinów z listy BBWR'u, natomiast reprezentację białoruską stanowił tylko jeden poseł³⁸.

Dalsze kroki w realizacji polityki rządu w sprawie białoruskiej zostały podjęte przez utworzoną w czerwcu 1932 r. Polsko-Białoruską Grupę Parlamentarną BBWR. W jej składzie znaleźli się posłowie i senatorowie z województw nowogródzkiego i wileńskiego. Grupa opracowała wytyczne do dalszej pracy. W ich ramach znalazło się m.in. upaństwowienie gimnazjów białoruskich, budowa bursy w Nowogródku, powołanie do życia nowego organu prasowego informującego o osiągnięciach grupy. Już na pierwszym posiedzeniu Polsko-Białoruskiej Grupy Parlamentarnej przed zebranymi zaczęły się piętrzyć trudności, objawiające się brakiem środków finansowych na budowę bursy czy upaństwowienie gimnazjów, brak było również odpowiedniej osoby, która zostałaby powołana na stanowisko redaktora naczelnego nowego pisma. Wkrótce okazało się, że większość ustaleń jest niemożliwa do zrealizowania³⁹.

Bardziej drastyczne metody w procesie asymilacji narodowej Białorusinów proponował zastosować wojewoda poleski Wacław Kostek-Biernacki. W kwietniu 1933 r. zwrócił się on z prośbą do Ministerstwa Spraw Wewnętrznych o przyznanie czasowych uprawnień umożliwiających mu "... oczyszczenie z szumowin i szkodników lub nieodpowiednich dla Polesia elementów". W rzeczywistości chodziło mu o wydalenie poza granicę kraju lub województwa wszystkich niewygodnych działaczy białoruskich, przede wszystkim zaś zwolenników lub członków KPZB, których poczynania poważnie osłabiały lub uniemożliwiały tempo asymilacji narodowej mas białoruskich. W kolejnych pismach składanych przez wojewodę ministrowi spraw wewnętrznych autor sformułował prośbę o ujednoczenie metod pracy sądów i zaostrenie kar w sprawach o działalność antypaństwową⁴⁰. Chodziło mu o zastraszenie ludności białoruskiej a tym samym odciągnięcie jej od pracy na rzecz ruchu narodowego.

Propozycje wojewody poleskiego uzyskały aprobatę. W pół roku później wojewoda nowogródzki Stefan Świdorski, powołując się na wytyczne Ministerstwa Spraw Wewnętrznych oraz uzgodnienia z Ministerstwem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, podczas narady starostów nakazał podjęcie działań ograniczających rozwój liczebny i terytorialny ruchu białoruskiego. Zobowiązał starostów do uniemożliwienia powstawania nowych placówek jakichkolwiek

organizacji, a także likwidacji już istniejących, poczynając od jednostek wykazujących najmniejszą aktywność. Natomiast organizacje białoruskie przejawiające dużą inicjatywę miały być przejmowane przez Polaków. Wojewoda poinformował również starostów o likwidacji kolejnego gimnazjum białoruskiego w Nowogródku, wstrzymał także wcześniej podjętą decyzję o dopuszczeniu nauki języka białoruskiego w niektórych szkołach powszechnych. Ponadto zaproponował ograniczenie liczby Białorusinów wchodzących w skład rad gromadzkich (w 1934 r. Białorusini stanowili 6,7% ogółu radnych). W przypadku KPZB nakazał podjęcie wszelkich środków uniemożliwiających przeprowadzenie wystąpień, strajków i demonstracji czy kolportażu literatury komunistycznej⁴¹.

Z poczynań wojewody Świderskiego wynikało, iż czynniki rządowe podjęły wcześniej decyzje o likwidacji białoruskich instytucji kulturalno-oświatowych i asymilacji narodowej tej mniejszości. W poczynaniach utwierdzać ich miał Komitet do Spraw Narodowości i posiłkująca go Komisja Naukowa Badań Ziem Wschodnich. Do zadań obu instytucji należało badanie stosunków politycznych, gospodarczych i kulturalnych na kresach oraz przedstawienie rządowi wniosków zawierających wytyczne polityki narodowościowej, a także pobudzanie „Inicjatywy społecznej popierającej prace rządu”⁴². Potwierdzeniem takiego kursu politycznego wobec mniejszości białoruskiej były tezy wykładu pt. „Białorusini”, przeprowadzonego w 1935 r. w siedzibie Komendy Policji Państwowej. Według nich naczelnym zadaniem państwa polskiego było wychowanie „nieświadomego ludu białoruskiego na lojalnych obywateli państwa” oraz przeciwdziałanie wszelkim organizacjom pracującym na szkodę państwa polskiego⁴³.

W wyborach parlamentarnych 1935 r. Białorusini w większości nie wzięli udziału. Postępowanie to było zgodne z wcześniejszym postanowieniem Białoruskiego Komitetu Narodowego, który wezwał ludność białoruską do bojkotu wyborów. Ugrupowania posiadające reprezentację w BKN, np. chrześcijańska demokracja, zbojkotowały wybory. Prowadziły również agitacje antywyborczą, podkreślając, iż udział w wyborach jest prawem, a nie obowiązkiem i nie można nikogo ukarać za powstrzymanie się od głosowania. Uzasadniono, że każdy Białorusin, który nie głosował, tym samym zaprotestował przeciwko ordynacji wyborczej.

Odmienne stanowisko zajęła grupa Ostrowskiego. Wezwała ona ludność do udziału w wyborach. Jej sympatycy i zwolennicy współpracy z Polską, będący w mniejszości wśród Białorusinów, poszli do urn, pomimo iż nie wystawili własnych kandydatów⁴⁴.

Po wyborach 1935 r. Białorusini nie mieli swoich przedstawicieli w sejmie i senacie. Ułatwiło to dalsze postępowanie władz polskich. Linia działania wobec mniejszości białoruskiej została nakreślona podczas wystąpienia premiera Mariana Zyndrama-Kościałkowskiego w sejmie. Uznał on, iż naczelnym celem polityki wewnętrznej jest zespolenie wszystkich ziem Rzeczypospolitej, a tym samym osiągnięcie daleko idącej zbieżności między interesami państwa i poszczególnych mniejszości⁴⁵. Szczegółowe postępowanie w kwestii białoruskiej zostało

przedstawione w tekście „Uwagi do exposé premiera”. Zrezygnowano w nim z osiągnięcia asymilacji narodowej drogą przymusu, proponując rozwiązanie najbardziej nabrzmiałych problemów społecznych i gospodarczych⁴⁶. Należały do nich m.in. dostęp miejscowej ludności do samorządów, pomoc państwa w zakresie uporządkowania systemu podatkowego, udostępnianie długoterminowego kredytu rolnego, zakładanie polsko-białoruskich organizacji gospodarczych, przyspieszenie tempa komasacji gruntów oraz walka z bezrobociem na wsi. W dziedzinie kulturalno-wyznaniowej wytyczne zakazały budzenia świadomości narodowej ludności białoruskiej, choć przyznawały jej prawo do istnienia białoruskich szkół powszechnych na terenach zamieszkałych przez zwarte grupy ludności. Kolejnym zadaniem było jak najszybsze wprowadzenie w życie statutu kościoła prawosławnego, zniesienie nauczania lekcji religii prawosławnej w języku rosyjskim i zastąpienie go białoruskim lub polskim, a także zwalczanie nowego obrządku kościoła wschodnio-słowiańskiego. W końcowym fragmencie uwag podkreślono konieczność stałego promieniowania kultury polskiej na ziemię wschodnie, celem ich szybkiego zespolenia z resztą terenów Rzeczypospolitej.

Pod koniec 1936 r. w Oddziale II Ministerstwa Spraw Wewnętrznych zapadły decyzje w sprawie przyspieszenia procesu asymilacji narodowej Białorusinów. Sukcesy miano osiągnąć poprzez poważne ograniczenia lub likwidację wybranych organizacji białoruskich. Efektem tych ustaleń było zawieszenie 2 i 4 grudnia 1936 r., a 22 stycznia rozwiązanie Towarzystwa Szkoły Białoruskiej i Białoruskiego Instytutu Gospodarki i Kultury - dwóch najpoważniejszych instytucji walczących o szkoły białoruskie⁴⁷.

Nic nowego w zakresie polityki polskiej wobec Białorusinów nie wniosło wystąpienie w sejmie premiera Sławoja-Składkowskiego. W głosach krytykujących go, które padły z trybuny sejmowej, znalazło się sformułowanie „... rząd nie ma programu w sprawach narodowościowych, a jeśli ma to go nie ujawnił”⁴⁸. W rzeczywistości oznaczało to pozostawienie rozstrzygnięcia sprawy białoruskiej wojewodom⁴⁹. Od stycznia 1938 r. starostwo grodzkie w Wilnie zawiesiło prace Białoruskiego Komitetu Narodowego, będącego najważniejszą reprezentacją polityczną mniejszości białoruskiej w Polsce. W uzasadnieniu decyzji podano, że działalność BKN była skierowana przeciwko interesowi publicznemu, siłę obronnej i całości państwa polskiego. Działalność ta prowadziła do oderwania od Rzeczypospolitej części ziem północno-wschodnich. W rzeczywistości był to jeden z przejawów polityki asymilacji narodowej wobec Białorusinów. Po zawieszeniu, a następnie rozwiązaniu BKN ruch białoruski został pozbawiony instytucji reprezentującej całość interesów Białorusinów. Senator Zygmunt Beczkowicz, wcześniejszy wojewoda wileński, zaproponował powołanie w miejsce BKN organizacji polsko-białoruskiej. Jednakże propozycją tą nie zainteresowała się żadna ze stron⁵⁰.

Chwilowe polepszenie stosunków polsko-białoruskich wywołało przyjęcie delegacji białoruskiej przez Ministra Oświecenia Publicznego i Wyznań Religijnych - Wojciecha Świętosławskiego (maj 1939 r.). Delegacja zdobyła zapewnienie ministra,

iz w niedalekiej przyszłości rozpoczną się rozmowy na temat szkolnictwa białoruskiego⁵¹. Jednakże wieloletnia polityka asymilacji narodowej prowadzona przez władze polskie wobec Białorusinów osiągnęła pewne rezultaty. W przededniu wybuchu II wojny światowej ruch białoruski pozostał rozbity i słaby i nie zagrażał on decydującej pozycji Polski na terenach zamieszkałych głównie przez lud białoruski. Władzom polskim udało się usunąć żądanie utworzenia niepodległego państwa białoruskiego. Tezę tą udowodniło sprawozdanie sporządzone przez Główny Inspektorat Sił Zbrojnych za lipiec 1939 r., w którym czytamy: „Białorusini nie przejawiali żadnej poważnej działalności. Postawa społeczeństwa białoruskiego wobec zagadnień polityczno-państwowych nie daje powodów do zarzutów. Ludność białoruska wzięła poważny udział, w miarę swych możliwości, w subskrypcji na FON⁵². Stanowisko to odzwierciedlało ogólną linię polityczną polskich kół rządzących, do września 1939 r., która zakłada, iż Białorusini jako najsłabsze ogniwo wśród mniejszości narodowych nie są w stanie sami wytworzyć siły, która by zagrażała państwu polskiemu, a ich bierność i słabość oraz mała świadomość narodowa a także sprzeczność interesów były czynnikami tamującymi i przeciwdziałającymi trwałej współpracy z innymi narodami.

¹ R. Wapiński, *Endecka koncepcja polityki wschodniej w latach 1917-1921*, Gdańsk 1967, s. 48.

² Archiwum Akt Nowych (dalej AAN), Komitet Narodowy polski (dalej KNP), t. 7, protokół 149.

³ M.K. Dziewanowski, *Joseph Piłsudski, A. European Federalist 1918-1922*. Stanford 1969, s. 28, K. Grünberg, *Polskie koncepcje federalistyczne 1864-1918*, Warszawa 1971, s. 214.

⁴ A. Tupalski, *Stanowisko polskie na Białej Rusi i kwestia agrarna*, *Kurier Litewski* nr 189 z 15.9.1906; J. Jurkiewicz, *Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905-1922*, Poznań 1983, s. 35

⁵ A. Tupalski, *Stanowisko polskie na Białej Rusi i kwestia agrarna*, *Kurier Polski* nr 189 z 15.9.1906; Na temat krajowców pisze również J. Bardach, *O dawnej i niedawnej Litwie*, Poznań 1988, s. 265-270.

⁶ Szerzej temat został opracowany w artykule K. Gomółki, *Piłsudski wobec kwestii białoruskiej a wschodnia granica Polski w latach 1918-1922*, w: *Narodziny Polski Niepodległej, Wizje-Realia-Opinie*, Warszawa 1988, s. 196-216.

⁷ AAN, Archiwum Leona Wasilewskiego, t. 68, *Oświadczenie J. Moraczewskiego w imieniu rządu 20.11.1918*; t. 57, *Konferencja Ministra Spraw Zagranicznych z przedstawicielami prasy z 17.12.1918*.

⁸ AAN, KNP, t. 9, *Radiogram S. Grabskiego z Warszawy do KNP z 16.12.1918*.

⁹ AAN, *Adiutantura Belwederu*, t. 311, *Sztab Główny NDWP w sprawie wyasygnowania 175 tys. Mk dla służby wywiadowczej*.

¹⁰ Tamże.

¹¹ Szerzej na temat K. Gomółka, *Ignacy Paderewski wobec kwestii białoruskiej w*

okresie konferencji wersalskiej, w: *Studia i Szkice z Dziejów Najnowszych*, Warszawa 1987, s. 88-89.

¹² AAN, KNP, t. 9, Notatka w sprawie białoruskiej.

¹³ K. Gomółka, Paderewski...op.cit., s. 90.

¹⁴ Tamże.

¹⁵ Sześć listów Józefa Piłsudskiego do Stanisława Szeptyckiego z okresu wojny polsko-radzieckiej, oprac. W Stankiewicz, *Dzieje Najnowsze* 1971, z. 3, s. 63.

¹⁶ K. Gomółka, rozmowy polsko-białoruskie w marcu 1920 r., *Dzieje Najnowsze* 1988, z. 1, s. 3-15.

¹⁷ Taże, O polskości kresów wschodnich czyli rzecz o Towarzystwie Straży Kresowej, *Tygodnik Polski* nr 30 z 23.8.1989.

¹⁸ Sejm RP I kadencji, pos. 7 z 19.1.1923; pos. 40 z 25.5.1923.

¹⁹ AAN, PRM, Rekyfikaty, t. 21, teczka 3, Uchwała Rady Ministrów z 6 października 1921 r. o ustanowieniu Komitetu Politycznego Rady Ministrów.

²⁰ Wspólny Front, *Przegląd Wileński* nr 17 z 14.10.1923.

²¹ S. Grabski, *Wspomnienia*, Warszawa 1989, t. 2, s. 221.

²² W sprawie ustaw kresowych, *Dziennik Wileński* nr 148 z 3.7.1924.

²³ Ustawa dla ziem wschodnich, *Głos Wileński* nr 148 z 3.7.1924 r.

²⁴ Sejm RP I kadencji, pos. 255 z 25.10.1925; A. Skrzyński, *Polska a pokój*, Warszawa 1925, s. 53.

²⁵ AAN, PRM, t. 54, Protokół z posiedzenia RM z 18.8.1926. Tekst dyskusji opublikował C. Madajczyk, *Materiały w sprawie polityki narodowościowej władz polskich po przewrocie majowym*, *Dzieje Najnowsze* 1972, z. 3, s. 143-147. Podobne projekty przedstawili: J. Osmałowski, *Zadania wobec ziem wschodnich*, *Dziennik Wileński* nr 140 z 20.6.1926; T. Hołówko, *Metody z drogi sanacji stosunków we wschodniej Galicji i województwach wschodnich*, *Droga* 1926, nr 6-7, s. 46-58.

²⁶ AAN, PRM, t. 54, Protokół z pos. z 18.8.1926.

²⁷ *Słowo* nr 245 z 25.11.1926.

²⁸ AAN, MSW, t. 20172, Protokół ze zjazdu starostów województwa nowogródzkiego w dniach 9-10.12.1926. Podobne ustalenia podjęto na zjeździe starostów z województwa poleskiego 17.12.1926, MSW, t. 20182.

²⁹ Projekt przestępców politycznych, *Dziennik Wileński*, nr 10 z 14.1.1927. Wyjątek stanowią krajowcy demokraci, którzy stanęli w obronie Hromady; *Analiza rzeczywistości*, *Przegląd Wileński* nr 1 z 16.1.1927.

³⁰ Ar. MSW, *Wileński Urząd Wojewódzki* t. 978/7, Protokół z konferencji odbytej 27.1.1927.

³¹ *Najnowsze zarządzenie ministra Dobruckiego*, *Dziennik Wileński* nr 91 z 22.4.1927.

³² *Centrum censeo*, *Kurier Wileński* nr 267 z 22.11.1927.

³³ *Wybory parlamentarne 1928*, Warszawa 1928, s. 320-323.

³⁴ Sejm RP II kadencji, pos. 44 z 4.2.1929

³⁵ AAN, MSZ, t. 2270, Memoriał „Ruch białoruski”.

- ³⁶ Sejm RP II kadencji, pos. 76 z 8.2.1930. Patrz również: Białorusini, Kurier Wileński nr 196 z 27.8.1930.
- ³⁷ Sprawozdanie z życia mniejszości białoruskiej, sprawy Narodowościowe 1927, z. 4, s. 407.
- ³⁸ Niezłożona recepta, Przegląd Wileński nr 15-16 z 19.9.1930.
- ³⁹ AAN VI Oddział, MSW, t. 706/1, Materiały nadesłane do MSW przez wojewodę poleskiego.
- ⁴⁰ AAN, MSW, t. 1097, Pismo wojewody poleskiego do ministra spraw wewnętrznych.
- ⁴¹ Ar. MSW, Wojewódzki Urząd Nowogródzki, t. 795/40, Wystąpienie wojewody Stefana Świderskiego na zjeździe starostów.
- ⁴² PRM, t. 78, pos. 8 z 4.5.1935; MSZ, t. 5, Raporty Komisji d/s Kresów wschodnich.
- ⁴³ AAN, Komenda Główna Policji Państwowej, t. 44, Opracowanie dotyczące mniejszości narodowych.
- ⁴⁴ Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za III kwartał 1935, Warszawa 1935, s. 35. Biblioteka Narodowa (dalej BN), G.Szymanowski, Dwanaście lat wspomnień, mkfilm 47234, strona 118.
- ⁴⁵ Sejm RP IV kadencji, pos. 10 z 17.2.1936.
- ⁴⁶ Wojewoda Świderski za swe postępowanie został usunięty po wyborach 1935 r.; G.Szymanowski, op. cit, s. 118; AAN, MSW, t. 802, Tezy w dziedzinie polityki narodowościowej. Uwagi do exposé premiera M.Zyndrama-Kościałkowskiego (1936 r.).
- ⁴⁷ Sprawozdanie z życia mniejszości białoruskiej, Sprawy Narodowościowe 1937, I kwartał, s. 115.
- ⁴⁸ Sejm RP IV kadencji, pos. 69 z 15.2.1938.
- ⁴⁹ Centralne Archiwum Wojskowe (dalej CAW), Generalny Inspektorat Sił Zbrojnych (dalej GISZ), sygn. 302.10.21, Tygodniowy komunikat z życia mniejszości narodowych z 17.10.1938.; P.Wandycz, Polska Międzywojenna w: Uniwersalizm i swoistość kultury polskiej, Lublin 1990, s. 284.
- ⁵⁰ G.Szymanowski, op. cit, s. 243.
- ⁵¹ Słowo nr 127 z 10.5.1939.
- ⁵² CAW, GISZ, t. 302.10.21, Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych z 17.7.1939.

WISSENSCHAFT IM STALINISMUS: DAS INSTITUT FÜR
GESCHICHTE DER AN BSSR

Die Wesensbestimmung der Kultur- und Wissenschaftspolitik der zwanziger und frühen dreißiger Jahre in einer nichtrussischen Republik stellt eine Möglichkeit dar, das „imperiale Phänomen“ Stalinismus an einen konkreten historischen Ort zu binden und die ideologischen, partei- und personalpolitischen Konsequenzen der Zentrum-Provinz-Beziehung deutlich zu machen. Die Fachhistoriker der Republiken gehörten als Sinndeuter und Sinnvermittler zu den von der Partei peinlich observierten Gruppen, wobei das Zentrum die Aufsichtspflicht über seine Subzentren vor Ort wahrnahm.

Die Zeit- und Archivdokumente lassen keinen Zweifel daran, daß die aufgestiegene binnenweißrussische Bildungs- und Partielite schon in den zwanziger Jahren ein ungleich subtileres Zensur- und Denunziationssystem installieren konnte, als es das Moskauer Zentrum je vermocht hätte. Hinzu kam, daß der jungen Historikergeneration durch ideologische Anpassungsleistungen erhebliche Aufstiegschancen zuwuchsen, die sie mehrheitlich zu nutzen verstand. Dennoch blieb auch sie nicht von den Repressionen der späten dreißiger Jahre verschont. Die Phase der konfliktarmen Koexistenz bürgerlicher und neusowjetischer Wissenschaftlergenerationen, in der die „bürgerlichen Gelehrten“ die Rektorenämter an den neugegründeten Universitäten und Akademien der zwanziger Jahre einnahmen, hatte zuvor eine große Innovationskraft und Produktivität der weißrussischen Historiographie befördert.

Es ist jedoch ein Trugschluß früherer Studien zur frühsowjetischen Nationalitätenpolitik in Weißrußland oder anderen Teilrepubliken, mit den Stichworten „nationale Verwurzelung“ (korenizacija) und „Weißrussifizierung“ (belarusizacyja) eine langfristig angelegte Strategie der Sowjetführung zu verbinden. Ebenso wie die spätere Stalinsche „Revolution von oben“ keinem ausgearbeiteten Generalplan folgte, muß auch die korenizacija eher als Zwischenlösung innerhalb eines Herrschaftsinterregnums und Ideenvakuums angesehen werden.¹ Das Überwiegen nationalhistorischer Interpretationsmuster in der weißrussischen Geschichts- und Literaturwissenschaft war weniger die Folge einer durchgehenden nationalen Kulturpolitik, als vielmehr des Fortwirkens der alten Gelehrtengeneration. Als sich das Stalinsche System in der zweiten Hälfte der zwanziger Jahre ideologisch und personell gefestigt hatte, konnte es die institutionellen Leitungspositionen umbesetzen.² In

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
Prozessen gegen Vertreter der akademischen und künstlerischen Intelligenz wurde zu Beginn der dreißiger Jahre der künftige Umgang mit den Gebildeten bestimmt.

Dem Historischen Institut der Akademie widmete das ZK besondere Aufmerksamkeit, zumal die politische Disziplinierung wie auch der Freitod Usevalad Ihnatoŭskis, bislang nicht die gewünschte erzieherische Wirkung herbeiführen konnten. Im November 1932 legte der wissenschaftliche Sekretär des Instituts, V. Karnienka, auf Anfrage der Kulturabteilung des Minsker ZK einen internen Bericht über die politischen und wissenschaftlichen Gegebenheiten am Institut vor.³ Die Anfrage des ZK war zwar auf inhaltliche Schwerpunkte der wissenschaftlichen Tätigkeit am Institut gerichtet, was den Autor nicht daran hinderte, die „Entwicklung des Instituts selbst, als einer wissenschaftlichen Forschungseinrichtung in Verbindung mit dem Kampf gegen den weißrussischen Nationaldemokratismus, das russische Großmachtdenken, gegen trotzkistisch-bundistische Elemente und sämtliche Abweichungen“ zum eigentlichen Thema des Referats zu machen. Mit Beginn der konterrevolutionären Tätigkeit der 1925 am Inbelkul't gebildeten „Historisch-archäologischen Kommission“ um Ihnatoŭski, Dovnar-Zapol'ski, Pičeta und andere sei durch die ausschnitthafte Beschäftigung mit der älteren Geschichte Weißrußlands vom 16. bis zum 19. Jahrhundert immer wieder versucht worden, den Nationaldemokratismus zu propagieren.

Hinzu kam nach Ansicht Karnienkas, daß das Institut angesichts der „Dürftigkeit seiner wissenschaftlichen Kader“ von einer „soliden, politisch bedeutsamen, wissenschaftlichen Forschungseinrichtung“ weit entfernt sei. Dieser Mangel wiege um so schwerer, als die Äußerungen Stalins von 1931 nach einer „seriösen wissenschaftlichen Bearbeitung der Probleme der weißrussischen Geschichte [...] auf marxistischer Grundlage“ verlangten. Beklagt wurde darüber hinaus, daß die Arbeit am „Abriß zur Geschichte Weißrußlands“ (Očerki po istorii Belorussii) noch immer nicht abgeschlossen werden konnte. Offenkundig lag die Fertigstellung einer marxistischen Interpretation der weißrussischen Geschichte auch dem ZK besonders am Herzen. Bei der Begründung des Verzuges schlug der Berichtstatter sogar einige kritische Töne an: So machte er neben dem schlechten Ausbildungsstand der Aspiranten die „systematische Mobilisierung der wissenschaftlichen Mitarbeiter“ für verschiedene Aufgabenbereiche wie das Stadtparteikomitee, das ZK oder auch das Akademiepräsidium verantwortlich. Hinzu komme die schlechte organisatorische Leitung des Projekts durch die Institutsleitung.

Als eine wesentliche Ursache für die „gefährliche Lage an der historischen Front“ zu Beginn der dreißiger Jahre sah Karnienka in der Führungstätigkeit des Akademiepräsidiums, das die „politische Bedeutung des Historischen Instituts“ unterschätzt habe. Verantwortlich zu machen sei jedoch auch die funktionsuntüchtige Parteiorganisation. Ebenso wie auf Akademieebene fehlten auch der Geschichtswissenschaft nach wie vor die Genossen: lediglich sechs von zweiundzwanzig Mitarbeitern, also 27,3 Prozent, gehörten 1932 der Partei an. Aus der Unzufriedenheit mit dem Kaderbestand und der Tatsache, daß „die meisten entscheidenden Probleme der Geschichte Weißrußlands von parteilosen Wissenschaftlern bearbeitet“ würden, geht hervor, daß das Institut die ihm von der Partei zugedachten Aufgaben nicht erfüllte. Auch die Klage, daß Publikationen der Historiker auf Grund langer Veröffentlichungsfristen ihre „politische Schärfe“ einbüßten, gab Anlaß für wortreiche Beschlußfassungen. Mit den Forderungen, die genannten Mißstände zu beseitigen, verband sich der Wunsch, künftig alle Historiker-Kommunisten in die Arbeit an den O¹Terki po istorii Belorussii einzubeziehen, sie von allen Lehrverpflichtungen zu entbinden und ihre weitere Mobilisierung für andere Funktionen zu verbieten.

Der dem Papier eigene denunziatorische Stil charakterisierte das politische Klima an den geisteswissenschaftlichen Instituten zu Beginn der dreißiger Jahre. Die Koexistenz von „bürgerlichen“ Spezialisten und „neuen Kadern“ löste sich von innen her auf. Vorauseilender Gehorsam hatte die neuen Eliten erfaßt, längst bevor der Terror als tagespolitisches Instrument Anwendung fand. Dokumente wie der Bericht Karnienkas lassen den Stalinismus als ein subtiles Gesinnungssystem erscheinen, dem sich die Mehrheit der Intelligenz kaum zu entziehen vermochte. Im vorliegenden Fall trat dies als personelle Kampagne zutage, die zunächst mit Verdächtigungen und Hinweisen auf geheimnisvolle Untergrundbewegungen eingeleitet wurde und genauere Nachfragen des ZK nachgerade herausforderte. Die bemerkenswerte Grammatik des Zitats ist ganz bewußt unverändert geblieben:

„Wenn die wichtigsten Merkmale der gegenwärtigen Institutsarbeit angeführt werden, kommt man nicht umhin, darauf hinzuweisen, daß im Moment, wie nie zuvor, im Zusammenhang mit der Entfaltung der Arbeit des Instituts, irgend jemand zum Nutzen der noch verbliebenen Klassenfeinde, die bekanntermaßen an der historischen Front überlebt haben, nichts unversucht läßt, die geringsten Fehler und vereinzelter Planrückstände im Institut dazu zu benutzen, den Kampf, den das Institut

für Geschichte um die Reinheit der marxistischen Methodologie geführt hat, anzuprangern und ihm einen Hieb zu versetzen. Diese parteifeindlichen Stimmen müssen mit der Wurzel ausgerottet werden.”⁴

Dem zu erwartenden Präzisierungswunsch des KUL'TPROP folgend, richtete Karnienka ein kurzes Informationspapier an das ZK. Darin steckte er die „historische Front“ deutlich ab. Zu den „wertvollsten und am meisten befähigten Genossen“ gehörten nach Meinung des Autors Kommunisten wie Horin, Ščarbakov und andere. Aus den Reihen der Parteilosen wurden außerdem die Historiker Nikol'skij und Družčyc für gefolgstreu befunden. Andere Mitarbeiter, die „sich noch nicht völlig von ihren früheren trotzkistischen und bundistischen Überzeugungen befreit“ hätten, wie die jüdischen Kollegen Rivlin, Zastenker und Potaš, wurden zunächst nur mit Einschränkung akzeptiert. Als regelrechte Feinde bezeichnete der Autor unter anderen den parteilosen Historiker Gessen, dessen Wohnung als „Stabsquartier trotzkistisch-bundistischer Elemente“ gedient habe; hier seien Ende November 1932 in Anwesenheit verschiedener Historiker des Instituts den Brief Stalins an die Proletarskaja Revolucija, einige historische Fragen und die Ergebnisse der 14. Parteikonferenz debattiert worden. Dies waren Aussagen, die zwar nichts belegten, vor dem ZK jedoch verdächtig wirken mußten. Nach zahlreichen weiteren Anschuldigungen gegen die genannten Mitarbeiter kam Karnienka zu dem Schluß, daß eine Gruppe um Rivlin, Serbenta, Potaš, Vol'fson und Gessen „eine Hetzjagd gegen die Kommunisten und die besseren parteilosen Historiker“ geführt hätten.⁵ Wenige Monate später, im März 1933, wurden Konsequenzen gezogen. Das ZK verfügte die Entlassung mehrerer Mitarbeiter an „der theoretischen Front“, eine Anordnung, deren Vollzug dem neuen Ersten Sekretär des CK KP(b)B, N.F. Hikalo (in diesem Amt 1932-1937), am 23. März 1933 bestätigt werden konnte. Begründet wurden die Maßnahmen im allgemeinen mit „konterrevolutionärer Tätigkeit, Verbreitung des Trotzkismus oder Unterstützung der Nationaldemokraten.“⁶

Nach den „erfolgreichen“ Säuberungen an der Akademie und dem NARKAMAS'VETA steuerte das ZK mit großer Entschlossenheit neue Ziele an. Es erschien ihm notwendig, „ernsthafte Säuberungen von klassenfeindlichen Elementen“ in allen weiteren kulturellen Einrichtungen durchzuführen, worunter das ZK insbesondere die Schulen und Lehrerbildungsinstitute verstand. Von ihnen wird noch zu sprechen sein. Außerdem folgte eine drastische Verschärfung der Zensur, wobei die noch 1933 durchgesetzte Einführung einer sogenannten „militärischen Zensur“ (voennaja cenzura) für die Presseerzeugnisse der BSSR nur einer von vielen

Schritten in diese Richtung war.⁷

Aufschlußreich in diesem Zusammenhang ist es, daß parteinahe Wissenschaftsfunktionäre, die sich selbst für denunziatorische Dienste nicht zu schade waren, keine Privilegien zu erwarten hatten. Eigeninitiativen der Wissenschaftler zur Unterstützung der Parteipolitik und bei „Entlarvung“ der Gegner verraten langfristig keine auf die Erlangung von Privilegien gerichtete Strategie, sondern eine zunehmend verinnerlichte Einstellung verrät. Überzeugungen wie sie Karnienka und andere erkennen ließen, beförderten den Stalinismus „von unten“.

Die personellen Konsequenzen des Jahres 1933 brachten indessen nicht sofort den gewünschten Erfolg. Kaum ein Jahr später, am 22. Mai 1934, offenbarte die Leitung der Akademie in einem internen Bericht an das CK KP(b)B, daß trotz „der Säuberung der Akademie der Wissenschaften von nationaldemokratischen Elementen, die die theoretischen Zentren der AN zu unterwandern“ versuchten, eine „schlechte Durchsetzung der Prinzipien des Sozialismus und der marxistischen Lehre sowie [...] ein niedriges theoretisches Niveau“ zu registrieren seien.⁸ Obgleich seit dem ersten Richtungswechsel in der Wissenschaftspolitik 1930 die Mitarbeiterschaft der Akademie bis 1934 von 114 auf 331 und das Publikationsvolumen von 1930 bis 1933 von 139 auf 603 Druckbögen angewachsen war, gestand der Berichtersteller Horin eine unverkennbare politische Schwäche der geisteswissenschaftlichen Akademieinstitute ein. Abhilfe sollten deren „verstärkte Kontrolle“ sowie monatliche Berichte schaffen, aus denen die Schwerpunkte der Arbeit der Akademie hervorgehen würden.

Hinsichtlich einer Stärkung der Parteikräfte bestand auch 1934 noch Anlaß zur Sorge. Vor allem das Institut für Geschichte geriet immer wieder unfreiwillig auf die Tagesordnung der ZK-Sitzungen in Minsk, gelegentlich auch übergeordneter Organe. So mußte die Kultur- und Propagandaabteilung des CK KP(b)B ihrer übergeordneten Moskauer Abteilung im Dezember 1934 von einem weiteren Vorgang „konterrevolutionärer Umtriebe an wissenschaftlichen und Lehreinrichtungen der BSSR“ berichten:

„Am 22. Oktober 1934 wurde auf Veranlassung des stellvertretenden Direktors des IIBelAN, Genossen Ščerbakov, der antisowjetische Vortrag des Bürgers Prochorov ‘Über das Volkslied’ gehalten, in dem sich der Vortragende offen mit einem der Ideologen des weißrussischen Nationaldemokratismus, Balickij, solidarisierte und die ‘Theorie’ von der Klassenlosigkeit (nadklassovosti) der Musik und von der ‘Dominanz (prevoschodstvach) des russischen Liedes über die Lieder der anderen Völker’ entwickelte und die These aufstellte, daß die Kommunisten die

Entwicklung der Musik behinderten.“⁹

Das Büro des ZK reagierte barsch und warf in seiner Entschliebung vom 14. November den Kommunisten des IIBelAN offene Unterstützung des Klassenfeindes vor. Immerhin war Ščarbakov bis zu diesem Zeitpunkt als Fels in der Brandung und einzig verlässlicher unter der Vielzahl zwielichtiger Professoren wahrgenommen worden. Diese „Enttäuschung“ des ZK sollte dem Autor der ebenfalls 1934 erscheinenden „ersten Geschichte Weißrußlands auf marxistischer Grundlage“ noch lange zu schaffen machen. Da half es auch nicht viel, daß Ščarbakov im gleichen Jahr den bislang umfangreichsten Sündenkatolog gegen die Nationalgeschichtsschreibung verfaßte: Diese habe die weißrussische Geschichte stets als frei von Klassenkämpfen dargestellt, als eine einzige Entwicklungsgeschichte des nationalen Bewußtseins des weißrussischen Volkes, eines „ewig demokratischen Volkes“, das den Völkern des kapitalistischen Westens von jeher verwandt sei. Die Interessen des Volkes würden allein durch die Intelligenz verkörpert, ja die Geschichte des weißrussischen Volkes werde auf die Geschichte seiner Intelligenz reduziert. Die arbeitende Bevölkerung hingegen erscheine in der Perspektive der Nationalhistoriographie lediglich als eine düstere und ungebildete Masse.¹⁰ Mit dieser Arbeit hatte der Akademieprofessor das Verdikt gegen die unliebsame Kollegenschaft der zwanziger Jahre gesprochen.

Die Arbeit Ščarbakovs zeigte eines deutlich: die große Kurskorrektur des Jahres 1934 hatte bislang nicht den erwünschten personellen und inhaltlichen Richtungswechsel am IIBelAN mit sich gebracht. Zudem nahmen Personal und wissenschaftlicher Ertrag deutlich ab. Seit Mitte der dreißiger Jahre wurde die Prüfung der politischen Situation an den geisteswissenschaftlichen Instituten nicht länger der Selbstkontrolle überlassen, sondern vom NKVD (weißrussisch: Narodny kamitët unutrennych spravaj, NKUS) übernommen worden. Dieses informierte das ZK regelmäßig über „Beobachtungen“ und die zu unternehmenden Maßnahmen. Die Anschuldigungen wurden dabei immer abstruser. Auch die weitere Wissenschaftspolitik zeigt, daß die Entstehungsgeschichte der Institutionen und ihre Fortentwicklung seit Mitte der zwanziger Jahre immer wieder als Beleg für die fortdauernde „politische Unzuverlässigkeit“ der Intelligenz herangezogen wurde. In seinem Report an das ZK vom 25. Juni 1938 berichtete der Volkskommissar für innere Angelegenheiten, Major des NKVD, A. Nasedkin, über „Skrupellosigkeiten der Mitarbeiter und Schädlingsarbeit innerhalb der AN BSSR“:

„An der Spitze des Inbelkul't stand 1926 der große Agent der 2.

Abteilung des polnischen Hauptstabes, Ignatovskij, der in diesem Institut Spione und andere antisowjetische Elemente zusammenführte und die gesamte Arbeit des Instituts zur Erfüllung der Aufträge des polnischen Aufklärungsdienstes in Weißrußland benutzte. Vom Moment der Umwandlung des Inbelkul't in die AN BSSR bis in die jüngste Zeit war die AN ein Herd polnischer Spione, Trotzlisten, rechter und Nationalfaschisten, die im Auftrage der polnischen Abwehrgane aktive Spionage und Schädlingarbeit an der Akademie durchführten."¹¹

Die sich anschließende Aufzählung der „berüchtigten Feinde der Sowjetmacht“ glich einer Galerie der Verdammten, in die bis 1938 nahezu alle weißrussischen Historiker und andere Geisteswissenschaftler von Rang verwiesen worden waren. Außer den beiden Professoren Ihnatowski und Ščarbakov, die die längste Zeit politische gegensätzliche Positionen vertreten hatten, fanden sich hier mit Dombal', Rivlin, Nekraševič, Zilunovič, Surta und Pankevič leitende Mitarbeiter der verschiedensten Institutionen - Akademie, Istpart, Propagandaabteilung des ZK - wieder. Neben historiographischen und politischen Abweichungen warf Nasedkin ihnen in seiner Generalabrechnung mit der Akademie vor, „diese Spione (hätten) auch den Nachwuchs behindert“. Die drastische Abnahme der Aspiranturen sollte auf diese Weise eine plausible Rechtfertigung finden. Von 139 Aspiranten des Jahres 1934 waren 1938 nur noch sechs übriggeblieben. Lediglich siebzehn Dissertation (1935: 10, 1936: 5, 1937: 2) seien in diesen vier Jahren verteidigt worden. Die Behauptung, daß „an der Spitze der Institute die Agenten der ausländischen Spionagedienste und Mitglieder antisowjetischer Organisationen“ gestanden hätten, wie Ščarbakov, Lebovič (1938 verhaftet) am IIBelAN oder Krasnevski und Zilunovič am Institut für Literaturwissenschaften, mußte auch für die Tatsache herhalten, daß am Institut für Geschichte von 1932 bis 1937 von 97 geplanten Arbeiten nur 10 veröffentlicht werden konnten, wovon noch einmal sieben beschlagnahmt wurden. 1937 konnte nach Angaben Nasedkins der Publikationsplan nur zu 35 Prozent erfüllt werden.¹²

[Weißrussen --301, Juden -- 120, Russen -- 70, Ukrainer -- 7, Deutsche - 6, Litauer -- 6, Letten --3 //Mitarbeiter der AN BSSR nach Nationalitäten (1937)].

Die Statistik des Vorjahres mußte für die Partei in der Tat alarmierend sein. Von den 529 Mitarbeitern der AN BSSR, von denen 274 Männer und 255 Frauen waren, gehörten lediglich 21 Prozent der Partei (50) oder dem Komsomol (64) an. Von Moskauer oder Kiever Verhältnissen konnte also in Minsk ebensowenig die Rede sein wie von einer gleichgeschalteten

„Parteiwissenschaft“. Auch sprachen acht Akademiker und 57 Oberassistenten (Staršie naučnye sotrudniki) nicht für ein hohes wissenschaftliches Profil der Akademie; die weitaus größere Mitarbeiterzahl stellten die Assistenten (91), Ingenieure (11) und wissenschaftlich-technischen Angestellte (342).

Die nationale Zusammensetzung der Mitarbeiterschaft ließ erkennen, daß es zu einer Russifizierung im großen Stil, etwa durch Moskauer Kaderpolitik via Spezialistentransfer, nicht gekommen war. Tabelle 1 weist die Mehrzahl der Mitarbeiter als Weißrussen aus.

Was 1930 mit 33 Verhaftungen an der Akademie begann und sich 1933 mit 16 und 1936 mit 15 verhafteten Mitarbeitern fortsetzte, sollte 1937 mit 45 Arrestierungen einen Höhepunkt erleben. Als Nasedkin dem ZK berichtet hatte, daß gegen die Akademie ein „bedeutender Schlag“ geführt wurde, reagierte das NKVD mit der zynischen Bemerkung, daß an der Akademie noch mindestens 22 „Anhänger des antisowjetischen Untergrundes (Trotzkisten, Rechte, Nationalfaschisten und Angehörige ausländischer Abwehrdienste)“ tätig seien. Erst als man wenig später weitere 27 Mitarbeiter verhaftet und zum überwiegenden Teil exekutiert hatte, war das ZK überzeugt.¹³ Vom wissenschaftlichen Potential der Akademie blieb fast nichts mehr übrig.

Rückblickend begründete der NKVD-Offizier Nasedkin 1938 die geringen oder „schädlichen“ geschichtswissenschaftlichen Resultate mit der Tatsache, daß sich unter den Historikern 1937 nicht ein Parteimitglied finden ließ. Lediglich „eine Reihe konterrevolutionärer Bücher“ seien zur Geschichte veröffentlicht worden; genannt wurden die „Geschichte Weißrußlands“ (Ščarbakov), „Die alte Kultur Weißrußlands“ (Levdanskij) und „Pokrovskij, als Historiker-Marxist“ (Horin).

„Die Schädlingsarbeit am Institut für Geschichte äußert sich darin, daß im Verlauf der letzten Jahre die Erarbeitung einer wirklichen Geschichte des weißrussischen Volkes und die Herausgabe von Lehrmaterialien zu dieser Thematik gebremst wurde. [...] An der Spitze des Institutes befanden sich noch immer die entlarvten Mitglieder des antisowjetischen Untergrundes, Horin und Ščarbakov. Von ihnen wurde eine antisowjetische Gruppe unter den wissenschaftlichen Mitarbeitern des Instituts für Geschichte gegründet. Mit Hilfe dieser Leute haben sie die Erforschung der Geschichte hintertrieben und ihr bürgerlich-nationalistische Theorien von der Eigenständigkeit des weißrussischen Volkes und der wirtschaftlichen Hinneigung Weißrußlands zum Westen untergeschoben. [...] Das Institut sollte ein Lehrbuch für die mittlere Klassenstufe entwerfen, statt dessen

hat man sich mit Folklore und Ethnographie befaßt. Die entstandene Arbeit trägt daher auch eine nationalistische Färbung.”¹⁴

Die Periode zwischen 1936 und 1938 gehörte zu den düstersten Kapiteln der Akademie der Wissenschaften der BSSR. Im Blick auf die Opfer dieser Jahre des Terrors zielten Partei und Sicherheitsapparat nach den Nacdemj nunmehr auf die „Volksfeinde“ (vorahi narodu). Zu diesen wurden 1937/38 die Gruppe der angepaßten Enthusiasten der ersten Generation, wie Zilunovič, Horin oder Ščarbakov ebenso gerechnet, wie die hohen Partei- und Staatsfunktionäre, unter ihnen Hikalo, Žarvjakov, der Vorsitzende des SAVNARKAM, M.M. Haladzec (in diesem Amt 1927-1937), oder der Volksaufklärungskommissar Džjakaľ. Als sie schließlich ihre Pflicht getan und kaum die Erwartungen erfüllt hatten, die die Propaganda an ihr fachliches Können stellte, war nicht einmal mehr die Partei an ihnen interessiert. Schnell fand sich in den Schriften Kritikwürdiges, das 1936 zum Parteiausschluß und 1937 zur Verhaftung reichte.

Biographien wie die Ščarbakovs waren keineswegs Einzelfälle. Als sich das Terrorsystem immer stärker gegen die linientreuen Funktionäre zu richten begann, konnte sich niemand mehr sicher sein. Dutzende anderer Historiker, Literaturwissenschaftler, ehren- und hauptamtliche Parteiarbeiter überlebten das Jahr 1938 nicht oder begannen eine mehrjährige Haftzeit.¹⁵ D.Z. Zilunovič, der – 1887 in einer weißrussischen Bauernfamilie geboren – als Čiška Hartny in vorsowjetischer Zeit nationalpatriotische Gedichte verfaßt hatte und als Kulturfunktionär in der BSSR Karriere zu machen begann, gehörte dazu. Als Regierungsmitglied, Zeitschriftenredakteur, Akademiker und Mitarbeiter am IIBelAN durchlief Zilunovič eine ähnliche Karriere wie Ihnatovski, an deren Ende 1937 Verhaftung, Selbstanklagen und ein der Erschießung zuvorkommender Krankheitstod standen.¹⁶ Die gemeinsam mit Pičeta nach Minsk beorderten Historiker der ersten sowjetischen Historikergeneration, V.N. Percev (1877-1960), N.M. Nikol'ski (1877-1959), V.D. Družčyc (1886-1937), V.A. Serbenta (1895-1980) oder S.Ch. Agurski (1884-1947) entgingen trotz zum Teil rücksichtsloser Anpassungsmanöver (Serbenta, Agurski) den Repressionen nicht, wenngleich sie mit dem Leben davonkamen. Parteitreue politische Akteure blieben ebensowenig verschont. Žarvjakov wurde ebenso verhaftet und erschossen wie Knorin. Selbstanklagen und Reuerhetorik bestimmten auch ihre Verhöre. Was von Knorin 1927 noch in seiner Funktion als Parteichef öffentlich geäußert werden konnte, drehte ihm selbst wie auch Žarvjakov 1937 den Strick. Sympathisierte damals Knorin noch ganz gezielt mit dem Begriff und der Bewegung der 'Wiedergeburt', kostete er ihnen nun das Leben:

„Wir verwendeten den Begriff ‘Wiedergeburt Weißrußlands’ oder ‘Wiedergeburt der weißrussischen Kultur’, obwohl der Begriff seinem Wesen nach als grundfalsch und politisch gefährlich zu bewerten ist; wir gebären nicht irgendein Weißrußland, sondern wir bauen ein sowjetisches Weißrußland, wir streben danach, eine Gesellschaft zu errichten, die auf sozialistischen Grundlagen steht.“¹⁷

Knorin dagegen, der zum Urgestein der weißrussischen KP(b) gehörte, sich im Blick auf die Bildungspolitik zu Beginn um die personelle Verstärkung der weißrussischen Wissenschaft verdient gemacht hatte, die Eröffnung des Verlagshauses „Wiedergeburt“ veranlaßte und nach seiner Tätigkeit als erster Sekretär 1928 eine Moskauer und später KOMINTERN-Karriere machte, auch Knorin holte die Zeit ein. Als Stalin Anfang der dreißiger Jahre die KOMINTERN und die Vertreter der VKP(b) D.Z. Manuilskij, O.A. Pjatnickij und eben Wilhelm Knorin seiner persönlichen Kontrolle unterstellte, zeichnete sich ein Karrierebruch bereits vorsichtig ab. Die nebenbei am IKP absolvierte historische Ausbildung, die Knorin gar den Doktor- und Professorentitel eintrug konnte daran ebensowenig etwas ändern, wie die unter seiner Redaktion 1934 erschienene populäre „Kurze Geschichte der VKP(b)“, der ein Jahr später sogar ein zweiter Band folgte. 1938 wurde Knorin unter falschen Anschuldigungen verhaftet und am 29. Juli erschossen.¹⁸

Sieht man aufs Ganze, erscheinen die parallelen Biographien der Historiker und historisierenden Funktionäre als Abbild der Lebensläufe weißrussischer Intellektueller insgesamt. Die zu Beginn der Sowjetzeit völlig unterschiedlichen Alters- und Herkunftsstrukturen der professionellen Intelligenz wirken in den Geschichtsbildern und politischen Anpassungsbemühungen zweifelsohne nach. Die Karrierebrüche indessen verlaufen weitgehend identisch. Der aufkommende Stalinismus in der Wissenschaft war überaus erfolgreich in der Nivellierung der Vielfalt der biographischen Voraussetzungen.¹⁹ Auch auf der individuell-biographischen Ebene muß sich zwangsläufig widerspiegeln, was für die Institutionen und die dort entwickelten Geschichtsbilder oben festgehalten werden konnte. Die Sowjetsystem funktionierte erst nach dem vollständigen Generationswechsel

Die Bezeichnung „Weißrussische Akademie der Wissenschaften“ (BelAN) überdauerte den Stalinismus nicht. Im Sinne der Vereinheitlichung der Republikstrukturen und deren standardisierter nicht-nationaler Benennung erschien 1936 eine „Reorganisation“ und Neubezeichnung der Bildungsstätte unvermeidbar. Die seit dem 9. Juni 1936 gültige offizielle

Bezeichnung „Akademie der Wissenschaften der BSSR“ (AN BSSR) sollte bis 1991 bestehen bleiben, bevor man zum alten Namen zurückkehrte und 1997 - entgegen der politischen Rhetorik der Lukaschenka-Ära - die Bezeichnung „Nationale Akademie der Wissenschaften der Republik Belarus“ einführt. Die Fortsetzung der Parallelität von nationalen und integralen (neosowjetischer) Geschichtsinterpretationen nach 1994, die Personal- und Publikationspolitik der weißrussischen Führung im Bereich der Gesellschaftswissenschaften, dazu die vneuveränderte Feiertagssemantik und Symbolik im Weißrußland Lukaschenkas weisen darauf hin, daß Wissenschaft und Politik in diesem Land noch immer ein enges Beziehungsgeflecht bilden und die identitätsstiftenden Wissenschaftsdisziplinen nicht frei von Erfüllungsdruck sind.

¹ Zur neueren Diskussion zuerst: Moshe Levin: *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*, London 1985; Lewis H. Siegelbaum: *Soviet State and Society between Revolutions, 1918-1929*, Cambridge 1991. Auch hier ist von einem „energischen Verfolgen“ der korenizacija als Beitrag zum „Erblihen der nationalkulturellen Identität“ die Rede, S. 222; Bernd Bonwetsch: *Der Stalinismus in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Zur Deformation einer Gesellschaft*, in: *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung* (1993), S. 11-36. In der weißrussischen Historiographie nähert man sich bis heute kaum theoretischen Fragestellungen zum Stalinismus. Vgl. Michas' Kascjuk: *Stalinščyna i Belarus'*, in: *Belaruski Historyčny Žasopis'* (1995) 1, S. 9-14; 2, S. 98-106.

² George M. Enteen: *Marxist Historians during the Cultural Revolution*, in: Sheila Fitzpatrick (Hg.): *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931*, Bloomington, Ind. 1978, S. 154-168, hier S. 158. Zu sozialen Aspekten außerdem der Abschnitt: *Professors and Soviet Power in: dies.: Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934*, Cambridge, MA. 1979, S. 64-86.

³ Nacyjnalny archiv Respubliki Belarus (NARB): Fond 4, vopis 21, sprava 362, ark. 76-82: Dokladnaja zapiska Instituta istorii BAN, sostavlenaja soglasno zaprosa Kul'tpropa CK KP(b)B sekretarju tov. Gikalo - kopija Kul'tpropu CK KP(b)B i frakcii prezidiuma BAN (16.11.1932), (Karnienko). Vgl. außerdem V. Karnienka: *Klasavaja barac'ba na historyčnym fronce Belarusi*, Mensk 1932. Ausführlicher noch als in diesem Bericht äußerte sich Karnienka in einer weiteren ZK-Vorlage, die kurze Zeit später entstanden sein muß. Hier wurden M.V. Dovnar-Zapol'ski, U.M. Ihnatołski und V.I. Pičeta vor dem Hintergrund ihrer Arbeiten u.a. als „Begründer der national-demokratischen weißrussischen Historiographie“ verantwortlich gemacht, während M.K. Ljubavskij im Blick auf das Verhältnis zwischen Moskau und dem Großfürstentum bzw. Rußland und

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

Weißrußland als „Urvater des Großmachtschemas der Geschichte Weißrußlands“ bezeichnet wurde: NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 362, ark. 57-75: Itogi i perspektivy istoričeskogo fronta Belorussii (V. Kornienko), (ohne Datum).

⁴ Ebd., ark. 81.

⁵ Ebd., V CK KPbB, (11.12.1932) [Unterschrift: Korneenko], ark. 83-85.

⁶ NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 490, ark. 1-11: Dokladnaja zapiska (23.3.1933).

⁷ NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 549, ark. 5: O cenzure.

⁸ NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 549 (Sekretnyj otdel), ark. 35-40, 44.

⁹ Vgl. die Mitteilung des KUL'TPROP CK KP(b)B an den Vorsitzenden des KUL'TPROP CK VKP(b), Genossen Steckoj: NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 549, ark. 127-129: Informacionnaja svodka o kontrrevoljucionnyh vystuplenijach v nekotorych naučnyh i učebnyh učrezdenii BSSR, (Minsk, 10.11.1934), hier ark. 127.

¹⁰ V.K. Ščarbakov: Klasavaja barac'ba i historyčnaja navuka na Belarusi, Mensk 1934, S. 67.

¹¹ NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 1400, ark. 12-32: Dokladnaja zapiska o faktach zasorennosti liŭnogo sostava i vreditel'stva v BelAN (25.6.1938). Der Fond 21 ist einen Sonderfond, der größtenteils aus NKVD-Material besteht und seit 1993 für einheimische Wissenschaftler zugänglich ist. Der Autor hatte als erster westlicher Benutzer die Gelegenheit, den Bestand zu benutzen.

¹² NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 1400, ark. 13-16.

¹³ Zu ihnen gehörten, neben den oben erwähnten, weitere „Verdächtige“: die Mitglieder der Akademie J.N. Afanas'ev, C.L. Burstin, I.I. Zamotin, S.J. Matuslajtis, B.A. Taraškevič, V.A. Serbenta, S.Ch. Agurski, J.A. Bronštejn, S.P. Mel'nik, B.M. Špencer.

¹⁴ NARB: Fond 4, vopis 21, sprava 1400, ark. 23f.

¹⁵ Zu den Säuberungen an der AN BSSR 1937/38 unter dem Codewort „Vereinigter antisowjetischer Untergrund“ vgl. jüngst Rascilav Platonov: „Špiëny“ z Akadčmii navuk, in: Belaruskaja Minyščyna (1996) 4, S. 69-73 sowie IHANB (Hrsg.), Vozvraščennye imena, Minsk 1994. Danach wurden in den dreißiger und vierziger Jahren 143 Mitarbeiter der Akademie repressiert. Allein Ende der dreißiger Jahre wurden 42 Mitarbeiter in Minsk erschossen.

¹⁶ Zu seiner politischen Beurteilung durch die Partei vgl. NARB: Fond 4, vopis 3, sprava 150, ark. 108-114 (Original des Briefes ark. 101-107): An das CK KP(b)B, den Sekretär des ZK, Gen. Šarangovič, sowie ebd., vopis 3, sprava 34, ark. 251-255: „Meine Vergehen (pamyłki) und ihre Wurzeln“ [Aussage bzw. Niederschrift Zilunovičs vom 13.12.1929]. Im Gegensatz zu Ilnatovski hat sich Zilunovič allerdings nicht von Denunziationen verschiedener Mitglieder der „national-faschistischen Bewegung“ (belaruskaja fašystovščyna) um Stankevič, Rahulja, Jaremič sowie den „Sozial-Faschisten“ und „Ideologen der weißrussischen Bourgeoisie und des Kulakentums“, Anton Luckevič, abbringen lassen. Biographisches Material außerdem: NARB: Fond 15, vopis 28, sprava 10

(1930-31).

¹⁷ NARB: Fond 60, vopis 3, sprava 777 (Verhörprotokolle der Nacdemj), ark. 112ff.: Verhör Žarvjakovs.

¹⁸ Zur Biographie: Knorin: Izbrannye stat'ci, S. 3-24.

¹⁹ Ebenso wie die Generationsunterschiede im Sog des Terrors verschwimmen mußten, bewiesen Einzelbiographien auch weißrussischer Historiker, daß die unter Sowjetbedingungen heranwachsende Hochschulintelligenz eine uniforme Anpassungsbereitschaft zeigt. Die Biographie M.M. Ulaščyks (1906-1986) bewies das Gegenteil. 1930 wurde der BDU-Absolvent als Archäologe und Historiker bereits von der ersten Verhaftungswelle erfaßt und bis 1955 vom Repressionsapparat nicht mehr losgelassen. Nach Verbannungszeit in Sibirien kehrte er erst 1948 an die Moskauer Universität zurück und gehörte fortan auf dem Sektor der Quellenkunde zu den wichtigsten Forschern der weißrussischen Historiographie. Wenngleich er nie wieder in Minsk arbeitete, hat der bis zu seinem Tod parteilose Ulaščyk in zahlreichen internen kritischen Wortmeldungen und in einem regen Briefkontakt mit verschiedenen Historikern der AN BSSR die Fortentwicklung der Minsker Geschichtswissenschaft stets begleitet. Vgl. die zahllosen Würdigungen nach seinem Tod und vor allem nach Untersuchung seines Nachlasses. Zuletzt das Ulaščyk gewidmete Sonderheft des BHA 3 (1996) 1.

Р. ЛИНДЭР (*Герлінгер, Нямецчына*)

НАВУКА ПРЫ СТАЛІНІЗМЕ: Інстытут гісторыі АН БССР

Резюме

Сутнасць культурнай і навуковай палітыкі 20-х і пачатку 30-х гадоў у адной з нярускіх рэспублік прадстаўляе магчымасць звязваць такі «імперыялістычны феномен», як сталінізм з канкрэтнай гістарычнай мясцовасцю і дазваляе прасачыць ідэалагічныя, партыйныя, палітычныя і кадравыя паслядоўнасці ў адносінах паміж цэнтрам і правінцыяй.

Гісторыкі БССР адносіліся да тлумачальнікаў і распаўсюджвальнікаў партыйных ідэй, у той час, як цэнтр ажыццяўляў нагляд.

Дакументы не пакідаюць сумненняў, што паўстаючая беларуская партыйная і адукацыйная эліта магла ўжо ў 20-я гады усталяваць сістэму цензуры і даносаў у адпаведнасці з тым, як вымагаў гэта маскоўскі цэнтр.

Новае пакаленне гісторыкаў атрымала шанец зрабіць кар'еру, дзякуючы выкарыстанню партыйнай ідэалогіі. Большасць з іх выкарыстала гэтую магчымасць, аднак не засталася ў баку падчас рэпрэсій 30-х гадоў. Фаза неканфліктнага суіснавання буржуазнага і новасавецкага пакаленняў гісторыкаў, калі ў 20-я гады «буржуазныя вучоныя» займалі пасады ў новаствораных універсітэтах і акадэміях, прадэманстравала прадуктыўнасць беларускай гістарыяграфіі. Але гэты

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі

перыяд доўгім не быў, паколькі накіраванасць раннесавецкіх даследчыкаў на беларусізацыю і нацыянальную карэнізацыю навукі і культуры не адпавядаў стратэгіі савецкага кіраўніцтва.

Наяўнасць у беларускай гістарычнай літаратуры нацыянальна-гістарычных інтэрпрэтацый падзей была ў меншай ступені наступствам праведзенай нацыянальнай культурнай палітыкі, а ў значна большай ступені ўплывам папярэдняга пакалення вучонных.

Інстытуту гісторыі БАН ЦК удзяляў асобую ўвагу, але наладжванне дысцыпліны і смерць Усевалада Ігнатоўскага не прывялі да пажаданага эфекту. У лістападзе 1932 г. Вучоны сакратар Інстытута В. Карніенка на запыт аддзела культуры ЦК прад'явіў даклад для службовага карыстання аб палітычнай і навуковай сітуацыі ў Інстытуце, ў якім намаляваў «небяспечную сітуацыю на гістарычным фронце» і расправёў пра беднасць магчымасцей навуковай установы. Галоўную прычыну такога становішча Карніенка бачыў у дзейнасці караўніцтва Прэзідыума Акадэміі, каторае не дае належнай ацэнкі «палітычнаму значэнню Інстытута гісторыі».

Толькі 6 з 22 супрацоўнікаў (27,3%) былі ў 1932 г. сябрамі партыі. Канешне, такі склад не змог належным чынам выканаць патрабаванні партыі. У дакладзе была прапанова прыцягнуць усіх камуністаў да працы над «Нарысамі гісторыі Беларусі» і вызваліць іх ад усіх абавязкаў, забараніўшы працу над іншымі тэмамі. Гэтай паперай характарызуецца палітычны клімат у гуманітарных інстытутах на пачатку 30-х гадоў.

Задачы палітызацыі і ідэалагізацыі навукі вырашался «новымі кадрамі», якія выкарастоўваліся як паслухмяны інструмент для штодзённага ўжывання. Доклад Карніенкі пералічыў сапраўдных камуністаў (Горын, Шчарбакоў і інш.), здольных на верную службу (Нікольскі, Дружыц) і цвердалобых бунтаўшчыкоў (Рыўлін, Паташ, Гэсен, Сербента, Вальфон). Пасля паспяховай чысткі Акадэміі і Наркамасветы ЦК з вялікай рашучасцю ўзяўся за знішчэнне варожага элемента ва ўсіх культурных установах (так сама ў школах, вышэйшых навучальных установах). Пачаўся моцны пераслед цэнзурай.

Людзі з ліку сяброў партыі, якія выконвалі функцыі вучонных, не шкадавалі сябе для «актыўнай працы па даносах», але не дачакаліся ніякіх прывілеяў. «Перакананні», якія Карніенка і іншыя распаўсюджвалі, узмацнялі сталінізм знізу.

Барацьба за якасныя змены ў Акадэміі працягвалася з дапамогаю ўзмоцненага кантролю, які па сутнасці з'яўляўся памесечным даносам. Адзел па культурных зносінах і прапагандзе ЦК КП(б)Б павінен быў

дакладаць свайму кіраўніцтву ў Маскве ў снежні 1934 г. пра далейшае ўзмацненне абароны ад «контррэвалюцыйных інтрыг супраць вучоных і навучальных устаноў БССР».

Неаднойчы Бюро ЦК папракала камуністаў Інстытута гісторыі ў адкрытай падтрымцы класавых ворагаў. ЦК расчаравалася нават у аўтарах, якія пісалі «на марксісцкай аснове» і самі складалі пашыраны каталог грахоў гісторыкаў і нацыянальнай гісторыі. Нават праца Шчарбакова засведчыла, што вялікая папраўка курса ў 1934 г. не паўплывала на накірунак зменаў у Інстытуце гісторыі.

Іспыт на навуковую трываласць навукоўцы трымалі ўжо перад НКУС, які інфармаваў пра свае «назіранні» і прынятыя ЦК меры. Абвінавачванні становіліся ўсё больш жорсткімі. Прыклад Інстытута гісторыі павінен быў дэманстраваць усю ненадзейнасць інтэлігенцыі.

Хутка з'явіліся абвінавачванні ў агульнай шпіёнскай дзейнасці на карысць Польшчы.

Да 1938 г. у шэрагі ворагаў савецкай ўлады былі залічаны амаль усе беларускія гісторыкі. З 529 супрацоўнікаў АН БССР толькі 21% уваходзілі ў партыю альбо камсамол. У параўнанні з Масквою альбо Кіевам пра Мінск не магла ісці гаворка, як пра горад, які мае «партый-ную навуку». Таксама такі паказчык, як колькасць акадэмікаў і старшых навуковых супрацоўнікаў (8, 527) не мог сведчыць аб высокім навуковым узроўні; мелася вялікая колькасць асісітэнтаў (91), інжэ-нераў (11) і навукова-тэхнічных служачых (342). Нацыянальны склад супрацоўнікаў дазваляе даведацца, што да пагалоўнай русіфікацыі не дайшло (гл. табліцу).

У 1937 г. Акадэміі быў нанесены «адчувальны ўдар» — 45 арыштаў. Але НКУС лічыла, што там ёсць як мінімум 22 «носьбіты антысавецкіх ідэй». Калі былі арыштаваны наступныя 27 супрацоўнікаў, з навуковага патэнцыялу Акадэміі не засталася амаль нічога. Калі сістэма тэра-рызму пачала мацнець з кожным днём, ніхто не мог больш заставацца ў небяспецы.

У цэлым назіраецца супадзенне лёсаў гісторыкаў, нягледзячы на ўзрост, паходжанне, уклад у навуку і г.д.

Л. ВОЛЧОК *(Минск, Беларусь)*

**БЕЛОРУССКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ: ЦЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ**

Белорусская ассоциация жертв политических репрессий (БАЗПР) является общественным объединением, неправительственной, неприбыльной организацией, т.е. типичным представителем так называемого третьего сектора. В то же время наша организация на фоне других организаций имеет свои специфические особенности, в значительной степени определяющие ее жизнедеятельность, перспективы, пути развития и проблемы. БАЗПР объединяет членов общества, пострадавших не по воле судьбы или несчастного случая, не от преступных элементов или нашествия врагов, а от своего же государства, действия которого длительно, планомерно и организовано были направлены на подавление и физическое уничтожение своих граждан, в основном лучших представителей общества. Хотя государство, под влиянием происходящих демократических перемен, и вынуждено было признать невинность сотен тысяч репрессированных им же людей, провести реабилитацию их, однако по-прежнему не признает открыто, гласно виновность правящего тогда большевистского режима, а порой даже не скрывает к нему своих симпатий. В этой ситуации, следовательно, ожидать признания каких-либо обязательств морального или материального плана перед оставшимися в живых жертвами со стороны государства по меньшей мере наивно. Вполне естественным поэтому является то, что с трудом завоеванные льготы для реабилитированных, установленные Верховным Советом, указами отменяются, предаются забвению на государственном уровне страницы нашей истории, связанные с репрессиями, вновь и вновь ставятся под сомнение “Куропаты”, выходят в свет кем-то заказанные публикации, оправдывающие действия преступных карательных органов и чудовищную, бесчеловечную философию о так называемой “высшей революционной целесообразности”, убийства людей.

Высказываемые членами нашей Ассоциации мысли о существующей позиции правительства по отношению к репрессированным полны обиды, возмущения, чувства жестокой несправедливости к ним. Конечно, никто не ставит под сомнение отношение властей к ветеранам войны, узникам фашизма, афганцам, чернобыльцам, которые, как известно, окружены почетом, вниманием, пользуются моральной и материальной поддержкой. Безусловно, они

это внимание заслужили. Но кто ответит жертвам политического геноцида, почему они, не уступающие по численности и масштабам страданий, по-прежнему находятся в положении политических изгоев общества, почему не заслуживают величественного памятника - мемориала, подобного афганскому, чтобы положить цветы к нему (ведь места захоронений до сих пор скрываются), почему на них не распространяется призыв - клятва "каждый погибший должен быть найден и похоронен", почему, наконец, нет признания чьей-то вины, христианского раскаяния, осуждения политической системы, породившей преступный режим, как это сделала у себя послевоенная Германия.

Вопросы! Вопросы! Ответов на них, откровенных и исчерпывающих, добывается Ассоциация жертв политических репрессий, каждый пострадавший.

Конечно, ответ логически может вытекать сам собой, ибо четко просматриваются силы, которые неумолимы в стремлении реанимировать все бывшее, рассчитывая на слабую память и всепрощение народа, ностальгию у значительной части населения по "великой могучей державе". Не случайно поэтому в дни государственных праздников все чаще мелькают портреты "любимого отца народов". В этой связи святым делом Ассоциации жертв политических репрессий является напоминать о себе народу, обществу через любые законно доступные средства информации: лекции, конференции, печатные издания, выставки, создание памятников - мемориалов. Эти и другие, предусмотренные Уставом Ассоциации и законом об общественных объединениях, действия не только в какой-то мере приносят моральное удовлетворение за поправленные честь и достоинство десятков тысяч униженных и оскорбленных живущих еще жертв, но также помогут преодолеть стереотип тоталитаризма в сознании народа, послужат профилактикой от возможного рецидива — возврату к прошлому, нашего, объявившего уже себя демократическим, общества.

Для обеспечения своей жизнедеятельности, выполнения своих уставных обязанностей, будучи общественной, неправительственной организацией, Ассоциация сталкивается с невероятными трудностями и проблемами, главные из которых материальные, финансовые. Мы, конечно, отдаем себе отчет, что ждать от правительства финансовой помощи в силу изложенных выше причин, а также тяжелейшего

экономического положения государства не приходится. Пожертвования госпредприятий и коммерческих структур, задавленных налогами, также становятся нереальны. Для многих молодых коммерсантов вообще мало знакомо такое явление, как политические репрессии. В этой ситуации мы не только не можем по-настоящему развернуть свою работу, но под вопросом оказалась возможность содержания офиса, фактически дальнейшего нашего существования как организации. Поэтому кардинальным выходом из создавшегося положения может быть только создание при Ассоциации своего коммерческого структурного подразделения, хотя и это начинание в наше время проблематично, как показали первые шаги в этом направлении.

Реально сложившаяся чрезвычайно трудная обстановка вызывает у части членов Ассоциации пессимизм, безысходность и страх. Это чувство подогревается еще и тем, что некоторые члены даже из руководства Ассоциации вопреки уставу и просто своему святому долгу советуют “лечь на дно”, переждать несколько лет политического кризиса в стране (и это при таком возрастном составе), ничем не проявлять себя. При этом опасность для членов Ассоциации и организации в целом ими сознательно или несознательно явно преувеличиваются. Они всячески сдерживают активность и инициативы других членов, привешивая им всякие “ярлыки”.

Создается впечатление, что кому-то выгодно парализовать организацию изнутри. В этом предстоящем съезде предстоит разобраться. БАЖПР не может пойти на поводу этих людей, ибо слишком ответственна и благородна историческая миссия, выпавшая на долю организации, слишком печальна участь более 10000 реабилитированных жертв, обездоленных, престарелых членов нашего общества, ожидающих от государства справедливого признания и материального облегчения.

С другой стороны, нельзя также не отметить и противоположную крайность. Есть представители явно экстремистского толка, призывающие сомкнуться с оппозиционными политическими партиями в борьбе за свои права.

Мы твердо убеждены, что крайние политические методы отстаивания своих прав, как советуют нам “горячие головы”: пикетирование, шествия, голодовки и прочие акции, для наших старых, больных людей с загубленной судьбой и сломанной волей не лучший способ.

Нашими методами в достижении целей, стоящих перед Ассоциацией (они четко сформулированы в Уставе) является апелляция

к высшим органам управления государством, убеждение, настойчивость, наконец, требование обратить внимание на нас — наиболее униженную, обездоленную часть общества. При этом должны использоваться любые законные каналы: непосредственная переписка, выступления в средствах массовой информации, официальные обращения и пр. Естественно это путь трудный, кропотливый, длительный. Так, к сожалению, нам не удается пока вернуть установленные законом для репрессированных льготы, потерянные в 1996 г. (коммунальные услуги, проезд и др.), несмотря на длительную, изнуряющую переписку с госорганами и министерствами. В ответах чиновников отсутствует логика, сплошь путаница и противоречия, нет ясности в вопросе верховенства законов и указов, ссылки друг на друга и пр. Стиль писем чисто бюрократический, в духе старых времен.

Трудно решаются в Ассоциации ряд и внутриорганизационных вопросов. Не во всех еще областных центрах республики созданы отделения Ассоциации, нерегулярны заседания правления и рады, из-за проблемы сбора членов (отсутствие командировочных), недостаток способных, активных людей для выдвижения в руководящие органы, ослаблено руководство нижестоящими организациями со стороны вышестоящих.

Ассоциация стоит на пороге своего 5-го съезда, на котором будут детально рассмотрены состояние дел в организации, приняты стратегия и тактика, планы работ, серьезно обновлены будут центральные руководящие органы управления (правление, рада).

Н. ИЛЬКЕВИЧ (Смоленск, Россия)

**СОВМЕСТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В НАУЧНЫХ ЦЕЛЯХ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СНЯТОГО ФОНДА ОПЕРАТИВНЫХ АРХИВОВ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Я постараюсь рассказать о путях решения одной сложной проблемы, с которой непременно сталкивается исследователь, занимающийся изучением судеб белорусских интеллигентов, репрессированных в ленинско-сталинские годы правления советской страной. Конкретно речь пойдет о 1918—1939 гг. При этом и остановлюсь на вопросах поиска документальных свидетельств об уроженцах и жителях Беларуси, репрессированных на территории нынешней России.

Возможно, и это вполне естественно, найдутся люди сомневающиеся или, скажем, равнодушные, которые сочтут поднимаемую в

моем выступленні тему малоактуальнай або несвоечасовай, немагштабнай. Як чалавек, звязаны сваёй судьбай з Беларуссю, я так жа, як і вы, нераўнодушны і к праблемам поіска, ізучення, вазвращення, наўчнага іспользаванні атечественных реліквій, будзь-то украденныя ценныя із Государственной галерыі БССР, Беларускага государственнага історыкага музея, Мінскага історыкага музея, віленскага Беларускага музея імені Івана Луцкевіча, Могілевскага абласнага государственнага музея: вывезеныя ілі бесследна ісчезнувшыя кнігі і рукопісы Полоцкай Софіі, бібліятэкі Хрептовічэй, каллекцыі Ромуальда Земкевіча і Кастуся Езовітова; бесценныя сокровішча, сабранныя не адным пакаленнем Радзівілава в Несвіжскім замке, частныя каллекцыі сямей Цехановецкіх (Вітэбская губернія), Гуттен-Чапскіх і многія другія государственныя і частныя сабрання.

Вместе с тем, на мой взгляд, настало время обсудить вопрос широкого использования архивов ВЧК, ГПУ, ОГПУ и НКВД, в данный момент почти полностью рассекреченных на основании Указа Президента РФ “О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека” от 23 июня 1992 года, и других нормативных актов. Однако эти архивы, хоть и рассекреченные, не переданы в Госархивслужбу России для свободного доступа к ним ученых и находятся по этой причине на ведомственном хранении в территориальных структурах Федеральной службы безопасности РФ.

Проблема архивов государственной безопасности уже поднималась пять лет назад, 29 апреля 1992 г. Александром Михальченко на пленуме правления Беларускага фонда культуры при обсуждении вопросов вазвращения беларускіх нацыянальных ценностаў, находящыхся за пределами республікі. Тогда оратор сказав, что Республика Беларусь должна предъявить права на документы, сосредоточенные в архивах государственной безопасности, так как в них “ідет речь про наших людей, котрых судьба выкінула за пределы Беларусі”¹.

По моему глубокому убеждению, речь может идти, как я уже сказав выше, только о совместном использовании снятых, то есть рассекреченных фондов архивов госбезопасности, а конкретно — о прекращенных производством уголовных дел на реабилитированных граждан — уроженцев и жителей Беларусі, а также звязанных с ней судьбами. Законодательная база РФ (подробно этот вопрос в выступлении не рассматривается) позволяет иметь доступ к уголовным

Н.Илькевич. Совместное использование в научных целях....

делам на репрессированных граждан. Разрешение на работу с документами, уголовными делами и изучение этих архивных материалов в научных целях может осуществляться на основании статьи II Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г., в которой записано, что “ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов”, а также и на основании пункта 12 Закона РФ “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий” от 3 сентября 1993 г. (№ 698-1).

Огромную, я бы сказал, самую большую и неопенимую помощь белорусским исследователям может оказать в решении этой задачи Комитет государственной безопасности РБ. Согласно Протоколу № 1 к Соглашению о сотрудничестве и взаимодействии между Министерством безопасности РФ и КГБ РБ от 13 мая 1992 г. КГБ РБ наделен правом (пункт “а” и “б” статьи 1) ознакомления с документальными материалами, имеющимися в распоряжении их коллег в России, получения копий с документов или информации по их содержанию, розыска материалов, связанных с репрессиями и реабилитацией граждан.

Подробный порядок взаимодействия между КГБ РБ и ФСБ РФ по этому вопросу изложен в соответствующих статьях Протокола № 17 от 21 января 1997 г. к вышеуказанному соглашению. Протокол является весьма прогрессивным шагом вперед и предусматривает возможность реабилитированным лицам или, в случае их смерти, близким родственникам ознакомления через КГБ РБ с материалами следственных дел, хранящихся в архивах ФСБ России, изъятия из дел и возвращения их владельцам переписки, фотографий, рукописей и других документов личного характера, снятия копий с материалов дел, получения биографических и иных справок. Не упущен из виду и вопрос подготовки к опубликованию исторических исследований в отношении видных государственных деятелей, представителей науки, культуры, служителей культа, а также событий, отражающих этапы исторического развития государств, порядок ознакомления и оценки соответствующих документальных материалов, хранящихся в оперативных архивах.

И я совершенно точно знаю, что КГБ РБ пусть и эпизодически, от случая к случаю, по мере возникновения необходимости, но проводит такую работу.

Что касается архивных структур ФСБ России, то тут любой исследователь или любая общественная организация, обратившиеся в

областные или республиканские территориальные органы безопасности или Центральный архив ФСБ России, найдут полное понимание. Я бы даже сказал так: режим наибольшего благоприятствования. Я в этом абсолютно уверен.

Могут конечно, на пути исследования возникнуть препятствия, искусственно создаваемые некоторыми недалёковидными, бесчувственными и равнодушными сотрудниками архивов ФСБ РФ, как это было, например, в 1996 г. в одном областном центре. Задумали руководители Смоленской католической общины издать в 1997 г. к 100-летию освящения нашего костела непорочного зачатия Девы Марии сборник, в котором отразить деятельность священников, репрессированных в 20—30 годы. Обратились в областное управление ФСБ и получили первоначально разрешение на ознакомление с делами. Но потом что-то произошло (можно только догадываться что), и архивисты, ссылаясь на нормы Закона, отказали в помощи под предлогом отсутствия разрешений на ознакомление с делами от близких родственников. Вроде и не упрекнешь их в следовании букве Закона, но ведь известно, какие могут быть у католического священника “близкие родственники”. И тем более, что после репрессий против священников прошло 60—70 лет.

Однако и эти, и другие препятствия все-таки можно обойти и нужно преодолевать. Побольше настойчивости, аргументов, если только вдруг вопрос не решается и вы почувствовали, что вам будет отказано в получении сведений без видимых и серьезных на то причин и оснований.

Другое дело, разумеется, если отказ в ознакомлении с материалами происходит по иным обстоятельствам, например, по морально-этическому фактору. В таком случае логичнее всего ограничиться получением справки по архивному уголовному делу.

Но случаев немотивированного и необоснованного отказа в доступе в научных целях к документам, давно рассекреченным, мало. Как правило, вопрос решается быстро. Совсем недавно ко мне обратился один белорусский ученый, и по его просьбе без всякого промедления были установлены места хранения уголовных дел на расстрелянного в 1920 г. белорусского общественного деятеля Фабиана Гиляровича Шантыра, найдены два дела — в Мурманске и Караганде (Казахстан) — на Ивана Михайловича Баранкевича, в результате чего в одном случае была внесена ясность в обстоятельства ареста, обвинений и причину расстрела писателя, во втором случае получены копия фотографии, пока единственно известной, и интересные биографические сведения, например, об обстоятельствах объявления голодовки Иваном Баранкевичем.

Н.Илькевич. Совместное использование в научных целях...

И, кажется, самое время ответить на основные до сих пор возникающие вопросы.

А стоит ли вообще этим заниматься? Что нас может ожидать в архивах ФСБ РФ?

Прежде всего - информация о конкретном человеке. Для большинства из присутствующих на конференции сегодня в зале, я уверен, известны личности Николая Азбукина, Адама Бабареки, Юлии Бибило, Петра Бузука, Иосифа Волк-Левановича, Гавриила Горецкого, Максима Горецкого, Игната Дворчанина, Владимира Дубовки, Николая Дурново, Осипа Дылы, Ивана Замотина, Николая Касперовича, Вацлава Ластовского, Язэпа Лесика, Михаила Мелешко, Владимира Прокулевича, Чеслава Родзевича, Аркадия Смолича, Ивана Цвикевича, Родиона Шукевича-Третьякова, Николая Щекотихина. На всех их, видных представителей белорусской интеллигенции, в архивах ФСБ России имеются уголовные дела, многие из которых до сих пор не открывала рука исследователя.

Для примера я захватил с собой копии двух документов, которые будут сейчас оглашены впервые. Первый документ - за 1940 год.

“Утверждаю “

*Начальник 3 отдела УГБ УНКВД
Ст. лейтенант Госбезопасности
(Викторов)*

“...” февраля 1940 года

Постановление

(о сдаче агдела в архив)

1940 г. февраля 9 дня, гор. Саратов

Я, Пом. Оперуполномоч. 2 отделения, 3 отдела УГБ УНКВД по Сар. области. Сержант Госбезопасности Лапшин, сего числа рассмотрел старое архивное агентурное дело под кличкой “Дубовая роца”, —

Нашел:

Агдело “Дубовая Роца” было заведено в 1937 году, по которому проходили два фигуранта польские перебежчики ЛАСТОВСКИЙ Вацлав Устинович, 1883 года и ЛАСТОВСКАЯ Станислава Петровна, 1889 года, впоследствии были арестованы и осуждены. ЛАСТОВСКИЙ Вацлав Юстинович, осужден по 1 категории и ЛАСТОВСКАЯ Станислава Петровна на 8 лет лишения свободы, а поэтому —

Постановил:

Агдело “Дубовая Роца” подлежит сдаче в архив 1 спецотдела

УНКВД по Саратовской области.

Пом. оперупол. 2 отделения

Сержант Госбезопасности (Лапишин)

Согласен.

Нач. 2 отд-ния 3 отдела УГБ

Лейтенант Госбезопасности (Матвеев)

Вкратце прокомментирую этот документ. Речь идет о том, что в 1937 году за В. Ластовским и его женой в г. Саратове было установлено негласное наблюдение. Поскольку они оба были арестованы и репрессированы, то агентурные материалы на обоих были сданы в архив и, по всей видимости, уничтожены.

И второй документ — за 1949 год. Это письмо С.П. Ластовской на имя И. Сталина. Замечу: жена В. Ластовского не знает, что ее муж расстрелян 11 лет назад.

Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б)

Иосифу Виссарионовичу Сталину

От Ластовской Станиславы

Петровны уроженки г. Вильнюса,

год рожд. 1889, прожив. в

г. Саратове по Горной ул., д. № 145.

Ходатайство

Мой муж, Ластовский Вацлав Юстинович, работал в Саратовской 1 научной библиотеке при СГУ заведующим отделом "Редких книг и рукописей". 22/VIII.1937 г. был арестован органами НКВД и выслан в лагеря без права переписки и там умер 5/IX.1943 г., о чем я получила известие.

Через 3 месяца после ареста мужа была арестована и я (7/XII.1937 г.) и выслана в Темлаг сроком на 8 лет, как член семьи. Все мои документы о работе, об образовании, все мое имущество — все пропало. Из лагерей я была освобождена досрочно (в 1943 г.) как стойкий инвалид. При освобождении инвалидов принималось во внимание не только инвалидность, но и поведение как советского человека.

Я уроженка г. Вильнюса. 15 лет работала народной учительницей. Из них 10 лет в подпольной школе с 1905 по 1915 г, а с 1915 по 1920 г. в легальных. В дальнейшем по семейным обстоятельствам (дети, болезнь) систематически уже не работала.

Уже шестой год, как я освобождена из лагерей, но все еще

Н.Илькевич. Совместное использование в научных целях...

нахожусь в положении отверженной, потому что в паспорте моем значится 39-ая ст. положения о паспортах.

Я человек старый (мне 60 лет), совершенно одинокая, не говоря даже о том, что больная. У меня нет других средств к жизни кроме моего труда, а мой паспорт ставит меня в бесправное положение.

Я не заслужила себе такой старости. Я лично перед советской властью ничем не виновата, даже на допрос ни разу не была вызвана, а живу на положении осужденной. Неужели тому нет конца?

Ваша высокая человечность дает мне надежду, что с меня будет снято пятно, порочащее меня безвинно.

С. Ластовская

4.IV.1949 г.

г. Саратов

Этот документ, наверное, не нуждается в подробных комментариях.

Не следует забывать и о том, что исключительно благодаря работе с архивами ФСБ РФ для нас станет понятным, разумеется, в отдаленном будущем, весь масштаб трагедии белорусского народа, подвергшегося массовым репрессиям; только за то, что человек являлся выходцем из белорусских областей, на время отошедших к Польше, только за то, что в 20-30 годы он переехал отсюда в СССР (как, кстати, супруги Ластовские), только за то, что носил фамилию, оканчивавшуюся на -евич, -ович, -ский, -цкий, белорус безжалостно уничтожался, ссылался или направлялся в лагерь.

Да, такова была участь не только белорусов, но и поляков, латышей, немцев, болгар, македонцев и других граждан. Но речь сейчас идет о белорусах.

А цифры, если мы обратимся к количественной стороне обсуждаемого вопроса, говорят нам о следующем.

Ваганьковское кладбище в Москве. На нем в период с 1926 по 1936 г. в специально отведенных для Главного управления государственной безопасности НКВД СССР местах (а я напомним, что в 30-е годы все кладбища страны входили в систему Народного комиссариата внутренних дел, точно так, как и Отдел Актов гражданского состояния НКВД СССР) осуществлялось тайное захоронение расстрелянных в Москве чекистами невиновных граждан. Всего к 1 июня 1995 г. установлены фамилии 975 захороненных там наших соотечественников, казненных палачами ОГПУ и НКВД СССР. Из общего количества 55 человек уроженцы и жители Беларуси², список и краткие биографические сведения были опубликованы в Москве. Наши земляки

составляют весьма большой процент от 975 расстрелянных - 5,64%, то есть каждый 17 - 18-ый.

Московский Донской крематорий. Здесь в общей могиле невостребованных прахов погребены останки 1166 казенных чекистами в 1934—1942, 1947, 1950—1953 годах граждан, тела которых после расстрела были кремированы. Здесь нашли свое последнее пристанище Михаил Кольцов (Фридлянд), Всеволод Мейерхольд (Райх), Мартемьян Рютин, Александр Косарев, Юрий (Георгий) Пятаков, Михаил Тухачевский, Август Корк, Иона Якир, Иероним Уборевич и другие участники сфальсифицированного И. Сталиным и чекистами так называемого “военно-фашистского заговора”, в том числе и уроженец Брестчины комкор Фельдман Борис Миронович. Из 1166 человек 89 были нашими земляками, то есть 7,63 процента или каждый 13-ый человек.³

Еще два примера.

Ярославская область. Только за 1937—1938 гг. по ярославским уголовным делам было расстреляно по политическим обвинениям 1580 человек. Из этого количества 85 человек были выходцами из Беларуси,⁴ что составляет 5,38 % или каждый 18--19-ый расстрелянный.

Смоленская область. К настоящему времени обработаны, введены в компьютер и проанализированы данные на 39% архива Управления ФСБ, а всего в нем на хранении более 24 000 уголовных дел за 1917—1950-е гг. на 38 393 репрессированных и реабилитированных граждан.

Занимается этим анализом по своей собственной инициативе Алексей Александрович Забелин, удивительный человек, о котором я не могу не сказать хотя бы пару добрых слов.

В 1930 г. у А.А. Забелина владимирские чекисты расстреляли мать. Был репрессирован и отец Алексея Александровича. Во Франции у А.А. Забелина живет двоюродный брат, который за свой счет принимал (включая расходы на поездку) Алексея Александровича с женой раз в два года. И вот когда пришло время очередной поездки в Париж, А.А. Забелин позвонил брату, поинтересовался у того, оплатит ли он поездку во Францию и на этот раз, и получив положительный ответ, попросил купить вместо билетов персональный компьютер. Так у А. А. Забелина, которому кстати 79 лет, появился дома компьютер. Работе со сведениями на репрессированных граждан Алексей Александрович отдает все свое свободное время, очень часто работает по ночам, хотя в 1996 г. перенес инфаркт. Он, между прочим, потомок уроженца Гродненщины — его мать до замужества носила фамилию Бандысик.

Н.Илькевич. Совместное использование в научных целях...

По моей просьбе А.А. Забелин подготовил два списка. Первый — список репрессированных в Смоленской области жителей Беларуси, второй — репрессированных в Смоленской области уроженцев Беларуси. Причем оба списка имеют соответствующий анализ. Итак, первый список, в котором фамилии и краткие биографические сведения на 149 репрессированных жителей Беларуси (22 женщины и 127 мужчин). Из аналитической таблицы видно, что основная масса репрессированных жители сельской местности, крестьяне - 55 человек (36,91 %) и рабочие - 24 человека (16,11 %). 4 человека были расстреляны, 84 — лишены свободы на различные сроки, а 43 - сосланы на Урал и в Сибирь.

Во втором списке - аналогичные данные на 717 уроженцев Беларуси (105 женщин и 612 мужчин). Аналитическая таблица поясняет нам, что по социальному статусу или составу это 99 крестьян (13,81 %), 227 рабочих (31,66 %) и 155 служащих (21,62 %). 135 человек из 717 были расстреляны, 398 — направлены в исправительно-трудовые лагеря, а 119 - в ссылку.

Таковы цифры и факты.

Теперь затронем еще один теоретический аспект обсуждаемого вопроса.

А может быть, переместить тысячи уголовных дел на репрессированных уроженцев Беларуси из России, допустим, в Минск? Другими словами, есть ли юридические права собственности у Республики Беларусь на эти уголовные дела? Ответ однозначен - под юридическое понятие реституции или, скажем проще, возвращения в натуре какой-то части архивов бывших ЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД - эти массивы документов не подпадают.

В последнее время, правда, были отдельные попытки получить “наовсем” некоторые уголовные дела. 7 октября 1992 г., к примеру, тогдашний и.о. Председателя КГБ РБ генерал-майор Г. Лавицкий письменно обратился к начальнику Управления Министерства безопасности РФ по Калужской области генерал-майору Н. Иудину с письмом, в котором писал: “В целях систематизации материалов на известного в Беларуси писателя просим решить вопрос о высылке на постоянное хранение в наш адрес уголовное дело [...] на Горецкого М.И.” Нет ничего удивительного и неожиданного в том, что письмо это было оставлено без внимания и ответа, поскольку по существующему российскому законодательству уголовные дела на репрессированных и реабилитированных граждан должны храниться по месту репрессий.

И это абсолютно логично, тем более, что доступ к материалам, приобщенным к этим делам, теперь наконец-то открыт и для самих репрессированных, и для их родственников, и для исследователей.

По моему глубокому убеждению, необходимо уже сейчас приступить к работе по созданию собственной информационной базы данных о наличии на хранении в оперативных архивах территориальных органов ФСБ РФ уголовных дел на репрессированных и реабилитированных граждан, уроженцев и жителей Беларуси, а также связанных с ней своими судьбами. Если говорить образнее, но в преломлении темы, то эту мысль более понятно и доходчиво высказал народный писатель РБ Иван Чигринов: выявить “то, где и что в мире белорусское “лежит”⁵.

Такая база данных могла бы состоять из картотеки и карточек на каждое лицо, в отношении которого поступили сведения о его репрессировании и наличии документов в этой связи в архивах ФСБ всех 89 регионов России. Я подготовил проект образца этой регистрационной карточки. В ней, на мой взгляд, необходимо отразить следующие сведения: архив, в котором находится на хранении уголовное дело и номер дела, биографические сведения о репрессированном лице, вид и дата репрессий, статья обвинения, даты освобождения и реабилитации, количество членов семьи, признанных пострадавшими от политических репрессий и некоторые другие.

Кто должен заняться составлением такой картотеки, как и всей информационной базы данных в целом? Я, возможно, выхожу за тематические рамки своего выступления, но все же отмечу, что этой структурой мог бы стать и Национальный научно-просветительский центр имени Ф. Скорины, и Белорусский НИИ документоведения и архивного дела, и другие организации. Все, как известно, должно исходить из поставленной задачи.

Не менее важной я рассматриваю и сопутствующую созданию картотеки работу по составлению каталога публикаций о репрессированных за пределами РБ гражданах этой категории. Этим ведь также, к сожалению, никто в данный момент не занимается.

Также первостепенное значение имеет исследовательско-издательское направление указанной деятельности. Надо в обязательном порядке и непременно на белорусском языке продолжить издание сборников “Вяртанне” (Белорусский фонд культуры) и информационно-аналитического и культурологического бюллетеня “Кантакты і дыялогі” (Международная ассоциация белорусистов, Белорусское общество

Н.Илькевич. Совместное использование в научных целях....

дружбы и культурной связи с зарубежными странами).

Во что бы то ни стало нужно сохранить хрупкое начинание профессора В.Н. Михнюка и продлить жизнь задуманной им серии документальных и литературно-исторических очерков (книг) “Возвращенные из небытия”. Его первая книга из этой серии о трижды репрессированном и расстрелянном талантливом поэте Алесе Дударе произвела очень сильное впечатление на специалистов, исследующих историю и механизмы политических репрессий в БССР и СССР.

Таковы некоторые рассуждения, которыми я хотел поделиться с вами.

¹Вяртанне: Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. /Беларускі фонд культуры. Мн., 1992.С. 36—38.

² Это, в основном, уроженцы и редко жители областей: Гродненской — 12, Минской — 16, Гомельской — 3, Брестской — 3, Витебской — 9, Могилевской — 10. Здесь и далее — по дореволюционному и современному административно-территориальному делению. В отношении остальных известно лишь название населенного пункта, где они родились, или же в анкетных данных указана БССР как место рождения человека.

³ 11 человек — уроженцы Гродненской, 17 — Минской, 10 — Гомельской, 10 — Брестской, 24 — Витебской, 14 — Могилевской.

⁴ 19 человек — уроженцы Гродненской, 11 — Минской, 6 — Гомельской, 10 — Брестской, 20 — Витебской, 15 — Могилевской областей.

⁵ Чыгрынаў І. Дзеля Бацькаўшчыны // Вяртанне - 2: Артыкулы, дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь / Беларускі фонд культуры. Мн., 1994. С. 3—4.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 90-х гг.: ТЕНДЕНЦИИ
ОСОБЕННОСТИ

Политические репрессии, т.е. насильственное подавление государственной властью своих политических оппонентов или просто недовольных, — явление, присущее недемократическим государствам. В условиях демократии тоже возможны репрессии против экстремистских сил, но желающих выполнять законы, принимать правила игры, определенные демократическим путем. Но при соблюдении неперемennых условий: гарантии прав человека, зафиксированных в международных документах; строгое выполнение демократических процедур во всех государственных институтах; господство права как регулятора общественных отношений, независимый суд. Политические репрессии — безошибочный индикатор характера существующего в стране политического режима.

После краха коммунистической системы, распада СССР и образования независимого государства политический режим в Беларуси не отличался особой демократичностью. Власть сохранила в своих руках старая номенклатура, избранная в период господства КПБ-КПСС и всячески противящаяся проведению новых демократических выборов. Она удерживала основные рычаги государственного управления, контроль над СМИ. Команда Кебича прибегала к политическим репрессиям лишь эпизодически. Можно вспомнить, что с Белорусского телевидения были уволены несколько журналистов, накануне президентских выборов закрыта радиостанция “Белорусская молодежная” и др.

Ситуация кардинально изменилась после избрания президентом А. Лукашенко. На вершине власти оказался человек, который не воспринимает в качестве бесспорных ценностей современной цивилизации правовое государство, гражданское общество, неприкосновенность собственности, невмешательство государства в частную жизнь граждан, свободу слова, государственный суверенитет и др.

Не имея цельной стратегии развития общества, лишь в одном направлении А. Лукашенко действовал целенаправленно, последовательно, напористо, без колебаний. Именно укрепление собственной власти стало приоритетной сферой деятельности президента. Вопрос о “сильной власти” стал основным тезисом всех публичных выступлений А. Лукашенко. Главную причину кризиса он видит в слабости предыдущего правительства, отсутствии у него политической воли. “Сильная власть”, по мнению президента, — главное условие, решаю-

щий фактор спасения страны.

Вполне закономерно, что такому представлению президента больше соответствует модель не демократического, а авторитарного или даже тоталитарного государства. Лукашенко все время с большой ностальгией вспоминает систему государственного управления в СССР, жалеет о ее разрушении и мечтает восстановить наиболее существенные элементы: административную пирамиду со строгой иерархической подчиненностью, кадровую политику, отношение к праву, роль спецслужб и др.

В рамках такого понимания государственного устройства вполне логичной выглядела апологетика гитлеровского режима. “В свое время Германия была поднята из руин благодаря очень жесткой власти. И не только все плохое было связано в Германии и с известным Адольфом Гитлером... Ведь немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента.” (Из интервью А. Лукашенко газете “Хандельсблат”, переданном по Белорусскому радио 23 ноября 1995 г.).

Таким образом, “сильная власть” в понимании А.Лукашенко — это власть не демократическая, а авторитарно-охлократическая. Т.е. она основывается не на Конституции, законах, предусматривающих разделение властей, гарантию прав человека, наличие оппозиции, независимых СМИ, а на неограниченной власти одного человека, насилии, демагогической апелляции непосредственно к народу, минуя все государственные и общественные институты.

Необходимо отметить воинствующий правовой нигилизм Лукашенко, который обусловлен различными факторами. Прежде всего, нужно отметить моральную нечистоплотность, неразборчивость в средствах, стремление удержать власть любой ценой. В этой связи законы становятся серьезным препятствием. Как отметил известный юрист депутат В. Гончар, “игра по правилам — а ведь закон всегда подразумевает следование определенным правилам всех и каждого — в такой ситуации для Лукашенко становится не только разрушающей, но и враждебной, агрессивной средой. Поэтому его желание вырваться из нее вполне понятно. ...Поскольку такая среда для него не просто дискомфортна, а, действительно, чужеродна”. (Фемида, 22 января 1996 г.).

Президент относится к праву в полном соответствии с социалистическими традициями. Воспитанный, как и все советские граждане, на уважении не к закону, а к начальству, Лукашенко не воспринимает в качестве бесспорной ценности современной цивилизации такую

категорию, как правовое государство. Его представления о праве остаются на уровне обывденного сознания, отражают люмпенские настроения тоталитарного общества. Он уверен, что если президент “всенародно избранный”, то может делать все, что заблагорассудится.

“Закон этого не разрешает мне делать. Честно говоря, я пошел на нарушение закона” (Звезда, 24 верасня 1994 г.). “Я обложен этими законами. Я не посмотрю ни на закон, ни на что” (Из выступления президента перед ветеранами 2 февраля 1995 г. — Свобода, 1995. № 6). “Если у колхоза нет денег, зайдите в банк и возьмите” (Из выступления А. Лукашенко в Гродно 3 июня 1995 г. — Белорусский рынок. 1995, № 22). “Порой приходится спасать государство, нарушая закон” (Из беседы президента с работниками завода “Горизонт” — Советская Белоруссия, 15 мая 1996 г.). “Если только хоть маленькая будет зацепка, я вам обещаю — без суда и следствия всех до единого, кто причастен к этому — в каталажку” (Из выступления А. Лукашенко по Бело-русскому телевидению 20 июня 1996 г.). Бывший министр внутренних дел Ю. Захаренко вспоминает, что президент говорил ему: “Если ты не выполнишь любой мой указ, тебе наденут наручники” (Московский комсомолец. 18 декабря 1996 г.).

А. Лукашенко объявил, что принцип разделения властей стал угрозой для нашего государства. Еще два года назад президент выдвинул оригинальную по новизне и новаторстве концепцию о “стволе” (президентская власть), на котором должны расти остальные “ветви” власти (законодательная и судебная). После ноября 1996 г. этот доморощенный ботанический мутант начал усыхать. “Стол” эволюционировал в столб с обрубленными ветками.

Еще в июле 1996 года в беседе с журналистами, отвечая на вопрос о взаимоотношениях с судебной властью, А. Лукашенко сказал: “Здесь дело обстоит несколько проще, ведь по Конституции она является фактически президентской. Да, декларирована самостоятельность судов, но назначает и снимает судей с занимаемых должностей, кроме членов Верховного суда, президент. В силу этого президенту проще проводить свою политику через судную власть.” (Советская Белоруссия, 12 июля 1996 г.). Напомню, что речь идет о старой Конституции, где власть президента еще чем-то ограничивалась.

Суды оказались в полной зависимости от президентской вертикали, начиная от обеспечения их помещениями, транспортом до назначения судей, предоставления им жилья. Что касается последнего, то президент еще летом 1997 г. своим указом объявил квартиры, предоставляемые вертикалью судьям, служебным жильем со всеми вытекающими отсюда

правами на него. Чтобы ни у кого из судей не возникало соблазна поиграть в независимость.

Таким образом, функции судебной власти у нас иные, чем в правовом государстве. Она служит не столько закону, сколько исполнительной власти, является инструментом в ее руках. Иллюстрацией этого могут служить многочисленные примеры судебных процессов над представителями оппозиции, о чем много писали независимые газеты.

Сам тот факт, что президент своим указом созывает всебелорусский судейский “партхозактив” и дает указание судьям, совершенно не стыкуется с самим понятием права.

Лукашенко, как строгий начальник среди своих подчиненных, отчитал судей за либерализм, указал на ошибки при вынесении приговоров и предупредил, что поступающие к нему жалобы на деятельность судов находятся на особом контроле. Он потребовал от судов еще более тесного “взаимодействия с исполкомами”.

Таким образом, с самого начала своего правления он взял курс на ликвидацию правового государства. За два года Конституционный суд отменил два десятка указов президента, пока не был разогнан. Бывший Председатель бывшего Конституционного суда В.Тихиня еще два года назад назвал ситуацию в стране “правовым беспределом”. Постепенно сила права в государстве была заменена правом силы. Кульминацией этого процесса было незаконное введение новой Конституции в ходе референдума 24 ноября 1996 г., который был проведен с таким грубым нарушением правовых процедур, что весь цивилизованный мир (кроме России) не признал его итоги. Введя новую Конституцию, президент наделил себя почти неограниченными полномочиями. Любопытно, что А.Лукашенко издал уже несколько указов, нарушающих и собственную Конституцию. Например, указ, регламентирующий проведение митингов и демонстраций. То есть для президента неприемлем любой закон, любая правовая регламентация вообще, даже собственноручно утвержденная.

Историческая вина Лукашенко перед белорусским народом состоит в том, что он нанес мощный удар по правовому сознанию населения, закрепил в обществе правовой нигилизм, неуважение к законам. О чем и свидетельствуют результаты социологических опросов.

В мае-июне 1996 г. ученые НИСЭПИ проводили социологическое исследование, в ходе которого задавался вопрос: “Как бы вы поступили с теми политическими силами, деятельность которых не противоречит закону, но, на ваш взгляд, наносит ущерб интересам Беларуси?” Результаты оказались шокирующими. 40,4% опрошенных считали необходимым

запретить, а еще 27,8% — ограничить деятельность таких сил. Только 25,8% были готовы предоставить им равные права с другими силами. Таким образом, 68,2% населения убеждены, что политическая целесообразность выше закона.

Усиление административно-командных методов управления страной неизбежно ведет к возрастанию роли силовых структур и, прежде всего, спецслужб. Они становятся важной социальной опорой режима, существенным фактором его жизнеспособности, главным звеном государственной власти. Смену руководящих кадров из старой кебичевской команды Лукашенко начал с начальников областных управлений госбезопасности и внутренних дел. Уже через полгода после вступления в должность он заявил: “Я готов поддержать МВД, КГБ и армию ... потому что они — опора президента во всех сферах”. “Вертикаль создана. Опора сделана на КГБ, МВД” (Свабода, 1995. № 6; Фемида, 1995. № 3).

Выступая на коллегии КГБ 20 декабря 1996 г., Лукашенко отметил: “Сотрудники спецслужб являются ядром белорусского общества”, “КГБ — основа сильной президентской власти”, “Моя судьба как политика тесно связана с КГБ” (Белорусская деловая газета, 23 декабря 1996 г.).

Итак, укрепление силовых структур стало важнейшим направлением политики президента. Сегодня в стране действует семь служб с правом ведения оперативно-розыскной деятельности. Беларусь все больше становится похожей на полицейское государство. В органах МВД служит 120 тыс. человек, что превышает численность Вооруженных сил страны (85 тыс.) в 1,5 раза. Количество работников органов внутренних дел на душу населения в 4,5 раза больше, чем в соседней Польше (100 тыс. полицейских на 48 млн. жителей).

Резко возросло финансирование этих структур. Удельный вес расходов на содержание органов внутренних дел в общей сумме расходов государственного бюджета составлял в 1994 г. — 0,26%, в 1995 г. — 4,08%, в 1996 г. — 0,6%. Соответственно, на внутренние войска: 1994 г. — 0,26%, 1995 г. — 0,5%, 1996 г. — 0,7%. На органы государственной безопасности: 1994 г. — 0,44%, 1995 г. — 0,7%, 1996 г. — 0,8%.

В 1995 г. в целом расходы на правоохранительные органы составили почти 7% бюджета, а в 1990 г. они были на уровне 1,1%. Бюджет КГБ на 1995 г. был почти равен суммарным затратам на функционирование Верховного Совета, правительства, президентской администрации, органов суда и прокуратуры.

Любопытно выглядят официальные итоги выполнения бюджета за

первое полугодие 1996 года. Его доходная часть составила 76,4% от запланированного. Однако Служба безопасности президента была профинансирована на 103% от плана, главное управление государственной охраны — на 97%, КГБ — 86,2%, внутренние войска — 77,8%. В то же время расходы на поддержку экономики составили 41,6% от плана, науки — 51,6%, культуры — 55,8%, охрану здоровья — 43,4%.

В бюджете на 1997 г. расходы на Службу безопасности президента возросли на 37%. Необходимо отметить, что в последние 1—2 года определить подлинные расходы на силовые структуры, спецслужбы стало сложно ввиду существования у главы государства нескольких бюджетов.

Такое огромное внимание деятельности спецслужб обусловлено тем, что их функции в нашем государстве намного шире, чем в демократической стране. Уверенность Лукашенко в том, что все общественные проблемы можно решить административно-командными методами, с помощью нейтрализации открытых и скрытых противников режима, деятельность которых является главной причиной всех трудностей, трансформировалась во вполне определенные задачи, которые поставлены перед КГБ и МВД. В частности, на их плечи взвален весь комплекс экономических проблем. Президент постоянно указывает на вину руководителей госбезопасности, милиции в углублении хозяйственных трудностей. Совет безопасности является главным органом, где обсуждается ситуация в экономике, финансовой и банковской сфере. Милиции поручено стать важным инструментом поддержания валютного курса (борьба с “менялами”). Председатель КГБ В. Мацкевич в качестве недостатков деятельности комитета отметил слабую помощь в продвижении продукции белорусских предприятий на внешний рынок.

Говоря по другому, Лукашенко считает, что функции спецслужб должны оставаться прежними, какими они были в СССР. Беларусь — единственная посткоммунистическая страна, где КГБ сохранил свое старое название.

Можно, конечно, сказать, что не в названии суть. Но название тоже говорит о многом. Представим, например, что сегодня в ФРГ спец-служба называлась бы “гестапо”.

20 декабря 1997 г. Беларусь торжественно отпраздновала 80-летие ВЧК-КГБ. Из всех постсоветских государств эту дату отметили еще в России. В том же году в Беларуси на официальном государственном уровне отпраздновали 120-летие со дня рождения Ф.Дзержинского. Председатель КГБ В. Мацкевич заявил, что в 1997 г. белорусские чекисты будут действовать под девизом “Жить и работать по Дзержинскому”. КГБ взяло

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
шефство над музеем “железного Феликса” и призвало через “Советскую Белоруссию” предприятия, организации, частных лиц оказать материальное содействие в проведении его ремонта.

Между тем, отвлекаясь от исторической оценки этого деятеля и его личных качеств, необходимо констатировать, что образ Ф. Дзержинского — это символ. Причем символ зловещий для всего цивилизованного мира. Именно “рыцарь революции” оказался отцом-основа-телем той всепроникающей системы всеобщего сыска и подавления, которая пронизала насквозь советское общество, стала своеобразным государством в государстве. Советское КГБ было основным несущим элементом тоталитарной конструкции. Не случайно 21 августа 1991 г. после поражения ГКЧП, означавшей окончательный крах коммунистической цивилизации, защитники демократии в Москве первым делом разрушили памятник Дзержинскому на Лубянке перед зданием КГБ.

Совсем не случайно в государственных СМИ появилась статья А. Залесского, оправдывающая сталинские репрессии. А прокуратура получила задание разрушить единственный официально признанный в Беларуси символ тоталитаризма, доказать, что в Курапатах расстреливало не НКВД, а гестапо.

После ноября 1996 г. власти перестали маскировать, что одной из важнейших функций спецслужб является борьба с политическими противниками режима и лично президента. Председатель КГБ В. Мацкевич через месяц после референдума поставил перед белорусскими чекистами задачу не пропустить попытки политической оппозиции, “подстрекаемой внешними противниками Беларуси”, “реанимировать” свои структуры и дестабилизировать обстановку в стране. (Белорусская деловая газета, 23 декабря 1996 г.).

Президент не скрывает, а открыто демонстрирует шокирующие для демократического общества факты, что ведется тотальное прослушивание переговоров. Причем не только оппозиции, а и иностранных послов, российских журналистов и даже премьер-министра. На совместном заседании Кабинета Министров и Совета безопасности в 1996 г. А. Лукашенко, желая похвалить главу правительства М. Чигиря, простодушно заявил, что он даже дома в частных разговорах с женой не позволяет себе критиковать президента.

Вынесенные президентом на рассмотрение Национального Собрания и утвержденные последним законы “Об органах государственной безопасности Республики Беларусь”, “О государственной охране” предоставляют спецслужбам правовую основу для неограниченного

вмешательства в деятельность всех (в том числе негосударственных) хозяйственных структур, НГО, партий, частную жизнь граждан. Первый закон реанимирует функции КГБ, которые он имел в СССР, являясь одновременно спецслужбой, правоохранительным органом и органом государственного управления.

* * *

Авторитарная сущность режима Лукашенко, неотъемлемым элементом которой являются политические репрессии, проявилась уже через несколько месяцев после президентских выборов. Первыми “попали под лошадь” журналисты государственных СМИ. “Белые пятна” в газетах, смещение редакторов “Советской Белоруссии”, “Республики”, “Знамени юности”, “Народной газеты”, изгнание из БТ наиболее известных журналистов стали первыми признаками наступления новых времен.

Впервые физическая сила против политических оппонентов была применена в апреле 1995 г. в отношении депутатов от БНФ, объявивших голодовку в здании Верховного Совета.

Следующим шагом властей было насильственное подавление забастовки работников минского метрополитена.

Однако массовый характер репрессии приобрели тогда, когда началось массовое сопротивление, — весной 1996 г. Тактика устрашения и запугивания, взятая на вооружение властями, проявилась в избивении ОМОНам участников уличных акций протеста. Тогда же появился новый термин — “хапун”, означавший массовое задержание не только участников шествий, но и случайных людей.

Весной 1996 г. в полной мере проявилась истинная сущность наших судов, их превращение в репрессивный инструмент в руках исполнительной власти. Суды действовали как “тройки” сталинских времен. Некоторые заседания, на которых судили участников уличных акций, проводились на территории тюрьмы, куда, естественно, доступ журналистов, родственников, представителей общественности был перекрыт.

Тогда же появились первые политические заключенные (Ю. Ходыко, В. Сивчик).

После ноября 1996 г. в политике репрессий произошли качественные изменения. Прежде всего, в результате референдума оппозиция оказалась выброшенной из политической системы, превратилась во внесистемную. Это означает, что если не юридически, то фактически оппозиция стала как бы незаконной. Поскольку институциональные способы борьбы или просто оппонирование власти исчезли, то противники режима вынуждены

прибегать ко внеинституциональным формам (митинги, шествия, пикеты и т.д.), которые официально объявляются нелегитимными со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После вступления в силу новой Конституции, предоставившей президенту фактически неограниченные полномочия, степень репрессивности режима зависит только от Лукашенко, его понимания целесообразности тех или иных действий. Сдержки и противовесы в политической системе исчезли.

Президент встал на путь введения чрезвычайного репрессивного законодательства. В качестве примера можно привести только два декрета: “О собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрации и пикетировании в Республике Беларусь” и “О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями”. В специальном письме администрации президента разъяснялось, что “временный декрет всегда имеет верховенство в отношении любого нормативного акта (кроме Конституции)” (Белорусский рынок, 1997, № 4).

Декрет о терроризме настолько широко трактует это понятие, что под него можно подвести любой публичный протест. Этот подзаконный акт вводит не только чрезвычайные суды, но и новые уголовные наказания вплоть до 20 лет лишения свободы, пожизненного заключения и смертной казни.

Власти подготовились к “Весне-97” лучше, чем к “Весне-96”. На полную мощь была запущена машина подавления сопротивления режиму. Избиения демонстрантов (самый яркий пример — 2 апреля), массовые задержания после уличных акций, преследования по месту работы или учебы приобрели новые масштабы.

Появились новые формы судебных преследований. Наиболее видным оппозиционерам стали присуждать гигантские штрафы. Пять участников весенних демонстраций позже осудили по уголовной статье. С арестом Шидловского и Лабковича политические заключенные стали постоянным фоном общественной жизни Беларуси.

Более активно власти начали применять уголовные методы борьбы против своих противников: избиения “неизвестными”, другие формы насилия. В числе пострадавших жена Дракохруста, Лебедько, Герменчук, Бебенин, Хашчеватский.

Важным направлением репрессий стала очень последовательная и целенаправленная политика по удушению структур гражданского общества, независимых от государства НГО. Весной были ликвидированы

или парализованы наиболее известные и опасные для власти организации: фонд Сороса, фонд “Детям Чернобыля”, НЦСИ “Восток-Запад”. Власти убеждены, что любая негосударственная организация, даже не ставящая напрямую политических задач, представляет опасность для режима. Неподконтрольные власти общественные объединения и рыночные структуры запускают механизм разрушения формируемой системы.

В конце 1996 г. А. Лукашенко признался, что его главными противниками стали журналисты. Действительно, в условиях, когда большинство партий оказалось в полуподполье, независимые СМИ выполняют функцию политической оппозиции. Вполне закономерно, что пропагандистская война против них была дополнена прямыми репрессиями против журналистов. Их избивание во время весенних демонстраций, высылка А. Ступникова, арест П. Шеремета, закрытие “Свободы”, за которой скорее всего последует ликвидация других независимых газет (а иначе нет смысла вызывать волну международной обструкции из-за одного издания), стали логическим следствием нового качества режима.

Репрессии выполняют несколько функций. Одна из них — внедрение в общественную жизнь фактора страха. Причем не только для запугивания ныне существующих или потенциальных противников режима. Страх должен стать важным фактором экономической жизни. В рамках формируемой экономической модели роль материальных стимулов, которые в нормальных хозяйственных условиях являются основным двигателем развития, сильно ограничена. Опыт строительства социализма показывает, что в какой-то мере их можно заменить энтузиазмом и страхом. Для энтузиазма нужны великая идея, которой у режима нет. Остался фактор страха. В 30-е гг. “борьба с вредительством” выполняла важную хозяйственную функцию. Сегодня с помощью страха президент пытается заставить работать на полную мощность умирающую экономическую модель, выжимая из нее последние соки. Его действия по-своему логичны. Либо менять систему, либо закручивать гайки и строить лагерь.

В этой связи по-другому можно посмотреть на развернутую президентом борьбу с преступностью и коррупцией. **В государстве, где право перестало быть регулятором общественной жизни, виновны все, коррупцией объявляется то, что посчитает президент, а преступником назначается тот, на кого укажет глава режима.** И любое “дело” о коррупции из уголовного превращается в политическое.

В последнее время общим местом аналитических статей стал тезис о

том, что мы возвращаемся назад, к советской системе. Поскольку последняя имела несколько модификаций, важно уточнить, куда же мы вернулись. Хотя вектор движения общества определен, разные части системы движутся назад с разной скоростью. При этом нужно отметить принципиальный момент: **по некоторым параметрам мы уже проскочили период застоя и попали прямиком в 30-40-е гг.** Наиболее наглядно это можно увидеть на примере **социального и правового статуса хозяйственных и государственных руководи-телей.**

Необходимо напомнить, что в 30-е гг., хотя репрессии коснулись всех слоев общества, но не в одинаковой степени. Главный удар пришелся по руководящим кадрам. У простых рабочих, колхозников, служащих возможность уцелеть была достаточно велика. Для людей же, занимавших руководящую должность, вероятность избежать ареста была минимальной. За 1937 г. и первую половину 1938 г. волна “большого террора” три раза прокатилась по всему госаппарату.

Сталин свою грандиозную истребительную селекцию осуществлял во вполне логичной последовательности. Сначала была ликвидирована открытая “контра”, затем нэпманы и крестьянство, как недостаточно социалистический класс. Потом настала очередь оппозиции внутри правящей партии. И лишь в самом конце дело дошло до тотальной чистки правящей касты.

Нельзя сказать, что Лукашенко сильно нарушил эту последовательность. Вначале были объявлены “вшивыми блохами” и разгромлены **экономически** предприниматели. Затем в ходе прошлогоднего референдума была разгромлена **политически** и выброшена из системы власти политическая оппозиция. Репрессии против нее пока носят превентивно-запугивающий характер: денежные штрафы, отсидки несколько суток. Но все же **главный удар настоящих репрессий пришелся именно по правящей номенклатуре.** Быть сегодня в Беларуси руководителем — самая опасная профессия. Арест Винниковой должен был запугать всех банкиров. Периодически “прорежи-вают” директоров предприятий (наиболее известные примеры: суд над директором бобруйского “Фандока” Тарановым, суд над директором могилевского “Магатэкса” Семеновым). Арест председателя АО “Рас-свет” В. Старовойтова стал предупреждением всем председателям колхозов. А наручник и на руках у министра сельского хозяйства В. Леонова, продемонстрированные БТ всей стране — это угроза всей правящей верхушке. В чем смысл таких репрессий?

Во-первых, любая система эффективна лишь тогда, когда функцио-

нирует по своим собственным законам. В условиях автократического режима, когда контроль над руководителями всех уровней со стороны общества отсутствует, возникает альтернатива. Либо жесткий прессинг сверху, со стороны диктатора, либо номенклатура, выходя из-под контроля, превращается в доминирующую силу, оставляя главе режима роль марионетки (как при Л. Брежневе и К. Черненко). А жесткость сверху зависит от личных качеств диктатора.

Во-вторых, физический разгром оппозиции вряд ли вызовет массовое одобрение в обществе (“Бьют несогласных”). История с арестом П. Шеремета это подтверждает. Не говоря уже о реакции за рубежом. А вот начальство у нас всегда не любили. Доказать, что именно оно виновато в плохой жизни народа, труда не составит. Любые, самые жесткие меры А. Лукашенко против руководителей пройдут под бурные овации его электората.

Аресты “врагов народа” проходили в искусственно созданной атмосфере массового психоза, социалистического соревнования по разоблачению шпионов и вредителей. Такая же атмосфера создается ныне на наших глазах. А власть ею заразилась давно. Еще отставки С. Богданкевича и Ю. Захаренко проходили в сопровождении вооруженных омоновцев. При проверке колхоза “Рассвет” деревня Мышковичи оказалась по существу оккупированной милицией как вражеская территория. Целый вооруженный отряд сторожит Т. Винникову в квартире сына.

Говорят, некоторые председатели колхозов начали увольняться. Поздно. Это вряд ли их спасет. Арестовывают и бывших руководителей. Яму себе они вырыли 24 ноября 1996 г. Если требование выпустить из тюрьмы П. Шеремета было массовым, собираются подписи за освобождение молодых фронтовцев Шидловского и Лабковича, то арестованных руководителей не будет защищать никто. Ведь даже в Минске очень мало людей выражало желание подписаться под требованием освобождения Винниковой. Последовательное разрушение А. Лукашенко структур гражданского общества имело еще одну цель — разрушить элементарные корпоративные связи.

Так начинается история нашей канализации.

А. КИШТЫМОВ (Минск, Беларусь)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сравнительно, недавно 11—12 декабря 1997 года, мне довелось побывать в Бельгии, в Брюсселе, на встрече европейской интеллигенции, в ходе которой обсуждался проект Меморандума по случаю 350-летия заключения Вестфальского мирного договора. Казалось бы, какое отношение к нашей конференции может иметь эта дата? Да и вообще, почему европейская общественность решила вспомнить этот договор, поставивший итоговую точку в Тридцатилетней войне — фактически первой общеевропейской войне, несколько веков назад сотрясавшей наш континент?

Ответ на эти вопросы содержится в тексте обсужденного документа. Но прежде чем ознакомить вас с его содержанием, я расскажу о ходе самой конференции и ее участниках. Конференция проходила в стенах Европарламента, что уже само по себе говорит о его достаточно представительном статусе. На нее были приглашены более сорока участников из различных европейских стран: от Великобритании до России, и от Норвегии до Греции. Инициаторами принятия Меморандума и проведения такой встречи стали крупнейшие общественные пацифистские и религиозные организации, например, как Пакс Кристи, Международная женская лига за мир и свободу, организация «Мир без оружия». Комитет за права человека и демократию и другие. Конференция прошла при финансовой поддержке Фонда Генриха Бёлля.

В меморандуме отмечено, что, хотя Вестфальский мирный договор и положил конец кровопролитной Тридцатилетней войне, он не сделал Европу более миролюбивой. Массовые убийства достигли наивысшей точки в двух мировых войнах нынешнего столетия. Вот почему по-прежнему актуальными остаются проблемы борьбы за мир, за ядерное разоружение, развертывание антивоенного и антимилиитаристского движения.

Нельзя сказать, что обращения такого рода не составлялись ранее — европейское и мировое пацифистское движение имеет свои давние исторические традиции. Но пожалуй впервые столько внимания в таком документе уделено проблеме прав человека, той проблеме, которая является главной и на нашей конференции. Ведь то, о чем мы говорим, это по большому счету разговор о роли насилия в истории, разговор

А. Киштымо. вПрава человека как составляющая...

об использовании карательных методов для достижения политических целей.

Любая война несет смерть и разрушения. но из всех войн самыми кровопролитными бывают войны гражданские, войны внутри общества. Именно так, как перманентную гражданскую войну против своего народа, можно определить деятельность карательных, репрессивных органов Советской власти. О масштабах этих репрессий, истории организации «большого террора», и о том, какой исторический отпечаток это оставило как на всем обществе, так и на самих спецслужбах, свидетельствуют доклады нашей конференции.

В Меморандуме, текст которого обсуждался в Брюсселе, отмечено, что до тех пор, пока даже в миролюбивых регионах нашего континента на повестке дня стоит внутриобщественный конфликт, Европа не может считаться континентом, который находится вне войны. К сожалению, к таким регионам с внутриобщественным конфликтом относится сегодня и наша Беларусь. «Предлагая альтернативу войне и насилию, мы требуем введения политической культуры конструктивного способа улаживания конфликтов, — подчеркнуто в Меморандуме. — Основным принципом этого является то, что все люди и все социальные и культурные группы и общности должны проявлять взаимное уважение и безусловно признавать право других на существование... Общества, которые хотят жить мирно, должны радикальным образом ориентироваться на права человека и демократию».

Одна из основных идей Меморандума — мысль о том, что методы, применяемые для разрешения конфликтов, должны соответствовать требуемым целям. «Метод — это цель». На примере политической истории Беларуси двадцатого столетия мы в полной мере можем оценить всю справедливость такого утверждения. Предпринятая попытка построить «светлое будущее», используя методы террора, стала исторической утопией.

Окончательное принятие Меморандума запланировано на май 1998 года в ходе Европейского мирного конгресса, который пройдет в Оснабрюкке (Германия). В заключение мне бы хотелось еще раз подчеркнуть, что те проблемы, которые мы обсуждаем, имеют не только историческое, но и современное, европейское значение.

РЕПРЕССИИ И ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Я, бывший политический узник ГУЛАГА, и тема конференции “Политические репрессии на Беларуси в XX столетии” для меня не научно - практическое исследование, а живая, страшная реальность, которую мне довелось пережить в мои лучшие годы. Я хорошо знаю, что такое голод, холод, оскорбления, унижения человеческого достоинства, полное бесправие в условиях, где единственным нравственным критерием был девиз “Умри ты сегодня, а я — завтра”.

А потому я считаю себя вправе свидетельствовать, что политические репрессии, проводимые коммунистами на нашей земле — это не ограничение прав, это не политические и общественные преследования, это не ссылка, в которой некогда при царе были большевики, это даже не арест и лишение свободы, а это массовые убийства, которые совершали коммунисты в обеспечение благополучия установленного ими тоталитарного режима. Ни в чем неповинных людей, или заподозренных в инакомыслии осуждали на 5—10—15 лет лишения свободы, а потом в вагонах-“телятниках” этапировали этих людей в необжитые районы Севера, Сибири и Казахстана и там, в нечеловеческих условиях, бесправных и униженных, их подвергали садистскому произволу, и они тысячами погибали не в 5—10—15 лет, а в первые 3—5 месяцев. Так было на Колыме, в Норильске, Джезказгане, Бадайбо и других местах, а в бухте Калашникова на Таймыре вообще не выжил ни один человек.

Об этом свидетельствовали в своих книгах чудом выжившие Шаламов, Дмитрий Панин, Александр Солженицын, Ольга Слиозберг. И потому, на мой взгляд, было бы правильно обозначить тему нашей конференции как “Политические убийства на Беларуси в XX столетии”. Ибо какие это репрессии, если в результате их погибли десятки миллионов людей?! Одни исследователи считают, что в результате репрессий погибло 100 миллионов человек, другие называют цифру 65 миллионов. И соответственно на Беларуси одни утверждают, что погибло 2 млн. человек, другие — 600 тысяч.

Все эти цифры неправильные. Они всего лишь итог математических вычислений и теоретических догадок, и называть такие круглые цифры безнравственно, ибо каждый человек — это особый мир в себе, это необозримая Вселенная. И, называя тысячи и миллионы, не следует забывать и одного конкретного человека, которым мог оказаться каждый из нас.

Достоевский отказывался принимать всеобщее счастье, если в здание этого счастья будет замурован хоть один маленький ребенок. Достоевский понимал, что на крови людской счастье не построить. К сожалению, этого не понимают теперешние власти Беларуси. И потому Беларусь оказалась на обочине европейской цивилизации, что ни общество, ни власти до сих пор еще не покаялись за ту, пролитую их предшественниками, кровь, а значит не освободились от груза прошлого, не очистили свои души для истинно - человеческих дел, и в результате на Беларуси вновь возрождается тоталитарная диктатура, в месте и ее, зачатое в грехе, дитя — ГУЛАГ.

Сегодня чекист Мрачковский, бывший начальник режима Экибастулага, о котором еще писал Солженицын в своей книге “Архипелаг ГУЛАГ”, является почетным гражданином города Витебска и с гордостью носит значок “Почетный чекист”. Во всех городах Беларуси стоят памятники Ленину, а кое-где и Дзержинскому, но нет на земле белорусской ни одного памятника расстрелянным и замученным. Беларусь — единственная страна в Европе, где бывших узников ГУЛАГа, чудом выживших до этих дней, лишили даже мизерных льгот и воспринимают их как презренных изгоев общества.

Беларусь -- единственная страна в Европе, где не реабилитированы жертвы войны и в их числе люди, которые, оказавшись на оккупированной территории, вынуждены были, чтобы жить и работать по своей специальности (врачи, учителя, артисты, журналисты, инженеры, техники и др.), а также те молодые люди (юноши 17—18 лет), которые из-за отсутствия жизненного опыта не смогли разобраться в сущности воюющих сторон и оказались по другую линию фронта. Почти все эти нереабитированные не причинили никакого ущерба и даже обиды своим людям, и люди не имеют к ним никаких претензий, а многие питают к ним чувство благодарности за добрые услуги, оказанные ими в трудное время. Такие люди в соседних странах (Литве, Польше, Украине) являются сегодня наиболее уважаемыми людьми. Здесь же, в Беларуси, они по-прежнему воспринимаются как преступники.

Беларусь — единственная страна в Европе, где КГБ сохранило не только свою зловещую сущность, но и даже свое прежнее наименование, как бы подчеркивая этим, что каким оно было, таким и осталось — щитом и мечом диктаторского режима. А вместе с КГБ сохранилась и приобретает массовый характер доноительство — явление крайне аморальное. Но в обществе, воспитанном на примере Павлика Морозова, это явление воспринимается как нормальное и даже

патриотическое.

Когда-то Анна Ахматова писала о “двух Россиях”, одна из которых репрессировалась, а вторая через доносы способствовала репрессиям. Для Беларуси такое заключение Ахматовой актуально и сегодня. Это вторая Беларусь голосует за утверждение диктатуры. Доносчикам, люмпену, безземельному крестьянству нужен железный сталинский порядок и лозунг, вроде такого: “Ликвидируем кулачество как класс”, чтобы при реализации этого лозунга можно было что-то урвать для себя. Между прочим, массовое доносительство и началось с лозунга “Ликвидируем кулачество”. Оно было затребовано и возвращено первой массовой репрессивной акцией по уничтожению лучших хозяев земли. Сколько их, этих хозяев, было уничтожено — точных данных нет.

Некоторые исследователи в поисках правды обращаются за помощью в КГБ, но для КГБ правда — это необходимость того диктаторского режима, детищем которого оно является. Правда КГБ тенденциозна. Она, как правило, не совпадает со свидетельствами очевидцев. И, наверное, понимая это, некогда Алесь Адамович обратился к своим коллегам, белорусским писателям, с предложением создать группу авторов и пойти по селам, где еще живы были старики и старушки — очевидцы, как проводились коллективизация и раскулачивание — с тем, чтобы записать их свидетельства, а потом издать книгу вроде той, что уже была издана им “Я з вогненнай вёскі”. К сожалению, белорусские писатели не услышали А. Адамовича, и на сегодня нет такой книги, хотя она очень и очень нужна. Но еще сегодня не поздно, еще не все умерли очевидцы тех событий, и, может, найдутся подвижники правды, чтобы пойти в народ и записать рассказы очевидцев социалистических преобразований, имевших место на нашей земле, а заодно записать и свидетельства бывших узников ГУЛАГа о том, что им довелось пережить во время тех социалистических преобразований.

Только такие рассказы и свидетельства могут пролить свет на темные тайны тех преобразований, помочь людям избавиться от ностальгии по сталинским порядкам и найти правильный ответ на вопрос “Что это было?” и “Почему такое случилось с нашим народом?” Люди не знают всей правды о ГУЛАГе и массовых репрессиях. Официальная пропаганда, используя ложь и вымыслы, внушает людям, что это была ошибка, культ личности, искривление генеральной линии. И люди верят, и, движимые утопическим желанием построить светлое будущее на крови, голосуют за установление в Беларуси железного порядка. В

громком хоре этой пропаганды голос узников ГУЛАГа или вообще не слышен, или звучит, как глас вопиющего в пустыне. А, если изредка доходит до людского слуха, то воспринимается не иначе, как клевета обиженного Советской властью человека. В клеветники зачислили даже А. Солженицына. Одураченные люди не могут понять, что не обида нами движет, что большинство нас вышло из лагерей совсем не такими, какими их туда помещали, что, пройдя все круги ГУЛАГовского ада, мы стали нетерпимыми ко всякого рода лжи, злу и насилию.

И, хотя мы понимаем, что кровь людская — не водица, она вызывает к отпущению, мы, однако, не желаем нашим врагам пережить то, что нам довелось пережить, и жаждем не отпущения, а примирения, но примирения через покаяние наших палачей. Мы хорошо знаем, что без покаяния никто не может чувствовать себя в безопасности.

Как явствует из сегодняшней обстановки в Беларуси, они ничего в прошлом не поняли и ничему не научились. Они какими были, загубив все свои человеческие качества, такими и остались и стремятся не к покаянию и примирению, а жаждут новых массовых репрессий и возрождения ГУЛАГа, жертвой которого может оказаться любой гражданин Беларуси. В одной лагерной песне есть такие слова: “Сегодня герой, а завтра с семьей навечно придется распротиться”. Вот как, например, случилось с председателем колхоза “Рассвет” Старовойтовым. Это первая наживка. И если белорусы покорно проглотят ее и промолчат, вскоре можно ожидать новых арестов. А потому я считаю, что наша конференция должна больше уделить внимания не отдельным эпизодам прошлых репрессий, а их сущности, и выразить солидарность с требованием наших братьев в Европейских странах предать коммунистическую идеологию суду международного трибунала — осуществить Нюрнберг II с тем, чтобы навсегда избавить человечество от коммунистического геноцида.

Жыве Беларусь!

СПЕЦСЛУЖБЫ Ў СІСТЭМЕ ДЗЯРЖАЎНАГА КІРАВАННЯ

Тэма семінара гучыць сёння вельмі актуальна не толькі таму, што яго мэтай (семінара) з'яўляецца вывучэнне гістарычнага вопыту, высвятленне гістарычнай праўды мінулага, раскрыццё механізмаў усталявання дыктатуры і насілля адной асобы ці групы авантурыстаў над грамадствам, але яна (тэма) актуальна і тым, што дае магчымасць зрабіць пэўныя высновы для будучыні нашага грамадства і на іх падставе зрабіць ўсё, каб пазбавіць нас жахаў перад дзяржавай. Каб не дапусціць існавання ўвогуле дзяржавы-злачынцы ў цэнтры Еўропы.

Як былому супрацоўніку КДБ шмат якія пытанні аб ролі і месцы спецслужбаў у сістэме кіравання дзяржавай мне бачацца больш выразна (на маю думку), і таму ў сваім кароткім выступе я хацеў бы з вамі імі падзяліцца.

Безумоўна, спецслужбы як атрыбут дзяржавы існавалі, існуюць і будуць існаваць незалежна ад нашых жаданняў і свядомасці, а гэта азначае, што іх існаванне аб'ектыўнае. Пытанне стаіць толькі ў тым, дзея якіх мэт і на карысць каго яны ствараюцца.

80 гадоў таму, адразу пасля канстытуцыйнага перавароту была створана ВЧК. Мэта стварэння такога кшталту арганізацыі яскрава вызначана ў лозунге «ВЧК — узброены атрад партыі». А таму ўся гісторыя ВЧК, ўсё станоўчае і адмоўнае гэтай арганізацыі самым цесным чынам звязана з партыяй Леніна-Сталіна-Брэжнева. ВЧК стваралася як інструмент аховы інтарэсаў менавіта гэтай партыі. Інтарэсаў з ідэалогіі, палітыкі ўнутранай і знешняй, эканамічнай і сацыяльнай. Інтарэсаў асабістых і групавых.

Менавіта дыктатарскі рэжым кампартыі аўтаматычна ператварыў спецслужбу ў інструмент насілля партыі (групы) кіраўнікоў дзяржавы над сваім народам.

На вялікі жаль наша Радзіма, Рэспубліка Беларусь, адзіная з краін былога СССР ніякім чынам не адрэагавала на змены ў грамадска-палітычным жыцці ў 1991 годзе, больш таго яна зараз з'яўляецца лабараторыяй, у якой праводзіцца эксперымент па вяртанню тых змрочных часоў у маштабах былога СССР.

Калі не звяртаць увагі на змену шыльд на К. Маркса, 38 з «ЦК КПБ» на «Рэзідэнцыя прэзідэнта» мы заўважым, што ўсё тыя ж твары (Антановічы, Малафеевы, Лінгі, Замяталіны, Камаі, Мясніковічы. Кебічы і інш.) як сядзелі так і сядзяць ва ўладзе, ўсё тыя ж метады кіравання дыктатарскага рэжыму квітнеюць у Беларусі, уся тая ж

ідэалогія «слуг народа», калі слуга жыве лепей, чым яго вялікасьць гаспадар -- народ, пануе як і панавала раней, але замешана яшчэ больш на хлусні, цыннізм і авантурызм.

Гаворка сёння можа ісці толькі аб высновах існавання спецслужбаў і магчымых шляхах іх рэфармавання, але пры ўмове агульных рэформ грамадскіх адносін і ў першую чаргу рэфармаванні палітычнай сістэмы ў Беларусі.

У сувязі з абмежаваннем часу, спынюся толькі на прынцыповых момантах рэфармаванні спецслужбаў:

1. Кіраванне спецслужбамі не павінна знаходзіцца ў руках адной асобы. Гэта азначае, што, знешняя разведка, контрразведка, урадавая сувязь, памежныя войскі і службы аховы першых асоб дзяржавы павінны быць самастойнымі (Кручкоў).

2. Заканадаўчым шляхам павінны быць дэталёва і вузка акрэслены задачы і функцыі кожнай з спецслужбаў.

3. Спецслужбам павіна быць забаронена прымаць любы ўдзел ва ўнутрыпалітычнай барацьбе. Такім чынам будзе ліквідавана палітычна вызначаючая функцыя спецслужбаў.

4. Спецслужбы не павінны выконваць ролю органа дзяржкіравання, як і займацца правахоўчай дзейнасцю.

У артыкуле 3 Закона «Аб органах дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь» прама сказана: КДБ — орган дзяржаўнага кіравання.

Пацярэднім следствам па справах аб асабліва небяспечных дзяржаўных злачынствах павінен займацца незалежны следчы камітэт, каб пазбегнуць суб'ектыўнага падыходу ў абвінавачванні падазронага.

5. За ўсё існаванне ВЧК-КДБ практычна ніхто не займаўся сапраўдным кантролем за дзейнасцю гэтых арганізацый. Улічваючы спецыфіку дзейнасці спецслужбаў і наступствы ад беззаконня і праізволу, гэта пытанне з'яўляецца бадай асноўным пры пераходзе палітычнай сістэмы ад дыктатарскага рэжыму да цывільнага грамадства.

Кантроль павінен быць дзейсным, але не супраць інтарэсаў бяспекі.

У цывільным грамадстве існуюць некалькі форм кантроля:

- кантроль главы дзяржавы;
- заканадаўчы кантроль;
- пракурорскі кантроль (у законе надзор);
- судовы кантроль;
- грамадскі кантроль.

І апошняе. Са зменай палітычнай сістэмы пры рэфармаванні спецслужбаў павінны адбывацца і змены ў падыходах да кадраў

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
спецслужбаў. Гэта значыць, што на службу павінны прымацца толькі:

- прафесійна падрыхтаваныя;
- адданыя Радзіме;
- сумленныя;
- здаровыя.

Абмежаванасць часу не дазваляе больш дэталёва спыніцца на ўзнятых пытаннях і разглядаць іх шырэй.

Агульнай высновай выступлення хацеў бы падкрэсліць: Беларусь зараз перажывае не лепшыя часы, рэжым дыктатуры, апранаючы на сябе скуру авечкі, не змяняе сваёй дыктатарскай сутнасці, карані якой цягнуцца з 17 і 37 гадоў.

Усведамляючы гэта, грамадства здолее выжыць і пазбавіцца расправаў над сабой, калі зразумее і прыкладзе ўсе намаганні ў яднанні гэтых здаровых сілаў за свае правы Богам дадзеныя. Не час зараз займацца ўнутранымі разборкамі.

М. КРЫВАЛЬЦЭВІЧ *(Мінск, Беларусь)*

КУРАПАТЫ ЯК ПОМНІК ГІСТОРЫІ І АБ'ЕКТ ПАЛІТЫКІ

Праблема Курапатаў на сёння набыла не столькі навукова-гістарычнае, як грамадска-палітычнае значэнне. У сувязі з гэтым Курапаты варта разгледзець, з аднаго боку, як помнік нашай гісторыі, а менавіта, як месца масавых расстрэлаў грамадзянаў органамі НКУС БССР у 1937—1941 гг., і з іншага боку, як аб'ект сучаснай палітыкі.

Курапаты (іншая назва “Брод”) — урочышча пад Мінскам, за 200 м на поўнач — паўночны захад ад мікрараёну Зялёны Луг, на тэрыторыі Бараўлянскага сельскага савету Мінскага раёну. Як месца масавых расстрэлаў Курапаты сталі шырока вядомыя грамадскасці ў чэрвені 1988 г. пасля публікацыі артыкула Зянона Пазняка і Яўгена Шмыгалёва “Курапаты — дарога смерці”¹. У чэрвені 1988 г. была створана ўрадавая камісія і распачата крымінальнае следства, узбуджанае па факту знаходжання пахаванняў у Курапацкім лесе. Дарэчы, афіцыйныя і заангажаваныя ўладай асобы ўсяляк спрабуюць ігнараваць значэнне першай публікацыі і ролю Зянона Пазняка ў адкрыцці Курапатаў. Ды і следства ўзбуджалася тагачасным камуністычным рэжымам не столькі па факту “знаходжання пахаванняў”, як для ўтаймавання развярджанай грамадскай думкі і прыцягнення да адказнасці аўтараў той першай публікацыі пра Курапаты.

Следчая група БССР з мэтай ўстанаўлення абставін з'яўлення ў Курапатах пахаванняў правяла эксгумацыю 6 магіл. Па цэламу збегу абставін у склад следчай групы былі ўключаны ў якасці навуковых

М.Крывальцэвіч. Курапаты як помнік гісторыі і аб'ект пазітыкі
экспертаў спецыялісты-археологі з Інстытута гісторыі Зянон Пазняк, Алег Іоў і Мікола Крывальцэвіч. У выніку навуковага даследавання па эксгумацыі быў афіцыйна пацверджаны факт існавання ў Курапатах пахаванняў цывільных грамадзянаў, расстраляных з другой паловы 1930-х гадоў да пачатку савецка-фашысцкай вайны 1941—1945 гг.

Акрамя архіўных пошукаў, уліку паказанняў сведкаў расстрэлаў у Курапатах, была праведзена археалагічная і крыміналістычная экспертыза матэрыялаў эксгумацыі. Яна ўключала планіграфічныя, стратыграфічныя даследаванні магіл, судова-медыцынскае вывучэнне рэштак касцей, у тым ліку стаматалагічную і крыміналістычную экспертызу зубных пратэзаў, каронак, пломбаў, краніяскапічнае даследаванне, дэндрахраналагічнае вызначэнне спілаваных на магілах дрэў, даследаванне надпісаў і клеймаў на асабістых рэчах забітых (кубках, зубных шчотках, мыльніцах, галёшах, расчосках, медальёнах, пірсёнках і г.д.), манет, куляў, гільзаў.

Толькі па афіцыйных дадзеных, следствам было ўстаноўлена 55 жыхароў бліжэйшых вёсак Цна, Падбалоце, Драздова, якія былі відавочцамі расстрэлаў людзей работнікамі НКУС БССР у 1937—1941 гг. Акрамя таго, як пішацца ў афіцыйных заключэннях, 45 жыхароў навакольных вёсак ведалі пра расстрэлы са слоў сваіх банькоў, сваякоў, суседзяў². Па словах жа З. Пазняка, колькасць выяўленых сведкаў даходзіць да 220³.

Пазней пры аднаўленні расследавання курапацкай справы ўдалося ўстанавіць некалькі чалавек, якія ў 1937—1941 гг. працавалі ў НКУС, спецкалегіі Вярхоўнага Суда БССР і іншых ведамствах і якія мелі адносіны да рэпрэсій. Некаторыя з іх пацвердзілі, што прыгавораных да расстрэлу грамадзянаў вывозілі ў лес па Лагойскаму тракту; прыкладна за 4 км ад Мінска, прыговор здзяйсняўся работнікамі камендатуры НКУС. Указаны напрамак і адлегласць ад горада супадае з ур. Курапаты⁴. На тэрыторыі ўрочышча наводле спецыяльнага археолога-тапаграфічнага абследавання налічваецца больш за 600 западзін, якія нагадваюць сляды пахавальных ям памерамі ад 1х2 да 5х8 м. Аднак візуальна ўстанавіць дакладную колькасць магіл пакуль не ўяўляецца магчымым. Тым больш, што нейкая колькасць пахаванняў была знішчана раней ў час пракладкі дарогі, газатрасы, пасадак лесу і г.д.⁵

Верагодна, расстрэлы ў Курапатах пачаліся ў другой палове 1930-х гадоў. Хутчэй за ўсё ў 1937 г. на самым высокім пагорку ўрочышча была ўзведзена шчыльная драўляная агароджа вышыняю каля 3 м з жалючым дротам наверху і выкапаным побач ровам, рэшткі якога і

дагэтуль засталіся ў Курапатах. З боку дарогі на Заслаўе ў агароджы была зроблена вялікая брама для ўезду машын. Днём і ноччу месца ахоўвалася супрацоўнікамі НКУС. Мусіць, да 1937 г. расстрэлы ў Курапатах адбываліся рэдка, а пазней праводзіліся рэгулярна, амаль кожны дзень (позна ўвечеры, ноччу, зранку, радзей у дзень). Перад расстрэламі выкопваліся ямы глыбінёй каля 2 м. Зняволеных звычайна прывозілі на спецыяльна абсталяваных грузавых аўтамабілях маркі “ГАЗ А-А” (“палутарка”) з цёмнымі будкамі без вакон. Крытыя “палутаркі” маглі суправаджацца легкавым аўтамабілем. Часцей у Курапаты прыязджалі і ці некалькі грузавікоў са зняволенымі, якія ахоўваліся супрацоўнікамі НКУС. Людзей са звязанымі рукамі выводзілі партыямі з машын, ставілі або садзілі на край ямы і стралялі ў патыліцу, скроню ці цемя з рэвальвераў сістэмы “Наган” (у асобных выпадках з пісталета “ТТ”). Забітых прысыпалі пяском, потым расстрэльвалі новую партыю, напаўняючы яму амаль даверху. Засыпаўшы трупы, магілу маскавалі травой, мохам, голлем. Рабілася спроба пасадзіць зверху дрэвы. Паводле краніяскапічных даследаванняў, сярод расстраляных былі мужчыны і жанчыны (пераважна сярэдняга веку -- 30-49 гадоў). Знойдзеныя асабістыя рэчы ахвяр сведчаць, што ў Курапатах загінулі прадстаўнікі розных сацыяльных пластоў (інтэлігенцыі, сялянства і інш.), сярод іх былі выхадцы з Заходняй Беларусі, і, верагодна, з Прыбалтыкі. На выяўленым у адным з пахаванняў пластмасавым грабенчыку прадрापаны надпіс на польскай мове “Цяжкія хвіліны вязня. 25.04.1940. Думка пра вас даводзіць мяне да адчаю” (на адным баку), “26.IV. Расплакаўся — цяжкі дзень” (на адваротным баку). На заручальным пярсцёнку з магілы выгравіравана дата “2.1.1935” і літары “R”, “O”, “WM”, на другім — “JB”, на трэцім у прамакутных рамках “NHRB”, “W”, “Z”. На адным медальёне на срэбраным ланцужку--выява Маці Боскай Чэнстахоўскай, на другім — Дзева Марыя ў поўны рост, радок малітвы на польскай мове, крыжык, манаграма літары “M”, зорчак па краях⁶.

Час правядзення расстрэлаў вызначаны на падставе апытання сведкаў, судова-медыцынскай экспертызы касцёвых рэшткаў і зубнога пратэзавання, вывучэння надпісаў, маркіроўкі абутку, посуду, грабенчыкаў і інш., даг на гільзах, манетах. Усе сведкі, у якіх пыталі пра час расстрэлаў, адназначна гаварылі пра даваенныя гады.

У прынятым урадавай камісіяй заключным дакуменце колькасць пахаваных у Курапатах складае не менш за 30 тыс. чал.⁷ З улікам стратыграфіі і планіграфіі магіл, паказанняў сведкаў аўтары

археалагічнай справаздачы дапускаюць, што лік ахвяр мог дасягаць 100 і магчыма больш тысяч чалавек⁸.

Бурны палітычны “рэнесанс” на Беларусі 1989—1991 гг. прымусіў тагачасную камуністычную наменклатуру прызнаць вынікі расследавання курапацкай трагедыі. Рэбячы такую ўстунку, найперш яна думала пра сваё выжыванне і спадзявалася на “лепшыя часы”. І калі аналізаваць сённяшнія захады неакамуністычнага рэжыма ў адносінах да Курапатаў, яе спадзяванні не былі марнымі. У 1991 г. на палітычным гарызонце замаеячыла пракамуністычная па свайму складу так званая “Общественная комиссия по расследованию преступлений в Куропатах”, якую з 1992 г. узначальвае кандыдат геолага-мінэралагічных навук В.П. Корзун. Як падсумаваў у кампартыйнай газеце “Товарищ” адзін з актыўных дзеячоў “Общественной комиссии” сумна вядомы А. Залескі: “Наши всесторонние исследования позволили установить, что в урочище, получившем теперь название Куропаты, производились массовые расстрелы немецко-фашистскими оккупантами”⁹.

Ініцыяваны пракамуністычнымі арганізацыямі перагляд справы аб Курапатах даў падставу для распаўсюджвання праз афіцыйныя сродкі масавай інфармацыі чутак пра тое, што ў Курапатах ляжаць ахвяры фашысцкага генацыду, у тым ліку яўрэі, дэпартаваныя з краін Заходняй Еўропы. Такім чынам паднесены матэрыял нават быў выкарыстаны як ударны кампрамат супраць фронтаўскай апазіцыі ў рэферэндумнай кампаніі А. Лукашэнка.

“Падстаў для аднаўлення следства няма” — пісаў у афіцыйнай заяве першы намеснік Генеральнага пракурора Ул. Кандрацэў, на спыненне 1 снежня 1995 г. чарговай крымінальнай справы па Курапатах. Варта працытаваць тую частку афіцыйнага заключэння, якая тычылася “фашысцкага следа” у Курапатах:

“Пасля вызвалення г. Мінска ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў у 1944 г. у БССР працавала Надзвычайная дзяржаўная камісія па ўстанаўленню і расследаванню злачынстваў, учыненых фашыстамі і іх памагатымі ў час акупацыі. У акце камісіі ўказаны канкрэтныя месцы, дзе фашысты праводзілі масавыя знішчэнні жыхароў г. Мінска і бліжэйшых вёсак: в. Глінішча, у 5 км ад Мінска; хутар Петрашкевічы; яўрэйскія магілкі ў Мінску; Вялікі Трасцянец; урочышча Дразды; Малы Трасцянец; лес Благаўшчына. У акце камісіі ад 25.07.44 ўказана, што ў в. М. Трасцянец знішчалася яўрэйскае насельніцтва з гарадоў Чэхаславакіі, Аўстрыі, Германіі і Польшчы. У матэрыялах указанай камісіі адсутнічаюць якія-небудзь даныя аб тым, што фашысты ажыццяўлялі

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
масавыя расстрэлы грамадзян у раёне вёсак Цна - Едкава і Зялёны Луг
(Курапаты).

На наше запатрабаванне пасольства Ізраіля паведаміла, што ў архіўных матэрыялах Мемарыяльнага Інстытута катастрофы і гераізму еўрапейскага яўрэйства ў Іерусаліме няма ніякіх даных, якія б сведчылі аб расстрэлах немцамі яўрэяў у Курапатах у гады другой сусветнай вайны.

У працэсе следства ў пракуратуры г. Гамбурга (ФРГ) была вывучана крымінальная справа па абвінавачванню ваенных злачынцаў штандартэнфюрэра СС Паўля Блобеля і Макса Кранера, якія ў канцы 1943 г. і пачатку 1944 г. са спецыяльнымі камандамі займаліся знішчэннем слядоў масавых пахаванняў грамадзян шляхам раскопвання пахаванняў і спальвання трупаў. Нікага ўпамінання мясцовасці, якая цяпер называецца Курапатамі, у справе няма.

Прыведзеныя вышэй, а таксама іншыя наяўныя ў справе доказы сведчаць аб беспадстаўнасці меркаванняў так званай “грамадскай камісіі”.

Аналіз наяўных у крымінальнай справе даных дае магчымасць зрабіць выснову аб тым, што ў лясным масіве Курапаты ў 1937—1941 гг. органамі НКУС БССР праводзіліся масавыя расстрэлы грамадзян. Вызначыць іх асобы і канкрэтныя падставы пакарання ў працэсе следства не было магчымасці з-за адсутнасці неабходных архіўных даных у КДБ Рэспублікі Беларусь¹⁰.

У 1996—1997 г. на Беларусі працягваў актыўна развівацца працэс усталявання новага аўтарытарызму, які, па сутнасці, наследуе многія прынцыпы таталітарнай сістэмы бальшавіцкага кшталту. Курапаты — адзін з самых непрыемных эпізодаў, які паспела абнародаваць дэмакратычная апазіцыя і які перашкаджае сучасным камуністам настальгічна ідэалізаваць савецкі рэжым. Таму няздарма восенню 1997 года пачалася новая “раскрутка” курапацкай справы з усё той жа задачай — даказаць “во что бы то ни стало”, што масавыя расстрэлы ў Курапатах праводзілі фашысты, а не НКУС БССР. У 1997 годзе кіраўніцтвам Беларускай Энцыклапедыі быў зняты падрыхтаваны мною тэкст артыкула “Курапаты” да 4 тома “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі”¹¹ і заменены кароткім паведамленнем, у якім, акрамя ўсяго іншага, згадваецца пра праверку інфармацыі аб тым, што ў Курапатах ляжаць ахвяры фашысцкага генацыду.¹²

У тых палітычных умовах, якія складваюцца сёння на Беларусі, Курапаты могуць паўтарыць сумна вядомы лёс Катыні. Як вядома,

створаная ў 1943 г. савецкімі органамі камісія на чале з акадэмікам М.Н. Бурдэнкам, сфальсіфікавала матэрыялы эксгумацыі і рэпрэзентавала іх такім чынам, што ў Катыні польскіх афіцэраў стралялі не органы НКУС у красавіку - маі 1940 г., а немцы ўвосень 1941 г. Адноўленае ў Курапатах следства можа цягнуцца не адзін год, што дазволіць падрыхтаваць праз манапалізаваныя асноўныя сродкі масавай інфармацыі грамадскую думку да ўспрыняцця новай ("фашысцкай") версіі курапацкай трагедыі. Застаецца толькі спадзявацца на аб'ектыўнасць, прафесійную і ўласную годнасць тых прадстаўнікоў беларускай Феміды, якія далучаны воляю лёсу да гэтай справы.

¹Зянон Пазняк, Яўген Шмыгалёў. Курапаты — дарога смерці // Літаратура і мастацтва. 3.06.1988 г.

²Юрась Ляшкевіч. У справе аб Курапатах пастаўлена кропка // Звязда. 19.06.1996.

³Курапаты: Артыкулы, навуковая справаздача, фотаздымкі. Мн., 1994. С. 38.

⁴Юрась Ляшкевіч. У справе аб Курапатах...

⁵А. Іоў, М. Крывальцэвіч, В. Кудрашоў. Некаторыя вынікі археалага-тапаграфічных даследаванняў ва ўр. Курапаты // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археалагаў. Тэзісы дакладаў міжнароднай канферэнцыі. Мн., 1993. С. 53—56.

⁶Георгий Тарнавский, Валерий Соболев, Евгений Горелик. Курапаты: следствие продолжается. Москва, 1990. С. 117—118, 179—180.

⁷Георгий Тарнавский, Валерий Соболев, Евгений Горелик. Курапаты...С. 182—198.

⁸Курапаты: артыкулы, навуковая справаздача...С. 75—77.

⁹А. Залесский. Дело о Куропатах... И всё-таки фашисты // Товарищ. 19 студзеня 1996.

¹⁰Юрась Ляшкевіч. У справе аб Курапатах...

¹¹Курапаты // Наша Ніва. 12 мая 1997.

¹²Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. Мн., 1997. С. 313.

САКРЭТНЫЯ АРХІВЫ Ў ПОСТКАМУНІСТЫЧНАЙ ЕЎРОПЕ:
ЗАКАНАДАЎСТВА І ГРАМАДСКАЯ ПРАКТЫКА

Без праўды няма свабоды. Гэтая максыма вызначыла лёс сакрэтных архіваў у еўрапейскіх краінах пасля падзення камунізму. Гэтая формула мае і адваротную сапраўднасць — зачыненыя архівы азначаюць, што камунізм працягвае існаваць. Таталітарызму заўсёды патрабуецца міністэрства праўды.

Кіраўніком, ідэолягам і арганізатарам рэпрэсій і дыктатуры ў сацыялістычных краінах Уходняй Еўропы былі камуністычныя партыі. Аднак сакрэтныя службы зьяўляліся не проста іх неаддухоўленым інструментам, — іх нездарма называлі органамі, г.зн. арганічнай, неад’емнай часткай цэлага. Немагчыма правесці падзел, дзе канчаецца юрыдычная і маральная адказнасць кампартыі і пачынаецца адказнасць тайнай паліцыі. Паняцце злачыннага загаду і злачыннай арганізацыі, выпрацаванае на Нюрнбэргскім трыбунале, вызначае агульны юрыдычны фон праблемы.

Палітычныя варункі, грамадзкі настрой, фінансава—эканамічныя магчымасці, стан судовай сыстэмы — гэтыя і іншыя чыннікі ўплываюць на ход пераадолення таталітарнай спадчыны. У краінах Усходняй Еўропы гэты працэс ідзе нераўнамерна, з цяжкасцямі, палітычнымі скандаламі і чалавечымі трагедыямі. Найбольшых поспехаў дасягнула Нямеччына, чыё заканадаўства і практычны досвед зьяўляюцца ў пэўным сэнсе мадэллю для іншых усходнеэўрапейскіх краінаў.

1. Нямеччына

Назва усходненямецкага міністэрства дзяржаўнай бяспекі для беларускага вуха гучыць амаль як дзявочае імя, — Штазі. Гэта было самае ненавіснае імя для адных немцаў; другія ім ганарыліся, трэція пагарджалі і ўсе, у тым ліку члены палітбюро — баяліся.

Хросным бацькам Штазі, як і іншых усходнеэўрапейскіх сакрэтных службаў, быў Лаўрэнцій Берыя. Першыя дзесяцігоддзі Штазі працавала пад дыктоўку савецкіх дарадцаў. Пазьней Штазі пачала дзейнічаць больш самастойна, а ў 80-я гады ёй нават аддавалі перавагу перад КДБ: Штазі была лепш арганізаваная, яе больш баяліся, яна надзвычай эфектыўна кантралявала нямецкае грамадства і вельмі паспяхова працавала на Захадзе.

Штазі была ўвасабленьнем сістэмы: яны разам усталёўваліся, маць-нелі, пашыраліся — і разам сканалі. Нязьменны кіраўнік Штазі ад 1971

году Эрых Мільке выступіў 13 лістапада 1989 году ў парламанце з апраўданнем сваёй місіі:

“Мы прадстаўляем інтарэсы рабочага чалавека. Гэта была галоўная задача, ускладзеная на нас парламантам, і мы яе заўсёды імкнуліся выконваць.

*Гэта не заўсёды было лёгка дасягнуць, даводзілася працаваць у цяжкіх умовах. І усё ж, таварышы! Шаноўныя члены парламанту! Мы падтрымлівалі надзвычай цесны кантакт з працоўнымі.”*¹

Замест ашладысьментаў грывнуў сьмех. Усе ведалі, пра які “цесны кантакт з працоўнымі” гаварыў Мільке. Праз чатыры дні пасля падзення Бэрлінскай сцяны немцы сьмяяліся над чалавекам, якога больш за ўсіх баяліся і ненавідзелі ва ўсходняй Нямецчыне.

Нямецкія ўлады і розныя незалежныя арганізацыі падыйшлі да дзейнасці Штазі гэтаксама як да нацысцкага мінулага: было вырашана адкрыць як мага болей інфармацыі шырокаму грамадзтву, уцягнуць людзей у гэты працэс. Многія ў Нямецчыне лічаць, што працэс дэнацыфікацыі даў вынікі толькі ў 70-я гады, калі аднавілася публічная дыскусія пра часы нацызму.

У канцы 1991 году Бундэстаг прыняў так званы “Акт аб дакументах міністэрства дзяржаўбясьпекі”, які вызначыў накірункі працы. Была ўведзеная пасада фэдэральнага камісара архіваў дзяржаўнай службы бясьпекі былой ГДР, якую ўзначаліў вядомы ў ГДР настар Эхім Гаўк. Штат камісіі склаў 3200 чалавек — архівістаў, дасьледчыкаў, юрыстаў. Адзел архіваў камісіі займаецца захаваньнем і апрацоўкай дакументацыі. Праз інфармацыйны адзел ахвяры маюць доступ да сваіх справаў, сюды адрасуюцца запыты судоў і іншых дзяржаўных устаноў. У адукацыйна-дасьледчыцкім адзеле вывучаюць структуру, мэтады, апаратыўную дзейнасьць Штазі.

У апошнія восем гадоў пабачылі сьвет сотні кніг, ад афіцыйных публікацыяў дакументаў, журналісцкіх расьследваньняў і акадэмічных манаграфіяў да мэмуараў усходніх немцаў (як ахвяраў, гэтак і калябарантаў Штазі). Сёньня агульная колькасьць публікацыяў і кніжных выданьняў на гэтую тэму вымяраецца тысячамі назоваў.

Тым ня менш, у Нямецчыне не лічаць, што апрацоўка дакументаў Штазі ўсё яшчэ ў пачатковай стадыі. За камуністычным часам у архівах Штазі, раскіданых па ўсёй усходняй Нямецчыне, былі сабраныя ня тысячы, а мільёны дакументаў. Нямецкі пісьменьнік-дысьідэнт Стэфан Гэйм адзначыў з гэтае нагоды: “Наўрад ці калі-небудзь які-небудзь гістарычны прэрыяд быў так шырока і дасканала дакумэнтаваны, як сорак

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
год ГДР яе сакрэтнай паліцыяй”.²

Штазі: лічбы і факты

Памеры Штазі даюць пэўнае ўяўленне пра маштаб задачаў гісторыкаў. Бюджэт ГДР у вапошні год яе існавання выдаткаваў Штазі 3,6 мільярды марак, або 1,3% нацыянальнага бюджэту. У гэтым жа годзе Штазі праводзіла інвэнтарызацыю. Паводле яе, Штазі мела: 18000 кватэраў, 1262 офісы, 1181 сакрэтную вучэбную базу і схованку, 14 гатэляў, 305 дамоў адначынку, 99 спартовых комплексаў, 67 мясцовых камандных пунктаў і пунктаў сувязі, уласны шпіталь і рэабілітацыйны цэнтр ва ўсходнім Бэрліне.

Штазі належала 12093 аўтамабілі, 5450 грузавікоў і аўтобусаў, 124504 рэвальверы і пісталеты, 76592 аўтаматы, 3611 снайперскіх вінтовак, 1215 кулямётаў, 3537 адзінак супрацьтанкавых узбраенняў.³

У гэтым сьпісе няма самалётаў, верталётаў, падводных лодак і баявых караблёў, але Штазі, безумоўна, мела доступ і магла карыстацца ўсімі наяўнымі ў краіне сродкамі барацьбы за сацыялізм.

Прыведзены пералік — толькі жалеза, як на кампутарным жаргоне называюць механічную частку кампутара. Прыводзяць у дзеянне, запускаюць, ажыўляюць усе органы таталітарнага цмока людзі — іх называюць “кадры”.

Кадры

Паводле дакумэнтаў, у Штазі налічвалася каля 91 тысячы штатных супрацоўнікаў⁴. Яны працавалі ў цэнтральным апарате ў Бэрліне, у пятнаццаці рэгіянальных цэнтрах і ў некалькіх сотнях мясцовых кантораў Штазі.⁵

Гэта кадравыя афіцэры і ўнтэр-афіцэры, служачыя, для якіх Штазі была афіцыйнам месцам працы.

Ім дапамагалі “неафіцыйныя супрацоўнікі” (энэсы), як называлі агентаў у ГДР. Паводле большасці крыніцаў, каля 180 тысячаў немцаў шпіёнлі за суграмадзянамі на час падзення Бэрлінскай сцяны — 1% насельніцтва. (У друку сустракаецца і лічба 300 тысячаў⁶).

Апроч таго, існавалі так званыя “агульныя супрацоўнікі”. Яны, якія давалі толькі падпіску аб неразгалашванні. Інструкцыі Штазі вызначалі розніцу паміж гэтымі дзвюма катэгорыямі агентаў наступным чынам: “яны звычайна дзейнічаюць зь меншай сакрэтнасцю, чым энэсы”. Паколькі кантакты з энэсамі звычайна не дакумэнтаваліся, дакладнай інфармацыі пра тое, колькі нямецкіх грамадзянаў мела сувязь са Штазі ў такой форме, не існуе.

Пасья вярбоўкі энэс мусіў падпісаць афіцыйную заяву, у якой браў

абавязак заўсёды падтрымліваць Штазі, нават у справах супраць сваякоў і блізкіх сяброў. Прыкладна палова энэсаў працавала пад кіраўніцтвам цэнтральнага апарату, а другая палова — на мясцовыя філіі Штазі. Насуперак распаўсюджанаму меркаваньню, энэсаў выбірала сама Штазі, дабрахвотнікаў амаль не прымалі. Штазі перш за ўсё цікавілі асобы, найбольш карысныя з яе пункту гледжання, зусім не абавязкова найбольш палітычна лаяльныя. Каштоўнага кандыдата часам вырошчвалі на працягу некалькіх гадоў. У падручніках Штазі згадваюцца тры асноўныя вярбовачныя тэхналогіі: апэляцыя да палітычных і ідэалогічных перакананьняў; прапанова фінансавых альбо іншых выгодаў; у якасьці апошняга сродку — шантаж.

Для параўнаньня:

У 1989 годзе, пасля краху улады КПСС у Літве, у Вільні апублікавалі некаторыя сакрэтныя дакументы КДБ, у іх ліку інструкцыі, фармуляры, анкетныя. Стандартная анкета агента-асьведамляльніка складалася з 29 параграфуў. Апроч біяграфічных звестак, афіцэр-вярбоўшчык, які запаўняў анкету, мусіў напісаць адказы на шэраг пытанняў, у тым ліку падрабязна выкласьці мэту вярбоўкі. Аднак, паколькі справа была пастаўлена на паток, для зручнасьці ў падрадкоўніку дробным шрыфтам прыводзіліся тыповыя адказы. Параграф нумар 23 “Аб завербаваных” прадугледжваў наступныя варыянты працягу: на патрыятычнай глебе, з выкарыстаньнем кампраматаў, з варожэга асяродку. Пытаньне нумар 24 “Супрацоўнічаць пагадзіўся, паводле досьведу КГБ, мела такія верагодныя адказы: Дабрахвотна, хістаўся, пасля доўгага перакананьня, паставіў умовы і г.д.”. У наступнай графе адзначаліся “Каштоўныя асабістыя якасьці” агента: “памяць, назіральнасьць, аналітычныя здольнасьці, здольнасьць уваходзіць у давер, фізычная сіла, валявыя якасьці, здольнасьць да пераўвасабленьня і г.д.”. Далей у анкеце ішло пытаньне “Якія мае спецыфічныя магчымасьці”. Парадкоўнік прыводзіў некаторыя з іх: “выезды ў іншыя раёны, наведаньне прыватных кватэраў паводле характару працы, мае лецішча, уласную аўтамашыну, умее вадзіць аўтатранспарт і інш.” Пытаньне нумар 27 фіксавала “Асабістыя інтарэсы, зацікаўленьні і схільнасьці”, сярод іх “спорт, паляваньне, музыка, мастацтва, зьбіраньне калекцыяў, турызм, радыёаматар, кінафотааматар, аматар гульні ў карты і іншых азартных забаваў”. Перадапошняе пытаньне ацэньвала “Надзеянсьць агента”. Трэба было адзначыць, ці агент “правераны праз агентуру, з

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
выкарыстаннем апэратыўна-тэхнічных ішых сродкаў і прыверкі.
Завяршала анкету фактычна яшчэ адна анкета “Звесткі пра асабістыя сувязі, якія маюць апэратыўны інтарэс”. Сюды заносіліся імёны, адрасы, прафэсіі знаёмых новасьпечанага агента і звесткі пра іх, якія “заслугоўваюць апэратыўнай увагі”.

Ідэалісты ўзначальваюць сакрэтныя службы ў таталітарных дзяржавах толькі на пачатку іх дзейнасьці. Ім на зьмену прыходзяць садцысты-каты і цынікі-прагматыкі. Штазі вызначала імкненьне да найбольшай магчымай эфэктыўнасьці. Дзеля гэтага ўсе энэсы былі падзеленыя на шэсьць асноўных катэгорыяў.

Найбольш агульным быў “неафіцыйны супрацоўнік дзеля пранікненьня і забесьпячэньня зоны адказнасьці”. Звычайна такія энэсы зьбіралі рознаплянавую інфармацыю і сачылі за пэўнай групай людзей, часта на працы. Ёсь, што заслугоўвала ўвагі, энэс паведамляў свайму непасрэднаму начальству, у большыні выпадкаў “неафіцыйнаму супрацоўніку кіраўніку іншых неафіцыйных супрацоўнікаў”.

Часам Штазі імкнулася завербаваць агента з блізкіх знаёмых якога-небудзь вядомага дысідэнта. У такім выпадку энэс атрымліваў павышэньне і клясіфікаваўся як “неафіцыйны абарончы супрацоўнік з сувязямі з ворагамі, альбо з беспасрэдным уплывам на асобаў, якія падазраюцца ў варожай дзейнасьці”. Яшчэ адзін кшталт — “энэс для бясьпекі канспіратыўнай дзейнасьці і сувязі”. Гэтыя энэсы мусілі быць у любы час гатовыя знайсці транспарт і прытулак для правядзеньня сакрэтных апэрацыяў Штазі. Больш рэдка сустракаецца “энэс для спэцыяльных заданьняў” — асоба, якая займае важную пасаду альбо валодае дасьведчанасьцю эксперта, да якой зьвяртаюцца па кансультацыю альбо дапамогу ў правядзеньні асабліва важнай апэрацыі. У надзвычайных выпадках у якасьці “энэса цэнтральнай управы” выкарыстоўваўся кадравы супрацоўнік Штазі.

Колькасьць энэсаў у кожнай з названых катэгорыяў зьмяншалася паводле важнасьці, уся структура нагадвала пірамідку, дзе самыя каштоўныя супрацоўнікі месціліся бліжэй да верху. Калі ў ніжэйшых клясах лічы энэсаў незадакумэнтаваньня, дык дакладна вядома, што на канец 1989 году ў Штазі налічвалася 3030 так званых “афіцэраў для спэцзаданьняў”. Іх вызначала высокая прафэсійная падрыхтоўка і ляляльнасьць да сацыялістычнай дзяржавы. Яны займалі ўсе ключавыя пасады ў дзяржаўных установах ГДР, нярэдка дакладалі наўпрост кіраўніцтву Штазі. Пірамідку вяччала элітная катэгорыя — каля ста “невядомых супрацоўнікаў” — шпёны за шпёнамі, якія сачылі за іншымі энэсамі.⁷

Апэратыўная праца

У 1992 годзе у Бярліне выйшла кніга “Калі мы чытаем нашыя справы: падручнік для вывучэння тэчак Штазі”.⁸ У ёй аналізуецца парадак і арганізацыя дзейнасці Штазі, у тым ліку тры асноўныя апэратыўныя працэдуры. Першая і самая масавая — так званая “праверка дабранадзейнасці”. Яе мэта — спраўдзіць, ці можна даверыць той ці іншай асобе наменклатурную пасаду. Другая ступень — “апэратыўная асабістая праверка”, якую праводзілі, калі чалавека падазравалі ў “нармальнай” крымінальнай, альбо палітычнай, дысідэнцкай дзейнасці. У такім выпадку Штазі, апроч вывучэння дакумэнтаў і біяграфіі, працавала са знаёмымі і калегамі аб’екту праверкі дзеля збору дадатковай інфармацыі. Самай пільнай акцыяй, з прыцягненнем вялікай колькасці супрацоўнікаў і тэхнічных рэсурсаў, былі так званыя “апэратыўныя захады”. Да іх з’вярталіся, калі Штазі знаходзіла прыкметы дзейнасці “варожа-нэгатыўных сілаў” крымінальнага альбо дысідэнцкага кшталту.

Гэтыя апэрацыі парушалі тайну перапіскі і сувязі, гарантаваныя сацыялістычнай канстытуцыяй ГДР. Перлюстрацыяй пошты займаліся спецыяльныя службы мясцовых аддзяленняў сувязі. Архівы сведчаць, што, у залежнасці ад пільнасці мясцовых уладаў, у 80-я гады ў ГДР пераглядалася ад 1 да 5% ўсёй пошты.

Тэлефоны праслухвала так званая ўправа 26. Ва ўправе 26 у 1989 годзе працавала 1486 чалавек, якія маглі адначасна праслухваць 3780 міжгародных тэлефонных размоваў і кантраляваць 50 лініяў тэлексу. Поўныя магутнасці выкарыстоўваліся нячаста, напрыклад, пад час правядзення Лейпцыгскага кірмашу; звычайна “права праслухоўвала і запісвала ад 1000 да 2000 званкоў у кожны дадзены момант”.

Прыкладна палова ўсіх заявак на праслухванне паступала ад 2-й цэнтральнай Управы — усходнянямецкай контрвыведкі. 20% складалі размовы дысідэнтаў і супрацоўнікаў ключавых дзяржаўных устаноў — гэта былі кліенты 20-й цэнтральнай Управы. 18-я цэнтральная ўправа каардынавала барацьбу супраць эканамічнай злачыннасці; у яе інтарэсах кантралявалася каля 15% агульнай колькасці падслуханых перамоваў.⁹

Дасье: кілямэтра-мяхі

Інфармацыю звычайна вымяраюць байтамі, колькасцю словаў, радкоў, старонак, кніг. Нямецкі вопыт даў новую адзінку: кілямэтра-мяхі. У цэнтральнай архіўнай управе Штазі ў Бярліне тэчкі са справамі запоўнілі паліцы агульнай даўжынёй 100 кілямэтраў. У пятнаццаці

аркуговых архівах паліцы цягнуліся яшчэ на 78 кілямэтраў. Гэта дарога ад Менску да Вільні.

Паводле ацэнак, гэтая калекцыя налічвае больш за паўтара мільярды старонак. Апроч таго, у Бэрліне ў кампутарызаваным архіве захоўвалася 6 мільёнаў індывидуальных біяграфічных даведак на ўсходніх немцаў і замежнікаў.¹⁰

Сюды трэба дадаць і 17000 мяхоў рэзанай ды ірванай паперы, якія знайшлі дэманстранты, калі 15 студзеня 1990 году ўварваліся ў будынак Штазі ва ўсходнім Бэрліне. Гэта каля ста мільёнаў старонак даносаў, рапартаў, фатаздымкаў, відэа і аўдыёзапісаў. Перад гэтым з комплексу будынкаў Штазі тыднямі разносіўся пах паленай паперы.

50 нямецкіх архівістаў ужо два гады склейваюць абрыўкі паперы з мяхоў, якія не паспелі спаліць. Дакумэнты, прапушчаныя праз папераздрабняльныя машыны, ужо не падлягалі аднаўленьню. Але машыны былі перагружаныя і частку дакумэнтаў супрацоўнікі ірвалі рукамі — часам проста напалам, часам на дзесяткі дробных кавалкаў (рэкорд — адноўлены аркуш, парваны на 98 шматкоў). Такіх абрыўкаў набралася 5650 мяхоў. Адзін мех дае каля 6000 старонак дакумэнтаў. Аднаму архівісту патрабуецца каля трох месяцаў на аднаўленьне аднаго мяха.

Прыкладна траціна зьнішчаных, але адноўленых дакумэнтаў — матэрыялы сачэньня за актывістамі-дэмакратамі і царкоўнымі дзеячамі ў 80-я гады, але сустракаюцца і матэрыялы на перабегчыкаў, якія загінулі пад час пераходу Бэрлінскай сьцяны яшчэ на пачатку 60-х гадоў.

Архівы ў краінах Усходняй Еўропы зьнішчаліся ў асноўным у 1989-90 гадах. Так, польскія сакрэтныя службы пачалі зьнішчаць дакумэнты ў канцы 1989 году. Тады, як паведаміла “Газета Выборча” (ліпень 1990), паводле вуснага загаду начальніка ваеннай паліцыі было зьнішчана каля 40 тысячаў дакумэнтаў за перыяд 1945 да 1988 гады, якія тычыліся розных тэмаў, ад дэпартацыі ўкраінцаў пасьля вайны да акцыяў ваеннай паліцыі супраць Салідарнасьці ў апошнія дзесяцігоддзе рэжыму. Большасьць архіваў спалілі ў кацельнай вучэбна-трэніровачнага цэнтру ў Мінску Мазавецкім. Паперы гарэлі дрэнна: нягледзячы на намаганьні васьмі курсантаў, удалася спаліць 20-30 мяхоў у дзень. Каля трох тон дакумэнтаў адвезлі на папераробчую фабрыку для здрабненьня і перапрацоўкі.

Сярод зьнішчаных дакумэнтаў, паводле сьведчаньняў, былі:

— імёны 180000 няштатных супрацоўнікаў ваеннай кантравыведкі; значная частка афіцэраў самі былі асьведамляльнікамі, у тым ліку кожны

трэці афіцэр паліторганаў;

— перапіска з КДБ СССР;

— сапраўдныя і фальшывыя імёны ўнутраных агентаў контрвыведкі, падрабязнасці іх кантактаў і адрасы сакрэтных кватэраў. Толькі ў Варшаве было каля 1500 такіх кватэраў, і сотні — у іншых гарадох;

— дакумэнтацыя дзейнасці супраць Салідарнасці;

— спісы яўрэйскіх асацыяцыяў і яўрэяў альбо асобаў з прозвішчамі, падобнымі на яўрэйскія (камуністычны рэжым быў выразна антысяміцкім).

1 лютага 1990 году міністр унутраных справаў Польшчы выдаў загад, якім забараніў знішчэнне архіваў і іншых афіцыйных дакумэнтаў).

Адкрытыя дзверы

Архіўная спадчына сакрэтных службаў ГДР складае паўтары мільярды старонак дакумэнтаў.

Паводле ацэнкі нямецкага гісторыка Клаўса Дытмара Хэнке, які ўзначаліў Аддзел адукацыі і даследаванняў Фэдэральнай камісіі архіваў дзяржбясспекі, гэтыя дакумэнтныя варты даверу як крыніцы інфармацыі.

У Штазі існаваў уласны механізм спраўджання інфармацыі; дакумэнтны Штазі значна менш ідэалізаваны, чым, напрыклад, матэрыялы партыі. І хаця гэта не азначае, што ў дакумэнтах Штазі ўтрымліваецца толькі праўда, бяз іх немагчыма зразумець гісторыю ГДР. І ня толькі ГДР — у архівах Штазі зараз актыўна працуюць даследчыкі з іншых усходнеўрапейскіх краінаў, больш за ўсё з Польшчы, Чэхіі і Вугоршчыны.¹¹

Фінансава-матэрыяльны аспект праблемы — захаванне і апрацоўка архіва — аказаўся, у варунках ФРГ, найлягчэйшым. Цяжэй было разабрацца з комплексам юрыдычных, палітычных і этычных праблемаў. Спачатку думкі рэзка падзяліліся: шмат хто заклікаў знішчыць усе дакумэнтны Штазі. Маўляў, дакумэнтны, якія кампраметуюць былых “неафіцыйных супрацоўнікаў” будуць пагрозай палітычнай стабільнасці ўсходняй Нямеччыны. Будзе надоўга падарваны давер да дзяржаўных і грамадзкіх інстытутаў, напрыклад, да царквы. Апроч таго, у пэўных выпадках, нягледзячы на вялікую колькасць дакумэнтаў, надзвычай цяжка даць маральныя ацэнкі.

Другі аргумэнт — пагроза парушэння праваў асобы, бо няможна было выключыць, што канфідэнцыйная інфармацыя паграпіць у прэсу. Сярод архіўных дакумэнтаў — даносы пра асабістае жыццё дысідэнтаў, алімпійскіх чэмпіёнаў, турыстаў, якія выязджалі на Захад. Сустрэкаюцца

даносы мужоў на жонак, падлеткаў з царкоўных гурткоў на сваіх пастыраў, энэсы інфармавалі Штازی пра сэксуальныя адхіленьні аб'ектаў сачэньня, прычым некаторыя з ахвяраў былі іх партнёрамі. Падобная інфармацыя ў прэсе, безумоўна, парушала б канстытуцыйнае права асобы на прыватнае жыцьцё. На гэтых меркаваньнях грунтавалася пастанова сьцэрці 6 мільёнаў біяграфічных даведак ў кампутары Штازی ўвесну 1990: пакінулі толькі адзін асобнік раздрукаванага тэксту.¹²

Аднак у спрэчцы “захавачь-зьнішчыць” перамог погляд на архівы як на частку агульнай культурнай спадчыны. Праз год пасья аб'яднаньня нямецкія палітыкі пагадзіліся адносна формулы, якая гарантавала правы асобных грамадзянаў і адначасна забяспечвала захаванасьць архіваў Штازی для будучага. Паводле закону ад 20 сьнежня 1991 году, наглядаць за дакумэнтамі Штازی даручана Фэдэральнаму камісару архіваў дзяржаўнай службы бясьпекі былой ГДР.

Архіўныя працэдурны досыць простыя. Пасья студзеня 1992 году любая асоба, згаданая ў дакумэнтах Штازی, у тым ліку чужынцы, мае права азнаёміцца з дакумэнтамі, якія яе тычацца. Пасья атрыманьня пісьмовага звароту ведамства Эхіма Гаўка ўдакладняе, ці зьбірае Штازی інфармацыю на заяўляльніка. Калі так, чалавек запісваецца на прыём і можа пазнаёміцца з кэракопіяй сакрэтнай тэчкі. Каб зьмінізаваць магчымую напружанасьць паміж ахвярамі і даносчыкамі, якія былі ці застаюцца ў блізкіх зносінах, у копіі закрытыя імёны тых, хто пастаўляў інфармацыю Штازی. Аднак паводле заявы ахвяры гэтыя імёны могуць быць адкрытыя. Такім чынам, чалавек сам вырашае, як распарадзіцца сваім мінулым.

Штازی мела справы прыкладна на 5 мільёнаў чалавек. Пакуль пазнаёміліся са сваім жыцьцём у дакумэнтах дзяржбясьпекі 800 тысячаў немцаў (заяўкі падалі 1 млн. 200 тысячаў чалавек).

Паводле заканадаўства, пабочныя асобы могуць атрымаць доступ да архіву толькі ў двух выпадках. Першы — калі былы грамадзянін ГДР уладкоўваецца на працу, якая вымагае так званай праверкі бясьпекі. У такім выпадку працадаўца мае права уведаць мінулае будучага супрацоўніка з гэтага пункту гледжаньня.

Другая катэгорыя дакумэнтаў, да якіх могуць атрымаць доступ пабочныя асобы — справы асабліва вядомых людзей. Заканадаўцы вырашылі, што ў некаторых выпадках грамадскі інтарэс пераважае над асабістым правам захоўваць сваю біяграфію ў тайне. Дазвол у такім выпадку даецца вучоным-дасьледчыкам і журналістам, якія атрымліваюць “ананімную”, без імёнаў, вэрсію адпаведных дакумэнтаў.

2. Усходняя Еўропа

Сакрэтныя архівы ва Ўсходняй Еўропе адкрываліся паступова і нераўнамерна. Шмат дзе гэты працэс суправаджаўся палітычнымі катаклізмамі, сацыяльным напружаньнем і чалавечымі трагедыямі. Учэцкі інфармацыі ў прэсу, нярэдка справакаваныя самімі былымі супрацоўнікамі сакрэтных службаў, вялі да палітычных скандалаў (аж да адстаўкі ўраду у Польшчы), самагабстваў і судовых працэсаў (Чэхія, Нямеччына, Польшча, Вугоршчына, Румынія).

Напачатку патрабавалася прыняцьце адпаведнага заканадаўства, якое ўпарадкавала б знаёмства з сакрэтнымі раней дакумэнтамі. Першай такі закон прыняла Нямеччына. Пазьней у іншых усходнеэўрапейскіх краінах былі прынятыя адпаведныя акты, часта некалькі, якія дапаўнялі і разьвівалі папярэднія.

Асноўныя падзеі ў гэтай справе адбыліся толькі летась. У сярэдзіне 1997 году доступ да дакумэнтаў тайнай паліцыі атрымалі грамадзяне Чэхіі; затым, на працягу некалькіх месяцаў, Польшча, Вугоршчына і Балгарыя адкрылі архівы сакрэтных службаў, а ў канцы году спіс завяршыла Румынія.

Кожная з гэтых краінаў мае свой досьвед у раскрыцьці камуністычных злачынстваў, свае асаблівасьці ў заканадаўстве.

Чэхія

У Чэхіі закон аб сакрэтных архівах быў прыняты 1 сьнежня 1996 году. Але яшчэ раней, у 1991 годзе парламантары прынялі вельмі жорсткі закон аб люстрацыях, які выклікаў значныя палітычныя ўзрушэньні (на думку крытыкаў, закон у канчальным варыянце меў карны характар — дэпутаты прымалі яго пад уплывам жнівеньскага путчу ў Маскве).

Самыя драматычныя падзеі адбыліся, калі ў 1991 годзе несанкцыянаваныя і няспраўджаныя сьпісы каля 140 тысячаў няштатных супрацоўнікаў службы бясьпекі патрапілі ў прэсу. Гэта выклікала шэраг драматычных судовых працэсаў, у якіх нават вядомыя дысідэнты мусілі абараняць сваё добрае імя. Было судова даказана, што ў некаторых выпадках дакумэнты былі сфальсіфікаваныя спэцслужбамі, каб дыскрэдытаваць палітычных апанэнтаў з антыкамуністычнага лягеру.

Трагедыі, выкліканыя архіўнымі адкрыцьцямі, працягваюць скаланаць грамадства: у студзені 1998 году Чэхію абляцела вестка пра самагабства вядомага 43-гадовага навукоўца, чый бацька быў няштатным асьведамляльнікам дзяржбясьпекі.

Паводле новага закону, які ўступіў у сілу 1 чэрвеня 1997 году, права

доступу да архіваў маюць усе грамадзяне Чэхіі, а таксама Чэхаславацкі перыяду 1948-90 гадоў, у тым ліку тыя, хто цяпер жыве за мяжой. Зварот адрасуецца ў Міністэрства унутраных спраў; на працягу 90 дзён міністэрства абавязана паведаміць, ці ёсць у архівах справа на гэтую асобу, ці яна згадваецца ў іншых дакументах, а таксама месцазнаходжаньне справы; калі ж справа знішчаная — пацвярджаюць яе існаваньне. Калі заяўляльнік лічыцца сакрэтным агентам службы бяспекі, яму таксама паведамаць гэта і прывядуць доказы. Пасьля пісьмовага дазволу міністэрства заяўляльнік можа пазнаёміцца са сваёй справай.

У справе застаюцца прозьвішчы штатных супрацоўнікаў службы бяспекі, якія вялі справу; асьведамляльнікі фігуруюць пад кодавымі імёнамі. Паводле жаданьня заяўляльніка, гэтыя імёны могуць быць адкрытыя. Закон прадугледжвае такі парадак дзеяньня да канца чэрвеня 2000 году.

Зараз чэскія органы правадзяньня вядуць сьледства супраць 60 чалавек, якія абвінавачваюцца ў злачынствах камуністычнага рэжыму — у асноўным гэта забойствы перыяду канца 40-х і 50-х гадоў.

Албанія

Албанская сакрэтная служба, Сігурымі, налічвала каля 30 тысячаў штатных супрацоўнікаў і, паводле некаторых ацэнак, якія цяжка спраўдзіць, каля мільёну асьведамляльнікаў. У верасьні 1995 годзе парлямэнт прыняў закон, які асуджаў камуністычны генацыд і даваў магчымасьць распачаць юрыдычныя працэдурны супраць яго арганізатараў. Была арыштаваная група вышэйшых кіраўнікаў партыі.

Паводле афіцыйнай статыстыкі, кожны восьмы з 3 млн. 200 тысячаў албанцаў стаўся ахвярай рэпрэсіяў камуністычнага рэжыму ў перыяд 1945 па 1992 гады. Пяць тысяч чалавек былі расстраляныя, 14.500 кінутыя ў турмы, каля 50 тысяч адпраўленыя ў ссылку ў горныя раёны, каля 12 тысяч памерлі ў працоўных лягерах.¹³

Пасьля падзення рэжыму Анвера Ходжы, некаторыя афіцэры Сігурымі сталі ахвярамі помсты натоўпу; што тычыцца архіваў, дык значная частка іх была знішчаная; у канцы 1997 году пачаўся працэс над двума высокапастаўленымі дзяржаўнымі функцыянерамі, якіх абвінавачваюць у знішчэньні архіваў Сігурымі.

Балгарыя

У Балгарыі архівы сакрэтных службаў, скасаваных у 1991 годзе, спачатку былі заканадаўча закрытыя на два гады; затым новы ўрад часова прыадчыніў іх для грамадзянаў: яны маглі атрымаць даведку,

А. Лукашук. Сакрэтныя архівы ў посткамуністычнай Еўропе...

што іх імя ня значыцца ў сьпісе 200 тысячаў “няштатных супрацоўнікаў”. Пасьля шэрагу непазьбежных уцечак інфармацыі, у 1993 годзе, наступны пракамуністычны ўрад правёў закон, які караў за разгалашаньне матэрыялаў сакрэтных архіваў турэмным зьявольеньнем да 6 гадоў.

Толькі 30 ліпеня 1997 году быў прыняты закон, які адкрыў сакрэтныя архівы. Паводле закону, спачатку праверку на супрацоўніцтва з тайнай паліцыяй пройдуць дэпутаты, высокапастаўленыя дзяржаўныя служачыя і судзі; затым архівы адкрываюцца для астатніх.

Зараз высветлілася, што ў Балгарыі засталася толькі 133 тысячы архіўных справаў з 280 тысячаў, зарэгістраваных ў 1990 годзе. Большая частка архіву зьнішчаная.

Вугоршчына

У Вугоршчыне барацьбу з іншадумствам вяла тайная паліцыя і Управа 3/3 Міністэрства ўнутраных справаў. Пасьля іх скасаваньня ў 1990 годзе новыя ўлады, аднак, не сьпяшаліся адкрыць архівы, матывуючы гэта жаданьнем пазьбегнуць сацыяльных выдаткаў. Архівы, частку якіх у 1989 годзе паспелі зьнішчыць паводле загаду старога кіраўніцтва службы бяспекі, былі надзейна закрытыя. Хаця першы заканапраект аб люстрацыях быў прапанаваны яшчэ ў 1990 годзе, закон быў прыняты толькі ў ліпені 1994 г.

Былі створаныя дзьве бригады суддзяў, якія павінны правярыць дэпутатаў, дзяржаўных чыноўнікаў, суддзяў, высокапастаўленых вайскоўцаў і рэдактараў буйных СМІ — усяго трымальнікаў 25 найменьняў пасадаў — на супрацоўніцтва з тайнай паліцыяй. Агульная колькасць асобаў, якія падлягаюць праверцы, складае 10 - 12 тысячаў чалавек. Праверка павінна скончыцца ў 2000 годзе. Калі будзе даказана, што нехта супрацоўнічаў з камуністычнымі карнымі органамі, ён музіць на працягу 30 дзён пакінуць сваю пасаду; у выпадку адмовы яго імя будзе апублікаванае. Закон прадугледжвае, што імёны ўсіх былых асьведамляльнікаў сакрэтнай службы будуць названыя — праз трыццаць год, г. зн. у 2030.

З мінулага году доступ да архіваў у Вугоршчыне адкрыты, але наведвальнікі атрымліваюць дакумэнты, з якіх выкрэсьленыя імёны ўсіх даносчыкаў і супрацоўнікаў дзяржбяспекі. На сёньняшні дзень больш за 1,5 мільёна вугорцаў атрымалі кампэнсацыі як ахвяры камуністычнага рэжыму, у тым ліку 177 тысячаў былых вязняў турмаў і лягераў.

Польшча

Яшчэ ў травені 1992 году польскі Сейм прыняў рэзалюцыю, якая

забавязвала Міністэрства ўнутраных справаў назваць імёны высокапастаўленых дзяржаўных служачых, — асьведамляльнікаў сакрэтных службаў. Нягледзячы на вострую грамадскую палеміку, першыя два посткамуністычныя ўрады, Мазавецкага і Бялецкага, памяркоўна паставіліся да спадчыны сакрэтных службаў і не спяшаліся з адкрыццём архіваў. Калі прэмерыам ураду Салідарнасьці стаў Ян Альшэўскі, сітуацыя зьмянілася. Новы міністр унутраных справаў Антоні Мацярэвіч заявіў, што калі Сейм прыме адпаведнае рашэньне, імёны асьведамляльнікаў будуць названыя.

Але калі міністр перадаў у парламент сьпіс 62 імёнаў калябарантаў, гэта прывяло да адстаўкі ўраду Альшэўскага. На думку крытыкаў, сярод якіх быў і прэзідэнт Валенса, такое абыходжаньне з архівамі парушала правы чалавека і не давала магчымасьці абвінавачаным абараніць сваю годнасьць.

Ацэнкі прэсы дьямэтральна розніліся: адным мроілася анархія, у якую адкрытыя архівы скінуць Польшчу, іншыя кваліфікавалі дзеянні прэзідэнта як левы пуч.

Надзейнасьць архіваў — вось галоўнае пытаньне, на якое не было адказу. Пасьля шэрагу пратэстаў і абвяржэньняў, парляманцкая камісія дыскваліфікавала сьпіс як недастаткова надзейны. Урад пайшоў у вадстаўку. Калі ў 1995 годзе выбухнуў скандал вакол асобы Юзэфа Алексы, чарговага новага прэмьер-міністра, які быў абвінавачаны ў шпіянажы на карысьць КГБ, два вядомыя дысідэнты Курань і Мадзялеўскі зьвярнулі ўвагу на тое, што абвінавачаньні супраць прэмера зыходзяць з асяродку былых камуністычных спэцслужбаў, якія маніпулююць інфармацыяй.

Патрабавалася новае заканадаўства, і закон аб люстрацыях быў падрыхтаваны ў 1997 годзе. Паводле закону, кандыдаты ў парлямант, на дзяржаўныя пасады, кіраўнікі СМІ і іншыя прэтэндэнты на грамадзка значныя пасады мусілі абвяшчаць, ці супрацоўнічалі яны з сакрэтнымі службаўмі. Спэцыяльны суд павінен спраўджаць гэтыя заявы на падставе правэркі архіваў. Таму, хто схлусіць, пагражае забарона займаць такія пасады на працягу 10 год, штраф альбо турма.

Летась гэты закон уступіў у дзеянне. З таго часу каля тузіну кандыдатаў у дэпутаты прызналіся ў супрацоўніцтве з сакрэтнымі службаўмі, але, нягледзячы на гэта, былі абраныя ў парлямант.

Румынія

Управу дзяржаўнай бяспекі Міністэрства ўнутраных справаў Румыніі — Сэкурытатэ — у краіне баяліся і ненавідзелі, магчыма,

мацней за ўсе падобныя службы Ўсходняй Еўропы: насычанасьць грамадства сакрэтнымі агентамі перавышала нямецкую ў два разы.

Колькасьць штатнага персаналу Сэкурытатэ ў 1989 годзе складала 38682 чалавекі. Але, паводле афіцыйных дадзеных, на службу працавала 426 тысячаў асьведамляльнікаў (насельніцтва 23 млн. чалавек).

Румынія адкрыла сакрэтныя архівы апошняй з усіх былых сацыялістычных краінаў. У лютым 1992 году парлямэнт прыняў закон, які забараняў доступ да дакумэнтаў Сэкурытатэ на сорок гадоў. На думку крытыкаў, гэты карантын рабіў адкрыцьцё архіваў амаль безэсэнсоўным.

Аднак у такой пастановы былі свае прычыны. Нягледзячы на адсутнасьць дазволу, некаторыя кампрамэтуючыя матэрыялы былі апублікаваныя, што выклікала падазрэньні адносна ролі ва ўчэчках такой інфармацыі саміх супрацоўнікаў сакрэтнай службы. Парлямэнт пастанавіў правесці праверку ўсіх дэпутатаў на прадмет супрацоўніцтва з тайнай паліцыяй. У Румыніі пачалася “вайна справаў”, як палітычныя аглядальнікі ахрысьцілі выкарыстаньне архіваў Сэкурытатэ ў барацьбе паміж прэзідэнтам і прэьмерам. У гэтую вайну ўцягваліся ўсё новыя і новыя асобы, партыі, сродкі масавай інфармацыі. Закрыцьцё архіваў прыцішыла страсьці, але не вырашыла праблему.

Праз восем год пасля скасаваньня Сэкурытатэ, у кастрычніку 1997 году, пасля перамены ўлады ў краіне быў прыняты новы закон. У архівах засталася каля аднаго мільёну справаў; дакладна вядома пра зьнішчэньне не менш 100 тысячаў справаў. Закон, прыняты паводле прапановы новага прэзідэнта Эмілія Канстантынэску, прадугледжвае права румынаў на знаёмства і капіяваньне сваіх асабістых справаў, а таксама азнаямленьне са справамі грамадзка-значных асобаў — палітыкаў, чыноўнікаў, суддзяў.

3. Першыя высновы

Посткамуністычная практыка сьведчыць, што заканадаўчае адкрыцьцё архіваў ёсьць неабходным першым этапам пераадоленьня таталітарнага мінулага. Навуковае вывучэньне дакумэнтаў, грамадзкае асэнсаваньне спадчыны рэжыму ў цэлым і судовае разьбіральніцтва ў кожным канкрэтным выпадку ёсьць абавязковымі складнікамі цывілізаванага разьвітаньня з таталітарызмам.

Гэта найбольш пасьлядоўна выяўляецца ў нямецкім вопыце. Рассакрэчаньне архіваў у Нямецчыне грунтуецца на тым самым прыцыпе, які датычыць нацысцкага пэрыяду: авалоданьне ці пераадоленьне мінулага (Vergangenheitsbewaeltigung). Дзеля ўвасабленьня гэтага прыцыпу дзяржава асігнуе значныя матэрыяльныя

рэсурсы як на самыя архівы, гэтак і на даследаваньні, канфэрэнцыі, публікацыі на тэмы, зьвязаныя са Штазі.

У Нямеччыне афіцыйна скасаваныя юрыдычныя абавязацельствы не разгалашваць сакрэты, якія падпісвалі грамадзяне ГДР. У выніку былыя як кадравыя, гэтак і неафіцыйныя супрацоўнікі Штазі вольныя расказваць і пісаць пра сваю былую дзейнасьць (за выняткам рэдкіх выпадкаў, калі інфармацыя тычыцца інтарэсаў бясьпекі Нямеччыны альбо закранае інтарэсы трэцяга боку).

Несумненна выйгралі ад адкрыцьця архіваў ахвяры, якія здолелі дамагчыся рэабілітацыі і кампэнсацыі. Што тычыцца асабістых зносінаў, дык выкрыцьцё даносчыкаў паміж калегаў, сяброў, нават сваякоў, несумненна, нанесла новыя раны. Але адначасна ў многіх выпадках гэта дапамагло вырашыць і шмат якія старыя непаразуменьні і канфлікты.

На падставе дакумэнтаў, якія сьведчылі, што той ці іншай асобе нанесеная шкода, пацярпела кар'ера і г.д., ахвяра мае права падаць у суд на асьведамляльнікаў і супрацоўнікаў Штазі.

Многія краіны, як, напрыклад, Чэхія, Польшча, пад час першых спробаў разабрацца са спадчынай таталітарызму сутыкнуліся з праблемай вызначэньня віны. Прынятыя законы насілі ў пэўнай ступені карны характар, зыходзілі з прэзумпцыі вінаватасьці і калектыўнай адказнасьці, што выклікала рэзкую крытыку. Апроч таго, адразу паўстала праблема надзейнасьці архіваў.

У ліку абвінавачаных апынуліся і людзі, вядомыя сваёй барацьбой супраць рэжыму. Безумоўна, сакрэтныя службы мелі сваіх асьведамляльнікаў у асяродку дысідэнтаў. Аднак таксама добра вядома, што тайная паліцыя сьвядома распаўсюджвала чуткі аб супрацоўніцтве актывістаў, каб скампраметаваць іх, пасеяць разлад у асяродку дысідэнтаў. Як правіла, такія акцыі прыносілі поспех — у варунках неправых рэжымаў эфэктыўна абараніць сваё імя было немагчыма.

Але і посткамуністычнае грамадства неахвоча слухала апраўданьні і, фактычна, у шэрагу выпадкаў, новыя балючыя раны былі нанесены тым, хто іх менш за ўсё заслугоўваў. Нават пазьнейшыя судовыя апраўданьні не маглі залячыць траўмаў, якія атрымаў нявінны чалавек.

Апроч несправядлівасьці, такая практыка сеяла недавер да адкрыцьця архіваў у цэлым і фактычна спрыяла былым сапраўдным супрацоўнікам сакрэтных службаў. Яны атрымлівалі аргумэнты ў сваю абарону, спасылаючыся на выпадкі, калі абвінавачаньні аказваліся несапраўднымі. Яшчэ адно наступства пасьпешных выкрыцьцяў — апатыя, частковая страта цікавасьці да архіўных дакумэнтаў, якая

назіраецца цяпер у большасці ўсходнеэўрапейскіх краінаў.

Досьвед Нямецчыны ў гэтай справе мае велізарнае значэнне. Да абвінавачанняў у злачынствах камунізму тут паставіліся як да ўсіх іншых абвінавачанняў у злачынствах: разглядаюцца і прымаюцца пад увагу толькі правераныя пад час следства і пацверджаныя ў судовым раглядзе доказы.

Нягледзячы на агульную высокую верагоднасць інфармацыі ў дакументах Штазі, юрысты прыйшлі да высновы, што яна недастаткова надзейная з пункту гледжання права. Паводле пастановы Вярхоўнага суду Нямецчыны, дакументы і высновы Міністэрства дзяржаўнай бяспекі прынцыпова ня могуць лічыцца дастатковымі доказамі дзеянняў, якія інкрымінуюцца падазраванай асобе.

Два прыклады: камісія Эхіма Гаўка прадставіла 22 дакументы, якія сьведчылі пра сувязь прафэсара тэалёгіі Н. са Штазі. На іх падставе прафэсара павіны былі пазбавіць права выкладання ва ўніверсітэце. Абвінавачаны заявіў, што кантакты са Штазі ўваходзілі ў кола ягоных абавязкаў як дзеяча царкоўнай управы, аднак ніякім супрацоўнікам сакрэтнай службы ён ня быў. Калі яго інфармацыя фіксавалася Штазі як аператыўная, дык сам прафэсар пра гэта нічога ня ведаў. Сьведкі, у тым ліку былыя супрацоўнікі Штазі, патлумачылі, што часам давалі псеўданімы і афармлялі ў якасці энэсаў некаторых асабліва важных для сябе асобаў, у прыватнасці, з царкоўных колаў, бяз іх ведання і згоды. Прычына — унутрыведамасная канкурэнцыя: адны аддзелы не хацелі, каб да іх крыніцаў падступаліся калегі з іншых управаў. Суд апраўдаў прафэсара-тэоляга.

У падобным жа выпадку, толькі з прафэсарам анатоміі Р., суд на падставе архіўных дакументаў, а таксама сьведчаньняў калегіў і былых супрацоўнікаў Штазі, прызнаў абгрунтаванасць абвінавачанняў: анатом-даносчык мусіў пакінуць унівэрсітэт.

У Нямецчыне ня толькі не бяруць пад увагу газэтныя інсінуацыі і прыватныя плёткі, але за іх можна патрапіць на лаву падсудных. Суд пераправярае паводле іншых крыніцаў архіўныя дакументы; суддзяў цікавіць не само “неафіцыйнае супрацоўніцтва” (для больш-менш вядомых дзеячоў кантакты з уладамі і Штазі былі непазьбежнымі), а парушэнне законаў і нанесеная шкода.

Нямецкі досьвед у пэўным сэнсе ідэальны: велізарны эканамічны і інтэлектуальны патэнцыял, высакаразьвітая судовая сістэма дапамаглі вырашыць як практычныя, гэтак і шматлікія юрыдычныя і маральныя праблемы без значных палітычных і сацыяльных узрушэнняў.

Нямеччына змагла дазволіць сабе поўную замену сакрэтных службаў ва ўсходніх землях. Ні адна іншая былая сацыялістычная краіна не ў стане цалкам паўтарыць нямецкі вопыт. (Нават у Нямеччыне, у ідэальных палітычных, арганізацыйна-фінансавых варунках не ўдаўся аднамаментны пераход — некалькі месяцаў пайшло на прыняцце парляманцкага рашэння аб замене Штазі федэральнымі службаў, але яшчэ паўтары гады Федэральнае агенцтва абароны канстытуцыі і Федэральная разведвальная служба ня мелі ўласных мясцовых аддзелаў ва ўсходняй Нямеччыне.)

Аднак нават нямецкі вопыт засьведчыў, што дзяржава сама ня ў стане пераадолець традыцыі таталітарызму. Гэта можна зрабіць толькі з удзелам шырокай грамадскасці. Людзі самі павінны мець права доступу да свайго мінулага, каб самастойна прыняць рашэнне і зрабіць належныя высновы дзеля свабоды.

¹ Karl Wilhelm Fricke, MIS Intern: Macht, Strukturen, Aufloesung der DDR-Staatssicherheit (Унутры Штазі: Улада, структуры і роспуск Міністэрства дзяржаўнай бяспекі ГДР.) Cologne: Verlag Wissenschaft und Politik, 1991, s. 191.

² David Gill, Ulrich Schroeter. Das Ministerium fuer Staatssicherheit: Anatomie des Mielke-Imperiums (Міністэрства дзяржаўнай бяспекі: Анатомія імперыі Мількэ). Hamburg, Verlag Rohwolt, 1991, s. 279.

³ Ibid, s. 96.

⁴ Die Welt, 8 December 1995.

⁵ RFE/RL Research Report, v.2, № 4, p. 19-24, 19 November 1993.

⁶ Living marxism, № 43, May 1992.

⁷ Gill, Schroeter, s.107-116.

⁸ Tina Krone, Irena Kukutz, Henry Leide. Wenn Wir Unsere Akten Lesen: Handbuch zum Umgang mit den STASI-Akten. Berlin, Basisdruck, 1992.

⁹ Fricke ... s. 48-49.

¹⁰ Fricke... s. 44.

¹¹ RFE/RL RR v. 3 № 18, p. 11—13, 6 May 1994.

¹² Gill, Schroeter... s. 221—225

¹³ DPA, 034, 15 December 1995.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В № 220—225 «Народной газеты» за 1997 год была напечатана статья А. И. Залесского «Массовые репрессии в сравнительно-историческом освещении», которая интересна с нескольких сторон. Автор напоминает нам мрачные страницы нашей и мировой истории, показывая репрессии как беспримерное варварство, как то, чего должны стыдиться и страшиться люди и человечество. Слов нет, прав Залесский, говоря что массовые репрессии это не изобретение коммунистов и не большевистского государства.

Да, репрессии существовали и во времена царя Ирода.

Однако XX век -- это не первый век нашей эры. А дурная слава Ирода должна была служить коммунистам предостережением, однако не послужила.

Проводя параллели-анalogии и сравнения, автор делает попытку оправдать коммунистические репрессии в СССР. Однако вряд ли одни репрессии и преступления можно оправдать другими, пусть даже не менее ужасными. Ни одна страна мира не проводила репрессий под лозунгами свободы, равенства, справедливости и братства, уважения прав (в том числе и права жить) человека. Тем более страна, провозгласившая свой строй самым прогрессивным и гуманным, страна самых справедливых судов, Кодекса морального строителя коммунизма, наконец.

Чем были вызваны репрессии в СССР?

Общественный и государственный строй в царской России не был ни идеальным ни справедливым. Как и всё в мире, был «справедливым» относительно. Был ли пришедший ему на смену общественный и государственный строй СССР справедливее, человечнее и гуманнее?

Массовые бессмысленные репрессии миллионов людей убедительно показывают, что нет, не был. Показатели качества жизни масс народа в СССР это подтверждают, особенно массовый, искусственно организованный голод и каннибализм.

Одним из оправданий массовых коммунистических репрессий в СССР Залесский называет «сопротивление эксплуататорских классов». Но сопротивление коммунистическому режиму с самого начала оказали весьма и весьма широкие слои населения России, не принявшие Октябрьскую революцию.

Целью революции, её смыслом является свержение существующего строя и существующего порядка, уклада жизни, норм, традиций и

ценностей и установление строя, порядка, уклада, норм и ценностей вымышленных, утопичных, замены цивилизации антицивилизацией.

Однако история революций одновременно является историей контрреволюций. Контрреволюций не узких групп эксплуататоров, а народных масс, ставших на защиту не только материального, но и духовного наследия поколений. Никакая попытка свержения существующего строя не может оставаться без сопротивления, без защиты.

И здесь мы сталкиваемся с цинизмом и ложью, присущим коммунистической теории и практике. В своё время Ленин говорил, что каждая революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

О какой защите революции может идти речь, если сама суть революции состоит в наступлении (агрессии), свержении и **разрушении**. Это не революция защищалась, а от революции защищались.

Это не миллионы людей были врагами Советской власти и Советского государства!

Это Советская власть и советское государство были врагами миллионов людей!

Это они, революционеры, пройдя царские тюрьмы и ссылки, взяли весь этот тюремный опыт как метод достижения целей. Не верных и благородных, а утопичных, неверных. Вся история коммунизма - это история лжи, обмана и подмены понятий.

В отношении Польши и поляков большевики переняли, усовершенствовали и ужесточили формы и методы массовых репрессий, которые проводил российский царизм. И к российскому царизму и к российскому тоталитарному большевизму в полной мере применимы слова Льва Николаевича Толстого, которые он высказал в «Хаджи-Мурате»: «Николай нахмурился. Он много сделал зла полякам. Для объяснения этого зла ему надо было быть уверенным, что все поляки негодяи. И Николай считал их таковыми и ненавидел их в мере того зла, которое он сделал им... Он думал теперь о том. Как бы полнее удовлетворить чувству злобы к полякам... ему было приятно быть неумолимо жестоким...». И большевики были жестокими к полякам. Хотя не только к полякам.

А ненавидеть поляков большевикам было за что, ведь именно поляки в 1920 году прервали поход большевистских орд Тухачевского в Европу. Тогда впервые террор большевиков и их польских единомышленников Дзержинского, Мархлевского и др., познали не только поляки России,

но и поляки оккупированных Красной Армией и ВЧК территорий.

Несмотря на записи в Рижском 1921 года договоре об уважении прав поляков в СССР, они первыми подверглись и репрессиям и террору. О положении поляков в СССР могут свидетельствовать и объявления в виде следующего, в ресторане в Пензе — «Полякам и собакам вход воспрещён!». Антипольская истерия и мания польских шпионов, военных и контрреволюционных организаций сопутствовали жесточайшим репрессиям и террору против поляков. Тогда они должны были эту дикость оправдать. Тогда, но не сегодня.

На Беларуси до 1939 года практически полностью было уничтожено и вывезено около 300 тысяч поляков. Вершиной этого геноцида, смысл которого точнее передаёт польское слово «ludobujstwo», стали Куропаты — у каждого города свои. Оказалось, что в Куропатах лежат в основном «польские шпионы», «польские диверсанты» и т. п. И просто поляки, поляки, поляки... Куропаты -- это в немалой степени братская могила поляков (См. «Куропаты. Польский след». Е. Горелик). Может быть и этим можно объяснить активность фальсификаторов Куропат.

Агрессия фашистской Германии и Советского Союза в сентябре 1939 года принесли полякам жесточайший террор обоих оккупантов, став преступлениями против человека и человечества. Их победа, освещённая совместно пролитой польской кровью, была скреплена в III дополнительном протоколе к Германно-Советскому «Договору о дружбе и границах» от 28. 09. 1939 года, обязанностью подавления в зародыше любого сопротивления польского народа обоим оккупантам. В полном соответствии с этим советское НКВД и немецкое Гестапо провели три совместные конференции по обмену, так сказать, передовым опытом уничтожения польского народа во Львове, Кракове и Закопанах.

А поучить Гестапо НКВД было чем. Масштабы 3-х депортаций — высылке на восток с сентября 1939 по июнь 1941 года более миллиона человек, десятки тысяч расстрелянных, «заселение» тюрем, в 5-10 раз превышающих их вместимость «за польским часом».

Оценивая террор и репрессии советского оккупанта, «...очень опытные люди понимали, что это цивилизация уничтожения... считают, что красные реализуют программу геноцида. За несколько лет не будет ни католиков, ни поляков. Сибирь это смерть, лагеря это смерть, страшная программа убийств испробована, огромна, жестока, нечеловеческая, маниакальная прежде всего, основана на маниакальной теории покорения мира Белополяки при этом должны быть

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі
уничтожены”, — так вспоминает это время Збигнев Козлински в книге
«Время Вернигоры».

Это он вслед за отцом побывал в Катыни, которая стала кладбищем
15000 польских офицеров — цвета польской нации, передав сведения о
преступлении большевиков на Запад.

Уничтожение польского народа прервало нападение Германии на
СССР в июне 1941 года. Сегодня нетрудно прогнозировать, что с нами
было бы. Смена советской оккупации на немецкую не означала конца
советского террора и репрессий по отношению к полякам. Срыв в 1943
году Советским Союзом дипломатических отношений с польским
правительством на эмиграции открывал новый этап борьбы, а вернее
расправы Москвы с поляками. Инструментом ликвидации польского
некоммунистического подполья и партизанских отрядов Армии
Краёвой стали советские партизаны.

Два наиболее крупные по масштабу и никчёмные по подлости
примера:

-- ликвидация советской Виленской партизанской бригадой Фёдора
Маркова у озера Нарочь 26.07.1943 года польского отряда АК
численностью 300 человек. 80 человек руководства отряда во главе с
командиром Антонием Бужинским «Кмицицом» после пыток были
расстреляны.

-- 01.12.1943 года советская бригада им. Фрунзе разоружила
(ликвидировала) отряд АК численностью 230 человек.

Кровавый террор советских партизан против мирного польского
населения был элементом борьбы с отрядами АК. Но уже тогда велась
усиленная пропаганда и дезинформация, направленная на
фальсификацию отношений между советскими партизанами и АК с
целью дискредитации АК с расчётом на будущее. И оно наступило в
1944 году. Шли настоящая охота, облавы на солдат АК и мирных жителей.
Масштабы убийств, арестов, вывоза в Сибирь достигли небывалых
размеров. Террор (не репрессии, а именно террор) решал
«освободителям» несколько задач — устранял противников и снимал
проблемы (нет человека - нет проблемы), решал вопросы
деполонизации и пополнения численности лагерей рабского труда в
середине XX века, устрашения оставшихся в живых. Пытки в тюрьмах,
лишения и унижения в лагерях по своей жестокости не уступали
средневековым. Вторые «освободители» были не хуже первых. В паре
с террором физическим шёл террор атеистический и уничтожение
культурного, архитектурного и исторического наследия — костёлов,

кладбищ. В паспорта поляков вписывали чужие национальности. Шла тотальная русификация. Колхозизация разрушала естественный и натуральный уклад жизни, хозяйствования и взаимоотношений в семье и обществе. Шла настоящая война с крестьянством, одним из результатов которой стало опустение и запустение деревни, рост и деморализация города.

В результате сегодня мы имеем разрушение и игнорирование духовных и культурных ценностей. Атеизация общества и разгром традиционных религий породили негативные ситуации в области духовного и религиозного возрождения человека и общества — псевдорелигии и сектантство.

Сегодняшняя инструкция министерства юстиции «О порядке определения национальной принадлежности» отнимает у нас право вписать в паспорт нашу истинную польскую национальность, закрепляя ранее допущенную к нам несправедливость — искажённую запись чужой национальности.

Не является ли это продолжением репрессий по отношению к нам и политики насильственной ассимиляции?

Эта Инструкция, нарушая наши права, противоречит не только международному праву, но и белорусскому законодательству. Но авторы Инструкции и министерство юстиции это совсем не смущает.

За свои исковерканные и искалеченные семьи, жизни, судьбы, годы лагерей и ссылки, за утраченное здоровье реабилитированные получили жалкие гроши. Когда же они попытаются получить обратно сохранившиеся свои дома или своих родителей, то оказывается, что эти дома уже проданы окружению какого-нибудь чиновника или «красного помещика», часто уже после того, как реабилитированная жертва репрессий обратилась с заявлением вернуть ей дом.

Подобная ситуация и с домами, находящимися в собственности государства, где, путая и запутываясь, стараются оправдать отказ возврата домов терминами «национализация» и «муниципализация». Есть места, где целые улицы заселены разного калибра начальниками, проживающими в домах тех, кого вывезли или тех, кто должен был выехать сам из своего дома. Здесь. И не только здесь сегодняшняя власть стоит отнюдь не на позициях защиты прав репрессированных.

Одним из элементов ликвидации нас как народа, полной ассимиляции нас и создания из нас, поляков, «советского человека» были денационализация нас и русификация. С этой целью с 1949 года были ликвидированы не только польские школы и классы, но и

запрещено изучение родного польского языка в любой форме. И только в условиях демократизации и «перестройки» с 1988 года стало возможным начать своё национальное возрождение и изучение родного языка.

Всё, чего мы добились в деле возрождения родного языка за это время, мы добились не благодаря, а вопреки воле властей. За это время власти не построили ни одной школы с польским языком обучения. Одну школу с польским языком обучения в Гродно мы построили с помощью соотечественников из Польши.

На пути начала строительства школы с польским языком обучения в г. Волковыске мы столкнулись с действиями, явно направленными на затягивание или вообще недопущение её строительства.

Власти г. Новогрудка не только не дали разрешения на строительство школы с польским языком обучения, но и, имея прямое указание сверху, на недопущение строительства школы с польским языком обучения, взялись за безнаказанное уничтожение польских классов. Возмутительные действия властей, игнорирующие права родителей и детей на получение образования на родном польском языке и грубо нарушающие белорусское законодательство, вызвали наш и родителей протест. Двое родителей после развала и ликвидации первого класса с польским языком обучения отказались посылать своих детей в школу. Специально, целенаправленно создаются трудности с обучением на польском языке и изучением польского языка. Создаются всевозможные препятствия, не издаются учебники и пособия, не обеспечивается нормальный учебный процесс. Большая часть польских детей изучает родной язык в таких дискриминационных формах обучения, как кружки и факультативы. В таких «формах обучения» не учит родной язык и не учится на родном языке ни один белорусский или русский ребёнок. Большая часть детей поляков вообще целенаправленно лишена возможности изучать родной язык. Налицо не только недоброжелательность властей, но часто и открытая враждебность.

В области культуры после войны у нас не осталось ни одной газеты, ни одного журнала на польском языке, ни одной польской библиотеки. Из учреждений культуры польский язык был изгнан. Даже в тех районах, где поляки составляли большинство населения. Не было ни одного польского хора или ансамбля. Не было издано ни одной книги на польском языке. Государство и теперь (кроме Гродно) не только не создало ни одной польской библиотеки, но и не желает брать в сеть

библиотек и содержать созданные нами библиотеки с польской литературой.

Не имея нормального доступа к существующим учреждениям культуры, мы сами построили и создали свои Дома культуры — «Дом Поляка» в Гродно, Барановичах, Лиде, Могилёве, Браславе, Щучине. Государство не желает брать их в сеть государственных учреждений культуры и содержать их. Один раз оплачивая в налогах содержание и развитие культуры, мы свою польскую культуру должны содержать сами. Не является ли это игнорирование наших прав дискриминацией?

Во время второй мировой войны на части территории сегодняшней Беларуси действовала против немецких оккупантов польская подпольная армия — Армия Краёва.

Эта сражавшаяся подпольная армия оккупированной Польши была армией одного из государств антигитлеровской коалиции уже в то время (с сентября 1939 по июль 1941 гг.), когда Советский Союз и его Красная Армия были союзниками Германии. Советский Союз в это время практически был одной из стран гитлеровской коалиции, а его Красная Армия — участником развязывания второй мировой войны, агрессором и оккупантом, совершившим преступления против мира, против человека и человечества.

Волей судьбы, а точнее нападения одного союзника (гитлеровской Германии) на другого союзника (Советский Союз) оккупированная Польша и Советский Союз, Армия Краёва и Красная Армия оказались в одной антигитлеровской коалиции.

Но это обстоятельство не изменило враждебной всему иному сущности Советского строя. Силами советских партизан, а потом Красной Армии Советский Союз вёл уничтожение союзника — Армии Краёвой, жертвуя жизнями советских партизан и солдат, которые, как и солдаты Армии Краёвой, пригодились бы в борьбе с немцами. Но никто не считался с жизнями «своих» солдат, а что говорить о «белопольских легионерах».

Советские партизаны, Красная Армия и НКВД учинили настоящий разгром и охоту на солдат АК, развязывая террор против их семей, и вообще мирного польского населения. Все арестованные солдаты АК были осуждены и сосланы в лагеря. **Все!!!** Все 15, если не больше тысяч солдат Армии Краёвой были осуждены как преступники. **Армия преступников?**

В свете известного сегодня: Армия Краёва не была армией преступников. Однако оставшиеся в живых, прошедшие тюрьмы, пытки

и лагеря, солдаты Армии Краёвой до сих пор не реабилитированы. Они не получили компенсаций за отобранное у них имущество, компенсации за годы лагерей, ссылок, за утраченную молодость и здоровье. Годы, проведённые в лагерях, не включены солдатам АК в трудовой стаж. За ратный труд, за пролитую в борьбе с немецкими оккупантами кровь солдаты АК до сих пор не признаны ветеранами второй мировой войны. А это значит, что на Беларуси до сих пор существует группа её граждан, дискриминируемых по национальным и политическим мотивам. Такого положения в государстве, которое декларирует строительство на Беларуси правового демократического государства, быть не может, и это не красит Беларусь, Правительство, Парламент и Президента.

Признание, хотя и запоздалое, солдатам Армии Краёвой статуса ветерана второй мировой войны не только должно восстановить справедливость в отношении к солдатам АК, живущим на Беларуси, но и является необходимым белорусскому государству и белорусскому обществу. Однако на практике мы ещё видим совершенно иное. После полуторагодового отфутболивания нас по инстанциям мы с трудом получили разрешение на перезахоронение останков солдат АК уничтоженных в 1945 году в г.п. Радунь Вороновского района. Вся Беларусь усеяна памятниками и памятными досками идеологам коммунистических утопий и кровавым практикам, а часто прямым палачам, виновникам и исполнителям репрессий, террора и геноцида против народов. Их имена увековечены в названиях улиц, колхозов, площадей. Но практически нет памятников жертвам террора и репрессий. Речь идёт даже не о строительстве таких памятников за счёт государства. Так в г. Гродно горисполком после нескольких лет мытарств дал разрешение (но не финансирование) на строительство памятника жертвам сталинизма, а облисполком это решение отменил. Как же власть даст разрешение, когда БОЛЬШАЯ часть жертв советских коммунистических репрессий на Гродненщине — это поляки. Дать разрешение на строительство памятника жертвам-полякам?

После войны в Германии и Европе фашизм, как чуждая человеку идеология, был запрещён и осуждён, а его основные теоретики, вожди и исполнители за свои преступления против человека и человечества понесли уголовное наказание вплоть до смертной казни.

В СССР ни у одного из сотен тысяч виновных в проведении террора, репрессий и издевательств над миллионами людей, существовании систем лагерей рабского труда XX века даже волос не упал.

В статье «Тоталитаризм и тоталитарная бюрократия» доктор философских наук Ю. Давыдов пишет: «Закончилась гражданская война, которую вела против «своего» народа тоталитарная бюрократия... Болезнь была слишком долгой и глубокой, поэтому потребуются бдительность, терпение и настойчивость, чтобы надёжно исключить полную возможность рецидива».

Белорусский народ потерял эту возможность, лишился её по воле как объективных обстоятельств, так и бездарных политиков. Не проведена декоммунизация общества и государственных структур. Компартия не только не запрещена, но и практически находится у власти, воспрянув после некоторого непродолжительного периода растерянности.

Результат не замедлил сказаться.

Навуковае выданне

**ПАЛІТЫЧНЫЯ РЭПРЭСІІ
НА БЕЛАРУСІ
Ў XX СТАГОДДЗІ**

Матэрыялы
навукова-практычнай канферэнцыі
(Мінск, 27--28 лютага 1998 г.)

Складальнік і навуковы рэдактар:
Н. Стужынская

Камп'ютэрны набор:
А. Іоў, А. Мядзведзеў, А. Мяцельскі.
Камп'ютэрная вёрстка: А. Мядзведзеў.
Рэдагаванне: А. Гесь.

2-е выданне, дапоўненае, выпраўленае

Выдана пры падтрымцы NED

Подпісана в печать 7.07.98 г.

Формат 60x84 1/16

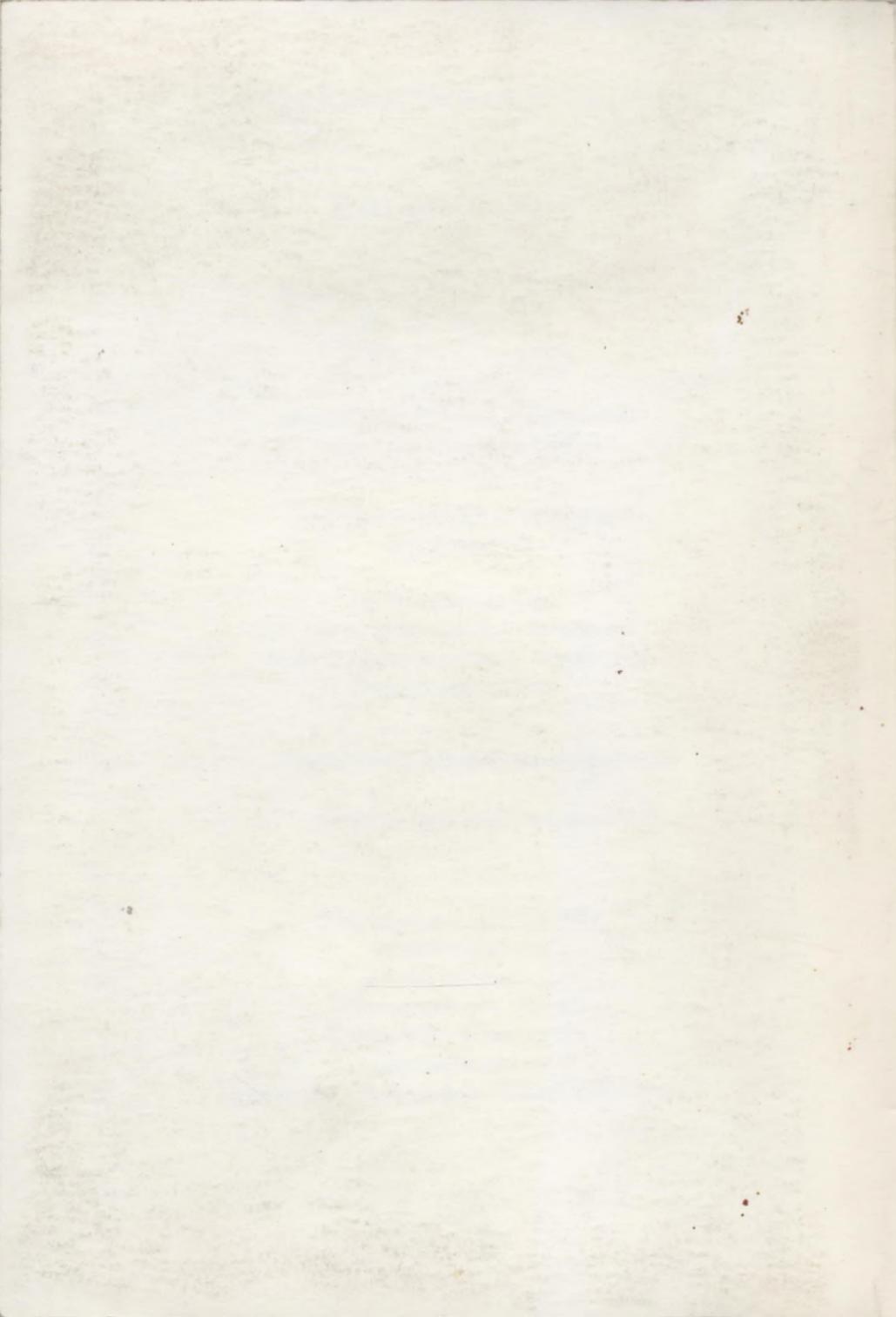
Бумага офсетная 1.

Офсетная печать. Усл. 4,9

Тираж 500 экз. Заказ 5156.

Цена договорная.

Отпечатано в типографии "Чебос" г. Чебоксары

THE HISTORY OF THE
REIGN OF
CHARLES THE FIRST
BY
JOHN BURNET
BISHOP OF SALISBURY
AND
OF THE UNIVERSITY OF OXFORD
IN GREAT BRITAIN
BY
JOHN BURNET
BISHOP OF SALISBURY
AND
OF THE UNIVERSITY OF OXFORD
IN GREAT BRITAIN